

Даниэль Дакар Джокер

Фабрика героев – 2

Текст предоставлен издательством <http://www.litres.ru>
«Джокер»: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-9942-0512-9

Аннотация

Меняются времена, меняются пространства. И тому, кто хочет не только выжить, но и выиграть, приходится меняться вместе с пространствами и временами, снова и снова приземляясь, как кошка, на четыре лапы. Да, трудно. Но выбора нет, как не было его никогда.

С Бельтайна – в Российскую империю. Из рубки корвета – во дворцы. Вместо сертификата пилота – верительные грамоты посла. Минус погоны – плюс новое имя. Минус определенность – плюс неизвестность. Минус привычная жизнь – плюс... что?

А ты по-прежнему полукровка. Своя ровно настолько, чтобы оставаться чужой. Впрочем, тебе не привыкать. И где бы ни происходила игра, кто бы ни играл и какова бы ни была ставка, в крапленой колоде Судьбы твоя карта – джокер...

Д. Дакар Джокер

Иные времена и иные места...
Тебя привлекает звездных трасс красота,
А мне остается лишь тень корабля над планетой.

Когда с улыбкой снова говоришь «Прощай!»,
Не вправе я судить, мне нечего прощать,
Но нету у меня другой души, помимо этой.

Помимо той души, что любит только тебя,
Помимо того сердца, что рвется в клочья любя,
И если ты уйдешь из него, оно просто встанет.
Я знаю, твоя гордость тебе дороже любви.
Я знаю, ну и пусть, как хочешь, так и живи.
Но может быть, мой главный день – он все-таки настанет.

Тебе одной решать, как надо дальше жить,
И кто же я такой, чтобы тебя просить,
Просить подвергнуть жизнь твою суровой правке?
Но как дурак я жду, не слушая невежд,
Что ты сожжешь на алтаре моих надежд,
Сожжешь на этом алтаре свой рапорт об отставке...

Келли О'Брайен. Блюз иных времен

– Мы ведем наш репортаж из зала Верховного суда. Только что жюри присяжных признало обвиняемых виновными по всем пунктам, и Верховный судья Маккормик удалился для вынесения приговора. Вряд ли это займет много времени. Тем не менее у нас есть несколько минут для того, чтобы побеседовать с непосредственной участницей со-бытий, предшествовавших этому историческому заседанию. Я совершенно уверен, что мисс Мэри Александра Гамильтон ап Бельтайн не нуждается в представлении. Итак, мисс Гамильтон, вы готовы ответить на несколько вопросов? – пройдоха-репортер ухитрился поймать Мэри за рукав изрядно уже поднадоевшей ей парадной формы как раз в тот момент, когда она пробиралась сквозь толпу к выходу из зала. Представители галактических СМИ были более сдержанны и деликатны, ведя съемку с некоторого расстояния, благо техника позволяла впоследствии смонтировать любую детализацию. Да и выглядела в данный момент майор Гамильтон так, словно только и ищет, на кого бы выплеснуть свое дурное настроение. Но нахального до полного бесстрашия соотечественника-бельтайнца не могли остановить ни откровенно злая улыбка его потенциальной жертвы, ни ее резкие, выдающие крайнюю степень раздражения движения. Напольная пепельница была в каких-то пяти шагах, но с тем же успехом могла находиться где-нибудь на орбите. Мэри вздохнула и, памятуя о предостережении полковника Моргана, постаралась придать своему лицу максимально дружелюбное выражение:

– Готова, мистер... Карнеги, не так ли? – этот ушлый господин мелькал во всех выпусках планетарных новостей.

– Вы совершенно правы, мисс Гамильтон! – расцвел журналист. – Скажите, вы довольны ходом судебного процесса?

– Вполне. Мне не доводилось раньше присутствовать на заседаниях, возглавляемых судьей Маккормиком. Однако по отзывам людей, которым я доверяю, он является компетентным, бескомпромиссным и неподкупным юристом, и, я уверена, вынесенный им приговор удовлетворит всех, кто наблюдает за процессом.

– Мисс Гамильтон, поговаривают, что заняться поиском доказательств, необходимых для ареста второго обвиняемого, вас заставили личные мотивы, так ли это?

– Полагаю, что упомянутые вами личные мотивы есть у любого жителя Бельтайна. Чтобы согласиться со мной, вам достаточно выглянуть в окно. Что касается меня, то, помимо мотивов, у меня были возможности и соответствующий опыт, которые я употребила на благо Бельтайна, как и подобает офицеру военно-космических сил.

– Правда ли, что послушание в монастыре Святой Екатерины Тариссийской вы совмещали со службой в планетарной полиции?

– Это правда, и я до сих пор с удовольствием вспоминаю то время. Мистер Карнеги, перерыв может закончиться в любой момент, и я хотела бы успеть выкурить сигару...

– Последний вопрос, мисс Гамильтон, – заторопился ее собеседник. – Нашу женскую аудиторию интересует характер ваших отношений с контр-адмиралом Корсаковым...

– Без комментариев, – отрезала Мэри, обошла назойливого корреспондента, как неодушевленный предмет, и устремилась к вожаденной пепельнице.

Глава 1

Иногда Шону О’Брайену казалось, что ему следовало бы проклясть тот день, когда Генри Морган познакомил его и брата с пилотом ноль двадцать два. Иногда – что этот день надо благословлять. А иногда он просто не знал.

Проклятие не раз готово было вырваться при воспоминании о том, что Келли – ладно бы влюбился, с кем не бывает! – раз и навсегда полюбил совершенно не подходящую ему женщину. Да какую там женщину, соплячке и было-то тогда всего шестнадцать лет. Полюбил, и решил ждать в качестве преданного друга, пока она не выйдет в отставку, и еще столько, сколько потребуется, чтобы добиться ее. Кое-как братья столковались на трех годах ожидания, но что-то подсказывало Шону, что упрямый мальчишка... да уж, мальчишка, за сорок перевалило!.. будет ждать и пять лет, и пятнадцать, и пятьдесят.

Но проклясть не получалось. Потому что Шон понял Келли. Понял двенадцать лет назад, когда чертова девка попросила полковника Моргана пристроить на работу в полицию своего второго пилота, Джину Кроули. Шон даже не помнил, что говорил тогда: глаз не мог отвести, ни одной мысли в голове не осталось. И ведь это было безнадежно, почти так же безнадежно, как глубоко запрятанные чувства Келли. А потом... А потом родился Том, а вслед за ним Лахлан, а теперь еще нужно придумывать имя для девочки. И как ни крути, именно ноль двадцать второй приложил к его счастью свою крепкую руку с кольцом мастер-ключа.

А теперь он не знал. Благословлять? А как же Келли, так и не успевший даже поцеловать женщину, которую боготворил? Проклинать? И как он посмотрит в глаза брату, когда они встретятся там, за порогом? Странная штука жизнь...

* * *

Месяца за полтора до упомянутого интервью Мэри, натянувшая уже свежую сорочку, стояла перед зеркалом в душевой своей комнаты в офицерском общежитии и тщательно расправляла складки форменного зеленого шейного платка. Парадный китель с непривычными пока майорскими погонами был разложен на кровати, угольно-серый берет подмигивал с тумбочки свеженачищенной кокардой. На душе было мутно. Мысли бродили в голове, угрюмо стучаясь друг о друга и вяло огрызаясь, и виной тому было отнюдь не похмелье. С ним-то она справилась довольно быстро – чтобы на планете, населенной потомками выходцев из Кельтского союза, да не было первоклассных средств, позволяющих нейтрализовать вчерашний перебор? Шутить изволите? Но вот то, что ей предстояло через какой-нибудь час...

Осторожный стук в дверь заставил ее махнуть рукой на непослушный платок и выглянуть в комнату.

– Открыто!

– Мисс Гамильтон... вот... – молоденький третий лейтенант, которого, судя по всему, изрядно взгрили за вчерашний недосмотр, выразившийся в том, что подопечная улизнула из-под носа и надралась в хлам в полицейском баре, не знал, куда девать глаза. – Я принес, как вы просили... – в руках парнишка сжимал дюжину серебристо-белых роз.

– Спасибо. Молодец. Долго искал? – Мэри было немного неловко. Натянуть нос старым перестраховщикам она считала вполне приемлемым, но против ни в чем не повинного исполнителя ничего не имела и теперь хотела хотя бы приветливым тоном слегка облагородить подложенную ему накануне свинью.

– Никак нет, мэм. Сегодня в городе продается много цветов.

– Да, конечно... – еще бы им не продаваться, столько похорон... – Положи на кровать. Нет, давай я сама положу. Ты и сегодня меня сопровождаешь?

– Никак нет, госпожа майор. Вы ведь на полицейское кладбище поедете, а мне на военное надо. Мой дядя...

– Понимаю. Прости за вчерашнее, я... – она не знала, что сказать парню, которому, как и ей, предстояло сегодня хоронить близкого человека. Тут он поднял голову, и в его глазах Мэри увидела то, чего никак не ожидала: обожание.

– Госпожа майор, не извиняйтесь, ведь вы... вы...

– Кто я? Героиня?

Мальчишка истово закивал.

– Видишь ли... – Мэри положила руку на пока еще скромный погон. – Героиня – это, конечно, здорово. Торжественная встреча, восхищение собравшихся, приветственные крики, ап Бельтайн... На самом деле все это мишура. Каждый, кто дрался за Бельтайн, неважно, погиб он или выжил, каждый – герой, слышишь? Ты. Твой дядя. Кадеты, без слез и истерик летящие в неизвестность на кое-как переоборудованном транспортнике под прикрытием куцега ордера. Не хлопай глазами, это тоже своего рода героизм, когда ты хочешь остаться и помочь, а тебе говорят, что ты еще мал и должен убраться с линии огня и не путаться под ногами, и ты летишь на совершенно беззащитном корабле в неизвестность. «Сент-Патрику» разнесли маршевые, на него сбросили abordажные капсулы, но мне доложили – панику гасить не пришлось, потому что ее не было. Не было паники, понимаешь? Разве они – не герои? А что говорить о нулевичках? О крохах, которые не могли перейти на русский крейсер сами, их несли на руках старшие, а они все равно отдавали честь. Я видела эту запись, парень. Русские десантники плакали, здоровенные мужики. А наша детвора – нет. Герои, как ни крути. Это с одной стороны. А с другой... Знаешь, я сейчас надену китель, прилажу на левый рукав черную повязку и поеду на кладбище, где сегодня хоронят моих сослуживцев и моего друга. Лучшего друга, самого близкого из всех, какие появились у меня за почти тридцать три года моей жизни. Что ему проку в моем героизме? И что будет проку в моем героизме мне, когда капеллан захлопнет книгу и грянет прощальный салют? – она смахнула ладонью набежавшие слезы. – Ладно, пролетели. Ступай, парень, тебе дольше добираться, чем мне, а машину за тобой, конечно, не пришлют, ты же, – она усмехнулась с горькой издевкой, – не ап Бельтайн... Беги, я тут сама справлюсь.

Когда за лейтенантиком закрылась дверь, Мэри прислонилась к стене и потерла виски. И чего это она так разговорилась? Мальчику, похоже, нет и двадцати, в его возрасте такого рода воспитательные речи иначе как занудством не назовешь... Она вздохнула, вернулась в душевую и снова принялась за платок. На удивление, он лег, как положено, почти мгновенно. Теперь китель. Поправить аксельбант. Закрепить на рукаве траурную повязку. Одернуть. Вот и до берета очередь дошла. Мэри окинула взглядом свое отражение в зеркале, но оно ей совершенно не понравилось. Что-то было не так, но что? Вроде все по форме... А, к черту форму! Криво усмехаясь, она содрала берет с головы, зашвырнула его в угол и рывком сдвинула в сторону дверцу шкафа. На верхней полке лежала кремовая широкополая шляпа, которую она когда-то отобрала у Эрика ван Хоффа. Как тогда смеялся Келли... Мэри взяла шляпу, повертела ее в руках и решительно нахлобучила на голову. Вот теперь все правильно, а кому не нравится – может перейти на другую сторону улицы, уж кто-кто, а Мэри Гамильтон возражать не будет.

Небо, такое ясное с утра, затянули весьма многообещающие тучи. Стихший было ветер снова разгулялся, как будто задался целью вырвать из рук капеллана потрепанную Библию.

Старые деревья, дубы попеременно с муринами, склонялись над кованой оградой, кое-где заплетенной серебристо-серым, словно седым, плющом. Вокруг собралось уж никак не меньше полутора сотен человек, но единственными звуками, нарушавшими тишину, были голос священника, тихие, сдерживаемые всхлипы женщин и стоны ветра в кронах деревьев. Жесткие длинные листья мурен были словно специально созданы для того, чтобы служить ветряной арфой, и над головами людей разносился заунывный плач, более чем уместный на этом небольшом клочке земли. Кладбище было знакомым, здесь хватало могил тех, с кем Мэри довелось служить в юности. Вон там, чуть правее, лежит Дональд Макги, а дальше, почти у ограды, Френки Шарп... Еще один знакомый холмик, еще один, еще... Впрочем, это было достаточно давно, да и не знала она толком этих людей. Пилот – он и есть пилот, с наземным составом общается нечасто, вот разве что смерть сгоревшего на ее глазах Дональда до сих пор бредила душу. А сегодня хоронили тех, кто погиб при орбитальной бомбардировке Бельтайна, хоронили на центральной аллее, на участке, предназначенном для старших офицеров планетарной полиции. Должно быть, Дядюшка Генри распорядился, больше некому. Мэри поежилась под особенно сильным порывом ветра, чуть не сорвавшим шляпу с ее только-только начавшей обрастать после последнего бритья головы. Пришлось сунуть розы под мышку и натянуть непокорный кусок фетра чуть ли не до носа. Она то и дело ловила на себе неодобрительные взгляды, но ей было все равно. И Морган, и Шон шляпу явно узнали. Узнали и, судя по всему, сочли, что шляпа, добытая в свое время вместе с Келли, уместнее на его похоронах, чем парадный берет. Они стояли слева и справа от нее, командующий планетарной полицией полковник Генри Морган и его первый заместитель, старший брат Келли майор Шон О'Брайен. И все, что могли подумать или сказать люди, собравшиеся на полицейском кладбище, по поводу вопиюще не траурного головного убора Мэри, разбивалось о безоговорочную поддержку, которую ее бывшие командиры и не думали скрывать. Они – знали. Знали, и априори принимали все, что могла сказать или сделать бывшая напарница Келли. «Молодец, Мэри, ему бы понравилось», – сдержанно проговорил Шон при встрече, хлопая ее по плечу. Морган одобрительно кивнул, повернулся, и возмущенно открывшая было рот дама в годах стушеввалась под холодным взглядом командующего.

Ветвистая, даже при свете дня ослепительная, молния прорезала сплошную массу угольно-серых туч. На мгновение кладбище осветилось резким электрическим сполохом, тяжелый удар грома, казалось, расколол небо и землю, и хлынул дождь. Шляпа промокла почти сразу, щегольские поля обвисли, но Мэри была благодарна ливню. Теперь она могла плакать, все равно никто не поймет, что за капли катятся по уже абсолютно мокрому лицу. А похоронная служба шла своим чередом. Кто-то раскрыл над головой капеллана огромный черный зонт, и майор Гамильтон невпопад подумала, что надо было посмотреть перед выходом прогноз погоды. Хотя, если разобраться, ей требовались сейчас обе руки: правой она крестилась при каждом «аминь!», в левой сжимала цветы, которые молнии и струи падающей с небес воды превратили в сверкающие драгоценности.

Когда могилу Келли начали засыпать, она шагнула вперед по мокрой траве и комьям раскисшей от дождя земли и стала бросать розы в яму. Первая... вторая... пятая... восьмая... двенадцатая легла на уже готовый холмик. Люди начали расходиться. С полдюжины красивых молодых женщин, которые при жизни Келли уж точно передрались бы между собой за его внимание, теперь поддерживали и утешали друг дружку, договариваясь о том, где бы выпить чаю. А она все стояла, не в силах сдвинуться с места, все еще не веря... Морган осторожно взял ее под локоть и потянул в сторону выхода с кладбища. Она заартачилась было, но Шон, который разговаривал с кучкой промокших сослуживцев неподалеку, решительно подошел и за плечо развернул ее лицом к жалобно поскрипывающим воротам.

– Идем, Мэри. Идем. Довольно, малышка, слышишь? – так, направляя и подталкивая «малышку», которая всего-то дюйма два не дотягивала до шести футов, они вывели ее с кладбища и усадили в машину.

Морган устало скомандовал водителю:

– Домой, Теренс, – и откинулся на спинку сиденья. Шон некоторое время ехал молча, лишь изредка косясь на глядящую прямо перед собой соседку. Потом, видимо, решился, положил ладонь на колено Мэри и негромко спросил:

– Скажи, девочка... а почему розы? Тем более белые?

Она помолчала, усилием воли заставила губы перестать дрожать и почти спокойно ответила:

– Ты, наверное, не в курсе, Шон... На следу-ющий день после того, как мы с Келли взяли ван Хоффа, он пришел ко мне в «Спрингфилд» и подарил первые в моей жизни цветы. Дюжину белых роз. – Ее лицо жалобно искривилось, и она торопливо отвернулась к залитому водой окну, за которым проплывали пустые по причине ливня улицы Нью-Дублина. – Ты бы видел его в тот день, Шон, – продолжала она, улыбаясь сквозь слезы, – я такого узла на платке ни у кого не видела, ни до, ни после... Потом он мне раз двадцать показывал, как его вывязывать, но я так и не смогла воспроизвести это великолепие, как ни старалась. Келли еще смеялся и говорил, что если я собираюсь когда-нибудь выйти замуж, то должна уметь завязывать шейные платки, а то вдруг муж вечером наклюкается, а утром у него важная встреча. Помню, на Лордане...

– Кстати, Мэри, – заинтересованно перебил ее Морган, оборачиваясь к задним сиденьям, – а скажи-ка мне вот что. Я знаю, что вы с Келли мотались на Лордан чуть ли не всякий раз, когда ты выбиралась с Картана на каникулы, да и потом, когда у тебя бывали отпуска. А до того?

– А то вы не знаете! – насмешливо фыркнула она.

– Я не знаю, я догадываюсь. И хотел бы выяснить, насколько правильно, – невозмутимо усмехнулся полковник.

– Абсолютно правильно, сэр. После «Золотого клевера» и до моего отлета на Картан мы бывали там раз восемь, наверное, – Мэри улыбнулась своим воспоминаниям. Когда-то она могла часами смотреть, как летают карты из одной ладони Келли в другую. Шулером он не был, да ему это и не требовалось – при его памяти и складе ума ее напарнику не были нужны никакие хитрости. С его легкой руки и она тоже могла кое-что за покерным столом, но честно признавалась самой себе, что до учителя ей далеко.

– М-да... Как по мне, так это уже перебор – таскать в это скопище притонов шестнадцатилетнюю девчонку, – проворчал Морган. Впрочем, ни удивлен, ни рассержен он не был. Чему бы ни учил Келли О’Брайен свою молодую напарницу, это уж точно не пошло ей во вред. А покер – это даже и неплохо. И мозги тренирует, и, в случае чего, на кусок хлеба можно заработать. Хотя уж кому-кому, а одному из самых блестящих пилотов Бельтайна вряд ли когда-нибудь понадобятся дополнительные заработки. С другой стороны, жизнь штука непростая... полковник слегка пожал плечами. – Келли всегда был оригиналом, и плевать хотел на все инструкции, да и правила приличия заодно. Ну ладно он – а ты-то что там забыла? Или я опять что-то упустил? Ты азартна?

– И азартна тоже. Кроме того, ни один устав не предусматривает ситуаций, в которых может оказаться посетитель Пространства Лордан. Там можно приобрести совершенно уникальные навыки и связи. В частности, дон Лима лично знаком с мисс Амандой Робинсон и благоволит ей. Согласитесь, это ведь отнюдь не лишне. Да и о деньгах забывать не стоит. Честно говоря, я даже не знаю толком, сколько у меня сейчас на счетах. Все мои дела вел Келли, а он, как вам, должно быть, известно, играл не только в карты.

Спутники Мэри переглянулись. Шон приподнял бровь, Морган еле заметно покачал головой, что-то запрещая подчиненному. Ей было не до этого безмолвного обмена мнениями. Странное оцепенение накатило на нее, как океанская волна накатывает на берег. Только волна быстро отступает, а ее оцепенение никуда деваться, похоже, не собиралось. Впрочем, это было только к лучшему. Прозрачный барьер, отделивший ее от всего мира, не давал боли от потери друга развернуться в полную силу и помешать думать о том, что сейчас было по-настоящему важным. Нагореваться она еще успеет, сперва надо разобраться с

делами.

К тому моменту, когда машина приземлилась возле дома Моргана, план действий уже успел сложиться в ее голове, с которой она так и не сняла промокшую шляпу Эрика ван Хоффа.

Дом уже прогрелся. Вернувшись раньше всех Лорена включила обогреватели, чтобы выгнать из комнат промозглую сырость. Лето на Клевере, самом крупном острове в этом полушарии Бельтайна, бывало, как правило, жарким, но сейчас оно заканчивалось, а пригнанный северным ветром дождь довершил дело. Да и, строго говоря, в доме, который хозяин посещает хорошо если пару раз в неделю, никогда не бывает по-настоящему тепло.

– Шон, немедленно свяжись с женой. Джина не смогла пробиться на твой коммуникатор, вышла на меня, я ей сказала, что ты жив и здоров, просто очень занят, но она, кажется, не очень-то мне поверила, – Лорена, повязавшая поверх парадной формы легкомысленный фартук, ловко накрывала на стол. – Давай-давай, не задерживайся, они только сегодня услышали наши новости. Мог бы и сам сообразить, когда пытался ей мозги запудрить своим «все в порядке», да только что взять с мужика, к тому же копа... – насмешливо фыркнула она.

Морган посторонился, пропуская метнувшегося по коридору заместителя, переглянулся с Мэри и скорчил гримасу, означавшую шутливую покорность судьбе. Его подруга никогда не отличалась ангельским характером, а события последних дней вымотали великолепную Лорену Макдермотт уж никак не меньше, чем его или Шона. Между тем красавица-бухгалтер сунула в руки опешившей Мэри лоток со столовыми приборами и продолжила воспитательный процесс:

– Генри, марш переодеваться. И подбери что-нибудь для Мэри, мое все у нее на плечах треснет. А ты, как только разложишь это, ступай в душ. Не хватало еще, чтобы ты простудилась. Организм и так вздернут, а ты еще и промокла.

Дождавшись, пока Морган выйдет из гостиной, Мэри быстро разложила на столе ножи и вилки, подошла к Лорене вплотную и негромко поинтересовалась, косясь на дверь:

– А с чего ты взяла, что у меня вздернут организм?

– Дорогуша, не держи меня за дурочку, – так же тихо ответила Лорена. – Генри с Шоном могут чего-то не понимать, но я-то не слепая. Кстати, я вполне одобряю твой выбор. Этот русский – красивый мужик, что есть, то есть. Я только никак не могу взять в толк, почему именно сейчас?

Мэри поежилась под внимательным взглядом, еще раз оглянувшись на дверь и, склонившись к уху Лорены, прошептала:

– А ты меня не сдашь?

Высказать свое возмущение по поводу абсурдности вопроса та не успела: в комнату торопливо вошел Морган, уже успевший переодеться. В руках он держал какую-то одежду.

– Давай-ка в душ, девочка. Переоденешься в это. Конечно, придется подвернуть штанины и рукава, но тут уж ничего не поделаешь.

– Отлично! – Лорена забрала у него из рук штаны, майку и легкую куртку, одобрительно кивнула и безапелляционно заявила: – Пошли, Мэри. Прослежу, чтобы ты не заснула прямо в душевой кабине.

Пройдя мимо кабинета, из которого доносились приглушенные голоса Шона и Джины, периодически прерываемые пронзительными возгласами мальчишек, твердо уверенных в том, что они бы уж показали всем этим захватчикам, женщины добрались до ванной комнаты. Там, как пожалуй нигде больше в доме – в спальне, правду сказать, Мэри не была – ощущалось присутствие Лорены. По крайней мере, чистые и выглаженные полотенца были подобраны по цветам, шампунь и жидкое мыло пребывали на своих местах, а зеркало недавно протирали. Тщательно заперев дверь, Лорена демонстративно отвернулась от своей спутницы и не терпящим возражений тоном скомандовала:

– Живей раздевайся и в душ. Нам еще поговорить надо, а эти два умника долго ждать

не станут, того и гляди заявятся выяснять, не захлебнулись ли мы тут на пару. Вот помани мое слово, так и будет.

Мэри неопределенно хмыкнула, отставила в сторону ботинки, сбросила мокрый китель, рубашку и брюки, с удовольствием убедилась в том, что белье только влажное, повесила его на сушилку и шагнула под тугие горячие струи. Купаться она любила всегда, но в последние пару дней процесс принятия душа доставлял ей куда большее, чем обычно, удовольствие, так что Лорене, озабоченной временным фактором, пришлось просунуть руку в кабину и выключить воду.

– Держи полотенце. Хорошо хоть волосы тебе сушить не надо, – проворчала она.

Мэри усмехнулась, растираясь прогретой на специальной стойке плотной, но мягкой тканью:

– Не надо, это точно. За полным отсутствием того, что следовало бы сушить. – за время, прошедшее с последнего вылета, волосы у нее успели отрасти едва ли на одну десятую дюйма, так что украшенный тарисситовыми татуировками череп окутала неопределенного цвета дымка. За исключением этих татуировок да еще креста на виске – знака монастыря Святой Екатерины Тариссий-ской – никаких особых примет у Мэри не наблюдалось, по крайней мере, на первый взгляд. На внутренней стороне левого предплечья были наколоты цифры 022 – ее позывной во время службы в планетарной полиции под командованием тогда еще майора Моргана, – но длинные рукава формы, как правило, закрывали ее руки до самых кистей. Кольцо мастер-ключа на среднем пальце правой руки (тоже наколка) вполне могло сойти за не слишком удачно подобранное украшение, хотя здесь, на Бельтайне, любой мальчишка знал, что означает такое колечко. И если мальчишка, а уж тем более – девчонка, принадлежали к Линиям, при виде этого кольца они немедленно вставали по стойке «смирно». К слову сказать, кольцо Лорены выглядело более красивым, должно быть, за счет того, что пальцы ее изящных рук были длиннее и тоньше, чем у Мэри, которая все-таки была по бельтайн-ским меркам сложена грубовато.

– А теперь – выкладывай! – непререкаемым тоном потребовала Лорена, с трудом дождавшись, когда Мэри наденет майку и штаны. – И если я еще раз услышу какую-нибудь чушь по поводу того, не сдам ли я тебя...

– Извини. Просто дело довольно серьезное. – Мэри помолчала, собираясь с духом, но Лорена выразительно постучала пальцем по браслету коммуникатора, который выполнял также функции хронометра, и ей пришлось заговорить. – Видишь ли, когда мы стартовали от «Гринленда», у меня были месячные.

– Что?! – побледневшая, ошеломленная Лорена слегка попятилась, глядя на собеседницу во все глаза. – Что ты сказала, Мэри?

– Ты все правильно расслышала. И не говори мне, что был какой-то другой выход, мы обе знаем, что его не было.

– Дальше, – холодно уронила капитан Макдермотт, прислоняясь, скрестив руки на груди, спиной к запертой двери и пристально глядя на майора Гамильтон. То, что только что сказала ей бывшая подчиненная Генри, не лезло ни в какие ворота. Черт с ним, с Уставом, все его нарушали, нарушают и нарушать будут, но эта конкретная страница была написана в прямом смысле слова именно кровью, и как девочка осталась в живых – непонятно. Сумасшедшая... Истинная Гамильтон, кем бы там ни был ее папаша... Ладно, сейчас она сама все объяснит.

– А дальше мы вступили в бой. Под коктейлями, конечно, как же иначе. И дело кончилось тем, что я упала во время представления Корсакову. Говорят, он подхватил меня на руки... – Мэри криво усмехнулась, – не помню. Я к тому моменту уже умерла. От кровопотери. Ну, ты понимаешь. А их врач, Тищенко его фамилия, решил, что он меня не отпустит. И не отпустил...

– Но тебе полностью очистили всю кровь, – перебила ее Лорена, всегда славившаяся скоростью построения логических цепочек на основе минимальной информации. – И гормональный барьер рухнул. Плюс вполне естественное желание почувствовать себя по-

настоящему живой, дать понять Смерти, что здесь не подают не только по пятницам. А тут этот красавец. Ясно. Вопросов больше не имею. Кроме, пожалуй, одного: ты проконсультировалась с медиками? Ведь такой резкий переход может очень плохо кончиться, что-то надо делать для смягчения. Если бы все пошло естественным путем, ты еще как минимум полгода принимала бы препараты, постепенно снижая дозы, да и потом...

– Лорена, дорогая, – мягко улыбнулась Мэри, – с какими медиками ты мне предлагаешь проконсультироваться? Если кто-то узнает, что я ушла в боевой вылет с кровотечением, меня попросту расстреляют, не посмотрят, что ап Бельтайн. Ты думаешь, чего ради я на русском крейсере отсиживалась? Мы ждали, пока отсутствие в крови следов коктейля можно будет объяснить временем, прошедшим с момента введения. А то ведь ребят врачи перехватили сразу же, как только челнок приземлился. Представляешь, что было бы, если бы меня обследовали тогда?

Лорена выпятила нижнюю губу, нахмурилась, прошлась по просторной ванной. Девчонка была совершенно права – именно расстрел предусматривал Устав ВКС Бельтайна за то, что сделала Мэри. И пока принципалом Совета Бельтайна является Джастин Монро, никакого снисхождения Мэри Александре Гамильтон ждать не приходится, уж этот-то точно не удовольствуется порицанием национальной героини или даже ее позорной отставкой. Нет, ну что стоило ее матушке переспать с этим умником, будь он трижды неладен? Глядишь, и дочке бы попроще жилось...

– А этот русский врач? Тис-чен-ко? Он не поможет?

– Не знаю. Он ведь не эндокринолог... Ладно, ты права, все равно больше не к кому обратиться. Пошли.

Вопреки саркастическим предсказаниям Лорены, мужчины не пошли их искать, решив воспользоваться отсутствием дам за столом для того, чтобы выпить без помех. Когда женщины пришли в гостиную, они обнаружили, что стаканы Генри и Шона наполнены явно не по первому разу. Лица полицейских порозовели, в глазах появился характерный блеск, Шон выверял каждую фразу. Впрочем, о своих сотрапезниках они тоже не забыли: виски был разлит поверх кубиков льда, заблаго-временно запасенного Лореной; закуски, явно приготовленные тут же, а не заказанные в ближайшей лавке, громоздились на тарелках. Выпили по первой, потом по второй. Разговор не клеился, ели мало и как-то через силу. Мэри заставляла себя жевать, но только потому, что не могла позволить себе опьянеть и потерять впустую еще одну ночь. Надо было работать.

– Лорена, какие у тебя планы на вечер? – спросила она наконец, отставляя в сторону почти нетронутую тарелку и поудобнее устраиваясь в просторном кресле, когда-то, очень давно, закрепленном Морганом за юной подчиненной. Капитан Макдермотт переглянулась с Генри и слегка пожала плечами:

– Зависит от того, чего ты от меня хочешь...

– Ты лучший аналитик на Бельтайне, спорить будешь?

– Не буду. И что? – усмехнулась та.

– Я хочу кое-что поискать. Дядюшка, Саммерса уже начали допрашивать?

– Пока нет, – Морган, у которого внезапно прорезался аппетит, навис над столом, выбирая, что бы еще такое съесть. – Пускай малость помаринуется.

Мэри одобритительно кивнула:

– Правильный подход. Так вот, пока он маринуется, я хочу порыться в базах данных. Саммерс – крепкий орешек, голыми руками его не возьмешь, а нам до зарезу нужны его показания.

– Показания?! – Шон вскочил на ноги, отшвыривая в сторону стул. – Мэри, на кой черт нам его показания? Что бы он ни показал, это не спасет его от виселицы, и он это прекрасно понимает!

– Понимает, да. Это-то и плохо, Шон. Слишком тесное пространство для торговли, – вздохнула Мэри, и подняла руку, предупреждая очередной возмущенный вопль. – Саммерс –

мерзавец еще тот, но он исполнитель, не более. Есть заказчик. И есть – я в этом совершенно уверена – пособник на планете. Причем такой, которого без хороших, полноформатных доказательств не взять. Потому что эта птичка летает довольно высоко. Сам подумай, Шон, в чьей власти было убрать из системы соединение планетарной защиты? Куда делись все транспорты? Почему у нас были только «Сент-Патрик», случайно пригнанный мною «Дестини» и полдюжины спешно переоборудованных учебных корветов? Положим, я догадываюсь, чья это работа. И что толку? Представь себе, прихожу я к Маккормику и говорю ему: «Ваша честь, я знаю, кто подставил Бельтайн под бомбардировку и высадку десанта, на чьей совести все погибшие и раненые, все разрушения и пожары!» Ну так первое, что сделает Стивен Маккормик – ты ведь его знаешь! – это протянет руку ладонью вверх и проскрипит: «Доказательства, мисс!» Потому что речь сейчас идет не о пушере и не о контрабандисте, и просто так этого красавца не то что арестовать – пальцем тронуть нельзя. А у меня только предположения и догадки, а их к делу не пришьешь. Кроме того... Вдруг я ошибаюсь? Вдруг все дело в том, что я испытываю личную неприязнь к этому человеку? Лорена, ты мне нужна. Во-первых, потому, что ты куда более сильный аналитик, чем я; зато я неплохой оперативник и смогу добыть тебе все потребные для анализа данные. А во-вторых, я хочу, чтобы кто-то, обладающий независимым суждением, проверил мои выводы. Мы должны обложить эту крысу со всех сторон. Да, и вот еще что... Некоторое время назад у меня мелькнула довольно странная мысль. Дядюшка, у нас есть карта бомбежки? Я имею в виду, какие районы пострадали и как сильно? Хочу прикинуть кое-что.

Подвал дома Моргана был, по сути, отдельной квартиркой, небольшой и хорошо защищенной. Время от времени в этом помещении содержались те представители преступного мира, которых полковник в силу разных причин не хотел проводить по документам и записям Департамента планетарной полиции. Случалось здесь жить и свидетелям, не без оснований опасавшимся за свою жизнь. Так или иначе, разместить там два профессиональных компьютерных блока, соединенных между собой и подключенных к самым мощным ретрансляторам связи, большого труда не составило. Весело переругиваясь, Шон и Генри сволокли вниз маленький холодильник, за которым О'Брайен смотался в ближайший магазин бытовой техники, пока Морган вызывал техника-компьютерщика. Как ни странно, торговые кварталы Нью-Дублина почти не пострадали в результате орбитальной бомбардировки, чего, увы, нельзя было сказать о жилых пригородах. Мэри удивлялась самой себе – почему-то с орбиты она разглядела только повреждения, нанесенные космопорту и прилегающим районам... Пора переходить на штат-ское мышление, ты ведь почти в отставке, лапушка.

Строго говоря, кухня на первом этаже дома была оборудована более чем прилично, и прежним постояльцам подвала еду приносили, но поддержанная Лореной Мэри заявила, что на ближайшие как минимум сутки аналитикам нужна полная автономность. Копы только плечами пожали: нужна так нужна, обеспечим, не вопрос. Практика показывала, что майор Гамильтон – а пару десятков лет назад она и капитаном-то еще не была, но соображала ничуть не хуже, чем теперь – знает, о чем говорит. И если чего и требует, то только и исключительно в интересах дела. Так что не прошло и двух часов, как массивная дверь подвала, приводимая в движение сервоприводами, захлопнулась за насупившейся Лореной и Мэри, которая, сама не зная зачем, принесла вниз свою парадную форму и все еще мокрую шляпу.

– Сначала – врач, – заявила Лорена, устраиваясь в мягком кресле, придвинутом к одному из компьютерных блоков, водруженных на небольшой обеденный стол с исцарапанной столешницей, – все остальное подождет.

Мэри вздохнула, недовольно поморщилась, но, как ни крути, напарница (а когда-то – наставница) была права. Проблема состояла в том, что она отнюдь не была уверена, что готова сейчас общаться с Никитой Корсаковым. А между тем добраться до доктора Тищенко она могла только через него, он был единственным русским, чьи координаты были забиты в

ее коммуникатор. Вот чем ты думала, а? Савельев же предлагал тебе содействие в добывании информации, кто мешал загрузить в память его волну? Ладно, что уж тут поделаешь... Мэри не-определенно пожала плечами, щелкнула по браслету и произнесла в пространство:

– Гамильтон – Корсакову.

Никита отозвался тут же:

– Здесь Корсаков. Рад вас слышать, мисс Гамильтон.

Она приподняла брови, услышав подчеркнуто вежливое обращение. Интересно, это оттого, что вокруг него люди или он, наконец, оценил бельтайн-ских красоток и теперь дистанцируется? Неважно... но обидно, и холодка в голос, пожалуй, можно и подпустить.

– Господин Корсаков, я нуждаюсь в вашей помощи. – (Что мужик, получил?) – Мне необходимо срочно переговорить с доктором Тищенко, но я не знаю, на какой волне это можно сделать.

– У вас проблемы? – а голос-то встревоженный... Чего ты испугался-то, а?

– Ничего особенного, просто я нуждаюсь в медицинской консультации, а в настоящее время именно доктор Тищенко выступает в роли моего лечащего врача. К своим соотечественникам я по-прежнему не хочу обращаться.

– Я понял, мисс Гамильтон. Оставайтесь в этом канале, Станислав Сергеевич свяжется с вами в самое ближайшее время.

И в самом деле, буквально через пару минут в клипсе коммуникатора зазвучал уверенный баритон врача с флагамена русской эскадры:

– Мисс Мэри, господин контр-адмирал сообщил мне, что вам необходима моя профессиональная помощь.

– Это так, сэр. – Мэри подмигнула Лорене и перевела коммуникатор в режим громкой связи. – Тут, видите ли, вот какое дело... когда я лежала в вашем лазарете, мне здорово почистили организм и вместе с остатками коктейля были выведены все гормональные средства, которые поддерживали меня в работоспособном состоянии.

– Работоспособным вы, очевидно, называете состояние, при котором ваш организм искусственно поддерживался в рамках подавленной, практически заблокированной, фертильности? – сарказму Тищенко не было предела, но Мэри не дрогнула.

– Именно так, сэр. Я понимаю, что так не могло продолжаться до бесконечности, и собиралась перейти на свойственный обычным женщинам режим одновременно с выходом в отставку, но то, что происходит сейчас, сводит меня с ума. При нормальном течении событий я постепенно уменьшала бы дозы, а сейчас мне просто плохо. По-настоящему плохо, – в этом месте Лорена приподнялась в кресле и внимательно всмотрелась в лицо Мэри. Та сделала страшные глаза и нетерпеливо отмахнулась. Лорена, кусая губы, чтобы не рассмеяться, опустила обратно. Дурят русского, ох дурят! – И мысли путаются, а мне необходима ясная голова.

– Вам не плохо, мисс Гамильтон, – холодно возразил врач. Было слышно, как он расхаживает по лазарету, резко разворачиваясь на каблуках через каждые несколько шагов. – Вам в кои-то веки нормально. Просто вы к этому еще не привыкли. Хотя, конечно, такой резкий переход от почти полного запрета к свободной выработке гормонов ничего хорошего собой не представляет, вполне понимаю вас.

Мэри переглянулась с Лореной, закатила глаза, театрально вздохнула и снова обратилась к русскому медику:

– Хорошо, сэр, пусть так, пусть это и есть норма, но факт остается фактом, мой организм пока еще к этой норме не адаптировался, а мне надо работать.

– Вам надо в отпуск, мисс. – судя по голосу, Тищенко начал сдавать позиции, и Мэри поспешила закрепить успех:

– Сэр, если я сейчас уйду в отпуск, мы не сможем по горячим следам добраться до заказчиков всего этого безобразия, и значит, все было напрасно, и ваша работа по вытаскиванию меня с того света в том числе. – Лорена беззвучно рассмеялась. Такую изумительную комбинацию мольбы и нахальства, с ее точки зрения, смогла бы выдать

далеко не каждая профессиональная актриса. – Ну помогите мне справиться с этим всплеском, ведь вы же сами признаете, что резкая смена гормонального сценария вредна для здоровья!

Врач издал глубокий капитулирующий вздох и недовольно буркнул:

– Ну хорошо, мисс, будь по-вашему. Пришлите мне список гормональных ингибиторов, которые вы принимали, и схему приема. Я подумаю, что можно предпринять, проконсультируюсь с коллегами... Если вам понадобятся какие-то препараты, имеющиеся в моем распоряжении или такие, которые придется синтезировать индивидуально, куда можно будет доставить посылку для вас?

– В офис командующего планетарной полицией, – пробормотала Мэри, торопливо создавая информационный пакет и сбрасывая его по каналу связи. – Я сейчас предупрежу полковника Моргана, их немедленно передадут мне. Спасибо вам, доктор.

Мэри, торжествующе улыбаясь, отключила связь и потому не услышала, как, разглядывая присланный ему список, от души выругался Тищенко.

Когда на следующий день, рано утром, полковник Морган, держащий под мышкой небольшой контейнер, спустился по лестнице и отворил дверь, ведущую в подвальное помещение, его глазам предстало зрелище, показавшееся ему не слишком приятным. Он знал о склонности аналитиков при совместной работе впадать во что-то вроде транса, но странно застывшие лица любимой женщины и не менее любимой бывшей подчиненной ему откровенно не понравились. Он вдруг сообразил, что видит сейчас упрощенный вариант знаменитой «сцепки», и запретил себе даже думать о том, чей мозг был сейчас ведущим – мозг Мэри или мозг Лорены. Осторожно пристроив контейнер рядом с левым локтем Мэри, он еще раз окинул взглядом похожие на маски лица и уставившиеся в пустоту полужакрытые глаза, и тяжело вздохнул. Смотреть на это было выше сил Генри, и он в который раз подумал – так ли здорово принадлежать к Линиям, как утверждает государственная пропаганда? Вот он, полковник Генри Морган, и не линейный, и не аналитик, и тарисситового импланта у него нет – зато он может пойти прогуляться, хоть и ненадолго, но прямо сейчас. Потому что работа работой, но надо и расслабляться. А Мэри, между прочим, чуть не умерла несколько суток назад, уж он постарался вытрясти правду из этого конопатого обормота, ее двигателя. И вместо того чтобы взять отпуск, отоспаться, да просто выплакаться по Келли О'Брайену, она засела в подвале и роет землю носом в поисках зацепок и доказательств. Потому что ее так воспитали. Потому что долг. Потому что сдохнуть во время исполнения этого самого долга по ее представлениям вполне нормально, а хоть чуть-чуть дать себе послабление – позор и недопустимое расточительство. Эх, его бы, Моргана, воля... Еще раз оглянувшись на две застывшие фигуры в креслах, чья неподвижность нарушалась лишь порханием пальцев над виртуальными клавиатурами, он вышел из комнаты.

Так. Саммерс получил деньги. Откуда? Нет такой компании. Но была. Аж все время проведения трансферта. Это много, это чертовски много. Ну-ка, ну-ка... Ага, уже проще. Лорена, держи хвост. И этой компании нету? Любопытно. А если вот тут потянуть?

Каждый воспринимает виртуальность по-своему, это аксиома. Кто-то видит библиотеку, кто-то – дом с множеством комнат и коридоров, кто-то – заросший парк или языки пламени, фонтан или груды камней. Мэри Гамильтон видела клубок разноцветных ниток. И даже не клубок, а перепутанный ком. Так было всегда. Наставники пожимали плечами и говорили, что мисс Гамильтон слишком практична. Что она не получает удовольствия от самого процесса путешествия по информационному пространству и всегда приходит в него только для решения конкретной задачи. И было не так уж важно, какого рода проблема имела место: выбор ресторанчика для ужина или, как теперь, поиск связей между Джерайей Саммерсом, его нанимателями и таинственным человеком на планете. Мэри категорически приказала себе считать его анонимом, пока нет надежных доказательств и все-таки нет-нет, да пыталась начать разматывать клубок с той нити, которая в ее

представлении обозначала мистера... Анонима, анонима, чтоб ему! А какая соблазнительная ниточка, просто красота. И такая свободная, такая доступная. Ну нет, пойдем с противоположного конца. Вот в том случае, если обнаружится узелок-другой, можно будет и... А это что такое?! Какая прелесть... Значит, сейсмические стабилизаторы? Гасители волн? Замечательно, прямо-таки великолепно... регулярное техобслуживание, специалисты только с фирмы-установщика... кстати, не существующей в природе... как и компания, проводившая исследования на Бельтайне перед заказом и установкой оборудования... сколько-сколько оно стоило?... горы багажа, которые таможня пропускает в обе стороны без самого формального досмотра, это видно по скорости прохождения таможенного терминала... И все подверглись орбитальной бомбардировке. Да что же это такое, зачем Саммерсу уничтожать работающее в автоматическом режиме оборудование, от которого ему-то уж точно ни вреда, ни пользы?! Тихо, девочка, будь любезна – без истерики и неуместного (пока) сарказма. Кстати, а почему это вылезло здесь и сейчас? Какая связь? Что-о?! Вот это лихо...

Время от времени женщины вставали, чтобы размять ноги и перекусить. Душ можно было принять тут же, в подвале. Наверху царила полнейшая тишина, Морган, должно быть, отправился по делам. Обнаружив в один из перерывов присланный с русского крейсера контейнер, Мэри открыла его и нашла внутри дюжину запаянных пластиковых ампул, инъектор и кристалл с инструкцией. Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: доктор Тищенко не счел нужным или возможным использовать комбинацию уже имевшихся в ее распоряжении средств. Воспользовавшись, должно быть, корабельной лабораторией, он синтезировал препарат, не имевший, судя по всему, даже названия. В аннотации упоминались некие медицинские светила (сплошь из Академии медицинских наук Российской империи), и приводилось подробнейшее обоснование, почему этот препарат лучше, надежнее и безопаснее тех, которыми она пользовалась до сих пор (Мэри ткнула Лорену в бок, указала кончиком светового пера на термин «противозачаточное» и демонстративно закатила глаза; Лорена хохотнула). В заключение Тищенко самым настойчивым образом просил мисс Гамильтон показаться ему в ближайшие дни для проверки действия присланного им средства. Пообещав самой себе, что выполнит просьбу симпатичного дядьки сразу же, как только у нее станет посвободнее со временем, Мэри прижала инъектор к бедру, поморщилась (уколов она не любила) и отправилась в душевую. Не то чтобы она собиралась принимать душ, но в душевой была очень мощная вытяжка, а это было весьма актуально при долговременном общении с некурящей Лореной.

И снова клубок разноцветных нитей, концы которых она время от времени перебрасывает напарнице. Искать, искать, искать... Кому принадлежит этот счет? Что значит – не подкопаться? Все всегда оставляет следы, это не я говорю, это Савельев, старпом с «Александра». Что? Ну конечно, он безопасник. Уймись, это вполне нормально. Кстати, лично знаком с Авдеевым. Да-да, с тем самым. Ну а мы-то, по-твоему, кто? Лорена, офицер – это прекрасно, но ради того, чтобы прищучить этого гада, я не то что с русским безопасником буду дело иметь. Я через весь Нью-Дублин верхом на лошади голая проеду, как эта... как ее... из легенды. Вот именно, прикрываться будет нечем, ага. Кстати, я думаю, что волосы... леди Годивы, да?... были не так уж и хороши. Нет, густые и длинные – допускаю, но в то время и в той местности в горячей воде мылись дважды в год. Причем в одной и той же на всех, причем хозяйка поместья стояла в очереди после слуг мужского пола. Вот-вот, и я о том же... бритой проще!

Во время очередного перерыва Мэри решила все-таки сполоснуться в душе. Тем более что начерно все было готово. Хозяин пресловутого счета, правда, так и не показал своего истинного лица, но у обеих женщин уже закончились идеи, и надо было заняться чем-то менее интеллектуальным. Выйдя из душевой, Мэри обнаружила, что Лорена спит. Мягко улыбаясь, она разложила кресло в кушетку («тссс! отдыхай, отдыхай!»), накрыла напарницу пледом и выскользнула из подвала. Кажется, она знала, как ей следует провести ближайшие несколько часов.

Глава 2

Хорошо это или плохо – в сорок пять лет быть контр-адмиралом? Если бы спросили Никиту Корсакова, ответ зависел бы от многих параметров, перечислять которые – и то замаешься. Хотя, если быть откровенным, большую часть времени ему нравилось и сравнительно недавно полученное звание, и командование «Александровской» эскадрой Четвертого крыла экспедиционного флота, и, если уж на то пошло, возможность иногда выступить в роли Золотой Рыбки. Махнул хвостом – ну, не хвостом, ну рукой, какая разница? – и кто-то получает то, что ему необходимо. Неважно, что именно: отпуск ли; замену вполне еще исправных реакторов на новые, да с такими параметрами, что закачаешься (как же он ругался в Адмиралтействе!); или просто жизнь. Впрочем, он отдавал себе отчет в том, что спасти капитана Гамильтон от явно надуманного обвинения (Устав – Уставом, но надо же и совесть иметь, господа хорошие!) было бы для него делом чести, даже не будь он контр-адмиралом. Хотя, конечно, контр-адмиралу проще. Объявил гость адмиральских апартаментов – и хоть разорвитесь вы все там, внизу.

Но иногда контр-адмиралом быть не так уж здорово. Даже в увольнение не у кого попроситься, чтобы разыскать на планете умную сильную женщину и поинтересоваться ее дальнейшими планами. Ведь должны же они у нее быть, ну хоть какие-нибудь. А имеющиеся планы можно ведь и слегка подкорректировать. Хотя что он может ей предложить? Нет, не так: что он *готов* предложить этой гордячке, заявившей ему, что Бельтайн имеет на нее все права, а он, Никита Корсаков – никаких?

* * *

Устроившись за столом в кабинете Моргана, Мэри первым делом закурила. Только человек, который хоть раз в жизни пробовал курить сигару в душевой, поймет, какое это наслаждение – просторная прохладная комната, уютное кресло и никакой избыточной влажности. Следовало составить план действий. Для начала ей был необходим транспорт. Связавшись с Шоном, она поинтересовалась, не сможет ли одолжить на время один из полицейских каров. В ответ майор О’Брайен предложил ей воспользоваться машиной Келли – мало того что тот не возражал бы, так еще и по завещанию все его имущество отошло ей, что старший брат и подтверждает как один из свидетелей подписания документа. «А я составила завещание на его имя...» – жалобно промямлила Мэри, и Шон, судя по интонации хмыканья, сочувственно улыбнулся. Они договорились, что он оставит ключ-карту у дежурного в Департаменте планетарной полиции. Теперь, когда вопрос с транспортом был улажен, следовало позаботиться о снаряжении. Мэри не без оснований полагала, что ее размеры несколько изменились за пятнадцать лет, прошедшие со времени последнего подводного погружения, поэтому, даже если Келли и сохранил ее комбинезон в целости и сохранности, толку от этого было не слишком много. Привлекать к себе внимание покупкой она очень не хотела. Звание ап Бельтайн, почетное и уникальное, сейчас работало против нее: где бы она ни появилась, ее тотчас узнали бы, а менять внешность не было ни сил, ни желания. Кроме того, чтобы изменить внешность, ей опять-таки требовалось оказаться в соответствующей лавке. И продемонстрировать как минимум продавцу – а, стало быть, и всем его знакомым, и знакомым знакомых, и так далее – как будет выглядеть мисс Мэри Александра Гамильтон с помощью переодевания и парика. Оставалось... ну да, конечно. Снова идти на поклон к Корсакову. Правду сказать, Мэри понятия не имела, каким именно снаряжением комплектуются штурмовые подразделения русского Экспедиционного корпуса. Но исходя из размеров Империи и того, сколь неожиданные – и разнообразные! – вещи внезапно оказывались в сфере ее интересов... Короче, следовало попробовать. Мэри подняла глаза на настенный хронометр: семь утра. Интересно, на Бельтайне ли Никита? И если да, то по какому времени он живет – по корабельному или по планетарному? Сутки на Бельтайне

продолжались двадцать восемь стандартных часов, существенно отличаясь, таким образом, от принятых за эталон двадцатичетырехчасовых суток старой Земли. И если русский командующий, что вполне возможно, пользуется корабельным временем, во всех флотах традиционно настроенным на стандарт, то который в данный момент с его точки зрения час? Ладно, риск – дело благородное... как утверждают те, кто ни разу в жизни не рисковал. Решив, что сегодняшняя просьба не такая уж срочная, Мэри отправила стандартный вызов со стационарного коммуникатора, и была приятно удивлена, когда Корсаков отозвался сразу же.

– Доброе утро, Мэри. Решила озаботиться моим режимом дня? – ни следа давешней официальности в голосе не осталось.

– Доброе утро. Ты можешь выйти на визуальную связь?

– Никаких проблем! – и большой экран перед ней осветился. Должно быть, Корсаков тоже недавно принимал душ: коротко остриженные волосы торчали во все стороны темными от влаги иголочками, из одежды присутствовали только легкие тренировочные штаны, стянутые на талии шнуром, только что выбритый подбородок как будто светился. Мэри недовольно поджала губы: душ душем, но на ней была сейчас все та же куртка Моргана, слишком широкая в плечах и с подвернутыми рукавами. Майор Гамильтон в принципе не терпела выглядеть распустехой, а уж перед этим конкретным мужиком... невыносимо! Так, похоже, снадобье, присланное русским медиком, еще не подействовало. Иначе она вряд ли стала бы выделять Корсакова... Впрочем, что-то исправить во внешности она сможет не раньше, чем доберется до своих немногочисленных штатских вещей. Следовательно, нет никакого смысла переживать по этому поводу. По крайней мере, сейчас.

– Никита, я рискую показаться тебе меркантильной, но я опять беспокою тебя по делу, – она слегка пожала плечами и виновато улыбнулась, увидев, как мгновенно подобрался собеседник.

– Доктор Тищенко не смог тебе помочь?

– Смог. Он сделал даже больше, чем я рассчитывала. Вопрос в другом. Скажи, на «Александре» найдется комбинезон для подводного плавания? Такой, чтобы я могла надеть?

– Разумеется, – не задумываясь ни на секунду, ответил Никита. – Ты хочешь поплавать? Прекрасная мысль, хоть отдохнешь...

– Речь не об отдыхе, – усмехнулась Мэри. – Мне надо кое-что проверить, а объект проверки на изрядной глубине. Вот я и подумала – если у твоих подчиненных такое снаряжение имеется, то оно наверняка профессиональное и уж точно надежнее того, которое я смогла бы приобрести здесь. Кроме того, я не хочу светиться в магазинах. Я ведь теперь что-то вроде местной достопримечательности, – она досадливо поморщилась. – Позавчера в аптеке – уж на что час был ранний! – и то толпа собралась...

– Разумно. Снаряжение ты получишь в любое время, начиная с трех часов от текущего момента. А меня с собой возьмешь? За компанию? – лукавая улыбка сделала его лицо почти мальчишеским. Мэри, не привыкшая к тому, что кто-то может – и хочет – решать ее проблемы, с облегчением рассмеялась:

– С удовольствием. Ты сейчас где? – обстановка комнаты за спиной Никиты казалась ей смутно знакомой, она что-то напоминала, что-то очень приятное...

– В отеле «Спрингфилд». Это...

– Я знаю, где это, – перебила его Мэри, мысленно обзывая себя тупицей. Да что это с ней такое, как можно было не узнать номер «Спрингфилда»? Нет, точно пора в отставку. – Мне случалось жить в этом отеле. Правда, это было давно. Договорились, я за тобой заеду. Через три часа?

– Можно и раньше. Если ты скажешь мне, где именно тебе понадобится снаряжение, его доставят прямо туда. Ты же не в городской черте собираешься погружаться?

– Нет, конечно. Туда лететь... ммм... часа два, наверное. Ну, полтора, сейчас вряд ли будут забиты коридоры.

– А есть на чем лететь? Я могу вызвать катер...

Мэри замялась, прикидывая плюсы и минусы подобного решения, потом покачала головой:

– Знаешь, машина у меня есть, то есть вот-вот будет, и мне бы пока не хотелось афишировать свой интерес и твое участие... Я ведь не на увеселительную прогулку собралась...

Корсаков понимающе кивнул:

– В таком случае, давай мне координаты того места, куда мы направляемся, и забирай меня отсюда, скажем, через полтора часа. Годится?

– Вполне!

Вызванное Мэри такси появилось в мгновение ока и домчало ее до Департамента планетарной полиции удивительно быстро, несмотря на довольно интенсивное движение. Нью-Дублин постепенно оживал, и жители его, от природы бесстрашные и скорые на дружбу и вражду, возвращались к привычной жизни. Зеленщики раскладывали свой товар на уличных прилавках, языкастые кумушки отчаянно торговались, где-то меняли вылетевшие во время бомбежки стекла, с полдюжины угрюмых мальчишек подметали дорожки возле церкви под руководством молодого энергичного священника. Совсем крохотная девчушка вылетела из переулка на площадь, задавшись, очевидно, целью обогнать здоровенного волкодава. Волкодав явно поддавался, ухитряясь одновременно с игрой держаться между маленькой хозяйкой и уже довольно многочисленными прохожими. Мэри поймала себя на том, что любит этот город, этих людей, эту планету. Любит, но с недавних пор предпочла бы делать это издалека. Смерть Келли О'Брайена сделала эту землю чужой. Да, здесь было немало тех, с кем ей было приятно работать и общаться, но, похоже, именно Келли делал Бельтайн тем местом, куда ей хотелось однажды вернуться... Мэри решительно встряхнулась, велела таксисту подождать и направилась в хорошо знакомое здание.

В холле было почти пусто. До официального начала рабочего дня оставалось около часа, но, похоже, дело было не только в этом. По дороге в Департамент Мэри прослушала полицейскую сводку, и эта самая сводка ей совсем не понравилась. Мародерство. Грабежи. Разбойные нападения. Недавняя встряска прорвала плотину и теперь на поверхности кружилась мутная, вонючая пена. Ничего, ребята справятся. В конце концов, можно будет привлечь к патрулированию улиц резервные части планетарного развертывания. Да и прибывающие в увольнение члены команд имперских крейсеров способствовали поддержанию порядка. По крайней мере, там, где гуляли русские, ничего экстраординарного не происходило, дураков связываться не было. Что же касается сельских районов, то не завидует она тем, кто сунется к Мозесу Рафферти или тому же Тому Бейкеру на предмет слегка пограбить. А если она хорошо сделает свою работу, то судебный процесс прогремит на всю планету и слегка остудит накал разгулявшихся страстей. Кроме того, сейчас просто жизненно необходимо показать, что полиция Бельтайна в состоянии разобраться не только с обнаглевшими уличными бандами. Потому что помимо чистой уголовщины появились и явные признаки кастового противостояния. Во всяком случае, еще пару недель назад невозможно было даже представить себе надпись на стене Центрального госпиталя, проклинающую Линии. Собственно, к этому давно шло. Подспудные противоречия постепенно накапливались, в последние годы быстрее, чем во времена ее юности. И Мэри не исключала, что каплей, переполнившей чашу терпения нелинейных жителей планеты, стал тот факт, что на «Сент-Патрик» загрузили только кадетов Звездного Корпуса. И кому какая разница, что времени на организацию эвакуации не оставалось. Что транспорт был единственным. Что одно дело посадить на него компактную группу дисциплинированных по определению детей и подростков и совсем другое – пытаться собрать и призвать к порядку тех, кто само слово «дисциплина» если и слышал, то воспринимал как надоевшую присказку зануды-учителя. Что, наконец, далеко не все дети Линий получили место на этом самом транспорте. Похоже, после орбитальной бомбардировки Бельтайну предстояли социальные потрясения, сопоставимые с ней по разрушениям и жертвам. Ей надо торопиться, и вопрос

отноудь не только в необходимости проявить пунктуальность при встрече, назначенной командующему союзников.

Получив от осунувшегося, мрачного дежурного две ключ-карты – от дома и от машины – и адрес Келли, о котором она до сих пор не имела ни малейшего представления, Мэри вернулась к ожидающему такси. По счастью, дом, половину которого занимал Келли, уцелел. Она прошла по посыпанной гравием дорожке, отперла дверь и впервые в жизни очутилась в жилище своего бывшего напарника. Типичная холостяцкая берлога пришлась ей по душе. Похоже, ее друг не слишком стремился к изысканности, предпочитая сдержанный комфорт. Спальня с широкой, тщательно застеленной кроватью... Гостиная, поражающая навороченностью музыкальной установки... Скромная ванная комната и гардеробная рядом... Ощущая какое-то болезненное любопытство, она заглянула в гардеробную. И с удивлением обнаружила там, помимо вещей хозяина, одежду, которую использовала во время вылазок в Пространство Лордан и на пикники, в ходе которых Келли учил выросшую на орбитальной станции девушку ездить верхом, нырять и разводить огонь. Наличие штатских вещей пришлось весьма кстати, и Мэри с удовольствием переоделась. Конечно, рубашки были тесноваты в плечах и груди, но одна из них, когда-то слишком большая, сейчас оказалась почти как раз. Размер ноги так и вовсе не изменился с тех пор, как ей было восемнадцать. Так что теперь она могла снять форменные ботинки и надеть другие, легкие и больше подходящие для вылазки на Западный архипелаг. Напоследок она заглянула в кухню – просторную и неожиданно аккуратную. Только на разделочной доске стоял забытый, должно быть, в спешке стакан с остатками высохшего сока на стенках. Мэри узнала его: именно этот стакан, тяжелый, золотисто-коричневый с прозрачными разводами, она подарила Келли по завершении контракта в Венецианской Республике... Мэри вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха. Почему-то именно сейчас, при виде стакана, который Келли не успел вымыть, а теперь уже никогда не вымоет, она окончательно поняла, что его больше нет. Стакан есть, внушительная коллекция шейных платков тоже, гель для бритья в ванной... А Келли нет. Совсем. И не будет уже никогда.

Очнулась она в машине. Должно быть, она сидела так уже какое-то время, потому что сухонькая старушка, грустно потряхивающая седыми кудряшками, явно не в первый раз спрашивала, не может ли она чем-нибудь помочь молодой леди. Может быть, воды? Или послать за доктором? Он, конечно, очень занят сейчас, столько работы, мисс, вы же понимаете, но для подружки мистера О’Брайена... Неожиданно для самой себя Мэри поняла, что рассказывает незнакомке о том, что когда-то служила вместе с Келли, а та соболезнующе кивает и приглашает ее к себе, выпить чаю с булочками... Тесто уже подошло, осталось только испечь, много времени это не займет... При слове «время» Мэри подскочила на сиденье, бросила взгляд на хронометр и оглянулась на багажный отсек: все необходимое было на месте, хотя она совершенно не помнила, как загружала ранец с двигателем и камеру для подводной съемки. Торопливо распрощавшись со словоохотливой старой дамой, укоризненно покачавшей головой вслед взбалмошной девице, она захлопнула фонарь кабины и рванула в сторону «Спрингфилда», нарушая все мыслимые и немыслимые правила передвижения в городской черте. Еще совсем чуть-чуть, и она опоздает.

Когда Никита вышел на крыльцо отеля, в котором Совет Бельтайна снял апартаменты для высоких гостей, Мэри уже ждала его. Пожалуй, не сообщи она цвет и номер машины, он прошел бы мимо, потому что на водительском месте сидела... ох, и слова-то другого не подберешь – оторва. Ноги были затянuty в черные штаны, заправленные в высокие, не более чем на ладонь не доходящие до колен, ботинки, и непринужденно покоились на панели приборов. Черная майка плотно облегла вполне заслуживающий внимания торс, пронзительно-голубая, как крыло зимородка, распахнутая рубаша использовалась в качестве легкой куртки. Того же цвета бандана и огромные, в пол-лица, непроницаемо-черные очки дополняли картину. Плавным, неуловимым движением ноги стекли с приборной панели. Рука приветственно взмахнула, указывая на соседнее сиденье, поляризаторы на секунду

посветлели, продемонстрировав слегка покрасневшие глаза. Никита восхищенно покрутил головой, уселся рядом с Мэри, пристегнулся, и машина легко тронулась с места.

Взлетев, Мэри, глядя перед собой и ловко встраиваясь в несущийся над узкой улицей поток машин, поинтересовалась:

– Ты завтракал? Я предлагаю заскочить за сэндвичами, нам еще далеко лететь.

– Полностью полагаюсь на тебя, – усмехнулся Никита. – Я не только не знаю о цели нашего путешествия ничего, кроме координат, я еще и понятия не имею, где что следует покупать в этом городе.

– А, ну это просто. Выпечку берут у Хопкинса, колбасы у Эшби, а лучший сыр продает тетушка Абигаиль, – протараторила Мэри, косясь на своего спутника. Очки она сдвинула на лоб, как только машина взлетела, и Корсаков ясно видел, что над ним подсмеиваются, впрочем, вполне добродушно. Не поддержать игру было грех, поэтому он нахмурил брови и с деланой озабоченностью осведомился:

– Надеюсь, эти достойные господа торгуют поблизости друг от друга?

– Не беспокойтесь, господин контр-адмирал, – льстиво пропела Мэри, – мы не потеряем ни одной лишней минуты.

И действительно, не прошло и получаса, как весьма объемистая корзина заняла свое место за пассажирскими сиденьями, а Мэри, поднявшая машину до скоростного горизонта, принялась вводить координаты в автопилот.

– Кстати, Никита, а ты своих предупредил, куда направляешься? Потеряют еще командующего, шуму будет...

– Предупредил. И координаты дал.

– Знаешь, что... Давай-ка ты на всякий случай дашь и автоматический позывной этой птички. Я ее, правда, планирую отправить полетать сразу же, как только доберемся до места, но пусть последят. И им поспокойнее, и меня совесть угрызать не будет, а то я ведь тебя, считай, похитила.

Никита ухмыльнулся, но мысль признал дельной и связался с «Александром». Минуту спустя рубка подтвердила прием позывного и включение объекта в список отслеживаемых. Потом они минут сорок летели, наслаждаясь видом на океан и острова и болтая о пустяках. Однако Никиту по-прежнему беспокоили покрасневшие глаза Мэри и ее странное, постоянно меняющееся настроение, поэтому он решил все-таки попробовать расспросить свою спутницу, тем более что лететь было еще далеко.

– Ээээ... Мэри, послушай, возможно, это не мое дело, но... ты сегодня не выпалась или плакала?

Мэри развернулась в кресле так, чтобы видеть собеседника и криво усмехнулась:

– Сначала не выпалась, потом плакала. Знаешь, это ведь машина Келли. Он все свое имущество завещал мне, представляешь? Впрочем, я тоже все завещала ему, теперь вот менять надо... Муторное это дело, скажу я тебе – завещание составлять. Да, ну так вот... Пришла я забрать машину и дернул меня черт зайти в дом. С одной стороны, здорово: оказалось, что Келли сохранил мою одежду еще с тех пор, как таскал меня, девчонку, на пикники. Иначе мне пришлось бы отправляться на эту прогулку в рубашке и штанах дядюшки Генри. А с другой... Похоже, я только сегодня до конца осознала, что мой друг ушел навсегда, – она вздохнула и предостерегающе подняла руку: – Я знаю, о чем ты хочешь спросить. Любила ли я Келли? Нет. По крайней мере, не так, как это показывают в сериалах, которые клепают Рах Мехисана. Но останься он в живых и предложи мне стать его любовницей – я не колебалась бы ни секунды. Видишь ли, он каким-то образом ухитрялся находить применение тем сторонам моей натуры, которые не были востребованы ни флотом, ни монастырем, ни полицией. Я нравилась ему такая, какая я есть. Он уважал мои достижения, но они не то чтобы не имели никакого веса в его глазах, просто я устраивала его и без орденов и успешно выполненных контрактов. Понимаешь, Келли было глубоко безразлично, какой я пилот или полицейский, ему просто нравилось видеть меня счастливой. Он, думаю, любил меня – именно меня, а не капитана Гамильтон. Кажется, он был один

такой. Может быть, еще полковник Морган, да и то... Дядюшка, сдастся мне, видит во мне дочь, которой у него никогда не было, а это, согласись, совсем другое дело.

– Гм... А могу я быть нескромным до конца? – Никита дождался утвердительного кивка и продолжил: – Ты сказала, что стала бы его любовницей. А женой? Если бы он предложил тебе выйти за него замуж?

– Замуж? Нет, Никита, – усмехнулась Мэри, – замуж за Келли я бы не вышла. Мы слишком похожи и максимум через месяц совместной жизни началось бы подспудное выяснение, кто в доме хозяин. Для друзей неважно, что женщина старше по званию, а вот для супругов... для такого гордеца, как Келли... И потом, я ведь больше трети жизни командую людьми. Принимаю решения для них и за них. Впрочем, подчиняться командованию я тоже умею. Как любой офицер. Но очень не люблю. Как любой первый пилот. А Келли когда-то, лет пятнадцать назад, был моим напарником, но он никогда не был моим командиром. Поженись мы – и ему пришлось бы каждый день доказывать свое право командовать мной даже в таких вопросах, как количество яиц, из которых предполагается делать омлет на завтрак. Может быть, ему это удалось бы. Но, зная Келли О’Брайена, я могу с полной уверенностью утверждать, что ему очень быстро осточертело бы такое положение вещей. И это справедливо, поскольку дом должен быть надежным тылом, а не полем битвы. Как ты думаешь, почему первые пилоты практически не выходят замуж и даже в скольконибудь длительные неформальные партнерства вступают редко? Подчиненных нам и на службе хватает, а потенциальный командир в качестве супруга... две альфы под одной крышей... кошмар! Мы хорошие приятельницы, но плохие жены, Никита. – Мэри замолчала, снова повернулась лицом по курсу, что-то тронула на приборной панели. Корсаков понял, что разговор окончен.

Машина сделала круг над крохотным островком и приземлилась на небольшом каменистом пляже, окруженном изрядно выветренными скалами, поросшими какими-то невзрачными лиловыми цветочками. От пляжа в море уходил потрепанный временем и волнами, но все еще довольно крепкий временный пирс. Сунув Никите корзину с припасами, Мэри выгрузила из багажного отсека ранец и камеру и ткнула клавишу ввода второй части программы автопилота. Дождавшись отлета машины, она повернулась к Корсакову, наткнулась на насмешливый взгляд и мысленно пожала плечами. Что бы ни показалось забавным ее спутнику, сейчас ее интересовало главным образом обещанное снаряжение. Верно поняв значение демонстративного взгляда на хронометр в сочетании с приподнятой бровью, Никита что-то пробормотал по-русски в коммуникатор, выслушал ответ и торжественно заверил ее, что все, что требуется мисс Гамильтон, будет доставлено через полчаса. В действительности прошло не более двадцати минут. Во всяком случае, все, что они успели – это распаковать на пирсе корзину и съесть по паре сандвичей. Никита как раз протянул руку к третьему, когда низкий вибрирующий гул накрыл островок. Мэри подняла голову и осторожно отставила в сторону пластиковую флягу с соком. На пляж величественно опускался десантный катер. Пробормотав что-то не слишком почтительное по поводу основательности службы доставки в Экспедиционном флоте Российской империи, Мэри вслед за Никитой поднялась на ноги и направилась к катеру. Мощная машина, разметав в разные стороны груды мелких камешков, утвердилась, наконец, на опорах. Люк открылся, и она невольно замедлила шаг. Потому что навстречу им по трапу спустились полтора десятка таких громил, что даже Мэри, привыкшая к обществу Рори О’Нила, несколько растерялась. Каждый из десантников нес на плече объемистый тюк. Идущий впереди командир подразделения тащил сразу два. Шагах в десяти от вышедшего вперед Никиты он опустил свою ношу на землю и дальше пошел налегке. Его подчиненные тоже разгрузились, часть их вернулась в катер и поволокла оттуда наружу что-то длинное, толстое и явно тяжелое. Тем временем Никита принял доклад, обменялся с командиром, нет-нет, да и косящимся на спутницу контр-адмирала, несколькими фразами по-русски и повернулся к Мэри. На лице его читалось желание полюбоваться ее реакцией на происходящее, и она предоставила ему

такую возможность. Голова склонилась к правому плечу, губы искривила насмешливая улыбка и неж-нейший голос – Никите почему-то представилась бархатная перчатка на стальном кулаке – ласково поинтересовался на унике:

– Что это, господин Корсаков?

– Ваше снаряжение, мисс Гамильтон. Вы же не думали, что я отпущу вас... хм... «кое-что проверить»... в одиночку? – он примирительно улыбнулся и добавил: – Я знаю, что вы сейчас хотите мне сказать...

– Не знаете, сэр, – непочтительно перебила его спутница. – Отпрыскам благородных фамилий такие слова знать не полагается, – фыркнула она, а командир десантников поперхнулся, изо всех сил удерживая на лице серьезное выражение. Мэри повернулась к нему: – Сэр?

– Лейтенант Терехов, госпожа майор! – так же на унике отозвался тот.

– Если ваши подчиненные забрали из катера все необходимое, я хотела бы переодеться в нем. Это возможно?

– Так точно, мэм, прошу вас, – с этим словами он направился к оставленным тюкам, а Мэри, подойдя к Никите вплотную и привстав на цыпочки, выдохнула ему в ухо: «Спасибо!» с таким чувством, что он тут же забыл, чем собирался ответить на ее реплику. Улыбнувшись и изобразив поцелуй не столько даже губами, сколько выражением глаз, она направилась к терпеливо дожидавшемуся лейтенанту, приняла у него из рук один из тюков, оказавшийся весьма увесистым, и скрылась в катере. Когда четверть часа спустя она спустилась по трапу, уже облаченная в костюм для погружения, со шлемом и ластами в руках, она обнаружила, что десяток десантников, включая командира, одеты так же, как она, а остальные ведут к воде платформу, приводимую в движение, судя по всему, компактным антигравом. Выданный ей комбинезон оказался чудо как хорош: ее босые ноги отделяла от острых камней пляжа лишь тонкая упругая ткань, но она не ощущала никаких неудобств. Костюм облегал ее как вторая кожа, но при этом не мешал двигаться и дышать полной грудью. С таким снаряжением она до сих пор не сталкивалась – впрочем, откуда бы последним разработкам имперских химиков, технологов и материаловедов взяться в бельтайнских магазинах? В целом она чувствовала себя замечательно, да и восхищение на лицах русских пловцов согревало кровь, отодвигая в сторону смутное предчувствие крупных неприятностей. Это предчувствие не оставляло ее с того момента, как она раскурила сигару в кабинете Моргана. Разговаривавший с лейтенантом Никита обернулся и широко улыбнулся ей, невысокой и изящной в сравнении с людьми Терехова. Впрочем, к тому моменту, когда она приблизилась, улыбка уступила место строгому, отстраненному выражению.

– Господин лейтенант, вы и ваши люди поступаете в распоряжение майора Гамильтон вплоть до получения от меня других указаний.

– Так точно, господин контр-адмирал! – вытянулся тот. Больше он не сказал ни слова, даже не обернулся, но столпившиеся за его спиной пловцы молниеносно построились и застыли, глядя на Мэри. Она окинула взглядом своих новых подчиненных, скомандовала: «Вольно, господа!», выставила перед собой ладони поднятых рук, а потом плавно опустила их. Повинуясь этому жесту, исполненному уверенной силы, десантники уселись на землю и приготовились слушать. Мэри кашлянула, собираясь с мыслями, и неторопливо, обстоятельно начала инструктаж.

– Господа! Я оказалась в весьма незавидной ситуации: еще полчаса назад я понятия не имела о том, что мне придется ставить задачу подразделению, возможности которого известны мне весьма приблизительно. Поскольку вам мои способности командира не известны вообще, да и странно было бы пилоту командовать десанниками, – она скупно улыбнулась в ответ на появившиеся на лицах мужчин одобрительные ухмылки, – мы находимся в примерно равном положении. И нам ничего не остается, как попробовать достичь взаимопонимания, без которого вся эта затея обречена на провал. – Казалось, она просила. Но в голосе не было ни единой просительной нотки, ни одно неуверенное движение не нарушало горделивого спокойствия осанки. – Для начала – краткий исторический экскурс.

Около десяти лет назад на Бельтайн прибыла исследовательская группа. Результатом ее работы стала категорическая рекомендация установить на планете сейсмические стабилизаторы, которые позволили бы нейтрализовать последствия избыточной сейсмической активности и гасить порожденные этой активностью волны. Практика установки такого оборудования давно известна и общеупотребительна, никаких вопросов ни у кого не возникло. Был проведен тендер, выигранный компанией «Трансплэнет Эквипмент», представившей великолепные рекомендации. Оборудование доставили и установили, впоследствии та же компания осуществляла техническое обслуживание. В ходе орбитальной бомбардировки, которой на днях подвергся Бельтайн, все, подчеркиваю, все сейсмостабилизаторы были разрушены. Поскольку я, как и положено женщине, – еще одна скупая улыбка, – весьма любопытна, меня заинтересовала такая странная избирательность. Я терпеть не могу, складывая два и два, получать пять. Поэтому мною было предпринято небольшое частное расследование, результаты которого оказались весьма своеобразными. Имена людей, прибывших в составе исследовательской группы, широко известны в области сейсмологии и вулканологии. Но, к сожалению, во время работы упомянутой группы на моей планете все они находились совершенно в других местах, чему есть масса свидетелей. Фирма, якобы приславшая группу, возникла из небытия перед прибытием так называемых «исследователей» на Бельтайн и растворилась в воздухе сразу по завершении работ. Компания «Трансплэнет Эквипмент» попросту не существует, есть, точнее – были, номера счетов и это все. Так что я даже предположительно не могу вам сказать, какого рода оборудование было установлено там, внизу. Повторяю, я понятия не имею, что это такое и кусается ли оно, но твердо намерена это выяснить. Я не верю в совпадения, особенно когда они сопровождаются орбитальной бомбардировкой, – голос бельтайн-ки был суше самого изысканного брюта. – И я просто обязана предупредить вас: если вы совершите погружение вместе со мной, это будет в самом прямом смысле поговорки влезание в воду, не зная брода. – Мэри замолчала, переводя пытливый взгляд с одного лица на другое. – Место для погружения было выбрано мной по принципу наименьшей удаленности от береговой линии и наименьшей глубины. Ведь в тот момент, когда мне пришла в голову мысль, – губы ее скривились в саркастической усмешке, – немного развеяться путем подводной охоты, я не могла даже предположить, какое роскошное сопровождение у меня будет. Однако, поскольку глубина действительно невелика, существует ненулевая вероятность того, что оборудование – каким бы оно ни было – сильно пострадало. Возможно также, что оно полностью уничтожено. Я, разумеется, надеюсь на лучшее, но... – она пожала плечами. – Вопросы, господа?

– Вопросы нет, госпожа майор, – поднялся на ноги Терехов. – Я предлагаю отправиться немедленно. Вы позволите проверить подгонку снаряжения?

– Действуйте, лейтенант, – кивнула Мэри, и Никита, который, стоя в сторонке и наблюдая за процессом, невольно сжал кулаки. Умом он понимал, что командир десантников просто делает свою работу. Но сильные руки, деловито подтягивающие комбинезон на талии и плечах, ему хотелось оторвать. Терехов, не подозревающий о грозящей ему опасности, сопровождал свои действия краткими пояснениями по поводу управления двигателем, которые Мэри повторяла за ним слово в слово. Наконец все было готово. Коммуникатор Мэри заменили стандартным флотским, и вскоре Корсаков стоял на берегу, глядя на быстро удаляющуюся платформу и задумчиво подбрасывая на ладони остывающую клипсу, которую она вынула из уха. Двое десантников из тех, кто не стал переодеваться, остались с ним, еще трое отправились на платформе в качестве группы обеспечения. Отойдя от бродящих по берегу парней, Корсаков подумал, не послать ли конфиденциальный вызов Терехову. Ну просто так, напомнить, что за майора, которой его переподчинили, лейтенант отвечает всеми выступающими частями тела. Нет, так дело не пойдет. Надо по возможности спокойно сидеть, ждать докладов и надеяться, что десяток десантников уж как-нибудь да смогут уберечь одну женщину.

Платформа дошла до указанных Мэри координат быстро. Расстояние от берега было едва ли три мили, но глубина уже была довольно значительной. Наблюдавший за эхолотом сержант поднял голову:

– Есть!

Мэри и Терехов, до того сидевшие у борта платформы и перекидывавшиеся короткими байками – одна неоднократно прикрывала высадку десанта, другой участвовал в таких высадках под прикрытием – поднялись на ноги и подошли к развернутому в воздухе виртуальному дисплею. За их спинами сгрудились, вытягивая шеи, остальные.

– М-да... – протянула Мэри, переглянувшись с командиром десантников и снова уставилась на поворачивающуюся на дисплее модель. – Дрянь дело. Хотя... Как вас зовут, лейтенант?

– Даниил, госпожа майор.

– Без чинов, Дан. Меня зовут Мэри. Смотрите, похоже, юго-восточный сектор пострадал не так сильно. Ну-ка, парень, – кивнула она сержанту, – дай мне максимальное приближение.

Юго-восточный сектор находящегося под ними сооружения занял весь дисплей.

– Угу. Можно попытаться зайти вот отсюда, – она обозначила место затянутым в перчатку пальцем. – Ваше мнение, Дан?

– Согласен с вами, Мэри. Только... – русский десантник замялся.

– Слушаю вас.

– Я не знаю, как должен выглядеть сейсмический стабилизатор, но это больше всего похоже на развалины жилого купола.

– Вот именно, – взгляд Мэри стал жестким. – В отличие от вас, я знаю, как выглядит сейсмостабилизатор, и под нами точно не он. Ну что, пошли?

Терехов помог ей приладить шлем, лично запустил систему подачи и регенерации воздуха и показал, как включить мощный фонарь и камеру панорамной записи. Да, что ни говори, такое снаряжение она не купила бы ни за какие деньги. Теперь она знала, что так развеселило Никиту на пирсе: по сравнению с этим великолепием ранец и камера, прихваченные ею в доме Келли, выглядели попросту жалко. Мэри закрепила ласты, подмигнула Даниилу через прозрачное до полной невидимости стекло шлема, махнула рукой – «Делай, как я!» – и, перевалившись через борт платформы, канула в воду.

Если у лейтенанта Терехова и были какие-то сомнения относительно уровня подготовки майора Гамильтон, они исчезли почти сразу. Разумеется, профессиональным пловцом и ныряльщиком она не была, но снаряжение для подводного плавания явно надела не впервые. Движения ее были отточенно-экономны, она уверенно опускалась по пологой дуге, умело корректируя направление и скорость погружения. Терехов поймал себя на мысли, что прикрывать ее не составит большого труда. Вскоре они достигли наименее пострадавшей части подводного комплекса. Вездесущие водоросли покрывали разрушенное строение, наплевав, должно быть, на абсолютную гладкость металлопластовых стен. Мэри без возражений позволила огромным десантникам вежливо оттеснить ее в сторону. Общась между собой в основном знаками, они за несколько минут расчистили лаз в верхней части изрядно покосившейся стены. Двое двинулись внутрь, следом скользнул Терехов, и только потом в проход, оказавшийся отверстием в переборке полузаваленного коридора, разрешили проплыть Мэри, спину которой защищали еще двое парней. Остальные получили указание «приглядывать вокруг».

Двинуться налево мешали груды обломков, пришлось плыть направо. Первая находка обнаружилась метрах в пяти за поворотом коридора. Совсем молодая женщина с широко открытыми глазами защитным жестом прижимала мертвые руки к огромному животу. Мэри коснулась плеча Терехова, и тот перешел с циркулярной связи на личную:

– Слушаю вас, госпожа майор, – забыв, должно быть, при виде утопленницы распоряжение об общении без чинов.

– Дан, мы сможем ее поднять? – она пыталась контролировать голос, но предательская дрожь прорывалась через всю собранную в кулак выдержку. – Я... я не хочу оставлять ее здесь. И потом – Господи, прости меня! – это улика. Вещественное, будь оно все проклято, доказательство!

– Поднимем, Мэри, – спокойная деловитость опомнившегося лейтенанта помогла ей собраться. – Возвращаемся или дальше?

– Дальше.

– Тогда заберем ее на обратном пути, – несколько скупых жестов, сопровождающие кивнули, и, сохраняя прежний порядок передвижения, все шестеро поплыли дальше. Мэри боролась с почти непреодолимым желанием обернуться – ей казалось, что покойница укоризненно смотрит ей вслед. Некоторое время спустя им попались еще два трупа, на этот раз мужчин, одетых в хирургические робы. Частично разрушенное оборудование в просторных комнатах ничего не говорило Мэри – такую технику она видела впервые, хотя и могла с некоторой долей уверенности отнести ее к медицинской епархии. И теперь она только безостановочно водила головой из стороны в сторону, чтобы в поле зрения камеры с гарантией попало все. О том, что камера панорамная, она попросту забыла. Потом, все потом. Анализ, консультации специалистов, скрупулезная покадровая разборка заснятого... Вдруг самый первый из пловцов, заглянувший через приоткрытые перекошенные дверные створки внутрь одного из боковых помещений, отпрянул так резко, что его даже закрутило на месте. Следующим к дверям подоспел Терехов. Бросил взгляд, развернулся спиной к щели между створками и решительно выставил руку ладонью вперед.

– Вам не стоит смотреть на это, Мэри, – зазвучал в ее ушах сдавленный голос. – Честное слово, не стоит.

Мэри, которая уже порядком устала от ненавязчивой, но постоянной опеки, только поджала губы и повела рукой. Мрачный лейтенант уступил ей место, и секунду спустя она пожалела о своей настойчивости. Резкий свет фонаря выхватил из мрака две койки и их хозяев. Хозяевам было лет по пять, не больше. Слабые бледные тела и непропорционально большие головы делали зрелище еще более жутким. Не говоря ни слова, Мэри попыталась разжать дверные створки. Терехов так же молча отстранил ее, махнул рукой десанникам и те принялись растаскивать заклиненные панели.

– Забираем? – спросил лейтенант, когда щель стала достаточно широкой для того, чтобы внутрь смог пробраться человек.

– На обратном пути, – зло процедила сквозь стиснутые зубы Мэри и двинулась вперед, не дожидаясь сопровождения. Впрочем, над ее головой тут же мелькнули две гибкие тени. Вскоре коридор уперся в еще один завал, на этот раз не достигающий до потолка. Однако проем между рухнувшими блоками и перекрытием был совсем нешироким. Блоки, как мельком отметила Мэри, были куда массивнее и тяжелее тех, с которыми маленькому отряду приходилось сталкиваться до сих пор. Немалый интерес вызывала и видневшаяся за ними искореженная дверь изрядной толщины, похоже, сейфовая. Что бы ни было там, за этим завалом, оно, должно быть, представляло собой ценность куда большую, нежели люди. Мэри всплыла к проему, осветила комнату, взгляделась...

– Дан, – повернулась она к Терехову, – мне надо туда.

– Исключено, Мэри, – резко бросил тот. – Ни один из нас туда не протиснется, а за вашу безопасность я отвечаю в прямом смысле слова головой, которой мне как пить дать не сносить, если с вами что-нибудь случится.

– Дан, взгляните, – она слегка посторонилась, – видите контейнер, вон там? Его необходимо достать. Эту штуку охраняли тщательнее, чем что бы то ни было в этом поганом местечке, во всяком случае, из того, что до сих пор попало нам на глаза. Я должна его добыть, понимаете, должна! Дан, пожалуйста, я не так широка в плечах, как вы и ваши люди, я смогу туда пробраться...

Терехов произнес по-русски короткую фразу, которую Мэри интерпретировала как ругательство, и снова перешел на уник:

– Хорошо. Будь по-вашему.

На ее поясе защелкнулся карабин страховочного троса, и Мэри буквально ввинтилась в узкое отверстие. Не более чем через минуту ее руки вытолкнули наружу прозрачный контейнер, с трудом прошедший сквозь проем. Терехов принял его, передал одному из своих подчиненных и осторожно, как морковку из грядки, за руки вытянул бельтайн-ку из комнаты в коридор. Стукаясь шлемами, все склонили головы над находкой, которую Мэри тут же забрала у сопровождающего. Герметичный пластиковый короб, подключенный, судя по всему, к портативной системе искусственного жизнеобеспечения, содержал в себе человеческий мозг, покрытый, на взгляд Терехова, тончайшей металлической сеткой.

– Что это такое? – хрипло прошептал лейтенант, и Мэри ответила, неестественно звонко:

– Точно я вам не скажу, Дан, но если вы вскрыете мой череп, то увидите практически то же самое. Это тарисситовая имплантация. Правда, тариссит, судя по всему, искусственный, но сути дела это не меняет. Видите овал? Это интерфейс, через него такие, как я, подключаются к корабельному компьютеру. Кажется, я догадываюсь... И если моя догадка верна, то сам Дьявол, наверное, будет в большом затруднении, когда душа создателя этого кошмара попадет наконец в его руки. Давайте возвращаться, иначе еще немного, и я... – она не договорила, развернулась и, прижимая к груди контейнер, медленно поплыла в направлении того отверстия, через которое они проникли в коридор. Терехов отдал приказ своим людям и присоединился к ней. Когда они добрались до выхода, остававшиеся снаружи десантники уже собрались около проема в перекрытии. Сначала наверх передали тело беременной женщины, потом детские тела, потом выплыла Мэри, так и не выпустившая из рук свой жутковатый трофей. Ее немедленно окружили со всех сторон хмурые мужчины, и теперь ее прикрывал мощный живой щит, тут же, впрочем, раскрывшийся.

Один из тех, кто не участвовал в осмотре внутренней части разрушенной базы, подплыл к ней и со словами:

– Вот, госпожа майор... нашел в чем-то вроде холодильника... – протянул ей штатив с большими пробирками, надежно сидящими в снабженных уплотнителями гнездах. – Вам это интересно?

Безжалостный свет фонаря не оставлял никакого простора для воображения. Мэри могла только предполагать, что именно находится в пробирках, но вплетенные в лист клевера круги, один со стрелкой, другой с крестом – знак Генетической Службы Бельтайна – говорили сами за себя.

– Интересно? Да, пожалуй. Ин-те-рес-но... – то ли задумчиво, то ли злобно пробормотала она, разглядывая штатив. Потом, все еще не поднимая головы, она негромко спросила: – Процесс обнаружения заснят?

– Так точно, мэ. С нескольких точек.

– То есть никто не сможет обвинить нас в фальсификации? – въедливо уточнила она.

– Это исключено, мэ. Блоки видеофиксаторов наших шлемов невозможно вскрыть, а запись не поддается редактированию. Суды Российской империи и Рах Мехисана принимают записи таких блоков в качестве вещественных доказательств.

Мэри, наконец, взглянула на держащего штатив десантника. На ее лице застыла настолько странная улыбка, что тот невольно сделал движение назад.

– Что ты хочешь за это, парень?

– Мэм? – он неуверенно покосился на держащегося поблизости Терехова.

– На Бельтайне нет орденов. У нас тут вообще слабовато с наградами. Я, конечно, переговорю с господином контр-адмиралом, но это будет поощрение от твоего командования. А что тебе могу дать я? Кортик хочешь? Наш, бельтайнский? Мой кортик, тот, что мне вместе с первыми погонами вручили?

– Я... мне ничего не нужно, госпожа майор! – не будь его руки заняты штативом, он уж точно замахал бы ими.

– Не нужно? Ну-ну... Ладно, я что-нибудь придумаю.

Путь к поверхности Мэри запомнила смутно. Он показался ей очень долгим, но все когда-нибудь заканчивается, закончился и подъем. С платформы сбросили легкие тросы, тела погибших осторожно подняли, вслед за ними на платформу перебрались пловцы. Она уселась, привалившись к борту, и устало вытянула ноги. Ей давно не доводилось плавать подолгу, тело, такое невесомое и послушное в воде, на воздухе стало неповоротливым и тяжелым. Руки, стискивающие лежащий на коленях контейнер с опутанным тарисситовой паутиной мозгом, мелко, противно тряслись. Кто-то – Терехов? – снял с нее шлем, но она даже не подняла глаз, продолжая буравить взглядом свою добычу. Внезапно она ощутила укол в области поясницы и резко вскинула голову. Лейтенант, мрачно улыбаясь, закрывал небольшой планшет, пристегнутый к поясному ремню.

– Господин Терехов?

– Транквилизатор, госпожа Гамильтон. Извините, что без спроса, но иначе вы сейчас попросту взорветесь.

Мэри хотела было возмутиться бесцеремонностью своего временного подчиненного, но тут по ее телу покатились мягкие, теплые волны. Она помедлила, прислушиваясь к ощущениям. Рвущееся из груди, колотящееся в глотке сердце успокаивалось, сотрясавшая руки дрожь унималась, расслабились закаменевшие челюсти.

– Спасибо, Дан, – устало улыбнулась она. – Вы совершенно правы. Как вы это сделали? Командирский доступ к встроенной аптечке?

– Именно так. Еще раз извините.

– Все нормально. Если бы вы стали спрашивать разрешения, у меня, пожалуй, хватило бы глупой гордости отказаться или, во всяком случае, начать спорить. Самое забавное, что сама я это проделывала неоднократно, точно так же не интересуясь мнением члена экипажа. Даже интересно оказаться по другую сторону забора, кто бы мог подумать...

Терехов с облегчением рассмеялся. Бельтайнка приходила в себя на удивление быстро, и он про себя восхитился уравновешенностью ее психики. Минимальное вмешательство – и вот вам, пожалуйста: только что пребывавшая на грани истерического припадка женщина уже вполне способна шутить.

Между тем платформа приблизилась к берегу и выползла на пляж, на котором нетерпеливо дожидался их возвращения Корсаков. Терехов уже известил его о находках, и Никита был хмур и сосредоточен. Руку, впрочем, он протянул Мэри вполне галантно, а она к тому времени уже достаточно пришла в себя для того, чтобы вспомнить о том, что, несмотря на весь ее боевой опыт и награды, для контр-адмирала Корсакова она прежде всего женщина.

Глава 3

В каждом деле есть таланты и бездари; те, чье мнение никого не интересует по причине незначительности оно, и те, с чьей точкой зрения считаются всегда. Станислав Сергеевич Тищенко имел все основания считать себя хорошим специалистом, потому что на сегодняшний день его признавали лучшим хирургом Экспедиционного флота Российской империи. Тищенко не брался судить, талантлив ли он, но ему определенно было чем гордиться и что вспомнить. Одно только столкновение в системе Веер чего стоило... Именно после той операции каперанг Корсаков стал контр-адмиралом, а полковник медицины Тищенко получил из рук его величества орден Святого Станислава. И когда Никита Корсаков принял командование над «Александровской» эскадрой (эскадры во флоте традиционно носили имя флагмана), Станислав Тищенко перешел на нее вместе с ним в качестве главного бортового врача крейсера «Святой благоверный князь Александр Невский». И, надо сказать, ни разу за два года не пожалел об этом. Хотя, если уж начистоту, служба выдалась спокойная. Вот разве что схватка у Зоны Сигма в системе Тариссы... И даже не сама схватка, а предшествовавшее ей принятие на борт бельтайнского экипажа...

В который раз Тищенко был вынужден признать справедливость утверждения, что тот,

кто думает, будто знает много, на самом деле не знает ничего. Эта девочка-капитан... какой организм, ему не доводилось сталкиваться с такими, а уж, казалось бы, повидал он немало. И какое самопожертвование, какое мужество! И какую, черт побери, хорошую работу он проделал! Ведь на волоске все висело. На тоненьком волоске.

* * *

Спрыгнув с платформы, Мэри повела плечами, разминая затекшие мышцы спины и позвоночник. Выпустивший ее руку Никита продолжал вглядываться в лицо девушки – не иначе, Терехов доложил и о вынужденном применении транквилизатора.

– Ваш коммуникатор уже добрых полчаса подает сигнал вызова, мисс Гамильтон. Я не считал возможным отвечать, ведь вы, кажется, хотели сохранить в некотором секрете эту маленькую экспедицию. – вокруг было изрядное количество посторонних ушей, и Мэри мысленно одобрила решение Никиты соблюсти некоторый декорум.

– Благодарю вас, господин Корсаков, вы правильно сделали. Могу я отдохнуть в конце-то концов?! – она не без успеха постаралась придать себе капризный и надменный вид.

– Я тоже так подумал, – улыбнулся он, любуясь бельтайнкой. Она была сейчас безусловно хороша, и даже слегка запавшие глаза, обведенные темными кругами, не портили ее. Боевая подруга во всей своей красе, такие ему до сих пор не встречались.

– Кроме того, вы бы и не смогли принять вызов, – добавила Мэри, – наши коммуникаторы снабжены системой идентификации, так что если ваш доступ не прописан... впрочем, это пустяки. Вот погружение, которое вы мне обеспечили...

– Вы довольны результатами этой вылазки, мисс Гамильтон? – негромко поинтересовался Никита.

– Скорее да, чем нет. Наши трофеи приводят меня в ужас. Но теперь я хотя бы знаю, пусть и очень приблизительно, какого рода «сейсмические стабилизаторы» установила на Бельтайне несуществующая «Трансплэнет Эквипмент» и с таким усердием бомбил Саммерс. И дайте мне только добраться до той твари, которая заваривала всю эту чертову кашу... – она повертела головой, взглянула на хронометр и снова начала оглядываться по сторонам.

– Вы что-то ищете? – спросил Корсаков.

– Ищу. Свою машину. Она уже должна была приземлиться здесь, но ее нет...

– Ах да. Я хотел сказать вам сразу, но засмотрелся на ваши находки... С «Александра» передали, что сигнал вашей машины пропал.

– Пропал?!

– Да. Возможно, сломался передатчик...

– Вздор, там совершенно нечему ломаться. – лицо Мэри внезапно стало настолько злым, что Никита, человек, в общем-то, неробкого десятка, невольно вздрогнул. – Говорите, голосит коммуникатор?

– Голосит. Вот, опять... – он протянул ей ладонь с клипсой и браслетом, извлеченными из кармана просторной куртки.

Мэри вынула из уха клипсу русского флотского коммуникатора, вставила свою и зажала браслет в пальцах. Встроенный анализатор ДНК-граммы признал хозяйку, и секунду спустя она поморщилась от истошного вопля незнакомого голоса:

– Мэри! Мэри, ты жива?!

– Ээээ... Жива. А кто это?

– Морган!!!

– Что у вас с голосом, Дядюшка? Я вас даже не узнала...

– С голосом? Что у меня с голосом? *У меня?!* Твою машину сбили, и ты еще спрашиваешь, что у меня с голосом?! – интонация Моргана в коммуникаторе стала почти нормальной, гремучая смесь ярости и облегчения не в счет.

– Сбили? Тогда понятно, почему она не прилетела в назначенное время, – отошедший было на несколько шагов Никита встал рядом с ней. Мэри быстро прижала палец к губам и

включила громкую связь. – А как стало известно, что ее сбили? И что это именно моя машина?

– Машина Келли внесена в реестр объектов сплошного поиска. Ее позывной автоматически отсылается всем наземным и воздушным патрулям в режиме «тревога при исчезновении». Шон сказал, что ее взяла ты, поэтому, когда сигнал пропал, а в соответствующем квадрате обнаружили горящие обломки... – Морган уже успокаивался. Было слышно, как он бросил кому-то: «Да жива она, жива и здорова. Машина пустая была. И не говорите мне теперь, что интуиции не бывает!»

– Ясно. А сама она упасть не могла? – вокруг Мэри и Никиты сжалось плотное кольцо из полудюжины десантников. Чем были заняты остальные, она не могла видеть за широкими спинами, но характерный набор звуков яснее ясного говорил о занятии круговой обороны.

– Нет, девочка, не могла. В нее выстрелили кумулятивным зарядом. С поверхности, сомнений никаких. Тело не нашли, даже фрагментарно, вот я и пытался связаться с тобой, была у меня надежда, что мы все тебе настолько осточертели, что ты решила взять отпуск.

– Великолепно, – Мэри язвительно усмехнулась. Ей нестерпимо хотелось выругаться, но не при союзниках же? – Просто великолепно. Отпуск, да. Дядюшка, вы мне нужны. Причем не на Бельтайне, а на орбите. И срочно.

– Не могу, Мэри, – коротко бросил Морган.

– Можете, Дядюшка, еще и как можете, – отрезала она. – Вы просто пока еще не знаете, что я нашла во время своего... хм... отпуска. Но я не хочу – и просто не имею права, поверьте, сэр! – оставлять свою находку на планете. Поэтому сейчас я буду очень просить господина Корсакова, чтобы он переправил меня вместе с результатами этой вылазки на «Александр». И вас. Как только вы сможете добраться туда, где вас подберут.

– Девочка, я действительно не могу, – вздохнул Морган. – Второй кумулятивный заряд, помощнее, прилетел в мой дом.

Мэри, у которой внезапно подкосились ноги, села на землю прямо там, где стояла. Пальцы Никиты сжали ее плечи, стриженный затылок Терехова напрягся.

– Лорена... – хрипло прошептала она и тут же почти закричала: – Генри, что с Лореной?!

– Лорена в порядке. Подвал у меня все-таки хорошо укреплен. Лестницу, правда, завалило, но спасатели уже работают. А перекрытия целы, так что она не пострадала. Зла, конечно, как черт...

– Ничего, – с облегчением выдохнула Мэри, бессильно откидываясь на, казалось, вросшие в землю ноги Корсакова, – пусть злится. Злится – значит, жива, покойники не злятся. Минуту, Генри. – она отключила звук и, вывернув голову, снизу вверх посмотрела на Никиту. – Господин контр-адмирал, мне не хотелось бы снова выступать в роли просительницы, но похоже, на своей собственной планете я вообще ничего не могу сделать без вашей помощи...

– Адмиральский катер стоит на том космодроме, где нас встречали. Я сейчас распоряжусь, чтобы полковника Моргана и мисс...

– Лорену Макдермотт.

– Мисс Лорену Макдермотт приняли на борт и доставили на «Александр». Не волнуйтесь, мисс Гамильтон, все будет в порядке. Прислать эскорт?

Мэри подняла руку, призывая его к молчанию, и снова включила внешнюю связь.

– Генри, вас с Лореной заберет адмиральский катер. Господин Корсаков интересуется, нуждается ли вы в сопровождении до космодрома? Учтите, эскорт должен быть, это не обсуждается, вопрос только в том, кто его обеспечит.

– Справимся, девочка, – проворчал Морган. – Передай мою благодарность господину контр-адмиралу. Я надеюсь, что в самое ближайшее время смогу пожать ему руку, а теперь...

– Занимайтесь своим делом, Дядюшка, а я займусь своим. До встречи на крейсере.

Мэри отключила связь, с полминуты посидела, глядя в пространство, и снова посмотрела на Никиту.

– И как вам это понравилось, господин Корсаков? – безупречным светским тоном осведомилась она.

– Более чем понравилось, мисс Гамильтон. Давайте-ка поторопимся, пока еще что-нибудь не стряслось.

Принявшие слова контр-адмирала как руководство к действию десантники, уже упаковавшие к началу разговора Мэри с полковником тела погибших в пластиковые мешки, принялись собирать платформу. Однако занималась этим только половина из них. Остальные, уже облаченные в штатную броню и вооруженные до зубов, рассыпались по пляжу. Мэри, буркнув: «Мне надо переодеться», пулей влетела в катер. Штатив с пробирками она обнаружила на одном из кресел и пристроила контейнер рядом. Буквально несколько минут спустя она уже ругалась сквозь зубы, пытаясь сложить снаряжение таким образом, чтобы оно влезло в мешок, из которого было вынуто. Привлеченный, должно быть, ее краткими эмоциональными возгласами, в катер заглянул Корсаков, насмешливо покачал головой и махнул рукой Терехову. Со словами «Дайте я, госпожа майор!» Даниил отобрал у нее мешок, комбинезон, шлем и ласты, и секунд через тридцать все было собрано. Мэри переглянулась с Никитой и виновато пожала плечами. Он усмехнулся, покосился на лейтенанта и того как ветром сдуло.

– Ты в порядке? – заботливо спросил Корсаков.

– Да. Нет. Не знаю, – она обхватила локти руками и слегка поежилась. – Кажется, начинается реакция. Мне нужно показать наши трофеи доктору Тищенко, сейчас я не могу обратиться ни к одному медику на планете. Никита, если это, – она кивнула на контейнер, – то, что я думаю, Бельтайну не отмыться никогда. Десять лет, подумать только, десять лет... Семь комплексов... Черт возьми, я всегда гордилась своими способностями аналитика, но сейчас я отдала бы все что угодно, лишь бы ошибиться. Потому что если я права... Господи всеблагий...

– Погоди, – коротко бросил Корсаков и выскочил из катера. Платформу затаскивали в грузовой отсек, охранение бдительно следило за подступами к пляжу. Терехов, покачиваясь с носков на пятки, наблюдал. Никита подошел к нему вплотную.

– Даниил, у вас или ваших людей есть что выпить? Что-нибудь крепкое?

– Майор Гамильтон? – понятливость лейтенанта Корсакова не удивила, непонятливые в десанте не служили.

– Транквилизатора, судя по всему, хватило ненадолго, ей явно необходимо...

– Секунду... Одинцов!

– Я! – подскочил тот самый сержант, который управлял эхолотом.

– Флягу давай.

– Ээээ... – парень замялся, смущенно покосился на командующего. – Господин лейтенант, у меня там не водка...

– Я знаю. Давай-давай, это даже хорошо, что не водка. Авось быстрее поможет. – Терехов выхватил флягу из рук сержанта и протянул ее Корсакову со словами: – Вы только проследите, чтобы она выдохнула перед глотком. Федор у нас парень простой, ничего, кроме новоросского самогона не признает.

Никита метнулся к катеру. Одинцов вытаращился на командира:

– Это для майора Гамильтон?! Да как же... Она ведь... дама...

– Она боевой офицер. Боевой офицер, на которого свалилось слишком много всего и сразу. А что дама... дамы разные бывают, Федя. Здешние пилоты не в теплицах растут и не в бальных залах служат. Ты ее при всех регалиях видел? Нет? А я видел. Ордена и звания за красивые глаза не дают. Да и на «Александр» она не на прогулочной яхте прилетела, если ты не в курсе. Что мы внизу нашли – это ж ни в сказке сказать, ни матом выругаться, ну, ты сам все видел. Уж на что я тут человек посторонний – и то мороз по коже. А представь, что ты такое на своем родном Новороссе отыскал, считай, у себя дома. Осознал? То-то же. И еще

машину ее взорвали, для комплекта... Так что не переживай, Одинцов, ей сегодня твой самогон – что слону дробина. – жестом отпустив подчиненного, Терехов осмотрелся и скомандовал: – Все, мужики, заканчиваем здесь и пошли, пора возвращаться.

В это время вернувшийся в катер Никита подробно объяснял Мэри технику питья новоросского самогона. Заинтересованная и несколько настороженная бельтайнка послушно выдохнула и отхлебнула из фляги. Ей показалось, что по пищеводу пронесся сгусток жидкого пламени и взорвался в желудке. Сразу стало почти жарко, в голове мгновенно прояснилось, а потом приятно зашумело. Разом ослабили колени. Мэри огляделась и опустилась в кресло рядом с тем, в котором лежали контейнер и штатив с пробирками.

– Ну ничего себе... Что это такое? – она повертела флягу в руках, поднесла горлышко к носу и втянула воздух слегка раздувшимися ноздрями. Резкий запах спирта был почти заглушен ароматом незнакомых трав. Даже вдыхать его оказалось неожиданно приятно.

– Я же тебе сказал: самогон, – ухмыльнулся Никита.

– Да ладно, подумаешь, виски тоже самогон, но это... – Мэри уважительно покрутила головой. – Это можно использовать вместо анестезии при хирургическом вмешательстве.

Начавшие подниматься в катер десантники услышали данное ею определение и дружно расхохотались. Одинцов надулся от гордости:

– Я деду обязательно расскажу, госпожа майор, что нашлась женщина, которой его творение по вкусу пришлось. Только он не поверит, наверное, до сих пор таких не было. Уж на что у меня бабка крепкая, и то ругается!

– Передайте вашему деду, господин... – «Одинцов», подсказал, склонившись к ней, Корсаков. – Передайте вашему деду, господин Одинцов, что если он захочет поставлять это пойло на Бельтайн, я помогу вашей семье организовать здесь рынок сбыта. Достоянейшая вещь этот ваш самогон, им бы надо комплектовать корабельные аптечки, – она осторожно сделала еще один глоток и, удовлетворенно кивнув, протянула бы– ло флягу владельцу, но тот только головой покачал:

– Оставьте себе, госпожа майор, вам нужнее.

Терехов между тем вернулся из грузового отсека и теперь шел по проходу, проверяя, как пристегнуты пассажиры. Остановился возле кресла со штативом и контейнером, скептически поджал губы и извлек откуда-то сверху большую сумку с лямками. Вытряхнув ее содержимое прямо на пол (это оказались брикеты сухого пайка), он засунул в сумку сначала контейнер, потом штатив. Закрытую сумку он поставил на сиденье кресла, продернул ремни через лямки, застегнул их и подтянул до предела. Пробормотав что-то вроде: «Ну вот, совсем другой разговор», он отнес пайки в грузовой отсек, занял свое место и скомандовал пилоту взлетать.

Катер оторвался от земли настолько мягко, что Мэри не ощутила даже самого легкого толчка. Встроенные гравикомпенсаторы гасили перегрузку почти полностью, поэтому ее только слегка вжало в кресло. Вокруг весело переговаривались десантники, ровное гудение двигателей убаюкивало, и она почувствовала, как тяжелеют веки. Голова ее склонилась на грудь. Сидящий рядом Корсаков покосился на девушку и осторожно прихватил пальцами запястье упавшей с подлокотника руки.

– Спит? – одними губами спросил расположившийся по другую сторону прохода Терехов. Никита еле заметно улыбнулся и утвердительно качнул веками.

– Умаялась... – покивал лейтенант и, включив циркулярную связь, негромко скомандовал в коммуникатор: – А ну тихо все! Разбудите – поубиваю!

– Мисс Гамильтон! – кто-то осторожно тряс ее за плечо. – Мисс Гамильтон, просыпайтесь, мы прибыли.

Мэри с трудом открыла глаза и увидела склонившегося над ней Никиту. Рядом маячил Терехов, держащий в руках сумку, которую, судя по всему, только что отстегнул. Она медленно поднялась, слегка поморщившись от тянущей боли в ногах, спине и плечах, и

требовательно протянула руку. Терехов вложил в ее ладонь лямки, она с улыбкой кивнула:

– Благодарю вас, Дан, мне было приятно работать с вами. – и пошла к выходу.

Несколько озадаченный, Терехов посмотрел ей вслед и повернулся к Никите:

– Майор Гамильтон не доверяет нам до такой степени, что не позволит даже нести ее багаж?

– Я думаю, лейтенант, она сейчас не доверяет никому. И ее можно понять. Хотя, конечно, я согласен с вами, такое недоверие обижает. Но тут уж ничего не поделаешь. Думаю, что на месте мисс Гамильтон любой человек стал бы немного параноиком.

Спустившись по трапу, Мэри обнаружила, что в трех шагах от него стоит доктор Тищенко, предупрежденный, должно быть, Никитой. Под его чутким руководством пластиковые мешки с телами грузили на автоматические носилки. Десантники уже разошлись, возле катера сутились техники. Повернув голову на звук шагов, врач окинул Мэри внимательным, оценивающим взглядом и сердито нахмурился.

– Мисс Гамильтон, я рад вас видеть, но я был бы рад еще больше, если бы вы прибыли на «Александр» в сколько-нибудь пристойном состоянии. Вы отвратительно выглядите. Да-с. Когда, позвольте вас спросить, вы спали в последний раз?

– Только что, – пожала плечами Мэри, – вот господин Корсаков не даст соврать.

Сошедший на палубу Никита утвердительно кивнул, но Тищенко на этом не успокоился.

– А сколько вы не спали до этого? – безжалостно уточнил он. – Сутки? Двое?

– Ну... чуть больше двух суток, наверное, – пробормотала Мэри, внезапно почувствовавшая себя проштрафившимся кадетом. Высказать свое отношение к полученной информации Тищенко не успел, это сделал за него оторопевший Терехов.

– Вы... вы хотите сказать, что я разрешил погружение человеку, не спавшему больше двух суток?! Мать честная... – за голову командир десантников, конечно, не схватился, но был, судя по всему, вполне близок к этому. Мэри почувствовала себя виноватой и по усвоенной еще до Корпуса привычке немедленно перешла в наступление:

– Я прекрасно себя чувствовала, господин Терехов. И кроме того, у меня было очень мало времени. У меня и теперь его очень мало, поэтому отложите все, что вы хотите мне сказать, до лучших времен. Хотя бы до завтра. Договорились?

Лейтенант смерил ее весьма красноречивым взглядом, обреченно махнул рукой, козырнул и отправился куда-то в глубь крейсера. Тищенко проверил крепление груза на носилках, коснулся кнопки на маленьком пульте, извлеченном из кармана, и носилки выкатились с причальной палубы в коридор.

– Это все, что вы привезли мне для исследования? – спросил он, делая шаг в сторону ожидающей машины.

– Нет. – Мэри двинулась следом, на ходу пристраивая лямки сумки на правое плечо. – В этой сумке еще кое-что, но открою я ее, с вашего позволения, только в лазарете. Все это следует осматривать в комплексе, тогда, возможно, сложившаяся картина будет цельной.

– Как вам будет угодно. Никита Борисович, вы присоединитесь к нам?

– Возможно, чуть позже, – покачал головой Никита. – Мне тоже интересно более подробно ознакомиться с находками и выслушать ваш комментарий, но сейчас мне нужно разобраться с некоторыми текущими моментами.

На самом деле, никаких проблем, требующих непосредственного участия командующего, на эскадре в данный момент не было. И Корсакову действительно очень хотелось отправиться в лазарет прямо сейчас. Но он не без оснований полагал, что у Мэри есть вопросы, которые ей будет проще обсудить с Тищенко с глазу на глаз. Полный отчет о находках он получит в любом случае, а присутствовать при разговоре женщины с лечащим врачом может только муж, да и то не всегда.

В этой части лазарета Мэри еще не была. Собственно, до сих пор ей довелось побывать только в реанимационном боксе и в крохотной двухместной палате, в которой она

окончательно приходила в себя после критической кровопотери, которая, собственно, и отправила ее в реанимацию. Сейчас она с любопытством осматривала просторное, ярко освещенное помещение, все стены которого были уставлены и увешаны самой разнообразной аппаратурой. Посередине стоял операционный стол, белый настолько, что было больно глазам. Рядом с ним застыли двое носилок, и непроницаемо-черные мешки на них оскорбляли зрение, как грязное пятно на чисто вымытом полу.

– Как я понимаю, там, – Тищенко кивнул на носилки, – трупы?

– Да, доктор. А здесь, – Мэри приподняла сумку за лямки и слегка встряхнула, – насколько я могу судить, то, из-за чего они стали трупами. Не угодно ли взглянуть?

– Прошу, – врач повел рукой в сторону стола, и она, открыв сумку, достала и поставила на сверкающую поверхность штатив с пробирками.

– Это принадлежит Генетической Службе Бельтайна – видите клеймо? Я не знаю, что находится внутри, но могу предположить, что это генетический материал Линий – Служба не работает с нелинейными. Во всяком случае, не работала на моей памяти. Что же касается вот этого... – контейнер с мозгом занял место рядом со штативом, – то я надеюсь, ВЫ объясните мне, что это такое. У меня есть определенные предположения, но пока они не подкреплены квалифицированным медицинским заключением, у меня нет возможности предъявить обвинение тому, кого я считаю шеф-поваром адской кухни, найденной нами на дне Маклира. Господин Тищенко, мне не к кому больше обратиться. Ни одному врачу на Бельтайне я не могу доверять, за исключением разве что деревенских костоправов, но они вряд ли смогут разобраться в предмете.

Русский врач издал какой-то странный полузадушенный звук, и Мэри подняла взгляд от своих трофеев. Тищенко был бледен, бледен до синевы, до того, что даже седые усы казались темными на фоне побелевшей кожи.

– Сэр?

– Извините, мисс Гамильтон. До меня доходили некоторые слухи, но своими глазами я такое вижу впервые. Мисс Мэри, госпожа майор, я прошу вас, я умоляю – дайте мне сорок восемь часов, – он явно пытался взять себя в руки, чтобы не захлебнуться рвущимися наружу словами. – Дайте мне сорок восемь часов, и я приложу все усилия для того, чтобы у вас на руках оказалось самое полное, самое исчерпывающее медицинское заключение по данному вопросу. Обещаю вам, что я никак не поврежу этот... гм... препарат. Я буду очень, очень осторожен с вашим вещественным доказательством, даю вам слово...

– Пятьдесят шесть.

– Что, простите?

– Я могу дать вам пятьдесят шесть часов, это двое бельтайнских суток. Больше – вряд ли, но на это время можете смело рассчитывать. Как-нибудь отговорюсь. В первый раз, что ли? – Мэри слегка пожала плечами.

– Благодарю вас. Я ваш должник и не забуду этой услуги. Да что я такое говорю, при чем тут я – этого не забудет Империя! – взволнованный врач прижал руки к груди.

– Господин Тищенко, – иронически усмехнулась Мэри, – я надеюсь, вы не сочтете меня самоуверенной нахалкой, но я все же предпочитаю человеческую благодарность государственной. Государство, как правило, тяготится ролью должника и по этой причине бывает не слишком благосклонно к кредитору. То же, собственно, относится и к людям, но в несколько меньшей степени.

Успевший прийти в себя медик понимающе и чуть-чуть высокомерно улыбнулся:

– Как вам будет угодно, мисс Мэри. Я все-таки надеюсь, более того, я совершенно уверен, что у вас будет возможность переменить ваше мнение. Однако это дело будущего, а нам следует вернуться к более насущным проблемам. Итак, вы подремали в катере, пока летели с поверхности на орбиту. Перед этим не спали более двух суток. Чем вы занимались? Это не праздное любопытство, – поднял он ладонь, увидев, как лицо Мэри становится упрямым и неуступчивым. – Вы определенно не в порядке и я должен знать, какие меры следует предпринять.

– Ну, я... Когда я спустилась на Бельтайн, я узнала, что в результате бомбардировки погиб мой друг. Лучший друг. Ближе Келли О’Брайена у меня не было никого, – голос изменил Мэри, она судорожно сглотнула. Тищенко тактично сделал вид, что ничего не заметил. – Позавчера были похороны. После них мы с Лореной – это подруга полковника Моргана, командующего планетарной полицией, и очень сильный аналитик – засели за разборку сложившейся ситуации и занимались этим примерно полтора суток. Потом я доставала все это, – она кивнула на стол и носилки, – с океан-ского дна. Собственно, вот и все. Кстати, о Лорене Макдермотт. Она скоро будет здесь, и я прошу вас оказать ей всю необходимую помощь. Дом полковника Моргана, в подвале которого мы работали, взлетел сегодня на воздух, как и моя машина. Явным образом Лорена не пострадала, подвал там крепкий, но все может быть, не мне бы говорить, не вам бы слушать.

– Разумеется, мисс Мэри, я лично осмотрю госпожу Макдермотт. Когда вы ожидаете ее прибытия?

– Не знаю. – кураж на глазах оставлял бельтайнку, она начала сугулиться, губы уже почти не отличались по цвету от бледного лица. – Вероятно, господин Корсаков в курсе – ее и полковника Моргана должен забрать с планеты адмиральский катер. Как только они будут здесь, мне необходимо будет пообщаться с полковником и...

– Я все понял, – кивнул Тищенко. – Подождите, мне надо переговорить с Никитой Борисовичем.

Он отошел на несколько шагов и быстро заговорил по-русски. Выслушав ответ, он повернулся к Мэри и успокаивающе улыбнулся:

– Катер только что стартовал, ваши друзья будут на борту через два часа с четвертью. Вам следует поспать.

Мэри устало покачала головой:

– Боюсь, я не засну – нервы... Сказал бы мне кто еще неделю назад, что я употреблю это слово в собственный адрес... м-да. А если даже и засну, то вы меня не разбудите, а мне надо работать, понимаете, надо.

– Понимаю, – оценивающий взгляд врача стал неприятно острым. – Мне это не нравится, но вы взрослый человек и сами в состоянии решать, что и когда вам следует делать. А почему вы думаете, что не проснетесь вовремя, если вам все же удастся заснуть?

– Лейтенант Терехов еще на планете вкатил мне дозу транквилизатора из встроенной аптечки костюма для подводного погружения. А потом я выпила некоторое количество самогона с планеты Новоросс... я правильно произнесла название?

– Правильно, – вздохнул Тищенко. – Где вы только его взяли... И чем думал тот, кто вам его дал... точно не головой. Хорошо, мне все ясно. Сейчас мы с вами пройдем в палату, – он мягко, но решительно подтолкнул Мэри к выходу из помещения. – Там я вам введу снотворное с определенным сроком действия. Два часа – так два часа. Я предпочел бы усыпить вас на двадцать, но... В общем, вы проспите два часа, спокойно и без сновидений, а потом, можете не сомневаться, я вас разбужу и вы будете чувствовать себя гораздо лучше, чем сейчас. И похмелья у вас совершенно точно не будет. Новоросский самогон, боже мой...

За разговором они дошли до палаты. Мэри сняла рубашку, ботинки и бандану и растянулась на койке, а Тищенко извлек из прихваченной где-то по пути аптечки ампулу и прижал к ее шее. Несколько секунд спустя он удовлетворенно полюбовался на расслабившееся во сне и ставшее от этого совсем юным лицо, заботливо подоткнул одеяло, вздохнул и почти бегом вернулся туда, где дожидался своего часа помещенный в питательный раствор человеческий мозг.

Примерно час спустя доктор Тищенко закончил первичные тесты и уяснил для себя два момента. Первый: он понимает, с чем ему довелось столкнуться. Второй: его квалификации и имеющегося на борту оборудования явно недостаточно для полномасштабного исследования. И будь у него даже сто двенадцать часов вместо пятидесяти шести (а теперь уже пятидесяти пяти), делу это не поможет. Он задумчиво пожевал губами, молниеносно

скомпоновал файл короткого доклада и, подойдя к стационарному коммуникатору, вызвал старшего помощника. Петр Иванович Савельев, помимо прочих функций представлявший на борту «Святого благоверного князя Александра Невского» Службу безопасности Российской империи, отозвался сразу же. Порой Тищенко ловил себя на том, что всерьез сомневается, спит ли вообще старпом: в любое время дня и ночи тот был собран, деловит и готов к работе.

– Слушаю вас, Станислав Сергеевич.

– Петр Иванович, вы, разумеется, уже в курсе того, какой груз доставила с планеты мисс Гамильтон?

– В самых общих чертах. Вы намерены дать мне более полную информацию?

– Пока я к этому не готов, Петр Иванович. И, вероятно, никогда не буду готов, если вы не свяжете меня с медиками Службы безопасности.

– Вот даже как? – Савельев не скрывал своего удивления: Станислав Сергеевич Тищенко был врачом, как говорится, от Бога, и за все время их совместной службы впервые не смог справиться с проблемой самостоятельно. – Хорошо, доктор, оставайтесь на связи.

Несколько минут спустя на экране коммуникатора возник незнакомый Тищенко мужчина средних лет.

– Майор медицины Лобанов, Владимир Павлович. Чем я могу быть вам полезен, господин полковник?

– Владимир Павлович, в настоящее время я нахожусь на борту крейсера Экспедиционного флота «Святой благоверный князь Александр Невский», дислоцированного на орбите планеты Бельтайн системы Тариссы, – начал Тищенко стандартный доклад. – В моих руках находится – и будет находиться еще на протяжении пятидесяти пяти стандартных часов – имплантированный тарисситом живой человеческий мозг, помещенный в питательный раствор и подключенный к системе искусственного жизнеобеспечения. Информационный пакет с изображением упомянутого объекта и изложением обстоятельств находки я передаю вам в данный момент. Произвести полное обследование собственными силами я не в состоянии и потому вынужден обратиться за помощью к Службе безопасности.

Как только Тищенко упомянул тарисситовую имплантацию, лицо его собеседника окаменело, с него ушло всякое выражение, только глаза оставались живыми, в них читалась бешеная работа мысли. После примерно минуты тишины лобанов, по диагонали просмотревший присланную информацию, резко кивнул:

– Господин полковник, я прошу вас обождать на связи. Я не уполномочен решать такие вопросы. – И экран погас. Тищенко, у которого нестерпимо чесались руки скорее вернуться к работе, выругался про себя, подтащил к коммуникатору лабораторное кресло и стал ждать.

Между тем его сообщение, соответствующим образом оформленное и снабженное грифом «Весьма срочно», было принято куратором сектора, к которому принадлежала система Тариссы. Генерал-лейтенанту Михаилу Авдееву для принятия решения хватило одного взгляда. Российской империи доводилось уже сталкиваться с биологическими компьютерами, подобными тому, которым располагал в данный момент доктор Тищенко. Но, несмотря на все затраченные усилия, до сих пор добраться до производителя не удавалось. Добраться между тем было совершенно необходимо. Взрыв, прогремевший несколько лет назад на одной из планет, входящих в сферу интересов Российской империи, заставил Службу безопасности заинтересоваться источником запрещенных к распространению трансуранидов. Полностью автоматизированный рудник в поясе астероидов во всем остальном ничем не примечательной звезды был обнаружен довольно быстро. Однако подступы к нему охранялись боевыми кораблями, каждый из которых управлялся живым человеческим мозгом, имплантированным искусственным тарисситом. Такой же мозг управлял рудником и обоганительной фабрикой. Разведка лезла из кожи вон, но отследить источник поставки биокомпьютеров не удавалось. А тем временем агенты слали донесения об использовании объектов «Доуэль» не только преступными синдикатами и террористическими группировками, но и вполне законопослушными и благонамеренными

корпорациями Свободных Планет. Это было выгодно, очень выгодно, и честные бизнесмены только пожимали плечами в ответ на расспросы. Да, предложили приобрести. Да, дорого, но окупается быстро. Какая разница, откуда? Не морочьте голову, дело есть дело, закон спроса и предложения в действии...

И самое интересное состояло в том, что, пытаясь отследить происхождение и путь искусственного тариссита, используемого при имплантациях, имперская Служба безопасности после самой минимальной проверки сбросила со счетов единственный на всю галактику источник тариссита натурального – планету Бельтайн в системе звезды Тарисса. Учет добычи, реализации и средств, поступающих от продажи, вели сестры монастыря Святой Екатерины Тариссийской, остающийся на планете минимум в основном использовался для проведения имплантаций будущим кадетам Звездного и Десантного корпусов. Налаженная система позволяла четко отследить каждый миллиграмм драгоценного металла вплоть до тех крох, которые уходили на декоративные или функциональные татуировки монахинь, полицейских и служащих бельтайнских ВКС. Все было точно, как в аптеке, и законно, как воскресная школа.

Авдеев начал формировать пакет спецдонесения. Это был исключительно надежный и самый простой способ связи с его светлостью князем Ираклием Давидовичем Цинцадзе, главой Службы безопасности Российской империи. Постороннему взгляду набор слов, вставленный Авдеевым в стандартную форму, показался бы бессвязным бредом.

Сфера: Доуэль
Территория: Бельтайн, Тарисса
Местоположение: крейсер Экспедиционного флота «Святой благоверный князь Александр Невский»
Контакт: полковник медицины док– тор наук Тищенко Стани– слав Сергеевич, главный бортовой врач
Способ связи: волна коммуникатора
Статус: ожидает вызова

Экран коммуникатора засветился, и Тищенко, готовый уже от скуки полезть на стену, вскочил на ноги как ошпаренный. Пристально глядящего на него осанистого мужчину изрядно за сто он узнал моментально. Представлены они друг другу не были, но Ираклий Давидович Цинцадзе присутствовал при награждении Тищенко орденом Святого Станислава, и не запомнить этого человека было решительно невозможно.

– Ваша светлость!

– Присаживайтесь, Станислав Сергеевич. Я вас слушаю.

Тищенко хватило нескольких минут, чтобы объяснить Цинцадзе, что и каким образом оказалось в его распоряжении.

– У меня около пятидесяти четырех стандартных часов для того, чтобы провести исследование доставленных образцов, ваша светлость. Это немалый срок, но крейсер – не исследовательская лаборатория, а сам я всего лишь простой военврач, и моей квалификации недостаточно для того, чтобы выполнить обещание, данное майору Гамильтон, – завершил он.

Цинцадзе чуть насмешливо приподнял бровь, в голосе прорезался едва заметный акцент уроженца Авлабара:

– Ох, Станислав Сергеевич! Не прибедались бы вы... «всего лишь простой военврач»... Впрочем, не буду спорить, ваша квалификация известна вам лучше, чем мне. Как я понимаю, вам нужны люди и оборудование. Какие люди? – эта манера князя молниеносно переходить от светской болтовни к деловым вопросам давно стала притчей во языцех, не позволяя собеседникам расслабиться.

– Нейрофизиолог, генетик и биохимик. Если бы сюда мог прибыть профессор Эренбург...

– Вы имеете в виду Николая Эриковича? – Тищенко кивнул. – Хорошо, значит,

профессор Эренбург. По кандидатурам генетика и биохимика есть конкретные пожелания? Нет? Одну минуту, полковник.

Цинцадзе отвернулся от коммуникатора, негромко отдал распоряжение кому-то невидимому и действительно всего минуту спустя вернулся к прерванному разговору.

– Через два, максимум три часа специалисты и оборудование будут погружены на мой личный корабль и стартуют с Кремля. Думаю, «Александр» имеет смысл встретить их у зоны перехода, чтобы у вас было больше времени для совместной работы. Я свяжусь с Никитой Борисовичем. Обещания, данные союзникам, следует выполнять, тем более, – он покосился на что-то, невидимое для Тищенко, – что майор Гамильтон не впервые оказывает Империи поистине бесценную услугу. Могу я поговорить с этой достойной женщиной?

– Майор Гамильтон в настоящее время спит, ваша светлость, и я, как врач, не хотел бы ее беспокоить, – вежливо, но твердо ответил Тищенко. – У нее выдалась исключительно насыщенная неделя. Сначала – космический бой, смерть от кровопотери и возвращение в мир живых. Потом известие о гибели лучшего друга, его похороны и полтора суток аналитической работы, завершившиеся погружением на океанское дно и обнаружением исследуемых мною образцов. А на сладкое неизвестные злоумышленники взорвали ее машину и дом, в котором она вместе со своей напарницей корпела над аналитическими выкладками. Для нее сейчас каждая минута сна на вес золота или того же пресловутого тариссита. А через, – он коротко взглянул на хронометр, – полчаса я должен буду ее разбудить, потому что на «Александр» прибудет командующий планетарной полицией Бельтайна и они продолжат работу на основании полученных ею данных. И мисс Гамильтон опять будет пахать как проклятая и отговариваться тем, что на отдых у нее времени нет. Пощадите.

Терпеливо выслушавший эту эмоциональную тираду Цинцадзе примирительно поднял ладони:

– Господь с вами, Станислав Сергеевич. Я ни в коем случае не настаиваю, пусть спит, пока может. Почему-то всегда получается так, что тех, кто умеет работать, невозможно заставить отдохнуть, а тех, кто умеет отдыхать, не заставишь работать... Надеюсь, у меня еще будет возможность познакомиться с майором Гамильтон, а пока не буду вам мешать. Желаю здравствовать. – и князь отключил связь. Впрочем, несколько секунд спустя он уже разговаривал с Корсаковым.

– Никита Борисович, я направляю в систему Тариссы оборудование и специалистов, необходимых доктору Тищенко для проведения полноценного исследования добытых майором Гамильтон образцов. Извольте подготовить помещения и обеспечить все необходимые условия для того, чтобы все шло без сучка без задоринки. После того, как корабль стартует, с вами свяжутся и сообщат, у какой зоны перехода его следует встретить. Я не сомневаюсь в том, что они и сами прекрасно доберутся, но несколько дополнительных часов работы с этими находками уж никак не помешают. Пока же я настоятельно рекомендую вам оказывать все потребное содействие нашим бельтайнским союзникам.

– Так точно! – вытянулся Никита.

– Да, и вот еще что... – спохватился собравшийся было попрощаться Цинцадзе. – Не считите за труд помочь доктору Тищенко в общении с майором Гамильтон. Если я правильно его понял, она очень непростая пациентка, а Империя заинтересована в том, чтобы такой человек не загнал себя в гроб работой, которая выше его сил.

Доктор Тищенко встретил Моргана и Лорену у трапа адмиральского катера. С первого же взгляда ему стало ясно, что женщина вымотана и напугана, хотя и тщательно это скрывает под маской веселой злости. В который раз подивившись выдержке бельтайнок, он, не слушая возражений, решительно усадил ее в машину, клятвенно пообещал полицейскому полковнику, что с его подругой все будет в порядке, и торжественно отбыл в свои медицинские владения. Самого Моргана встречал Савельев, ухитрившийся практически слиться с переборкой во время отправки мисс Макдермотт в лазарет. Теперь же он как ни в

чем не бывало пожал Генри руку, еще раз представился, напомнив о знакомстве, состоявшемся несколько дней назад на поле запасного космодрома Бельтайна, и предложил проводить до помещения, которое господин контр-адмирал определил для работы майору Гамильтон.

– Как она? – тут же спросил Морган, усаживаясь на пассажирское место.

– Мисс Гамильтон? Неплохо, я думаю. По правде говоря, в этот визит я ее еще не видел. Наши brave парни – вы знаете, что господин Корсаков выделил ей в качестве сопровождения при подводном погружении десантное подразделение? – не придумали ничего лучше, как накачать ее транквилизаторами пополам с самогоном. Так доктор Тищенко пришел в ярость и вкатил ей снотворное, пообещав разбудить к вашему прилету.

– Транквилизаторы? – Морган повернулся к собеседнику так резко, что легкая машина слегка вильнула. – Мэри понадобились транквилизаторы? Черт знает, что такое... Нет, ну я еще понимаю – самогон, она, в конце концов, бельтайнка. Но транки?!.. Это на нее не похоже... У нее всегда была на редкость устойчивая психика, хотя неудачи она и переживала излишне эмоционально. Вы говорите – погружение? Какое еще погружение? Она что же, ныряла в океан? Интересно... Что она там такое нарыла, вы не в курсе?

– Частично в курсе, господин полковник...

– Генри, – проворчал Морган.

– Договорились, в таком случае я – Петр. Генри, частично я в курсе, но пусть она сама вам все расскажет. Сдается мне, у нее уже готова интерпретация находок и обстоятельств, а я пока мало что понимаю. Приехали.

Глава 4

В первый раз Петру Савельеву повезло еще в самом начале жизни. Незвестная мамаша, строго говоря, могла и в канаву выкинуть ненужного ей младенца, которого родила непонятно где и непонятно от кого. Но ему повезло – его подбросили на крыльцо приюта. Конечно, жизнь приют-ского мальчишки нельзя назвать сплошным праздником, но это жизнь. Жизнь, дарованная Господом, как частенько повторял похожий на сверчка священник, наставительно поднимая палец, подрагивающий то ли от старости, то ли от пристрастия к наливкам.

А потом ему повезло во второй раз. Приехавший с проверкой инспектор, беседуя с воспитанниками, обратил внимание на его редкую наблюдательность и умение логически рассуждать. Потом инспектор уехал, но всего через неделю – «подлизу» и побить-то успели всего два раза! – паренька забрали из приюта. Молчаливый капитан, под чьим присмотром в числе десятка таких же мальчишек оказался и Петя Савельев, занялся им всерьез. Закрытая школа... училище... Служба безопасности... Если бы Петру Ивановичу Савельеву в детстве сказали, что однажды он войдет в Малый его императорского высочества Совет... И будет готовить представление на контр-адмирала Корсакова, как возможного кандидата в этот Совет... Услышав такое, он посоветовал бы выдавшему очевидную глупость собеседнику прочистить мозги. А ведь случилось же...

* * *

Мэри несколько боком сидела на столе, подтянув одно колено к груди и непринужденно болтая другой ногой в воздухе. Перед ней мерцал виртуальный дисплей, но выведенная на него информация оставалась невидимой для любого, вошедшего в комнату. Чем ее не устроило любое из полудюжины стоящих вокруг стола кресел, Савельев не понял, но спрашивать поостерегся: уж больно хмурым было лицо в обрамлении коротенького белесого ежика. Старпому вдруг пришла в голову мысль, что девица-то, похоже, не блондинка, как ему показалось вначале, а просто седая. Совсем. Как лунь. Точно, блонд не отликает серебром, это седина. А ей и тридцати пяти еще нет, при средней

продолжительности жизни в полтора года лет – даже не зрелость. Морган, сам того не зная, тут же подтвердил догадку Савельева:

– Здравствуй, Мэри. А когда это ты успела поседеть?!

– Не знаю, Дядюшка, – слегка пожалала плечами она, даже не подумав ответить на приветствие. Впрочем, к ее привычке в разговоре с близкими людьми не тратить время на условности Генри привык уже давно. – До сих пор у меня волосы не отрастали настолько, чтобы иметь возможность оценить их цвет. Знаете, даже если это случилось только что, я не вижу ничего удивительного. И вы не увидите, даю вам слово. Впрочем, вы и так уже седы. Разве что полысеете.

– Ну спасибо тебе, дорогая, утешила, – ехидно проворчал Морган, ероша ладонью густую жесткую шевелюру цвета покрытой изморозью стали и косясь на Савельева, наслаждавшегося этой сценкой.

– Здравствуйте, Петр. Извините, я, кажется, невежлива сегодня. Тяжелый день. – Мэри свернула дисплей и спрыгнула со стола, протягивая старпому ладонь для рукопожатия. Савельев, пожалуй, предпочел бы поцеловать ручку, но сам способ подачи – ребром – не оставил ему выбора.

– Не извиняйтесь, Мэри, – добродушно проворчал старший помощник. – Я имею некоторое представление о событиях, которыми вы наполнили последние сутки. И полагаю, что «тяжелый» – слишком мягкое определение для вашего дня. А ведь он все еще продолжается, не так ли?

– Именно так. Прошу прощения, но нам с полковником необходимо...

– Уже ушел, – с понимающей улыбкой кивнул Савельев. – Если я вам понадобится – нажмите вторую кнопку на клавиатуре стационарного коммуникатора. Первая – это Никита Борисович, третья – доктор Тищенко, четвертая – вахтенный. Если вам что-то потребуется...

– Понятно. А доктора-то вы сюда зачем приплели? – поморщилась Мэри.

– А это не для вас информация, а для Генри. Если вы будете плохо себя вести, к примеру, работать без отдыха, он вызовет Тищенко прямо в это помещение. Вам ясно? – Савельев неожиданно подмигнул и выскочил из комнаты прежде, чем она успела высказаться по поводу столь вопиющего нахальства.

– И этот туда же, – буркнула Мэри, раздраженно глядя на дверь. – Знали бы вы, Дядюшка, как они меня достали своей заботой! Еще немного, и я всерьез поверю в то, что я нечто маленькое, слабое, беспомощное и на ногах не стоящее. Ну ладно Корсаков, а остальные-то почему?

Морган уселся в кресло, оказавшееся неожиданно удобным. Отвечать на явно риторический вопрос он не видел необходимости. Зачем объяснять девочке, что, с точки зрения русских военных, майор Гамильтон – при всех ее наградах, выслуге и огромном боевом опыте – в первую очередь женщина, и только потом офицер? Она и сама это прекрасно понимает. Да и, наверное, на самом-то деле не имеет ничего против такого положения вещей. Должно быть, у нее что-то не получается, вот она и злится. Или, что наиболее вероятно, информация, которой она располагает в настоящий момент, такова, что ее трясет при одной мысли. А русские с их галантностью и стремлением защитить просто попали под горячую руку.

– Ты в норме? – осторожно поинтересовался Генри примерно минуту спустя. Мэри снова уселась на стол, закурила, подтолкнула коробку сигар по столешнице поближе к своему собеседнику и тяжело вздохнула.

– Не уверена. Скорее нет, чем да. – она с силой нажала указательным пальцем на переносицу, помассировала, вздохнула. – В общем, так, Дядюшка. Одно из двух: либо мне нужен код доступа к закрытой полицейской статистике, либо вы напряжете память. Я и сама пробуюсь, – правильно истолковала она появившееся на лице Моргана саркастическое выражение, – но у нас не так уж много времени, сэр.

– Что тебя интересует, девочка? Я на память пока не жалуясь, может, и напрягать не

придется.

– Все может быть, – покивала Мэри. Поймала взгляд полковника, прищурилась: – Итак. Около девяти с половиной лет назад должны были резко участиться случаи исчезновения совсем маленьких детей. Конкретно – четырех-пятилеток. Вряд ли меньше, ну, скажем, от трех лет. Тогда же стали пропадать молодые женщины. Все это достаточно тривиально, на то и «Сапсаны», чтобы их с планеты не вывозили, но мне кажется, что женщины и дети пропадали, а всплеск вывоза не был зафиксирован. И более того, в ту пору всякая шушера вообще несколько попритихла, так, нет?

– Так, – тяжело, холодно уронил Морган. – Дальше.

– Дальше – я думаю – года четыре или чуть больше назад детей перестали похищать. А вот женщины продолжают исчезать и сейчас.

Морган встал с места, прошелся по комнате и вдруг сильно, как клещами, сжал ее плечо, разворачивая девушку лицом к себе и стаскивая ее со стола.

– Коды тебе? – прошипел он. – Совсем обнаглела, влезла, а теперь выпендриваешься? Да я тебя...

Что именно намеревался пообещать бывшей подчиненной командующий планетарной полицией, так и осталось тайной. Потому что неожиданно для него пол исчез из-под ног, а секунду спустя обнаружился снова, только не под ногами, а под носом, которым полковник утыкался в жесткое покрытие. В поясницу упиралось колено, правая рука, вывернутая за спину и задранная вверх, каждым суставом и каждой связкой молила о пощаде. Единственное, на что он был способен в такой ситуации, это стукнуть по полу ладонью свободной руки – так чертова кукла еще и не сразу его отпустила! Неуклюжим слабаком себя Морган вполне обоснованно не считал. Тем обиднее была легкость, с которой его скрутила девчонка, лично им приведенная в полицию чуть ли не двадцать лет назад.

– Успокоился? – мрачно поинтересовалась Мэри, отбросив всякую субординацию и переходя на «ты». – Генри, ты бы поосторожнее со своим праведным гневом, я ведь от неожиданности и убить могу. Не лазала я никуда. И кодов я не знаю. Слово офицера. Что, неужели вот так, в точку, попала?

Морган поднялся на ноги, покрутил головой, разминая шею, рухнул обратно в кресло и насупился, массируя пострадавший плечевой сустав. Вот ведь засранка – с сигары, неизвестно в какой момент пристроенной в массивную пепельницу, даже пепел не упал!

– Как будто аналитическую сводку читала. Черт возьми, Мэри, или ты мне немедленно объяснишь, как ты до этого дошла, или...

– Или что? – ядовито усмехнулась Мэри. Серебристо поблескивающий ежик встопорщился, глаза сузились, ноздри зло раздувались. Она уселась в кресло, откинулась на спинку, забросила ноги в ботинках на стол и выпустила струю сигарного дыма в потолок. – Хорошо, сейчас я все по полочкам разложу. Но предупреждаю сразу, Генри: это такая гадость, что мне уже сейчас стыдно, что я бельтайнка. А уж когда док Тищенко сработает полный отчет... ты бы выпил, что ли. И мне налей. Плохо дело, Генри. Совсем, мать его, плохо. Ладно, давай по порядку. – она несколько секунд помолчала, собираясь с мыслями. Приняла из рук Моргана бокал с коньяком, бутылка которого была кем-то предусмотрительно выставлена на маленький столик у стены. Пригубила, покатала на языке. Проглотила. Морган мельком отметил, что детская привычка кусать губы в минуты задумчивости никуда не делась, и теперь они пламенели на бледном лице с едва заметными веснушками на чуть курносом носу. Сигара выписывала в воздухе замысловатые узоры, кулак свободной руки ритмично сжимался и разжимался. – Еще когда мы к Бельтайну подходили, после боя в Зоне Тэта, я обратила внимание на то, как аккуратно отбомбился Саммерс. Если бы не о моей родине речь шла – впору аплодировать. Так вот, всю планету я тогда с орбиты не видела. Но две точки в океане, подвергшиеся бомбардировке, засекала. В океане, Генри, заметь себе это. На случайные промахи это похоже не было, туда явно не по одной бомбе легло. И потом – общая, повторяю, аккуратность бомбардиров. Короче говоря, уже тогда мне стало очень интересно, что же у нас там такое, что Саммерсу в обязательном

порядке надо было разнести это вдребезги. Как ты понимаешь, какое-то время мне было не до того, да и по большому счету я была отрезана от планетарных баз данных. Но как только у меня появилось хоть какое-то время, я, как ты помнишь, затребовала у тебя карту бомбардировки. Короче говоря, точек в океане оказалось не две, а семь. И координаты их один в один совпали с местоположением сейсмических стабилизаторов. Ты понимаешь, о каких областях я говорю?

Морган мрачно кивнул. Мэри спустила ноги со стола, поднялась и начала обходить комнату по периметру, время от времени с размаху ударяя ладонью по светло-серой стене. Полковник, оказавшийся внутри круга, вертел головой, стараясь не выпустить ее из поля зрения. Она слегка покачивала корпусом при ходьбе, как будто повиновалась одной ей слышному ритму. Впрочем, так оно, наверное, и было: однажды разоткровенничавшаяся Лорена рассказала ему о том, что танец входит в обязательную программу подготовки пилотов. И в зависимости от того, что именно требуется в конкретной ситуации – успокоиться, сосредоточиться или, наоборот, взвинтиться, – тренированный пилот может сделать это несколькими движениями.

– Знаешь, Генри, я очень удивилась. Колоссально. Зачем бомбить совершенно безобидные установки, автоматические к тому же? Саммерс кто угодно, но только не идиот и не транжира. А потрачено на эти участки было немало, уж какое-ни– какое представление о стоимости боеприпасов я, спасибо старому Доггерти, имею. Вся эта затея с бомбежкой океанского дна имела смысл в одном-единственном случае: если там, внизу, не сейсмо-стабилизаторы, а какое-то другое оборудование. Я попыталась выяснить, какое, и потерпела полное фиаско. Фирма «Трансплэнет Эквипмент» не существует, так что выяснить, что именно она могла доставить на Бельтайн и смонтировать на океанском дне, мне не удалось. По объемам поставки и срокам монтажа тоже ничего не высветилось – слишком большой диапазон. По всему выходило, что надо лезть и смотреть на месте. Пришлось обратиться к Корсакову – уж очень мне не хотелось кому-то на планете сообщать о своем интересе к подводному миру, а из того, в чем я с Келли плавала, я уже выросла. Такое бывает, понимаешь ли, пятнадцать лет прошло... – что-то, подозрительно похожее на ностальгическую улыбку, мелькнуло на ее хмуром лице, на секунду сделав его мягким и женственным. Мелькнуло и пропало. – Ну, как ты уже, наверное, понял, русские – народ основательный. С точки зрения господина контр-адмирала, снаряжение для подводного плавания, предназначенное для одной женщины, – это полтора десятка десантников и платформа на антиграве, с эхолотом, подъемниками и прочими прибабахами, – чуть ироничная теплота, прорезавшаяся в глазах и голосе Мэри, понравилась Моргану, и он дал себе слово на досуге получше присмотреться к русскому командующему.

– А вот теперь – самое главное, Генри. Про остальные шесть точек говорить не буду, не видела, а вот там, где мы погружались, биогенетическая лаборатория. Была. И эта лаборатория использовала в качестве материала для работы людей. Живых людей. Мы подняли на поверхность женщину с явной многоплодной беременностью и двух малышей лет пяти с непропорционально большими головами. Мертвых, естественно. Женщина, похоже, из нелинейных, я попрошу доктора Тищенко снять ДНК-грамму, потом проверишь по базе объявленных в розыск. Она, скорее всего, просто суррогатная мать, с детьми сложнее. А тех, кто там работал, я решила оставить на месте. Эти люди не заслуживают быть похороненными в освященной земле.

Морган, уже некоторое время порывавшийся что-то сказать, решительно поднял руку, прерывая Мэри.

– Все это очень хорошо. Точнее, очень плохо. Но при чем тут стыд за свое происхождение?

– А ты бы меня дослушал, что ли. Еще я нашла там мозг, Генри. Живой человеческий мозг, имплантированный тарисситом, судя по оттенку – искусственным. Думаю, это и есть продукция лаборатории. Лабораторий. Сдается мне, в остальных точках то же самое. Поэтому их и бомбили. Следы заматали. Вот так.

Генри закрыл лицо руками и глухо проговорил из-за сомкнутых ладоней:

– До меня доходили слухи, девочка. Слухи о «мозгах на экспорт», причем речь шла не о специалистах, не о головах с мозгами, а именно и только о мозгах. Года три назад мы прошерстили все острова, весь континент, мы подняли на уши всех, задействовали Генетическую Службу, а вот в океан сунуться не додумались. Эх, была бы ты на Бельтайне, может быть... – полковник вдруг резко вскинул голову. – Ты сказала – с детьми сложнее. Чем сложнее?

– Я думаю, Генри, они линейные. Выношенные суррогатной матерью из простых, да, но по использованному генетическому материалу – линейные. Я там пробирки нашла...

– Невозможно, – отрезал Морган. – Я тогда добился от Совета тотальной проверки Генетической Службы, была создана ревизионная комиссия, Службу так трясли... Я ведь тоже не дурак, понимаю, что кроме генетиков у нас на такое никто не способен. Только у них есть и лабораторная база соответствующая, и знания, и специалисты. Так вот, у них не пропала не то что ни одна пробирка – ни одна клетка. Ты, я думаю, представляешь, как ведется учет в такого рода заведениях. Вы, линейные, так дороги не только в силу подготовки, но и в силу происхождения, – полковник криво улыбнулся, и тут заданный мягким, участливым голосом вопрос заставил его ощутить себя бабочкой на булавке:

– Генри, а кто возглавлял комиссию?

Несколько минут спустя Морган, хлебнувший самогона из прибереженной Мэри фляги, уже мог говорить не заикаясь. Услышав ее последний вопрос, он схватился за голову, зажмурился и простонал:

– Мразь... Он же подписывал все акты... он ходил с нами по всем лабораториям, все объяснял и рассказывал... Он был в меру зол, как всякий человек, которому помешали работать, но понимал необходимость сотрудничества, чтобы снять со Службы все подозрения, а в это время... – дальше последовало что-то крайне неразборчивое и предельно непристойное относительно шкуры, которая будет пущена на мехи для волынки, на которой Морган лично сыграет в день похорон мерзавца. Ненависть и ярость перехлестывали через край и грозили превратиться в нервный срыв... Короче, Мэри без долгих разговоров протолкнула между зубами полковника горлышко фляги и потом секунд десять с удовольствием любовалась результатом.

– Так, – каркнул Морган, отдышавшись и с уважением косясь на вернувшуюся на стол емкость. – А теперь – по порядку. Ты в состоянии расписать схему?

Мэри подумала, потянулась было к коньяку, потом все-таки подхватила со стола флягу, сделала небольшой глоток, снова закурила (кажется, она уже начала привыкать к используемому русскими табаку) и хмуро кивнула:

– Ситуация видится мне так: десять лет назад на дне Маклира под видом сейсмических стабилизаторов монтируются купола и оборудование биогенетических лабораторий. Прошу заметить, что изрядная часть средств, перечисленная за эту работу компании «Трансплэнет Эквипмент», практически одновременно уходит на некий счет, владельца которого я пока не могу достать. Банков-ские системы безопасности, чтоб им... Цюрих, что ты хочешь, они на банковской тайне помешаны всей планетой, включая детишек, собак и ручных ящериц. Далее. Одновременно с завершением монтажа начинают исчезать дети пригодного для имплантации возраста и женщины, которые могут выносить младенцев для последующего использования их в качестве доноров. Продукцией лабораторий являются биологические компьютеры. Ты хоть представляешь себе, Генри, какова производительность такого... гм... агрегата? Все плюсы живого мозга без его минусов в части необходимости обеспечения жизнедеятельности организма. И абсолютная управляемость, ведь тарисситовый имплант – это не только страховочный трос, не только верный помощник, который всегда может поддержать. Это строгий ошейник, это плеть, готовая в любой момент хлестнуть, это клинок, занесенный для смертельного удара. Кстати, заметь, что, как только подрастают ребяташки, полученные от суррогатных матерей, похищения детей прекращаются. Материал не тот. Это

затеял человек, прекрасно представляющий себе возможности линейных. Именно линейных. И как только он их получил, от нелинейных доноров отказались. Это ведь все очень недешево, Генри. Один искусственный тариссит чего стоит...

– А почему, кстати, искусственный? Что, на Бельтайне мало природного? – Морган, похоже, действительно не понимал.

– Мало. Очень мало. И его учет ведется не Генетической Службой, а монастырем. Я точно знаю, что тот тариссит, который пошел на неудавшиеся имплантации, извлекается, переплавляется и снова используется. Между прочим, когда линейный с имплантом умирает на планете, его имплант также извлекается. Это не афишируется, конечно... Вот тебе, кстати, и еще один вопрос: в последние годы не было ли случаев осквернения могил линейных?

– Черт побери... – прошептал потрясенный полковник, судорожно нащупывая флягу. Глаза его неотрывно следили за Мэри, тяжелое дыхание выдавало тщательно сдерживаемое бешенство.

– Угу. Значит, опять угадала. Мне это начинает надоедать, Генри, я устала. Ладно, продолжим. Техническое обслуживание так называемых «сейсмических стабилизаторов» осуществляется фирмой-поставщиком, для каковой цели через «Гринленд» в оба конца гонится огромное количество оборудования – безо всякой таможи, заметь. Все абсолютно законно, ни у кого не возникает ни малейшего интереса... Где, кстати, была Лорена, когда начиналась вся эта свистопляска с выделением средств на сеймостабилизаторы?

– Эээээ... Видишь ли, мы с ней... ну... я отпуск взял, и... – если бы кто-то сказал Мэри, что непрошибаемый полковник Морган способен застесняться, она только посмеялась бы, но своим глазам приходилось верить.

– Ясно. Два члена Совета, которые могли что-то почуять, отсутствовали. Изумительно. Полетели дальше. Плата за техобслуживание также по большей части уходила на пресловутый счет на Цюрихе. И на него же компания «Кристалл Лэйкс», финансировавшая Саммерса, перечислила кругленькую сумму перед самым налетом. И как только стало очевидно, что мы с Лореной занялись прикидками и соображениями, – я вынуждена тебя огорчить, за твоей машиной, вероятно, следили; уж за домом-то точно, – была предпринята попытка устранить обоих аналитиков, способных *быстро* докопаться до сути дела, – Мэри скривилась, как будто съела что-то непереносимо кислое. – Генри, я не могу пробиться. Что бы ты там ни думал о моих способностях хакера, одно дело – вскрыть замок на дверях твоего дома и совсем другое – снять информацию с банка, входящего в состав концерна «Креди Сюисс». Мне нужен профессионал. Я беспомощна, Морган. Ты понимаешь это? Я уверена, что знаю, кто и почему. Я – знаю. Но Маккормик никогда не даст санкции на арест. Даже если я докажу, что пресловутый счет на Цюрихе принадлежит этому человеку. Да-да, ему, именно ему, ты все правильно понял. Всегда можно отбрехаться: происки врагов, знать ничего не знаю, понятия об этом счете не имею, ни пенса ни разу не видел, меня подставили! Единственная наша надежда – показания Саммерса. Я сама его допрошу. Должна быть какая-то ниточка, должна, я чувствую это, как терьер чувствует крысу... – Мэри говорила все быстрее и быстрее, несущиеся вскачь мысли не успевали оформиться в слова. – Мы обязаны добраться до него, обязаны, слышишь? Генри, этой твари совсем не жалко Бельтайн. Ведь что получается? Сбей эти субчики машину, когда в ней была я – это бы полбеды. А если бы там был Корсаков? Мы ведь вместе летели на этот, с позволения сказать, пикник. Ты можешь представить себе реакцию Российской империи на то, что командующий эскадрой полетел осматривать достопримечательности спасенной планеты в сопровождении девицы из местных и был сбит террористами? Можешь? И я могу. Но не хочу.

В примыкающем к его каюте закутке Петр Иванович Савельев еще раз проверил, как ведется запись и отключил монитор. Последняя фраза майора Гамильтон относительно возможной реакции Империи на гибель контр-адмирала Корсакова озвучила одну из причин, по которым он включил выделенное бельтайнцам помещение в режим полного наблюдения. Умна, чертовка. Ох, умна. Посмотреть бы, что творится в этой прошитой тарисситом голове.

Седой голове. А кто бы не поседел? Если она права... а она, похоже, права... Не хотел бы старпом узнать о своей родине такое. А если учесть, какими методами защищают этот дурно пахнущий секрет... Савельев еще во время самой первой беседы проникся к майору – тогда еще капитану – Гамильтон искренней симпатией. Во-первых, за все время разговора она ни разу, даже в мелочи, не солгала. Во всяком случае, последующая проверка показала, что те или иные обстоятельства именно таковы, как их освещает капитан. Ну, с поправкой на личное восприятие, но это, господа, ложью считать уж никак нельзя. Во-вторых, эта женщина была непосредственной участницей ареста Эрика ван Хоффа, а о задержании этого персонажа в казино на Бельтайне в Службе безопасности легенды ходили. И когда сидящая на койке в лазарете Мэри Гамильтон заявила, что отдать ван Хоффа русским было ее идеей, Савельев только хмыкнул. Удивляться к тому моменту он был уже не в состоянии. Судьба... Вот и не верь после этого в нее! М-да... что она там говорила о хакере? Познакомить ее, что ли, с лейтенантом Танкаяном? Да, но тогда придется признаться в том, что каюту прослушивали. А то она не знает, старпом, себя-то хоть не смей! Знает, не может не знать. И все что она говорит, рассчитано и на постороннюю аудиторию тоже. Ловка, ловка. И повторять ничего не придется в случае чего, и союзники поставлены в известность о том, что от них требуется... нет, ну какого черта она не русская? Такую карьеру сделала бы в СБ – пальчики оближешь. Савельев слегка запнулся. Какая-то из последних мыслей была очень важной, но вот какая именно? Ладно, он подумает об этом позднее, а пока надо бы дать знать ребятам из программного обеспечения, что их помощь может понадобиться в любой момент.

Старпом как раз успел удостовериться, что лейтенант Танкаян уже вернулся из увольнения и вполне готов к работе, когда пришел долгожданный вызов из каюты, выделенной для работы майору Гамильтон. Подтвердив свою готовность прибыть для конфиденциального разговора, Савельев велел программисту ждать где-нибудь поблизости от упомянутой каюты и отправился беседовать с союзниками. Михаил Авдеев связался с ним около двух часов назад, еще раз указал на важность поддержания благоприятного контакта с бельтайн-цами. Также он частным порядком попросил «приглядеть за ноль двадцать вторым», прозрачно намекнув на заинтересованность Службы безопасности в общении с майором Гамильтон и после окончания инцидента в системе Тариссы. Вспомнив об этом сейчас, старпом усмехнулся. Не было никаких сомнений в том, что Авдеев, много лет проработавший в секторе и помогавший, в частности, полиции Бельтайна получить аэрокосмические истребители «Сапсан», сгорает от желания лично познакомиться с лучшим пилотом из тех, кому выпало летать на упомянутых истребителях. Да и аналитические способности мисс Гамильтон восхищали Авдеева еще с тех пор, когда он был полковником, а она девчонкой, вычислившей ван Хоффа. Так что Савельеву генерал-лейтенант завидовал и не скрывал этого.

В ожидании Савельева Мэри по просьбе Моргана вызвала лазарет. Тищенко, крайне недовольный тем, что его оторвали от работы, сообщил, что мисс Макдермотт спит «и будет спать, пока не выспится, что и для мисс Гамильтон было бы весьма полезно». Мэри ухмыльнулась, привычно заявила, что у нее слишком много работы, а врач так же привычно вздохнул, пробормотав себе под нос что-то о трудовоголиках. Просьба Мэри о снятии ДНК-граммы с утопленницы его ничуть не удивила, но тут вмешался Морган, попросивший, если это возможно, показать ему покойную. Тищенко пожал плечами, вывел на экран вспомогательного монитора изображение мертвого лица, взглянул на полковника и, бросив: «Я сейчас буду, мисс Мэри», выключил связь. У дверей каюты старпом и врач оказались одновременно, но первым вошел Тищенко. Морган уже приходил в себя, лицо, стянувшееся при виде погибшей женщины в жутковатую маску, постепенно расслаблялось.

– Не надо транквилизаторов, док. И ДНК-граммы не надо. Это Джессика Фергюссон, дочка Пола Фергюссона из отдела по борьбе с наркотиками. Мэри, ты помнишь Пола?

– Помню, Генри, – кивнула Мэри, пытаясь нащупать за спиной кресло. Савельев одной рукой придержал бельтайнку за плечо, другой придвинул кресло и усадил ее. – Ты забыл,

должно быть, что Келли был на крестинах маленького Патрика вместе с Амандой Робинсон. Так что я помню не только Пола, но и Джессику. Она тогда была таким ангелочком лет трех или четырех, в кудряшках и кружевах, и подарила мне зеленое птичье перо... Так это она?

– Она. Исчезла среди бела дня меньше года назад.

...Дождь хлещет по окнам. В кабинете командующего планетарной полицией царит полумрак, но это даже и к лучшему, больше соответствует настроению двоих мужчин. С экрана стационарного коммуникатора радостно улыбается хорошенькая девушка лет двадцати. Ее пышные вьющиеся волосы еще немного – и коснутся свечей, горящих на именинном торте, локоны и язычки пламени почти одного цвета. Медно-рыжий коротышка, глядящий на залитую водой площадь, старается если не быть, то хотя бы казаться спокойным, но его выдают стиснутые кулаки и пульсирующая на виске жилка.

– Мы найдем ее, Пол, – уверенно говорит полковник Морган. – Мы обязательно ее найдем, живой или мер... а, черт, прости, язык у меня... Мы найдем ее. Ступай домой, Пол, и успокой Летти. Джессика вернется...

Фергюссон кивает, не отводя взгляда от окна, потом поворачивается к шефу, пытается улыбнуться, от надежды, горящей в его глазах вполне можно прикурить. Он верит Генри Моргану, как верил ему всегда...

– Мэри, если мы не найдем стопроцентных доказательств, если Верховный суд не выдаст санкцию на арест... Клянусь, я просто пристрелю эту сволочь, где и как угодно, при любом количестве свидетелей. И пусть тогда Маккормик судит *меня*.

– Нас, Генри. Нас. Ты же не думаешь, что я позволю тебе захватить все удовольствие? – голос Мэри был так холоден, что старпом невольно поежился, а Тищенко только головой покачал и вздохнул. Все было предельно ясно. Помощи от Моргана по части заставить мисс Гамильтон отдохнуть он точно не дождет. Для приведения разгулявшихся нервов в порядок эта парочка будет использовать жуткое новоросское пойло – в самом лучшем случае коньяк, – а Савельев, того и гляди, еще подольет масла в огонь. Командующему, что ли, пожаловаться... Еще раз вздохнув, врач вышел за дверь, мельком отметив, что стену напротив каюты подпирает молодой лейтенант из, если память не изменяла Тищенко, группы программистов.

– Мисс Гамильтон, я полностью к вашим услугам, – заговорил старпом, как только убедился, что его собеседница вполне успокоилась. – Если я правильно понял, вам необходима помощь хорошего хакера?

Морган было вскинулся, но тут же притих под насмешливым взглядом Мэри:

– А ты как думал, Генри? Петр отвечает за безопасность на этом корабле и просто обязан быть в курсе происходящего на нем. И не говори мне, что сам никогда не поступал подобным образом, все равно не поверю. Девственников тут нет. Подвал-то свой ты по высшему разряду оборудовал не красоты ради, – и, обернувшись к Савельеву: – Вы совершенно правы, Петр, мне нужен хакер. Хороший профессиональный хакер. У вас есть такой?

– Есть, – утвердительно кивнул Савельев, коснулся браслета коммуникатора и негромко приказал: – Лейтенант, зайдите.

Несколько секунд спустя дверь открылась, и на пороге каюты встал невысокий, обманчиво сбитый парень лет двадцати двух—двадцати трех. Крупный нос с заметной горбинкой разделял два веселых карих глаза, губы под тонкими черными усиками готовы были в любой момент улыбнуться.

– Лейтенант Танкаян по вашему приказанию явился, господин старший помощник! – отрекомендовался он на унике чуть гортанным голосом. Савельев кивнул и повернулся к Мэри:

– Майор, рекомендую вам: лейтенант Георгий Танкаян. Способен раздобыть любую информацию, которая вам потребуется. Банковские системы компьютерной безопасности не представляют для него никаких сложностей, не так ли?

Слегка покрасневший лейтенант негромко ответил:

– Зависит от банка и от информации... – и тут в беседу вступила Мэри:
– Отделение «Креди Сюисс» на Цюрихе. Номер счета есть, надо добраться до настоящего имени владельца. Возьметесь?
– Возьмусь, госпожа майор. Прикажете приступить немедленно?
– Прикажу. И сама пойду с вами – с вашего позволения, конечно. Хочу понаблюдать за работой мастера. Знаете, лейтенант, это хорошо, что вы Георгий. Нам противостоит такой дракон, что без Джорджа никак не обойтись, – с этими словами Мэри решительно вышла из каюты. Посторонившийся лейтенант пропустил ее, козырнул и прикрыл за собой дверь. Оставшиеся в каюте мужчины переглянулись.
– Мисс Гамильтон всегда так быстро соображает? – поинтересовался Савельев, с некоторым сомнением поднося к носу флягу с остатками самогона.
– Как правило, еще быстрее, – усмехнулся Морган. – Сейчас она устала и нервничает. Хоть бы у этого вашего мальчика получилось добыть то, что ей нужно... Правда, толку от этого... Разве что подтвердить ее выкладки – ну так я и без этого знаю, что если Мэри Александра Гамильтон говорит: «Я уверена» – значит, дело обстоит именно так, как ей представляется.

Старпом внимательно наблюдал за Морганом. Ему нравился этот долговязый, обманчиво нескладный, рано поседевший мужик лет восьмидесяти. Петр Савельев ценил профессионалов, а командующий планетарной полицией Бельтайна, безусловно, был именно профессионалом. Во всяком случае, именно так отзывался о нем Михаил Авдеев, а в умении куратора сектора разбираться в людях сомневаться не приходилось. Да и захват Мануэля Мерканто, с которого, собственно, и началось сотрудничество службы безопасности Российской империи и полиции Бельтайна, дорогого стоил. А тот факт, что вознаграждение, положенное за передачу Империи этой во всех отношениях яркой личности, Морган, не взяв себе ни гроша, потратил на покупку для полицейских нужд аэрокосмических истребителей и обучение пилотов, вызывал у Савельева глубочайшее уважение. Про выпестованные полковником кадры тоже забывать не стоит: выскочившая только что за дверь второй лейтенант полиции была, с точки зрения старпома, достойна как минимум следующего звания. А по-хорошему – уместны были бы капитанские погоны. Даже странно, что Мэри до сих пор не поднялась по служебной лестнице. Полиция – не флот, по идее, традиционные ограничения бельтайнских ВКС на нее не должны бы распространяться... Об этом он и спросил Моргана. Тот, повеселевший было, снова нахмурился.

– Видишь ли, Петр... ничего, что я на «ты»? – Савельев только рукой махнул. – видишь ли... Я могу дать ей и первого лейтенанта, и капитана. Запросто. Даже если не учитывать последние события, просто по выслуге – я ведь ее из полиции не увольнял, просто перевел в резерв командования. Но повышать Мэри в звании я не буду. Смысла нет. Да она и не примет повышение при существующем раскладе.

– Почему? – недоуменно поднял брови старпом. Его собеседник криво усмехнулся:

– Мэри не останется на Бельтайне. Нечего ей здесь делать. Думаю, она и сама это прекрасно понимает. Чем и где она займется, я не знаю, но с Бельтайна улетит при первой же возможности. Понадобится – я ее пинками выпровожу, – Морган вздохнул, глядя на оторопевшего Савельева. – Не понимаешь?

– Нет, – честно ответил русский, который и в самом деле ничего не понимал. – Она же ап Бельтайн, как ей может быть нечего делать на Бельтайне?

Генри подпер ладонью щеку, исподлобья глядя на сидящего напротив офицера безопасности. Он пребывал в изрядном затруднении, не очень-то представляя себе, с чего именно следует начать. Как объяснить чужаку бельтайнские реалии, если в их хитросплетениях не всегда удастся быстро разобраться даже аборигенам?

– Ты в курсе, что Мэри понятия не имеет о том, кто ее отец?

Савельев равнодушно пожал плечами:

– Не вижу в этом ничего особенного или, тем более, постыдного. Такое случается не

только на Бельтайне. Я и сам подкидыш, не то что отца – матери не знаю, но мне это не помешало дослужиться до капитана второго ранга. Или на вашей планете такие строгие нравы, что рождение вне брака клеймит человека на всю жизнь и не дает сделать достойную карьеру вне зависимости от его заслуг?

– Да это-то тут совершенно ни при чем, – отмахнулся, закуривая, Морган, – в сущности, все пилоты – бастарды. Женщины из Линий пилотов замуж за отцов своих детей, как правило, не выходят. Потому, в частности, что при создании эмбриона для усиления положительных качеств зачастую используют генетический материал давно умерших людей. Дело в другом. Ты уж поверь мне на слово: каждое достижение Мэри, каждый орден, каждое звание – пощечина Линиям. Что проку в строжайшем отборе, в скрещивании дочерей с отцами, а то и правнучек с прадедами (бывает и такое)... Что проку в вынужденном аскетизме в период службы и бесстыдной публичности выставленных на всеобщее обозрение родословных... Что проку во всем этом, если ап Бельтайн стала паршивая полукровка, выродец, беспородный щенок от внеплановой вязки? Определения я цитировал, если ты не понял.

– И кто же это у вас тут такой темпераментный? – недобро прищурился Савельев. Сказанное Морганом задело его неожиданно сильно, руки сами собой сжались в кулаки. Вот ведь как бывает: вроде бы далеко позади осталось детство в захолустном городке, летящие в спину комья грязи и крики мальчишек: «Приютская вошь, куда ползешь?» И уже давным-давно никто не называет Петю Савельева ублюдком. А тут услышал, как другого человека оскорбляют потому только, что отца своего он в глаза не видел – и аж покраснело все перед глазами.

– Ни больше ни меньше как достопочтенный Джастин Монро, глава Генетической службы, а по совместительству принцепал Совета Бельтайна. Мэри он ненавидит. И даже если нам удастся выбить из Верховного судьи ордер на его арест, – Морган при виде потрясения на лице собеседника зло усмехнулся, – да, Петр, это о нем говорила Мэри. Так вот, даже ордер на его арест ничего не изменит: Монро только выражает общее мнение. То, что решение Совета о присвоении ей звания ап Бельтайн было почти единогласным, ликующая толпа, которую ты наблюдал на днях, и громогласные приветствия, – все это скоро забудется. Кстати, ты заметил, что вас встречали только линейные? Уже сейчас очень трудно сдерживать нелинейных, возмущенных тем, что на «Сент-Патрике» были только дети Линий. Мэри надо убираться отсюда, причем убираться как можно скорее, идеально – вместе с вами. Иначе ей припомнят и два погибших при обеспечении эвакуации детей корвета, и то, что «Дестини» непоправимо поврежден, и вообще повезет, если в измене не обвинят...

– В какой еще измене?! – Савельев всерьез усомнился в том, что они с Морганом говорят на одном и том же языке. Может быть, он внезапно перестал понимать уник? Все слова были вроде бы знакомы, но смысл сказанного ускользал. По крайней мере, *что* могут бельтайнцы назвать изменой, он сообразил далеко не сразу. – Постой... Ты хочешь сказать, ей могут поставить в вину то, что она проложила курс для наших крейсеров, преследовавших Саммерса?

– И это в том числе. А если учесть, что она числится, а я думаю, и является любовницей вашего командующего... – полковник покачал головой. – Несдобровать ей. Так что надо как можно быстрее заканчивать это дело и отправлять Мэри с Бельтайна от греха подальше, хотя бы на годик, а там видно будет. С голоду она точно не умрет, платят пилотам хорошо, тратить, пока служила, было особенно не на что и...

– Не умрет, – холодно процедил сквозь зубы старпом, перебивая собеседника, – можешь не сомневаться. Придурки тут у вас сидят, Генри, ты уж меня извини. Такими кадрами разбрасываться – это ж додуматься надо. – Морган с кривой улыбкой развел руками, соглашаясь со сказанным. – Да на Кремле ее с руками оторвут, намекни только, что специалист такого класса ищет работу. У нас женщины во флот идут редко, а уж чтобы до капитана третьего ранга (по-вашему – майор) дослужиться – я такого что-то вообще не припомню, капитан-лейтенантов и то с дюжину, не больше. Так она еще и полицейский, для

комплекта. Ради одной экзотики возьмут в любую корпорацию. Это в том случае, если князь Цинцадзе не предложит ей службу у нас в конторе в качестве вольнонаемного сотрудника. А он, я думаю, предложит, – Савельев был совершенно уверен в сказанном, навряд ли Авдеев говорил только от своего имени. Не говоря уж о том, что куратор сектора обладал определенными полномочиями, и для очень многих действий ему и вовсе не требовалось одобрение центрального офиса. Да и у самого Савельева были определенные виды на эту шуструю девицу...

Морган открыл было рот для ответа, но тут его коммуникатор издал сигнал вызова. Взглянув извинившись перед собеседником, полковник отошел в другой конец комнаты и уже там отозвался:

– Здесь Морган!.. Что?! – на ставшем вдруг совершенно бесстрастным лице резко обозначились скулы. – Так... Кто стоял на часах?.. И?.. Ясно, – командующий подергал себя за седой бакенбард и несколько раз кивнул. – А Саммерс?.. Так я и думал... Черт знает, что такое творится на Бельтайне... Вот что, Шон, поставь-ка ты в качестве охраны летунов и прикажи не пускать вообще никого, кроме меня, я скоро буду.

Сидящий в кресле Савельев терпеливо ждал, пока Морган закончит разговор. В переводе он не нуждался, подключенный к корабельному компьютеру коммуникатор исправно переводил с кельтика, на котором общался со своим подчиненным бельтайнец. Судя по тем репликам, которые были в данный момент доступны слуху старшего помощника (потом можно будет послушать и полный вариант, уж что-то, а перехват на крейсере работает исправно), на поверхности случилась какая-то неприятность, связанная с арестованным Джерайей Саммерсом. После всего того, что уже довелось услышать русскому офицеру – и опосредованно, через мониторы слежения, и лично – он не удивился бы ни попытке освобождения задержанного, ни даже покушению на его убийство. В который раз попытался прикинуть рассказанное майором Гамильтоном и полковником Морганом ранее и услышанное только что «на русские деньги» и в который раз не смог. Происходящее не укладывалось в голову. Странное место этот самый Бельтайн. Похоже, мисс Гамильтон росла в более чем любопытной обстановке – тем удивительнее полученный результат. Между тем бельтайнец закончил разговор и теперь стоял, потирая квадратную нижнюю челюсть.

– Проблемы, Генри? – осторожно поинтересовался Савельев. – Я могу помочь?

– Мне надо вниз, причем быстро, – бросил Морган. Старший помощник, оставив выяснение причин на потом, тут же связался с причальной палубой, приказав готовить катер к спуску на планету. Выслушал ответ, поморщился, буркнул что-то не слишком ласковое и повернулся к собеседнику:

– Через полчаса сможешь вылететь, раньше не получится, извини. Так что случилось?

– Кто-то пытался добраться до Саммерса. На Бельтайне, видишь ли, бывают после налета перебои с подачей энергии, так что стационарное питание камер наблюдения и электронных замков отключилось, а автономное было чем-то подавлено... Парня, который стоял на часах возле камеры, просто убили, вкатили дозу феррестина. Черт... Если бы не механический замок в дверях, дублирующий электронику... Есть у нас такой интересный деятель, Майкл О'Лири, я его в свое время не посадил, хотя и было за что. Так он теперь по первому требованию налаживает мне запорные устройства, любые, хоть электронику, хоть механику. Открыть, закрыть, заклинить так, чтобы вообще больше никто не мог воспользоваться, ну, ты понимаешь.

Савельев кивнул, с любопытством ожидая продолжения. То, о чем говорил сейчас Морган, с успехом практиковалось и в Российской империи.

– В общем, дверь камеры этот неизвестный господин так и не открыл, так что Саммерс жив. И вот что интересно: покойный Джонни Маллиган найден в позе, которая ясно говорит о том, что он встал навстречу своему убийце. Так это ж надо знать Джонни: он сроду свою задницу от стула не отрывал почти ни перед кем. В общем, можно с уверенностью сказать, что он, во-первых, узнал пришедшего, а во-вторых, этот пришедший был ну ооооочень высокопоставленной особой. Смекаешь, к чему я веду?

Старпом откинулся на спинку кресла с крайне неприятной ухмылкой, и Моргану не надо было смотреться в зеркало, чтобы знать, что точно такой же мимический шедевр украшает сейчас его собственное лицо. Пара волков – нет, не волков, волкодавов! – глядела сейчас друг на друга, сдерживая в груди грозное рычание.

– А давай-ка мы Саммерса поднимем на «Александр»? – не меняя выражения лица, предложил русский. – Хотя нет, «Александр» вот-вот снимется с орбиты и пойдет встречать корабль со специалистами, которых Тищенко вызвал с Кремля для работы с трофеями мисс Мэри. Ну, тогда на «Бориса», это даже и лучше, там как раз есть пара прекрасно оборудованных допросных, да и специалисты соответствующие найдутся. Ты же не собираешься позволить своей девочке самой допрашивать Саммерса, как она намеревалась?

Морган уселся напротив Савельева и уставился на него поверх соединенных кончиками пальцев ладоней. Молчание затягивалось. Наконец Генри улыбнулся уголком крепко сжатых губ и коротко вздохнул:

– Ни в коем случае, Петр. Хватит и того, что ее совершенно ненормальное для бельтайнского военного отношение к потерям среди гражданского населения – целиком и полностью моя заслуга. Или вина, это уж с какой точки зрения посмотреть. Мать Агнесса уж точно сказала бы, что вина.

– А что ты сделал? – негромко спросил Савельев.

– Мне были нужны пилоты, самые лучшие и никак не связанные с планетарными разборками, а разборки, поверь, хватало. И я обратился в монастырь Святой Екатерины. А чтобы убедить настоятельницу отдать мне помимо прочих еще и Мэри, я показал монахиням – ну и ей тоже, она тогда числилась в послушницах, – как выглядит на земле живой груз работорговца. Живой груз, выброшенный из корабля через шлюз на шестимильной высоте. Мэри было тогда четырнадцать лет. Знаешь, ее лицо после просмотра записи иногда снится мне в кошмарах, – Морган говорил все тише и тише, совсем замолчал, сгорбился, на несколько секунд опустил лицо в ладони. Старпом тоже молчал. Его старшей дочери было как раз четырнадцать лет, и он даже думать не хотел о том, что может почувствовать ровесница его хохотушки-Верочки при виде описанного Морганом зрелища.

– Я получил своего пилота, – продолжил полицейский, уронив руки на стол и по-прежнему не поднимая головы. Говорил он с трудом, как будто выдавливая каждое слово из пересохшего горла. – Лучшего пилота, именно такого, который был мне нужен. Но что я сотворил с душой девочки... Петр, если после всего, что сделала пиратская эскадра с Бельтайном, после смерти Келли, позволить ей допрашивать Саммерса, он не доживет до конца допроса. И помимо того, что он просто не успеет дать показания, на совести Мэри – а совесть у нее есть, и, пожалуй, даже больше, чем следует – будет человек, которого она голыми руками забила до смерти. У меня нет детей, и Мэри, наверное, наиболее близка к тому, чтобы называться моей дочерью. Вот ты мне скажи, – поднял он наконец на Савельева подозрительно блестящие глаза, – мне надо, чтобы моя дочь жила с таким грузом?

Петр, не отвечая, развернулся к столику с бутылкой коньяка, налил полный бокал и толчком отправил его по столу в сторону Моргана, как заправский бармен по стойке. Тот ловко, не пролив ни капли, поймал емкость, благодарно кивнул и сделал изрядный глоток, однако снова заговорить не успел. Дверь каюты отлетела в сторону от короткого злого рывка, и на пороге возникла Мэри с маячащим за спиной молодым программистом.

– Владелец счета – Джастин Френсис Монро! – выпалила она.

Глава 5

Строго говоря, Лорена Макдермотт официально среди наставников Звездного корпуса не числилась. Но иногда попадались кадеты настолько интересные, что бухгалтер и аналитик не выдерживала и бралась их учить. И первой такой ученицей стала Мэри Гамильтон. Хорошее было времечко... Не всегда выводы юной подопечной выглядели логично, не всегда девочка могла объяснить, почему думает так или иначе, но ошибалась она крайне

редко.

Незамужняя, бездетная, Лорена иногда думала, что хотела бы иметь такую дочь, как Мэри. Увы, все попытки специалистов Генетической службы создать приживающийся эмбрион пошли прахом. И Лорена смирилась с тем, что ее удел – смотреть как растут девочки, рожденные теми, кому больше повезло в жизни. Хотя о каком везении можно было говорить, к примеру, в случае Алтеи Гамильтон? Два месяца с дочкой, которая по твоей милости всю жизнь будет числиться в полукровках – вот и все. Но с каждым прожитым годом Лорена Макдермотт все чаще ловила себя на мысли, что она завидует Алтее Гамильтон, ведь у той были хотя бы эти два месяца...

А у Лорены были почти двадцать лет, на протяжении которых майор, а затем и полковник Генри Морган время от времени делал ей предложение. Лорена отказывала раз за разом, не желая признаваться даже самой себе в том, что боится. Боится, что ярый приверженец традиционных ценностей, Генри однажды пожалеет о том, что детей у них нет и не предвидится. И только совсем недавно у нее появилась надежда. Призрачная надежда на то, что тогда, тридцать лет назад, генетики ошиблись. Просто ошиблись при выборе подходящего партнера.

* * *

Крейсер «Святой благоверный князь Александр Невский» возвращался к Бельтайну от Зоны Сигма. Пару часов назад к нему благополучно пристыковался фрегат «Эльбрус». С него на борт «Александра» перебрались ученые и лаборанты в сопровождении такого объема багажа, что каперанг Дубинин только головой покачал и пробормотал вполголоса:

– Феерия!

Отсеки в окрестностях лазарета были подготовлены заранее. Список требований, предъявляемых научными консультантами к выделяемым помещениям, их размерам, взаимному расположению и схемам энергообеспечения, был передан на крейсер одновременно с сообщением о том, что «Эльбрус» вынырнет из подпространства в Зоне Сигма. Теперь лаборанты и выделенные Дубининым техники занимались размещением и подключением несметного количества приборов, тестеров, диагностов и компьютерных блоков. В это же время прибывшие медики проводили короткое предварительное совещание по поводу предложенных к изучению объектов.

Николай Эрикович Эренбург, знаменитый на всю Галактику нейрофизиолог, был не слишком доволен бесцеремонностью имперской Службы безопасности. Ее сотрудники вытащили его непосредственно с симпозиума, посвященного возрастным изменениям высшей нервной деятельности. Однако переданные ему перед отлетом результаты первичных тестов, проведенных доктором Тищенко, настолько заинтересовали грозного профессора, что он, по его собственным словам, за время дороги толком даже и не присел, потому что на бегу ему лучше думается. Вероятно, так оно и было, потому что идеи теперь так и сыпались из него, и вставить даже короткую фразу в его многословные высказывания было непросто.

Поскольку доктор Тищенко не высказывал никаких пожеланий относительно того, кого он хотел бы видеть в качестве генетика и биохимика, его ждал приятный сюрприз: генетиком оказался его одноклассник по Медицинскому университету. С Павлом Тихоновичем Гавриловым они не то чтобы дружили, но вполне приятельствовали и даже одно время соперничали в студенческом научном обществе. Впоследствии Тищенко выбрал специализацией полевою хирургию и перевелся в Военно-медицинскую академию. Гаврилов же посвятил себя генетике и теперь по праву считался одним из самых крупных в Империи специалистов в этой области медицины. Существенная разница в выборе жизненного пути не мешала этим двоим обмениваться поздравлениями по случаю дня ангела и время от времени посылать друг другу подготовленные к публикации статьи на предмет рецензирования.

Невысокий, кругленький, рано облысевший Гаврилов забавно смотрелся рядом с

сухощавым Тищенко и вовсе уж карикатурно – по соседству с длинным и худым, словно жердь, Эренбургом. И только квадратный, более всего похожий на старомодный буфет Иван Иванович Смирнов, самый молодой из прибывших ученых, позволял генетику чувствовать себя хоть сколько-нибудь уютно в компании коллег и команды «Александра». Сходство пятидесятилетнего биохимика с буфетом в значительной степени было обусловлено одеждой: его длиннополую куртку украшали во всех мыслимых и немыслимых местах накладные карманы, карманчики и карманищи, снабженные крупными блестящими застёжками и топорщившиеся от расставленных по ним предметов. Доктор Смирнов искренне полагал, что все самое необходимое ему следует всегда иметь под рукой, а не выискивать, спеша и чертыхаясь, в сумках и ящиках с багажом. И эту причуду ему легко прощали за блестящий ум, острый, как древний скальпель земной золингеновской стали. Лично с ним Тищенко до сих пор знаком не был, но репутация Смирнова была широко известна в медицинских кругах Империи, и Станислав Сергеевич мысленно восхитился умением князя Цинцадзе подбирать людей для решения конкретной задачи.

– Вот, господа. Имеем, что имеем, – закончил корабельный врач рассказ о начерно исследованных им бельтайнских находках. – У нас меньше сорока часов, а сделать предстоит многое.

– А почему так мало? – брюзгливо осведомился профессор Эренбург. При его росте почти любой стул был не слишком удобным, и даже поднятое на максимальную высоту сиденье лабораторного кресла без подлокотников не компенсировало прискорбно низкой спинки.

– Потому что союзники и без того были достаточно любезны, предоставив нам для работы двое местных суток, – терпеливо пояснил Тищенко. – Я обещал мисс Гамильтон результаты полноценного исследования и намерен сдержать слово. Майор рискует своей репутацией среди соотечественников, и я не хочу подводить человека, без которого этот кошмар просто никогда не попал бы в наши руки.

– И когда же вы познакомите нас с этой рискованной особой? – все так же язвительно спросил Николай Эрикович, оставивший безуспешные попытки комфортно устроиться в кресле и теперь подпиравший стену лаборатории.

– Когда она проснется. А проснется она, когда выпится. И ни секундой раньше, – твердо сказал Тищенко. – Приступим, господа.

Мэри действительно спала. Она спала, когда крейсер разогревал маршевые двигатели. Она спала, когда, наводимый на курс снова заработавшими монастырскими маяками, он на форсаже шел к Зоне Сигма. Она спала, когда на борту поднялась строго дозированная суматоха, связанная со стыковкой, разгрузкой и установкой оборудования. Она просто спала, свернувшись калачиком и совсем по-детски подложив ладонь под щеку. Не особенно доверяя приборам в том, что касалось строптивой пациентки, Станислав Сергеевич несколько раз на цыпочках заходил в палату, у дверей которой учредил пост дежурного медтехника, и с удивлявшим его самого умилением любовался мирной картиной. «Ну наконец-то она никуда не бежит!» – неизменно бормотал он себе под нос, выйдя из палаты и плотно прикрыв за собой дверь. И очередной дежурный так же неизменно улыбался вслед корабельному врачу.

Когда Мэри открыла глаза, она не сразу сообразила, где находится. В комнате царил мягкий сумрак, источник слабого рассеянного света с ходу определить не удалось. Одно было совершенно очевидно: она выпалась. Приподнявшись на локте, Мэри окинула взглядом голые стены, стойку с кучей разнообразных приборов и табурет, на котором была сложена ее одежда, явно выстиранная и выглаженная. Поверх рубахи горделиво лежала бандана, которую какой-то шутник уложил кокетливым пышным бантом. Рукав надетой на Мэри легкой куртки прояснил ее местонахождение: ей уже приходилось носить русскую лазаретную пижаму. Встряхнув головой для приведения мыслей в порядок, она опять опустилась на койку и начала вспоминать, при каких обстоятельствах ее опять угораздило

попасть в лазарет.

– Владелец счета – Джастин Френсис Монро! – выпалила Мэри.

Сидящие в креслах мужчины выразительно пере-глянулись. Морган зло оскалился, Савельев азартно потер руки:

– Ну, вот и славно. Да? – в коммуникатор. – Хорошо, сейчас. Идем, Генри, катер готов.

– Куда это вы собрались, Дядюшка? – подозрительно прищурилась Мэри, переводя взгляд с одного решительного лица на другое.

– На Бельтайн. Надо забрать оттуда Саммерса на крейсер «Борис», а то его там чуть не убили. С Джонни Маллиганом, который его охранял, расправились, а до Саммерса не добрались все-таки. Опять же на «Борисе» и допросная есть... – обстоятельно начал Морган, но Мэри перебила его с хищной улыбкой:

– Отлично! Я буду рада лично побеседовать с господином Саммерсом. Оч-чень рада!

Морган беспомощно покосился на Савельева, но тот только пожал плечами, словно говоря: «Твоя дочь, ты и разбирайся».

– Послушай меня, девочка. Допрос подозреваемого лучше поручить специалистам, даже я, пожалуй, не возьмусь. Оставайся здесь, отдохни, за Лореной пригляди, сейчас русские ученые подтянутся... – зря он заговорил просительным тоном. Ох зря. Потому что майор ВКС Бельтайна Мэри Александра Гамильтон скрестила руки на груди и предельно ядовито процедила:

– И не подумая!

Впрочем, и она тоже неправильно выбрала тон. Ибо привычный Дядюшка немедленно исчез, а командующий планетарной полицией полковник Генри Джеймс Морган побагровел и рявкнул:

– Второй лейтенант Гамильтон! Вы остаетесь на крейсере «Александр»! Это приказ! Вы меня поняли?!

– Так точно, сэр! – выдавила застывшая по стойке «смирно» Мэри, и Савельеву даже стало жаль пилота: он ясно видел, каких усилий ей стоит держать себя в руках. По скулам перекатывались желваки, на виске, точно под тарисситовым крестом, пульсировала жилка, лоб блестел от испарины, губы побелели.

Морган удовлетворенно кивнул, бросил Савельеву: «Пошли!», и Мэри осталась одна. Впрочем, это продолжалось недолго. Она даже не успела налить себе коньяку или раскурить сигару: как раз в тот момент, когда кисти рук, судорожно сжатые в кулаки, наконец расслабились, в дверь без стука вошел доктор Тищенко и немедленно принялся за дело. Несколько минут спустя она оказалась в лазарете, причем одежду ее Тищенко унес с собой. Выпить ей он так и не дал, зато, уже уходя, оставил на тумбочке стакан с какой-то слабо опалесцирующей жидкостью. Посидев несколько минут, мрачно глядя в противоположную стену, она отхлебнула-таки из стакана и почти сразу же почувствовала, что глаза у нее закрываются. Решив, что обдумать все, что она имеет сказать предателю-Дядюшке, можно будет и потом, на свежую голову, Мэри зарылась под одеяло и провалилась в сон...

Еще несколько минут она провалялась в постели, лениво потягиваясь и оттачивая три-четыре фразы, которые должен был услышать Морган при их следующей встрече. Впрочем, врать самой себе она не собиралась: если Дядюшка добьется успеха, то дел будет куда больше, чем времени на разговоры. Да и омрачать общую радость скандалом никуда не годится. Если же, напротив, допрос Саммерса не даст того, на что рассчитывал Генри (ну и она тоже, за компанию), то грех усугублять упомянутым скандалом и без того подавленное состояние одного из самых близких людей. И вообще, пора вставать, потому что спать ей больше не хотелось. А вот есть – хотелось, и очень. Хорошенько поразмыслив, она пришла к выводу, что последней ее едой были сандвичи, слопанные на пару с Корсаковым в ожидании прибытия «снаряжения», что явно было достаточно давно. Чем бы ни напичкал ее корабельный врач, это что-то привело ее организм в совершенно нормальное состояние, и даже изрядное количество спиртного и сигар перед сном никак не сказывалось сейчас на ее самочувствии и, соответственно, аппетите.

Стоило ей встать с постели, как полумрак быстро, но плавно сменился довольно ярким светом. В дальнем углу палаты обнаружился санитарный блок, которым она с удовольствием воспользовалась. Когда Мэри, с наслаждением ступая босыми ногами по прохладным, слегка шершавым плиткам пола, вернулась в палату, то увидела под койкой свои ботинки, ранее не замеченные ею. Кто-то ухитрился начистить их до ослепительного блеска, в еще недавно тусклые застежки можно было смотреться, как в зеркало. Отражение, правда, получалось несколько кривоватым, зато смешным. Не-определенно хмыкнув, она быстро оделась, застелила койку, провела, поморщившись, рукой по ежику волос на голове, поискала и не нашла коммуникатор, пожала плечами и открыла дверь. При ее появлении сидевший на табурете у стены медтехник лет двадцати пяти вскочил и щелкнул каблуками.

– Госпожа майор, рядовой Рахимов! – представился он на унике.

– Вольно, рядовой, – кивнула она, с любопытством разглядывая парня. До сих пор почти все встреченные ею на корабле мужчины (женщин она не видела вообще и подозревала, что в русском Экспедиционном флоте таковые просто не служат) были выше ее или, в крайнем случае, одного роста. Макушка же медтехника была на ладонь ниже ее собственной, а разрез глаз и желтоватая кожа делали его немного похожим на жителя Небесной империи.

– Извольте немного подождать, я извещу доктора Тищенко, что вы проснулись, – быстро проговорил он и, не дожидаясь ответа, забормотал по-русски в коммуникатор. Мэри поняла, что от медика ей никуда не деться, хотя в данный момент с гораздо большим удовольствием повидалась бы с корабельным коком. Ее опыт путешествий на крупных военных кораблях, хоть и совсем небольшой, подсказывал тем не менее, что с камбузом всегда можно найти общий язык. Главное в этом деле – вовремя восхититься, все равно чем. От этих размышлений ее оторвало появление Тищенко, который, похоже, на сей раз был доволен своей пациенткой.

– Мисс Мэри, вы прекрасно выглядите! Говорил же я, что вам совершенно необходимо выспаться! – как ни хорошо выглядела Мэри с высказанной вслух точки зрения врача, он все же ловко увлек ее в палату, и не успела она опомниться, как к ее запястью присосалось щупальце кибердиагноста. – Все очень даже прилично, мисс Гамильтон, я бы даже сказал – хорошо... Уровень глюкозы низковат... как же это я не сообразил, надо было...

– Честно говоря, доктор, я изрядно проголодалась, – вклинилась Мэри в скороговорку врача. Тот поднял голову и с теплой улыбкой ответил:

– Все на ваше усмотрение, мисс. Если хотите, вам немедленно принесут поесть прямо сюда. Или, если вы сможете продержаться еще немного, то через час в кают-компании будет накрыт обед для офицеров крейсера и их гостей. Пока же можно слегка перекусить у меня в лаборатории.

– Обед? – ошарашенно выговорила Мэри. – Это сколько же я проспала?

– Около восемнадцати часов, – невозмутимо ответил Тищенко. – Сейчас по корабельному времени час пополудни.

– Поня-а-атно, – протянула она. – Я могу ошибаться, доктор, но мне кажется, что я еще ни разу в жизни не спала восемнадцать часов кряду.

– Очень может быть, мисс. Но поверьте моему опыту – для вас в вашем вчерашнем состоянии это было жизненно важно. Именно жизненно. Так что вы решили по поводу обеда?

– У вас уже есть какие-то новости относительно моих находок? Если да, то, разумеется, сначала в лабораторию.

– Кто бы сомневался! – страдальчески закатил смеющиеся глаза Тищенко. – Прошу за мной.

Вслед за русским медиком Мэри прошла через анфиладу помещений, в которых царил то, что она про себя определила как упорядоченный хаос. Изрядное количество людей перемещались с кажущейся бессистемностью, что-то замеряли, склонялись над

микроскопами, строили компьютерные модели, то тихонько переговаривались, то почти кричали. При этом было совершенно очевидно, что каждый знает свою работу и занят делом. В самом дальнем отсеке было сравнительно тихо. Три человека, в которых за мило было видно Большое Начальство, негромко, но ожесточенно спорили у огромного виртуального дисплея о чем-то, видимом только им.

В тот момент, когда несколько оробевшая Мэри переступила порог, один из спорщиков, сверка-ющий потной розовой лысиной толстячок, обреченно махнул рукой и откатился от стола, наме-реваясь, должно быть, перехватить что-нибудь с большого подноса. Поднос был непринужденно водружен прямо поверх груды полупрозрачных пластин непонятого назначения. Однако при этом маневре, проделанном с ловкостью, выда-ющей многолетний опыт, толстячок повернулся в сторону дверного проема и издал удивленное восклицание, заставившее его коллег поднять головы.

– Ага! – проскрипел на уника тощий старикан с воинственно торчащими усами, такой высокий, что Мэри, пожалуй, едва достала бы ему до подбородка. – Ага! А это, надо полагать, и есть наша Спящая Красавица? То есть уже, конечно, не спящая! Ну наконец-то!

– Мисс Гамильтон, – Тищенко поспешил вмешаться прежде, чем голодная, а потому, скорее всего, не слишком добродушно настроенная бельтайн-ка найдет, что ответить, – позвольте представить вам профессора Эренбурга. Николай Эрикович в настоящее время является лучшим нейрофизиологом в Империи.

– В Галактике! – вездливо уточнил профессор.

– В Галактике, – послушно повторил Тищенко, краем глаза наблюдая за реакцией своей пациентки. Та, похоже, с трудом сдерживала смех, и корабельный врач с облегчением понял, что гроза прошла стороной. – Профессор Эренбург – мисс Мэри Александра Гамильтон, майор ВКС планеты Бельтайн.

– Наслышан, наслышан. Рад личному знакомству. Ну и работенку же вы нам подкинули, мисс Гамильтон! Кстати, Станислав Сергеевич, вы в курсе, что ваша подопечная нуждается в завтраке? Или обеде, или ужине, или что там у нее по расписанию?

– Ээээ... А как вы догадались, сэр? – такой проницательности Мэри не ожидала.

– Пустяки, сударыня, – польщенный ее растерянностью Эренбург уже склонялся к ручке, став при этом удивительно похожим на помесь циркуля с богомолем. – Зависимость мимики и мелкой моторики от состояния организма – мой конек. Милая девочка, вы стараетесь быть вежливой, но ваши глаза все время постреливают в сторону подноса. Павел Тихонович, не считите за труд – соорудите девушке бутерброд и налейте чаю, а то до обеда еще далековато. Это мы, старики, можем пропускать трапезы, а молодость голодна всегда!

Ласково кивающий Мэри толстячок уже колдовал над подносом. Минута – и у нее в руках оказались тарелка с бутербродами и огромная кружка с обжигающей рубиново-красной жидкостью. Воровато оглянувшись на доктора Тищенко, Гаврилов молниеносно плеснул в чай пару унций коньяку из неизвестно как оказавшейся у него в руках и тут же исчезнувшей фляги. Она благодарно улыбнулась забавному человечку и опустила на один из свободных табуретов. Тем временем Тищенко продолжил представления:

– Вот этот господин, столь безответственно добавивший в ваш чай коньяк – да-да, Паша, я все видел, не отпирайся! – профессор Павел Гаврилов, генетик. Уж казалось бы, кто-то, а он-то должен быть противником алкоголя во всех его проявлениях, так нет же!

Гаврилов виновато развел руками, покосился на Мэри и неожиданно ей подмигнул. Она торопливо, почти не жуя, проглотила откушенный кусок бутерброда, опасаясь, что сейчас не выдержит, рассмеется и непременно подавится.

– И, наконец, доктор Иван Смирнов, биохимик Божьей милостью, – оставшийся у стола кряжистый мужчина лет пятидесяти, облаченный под распахнутым белым халатом в нелепую куртку, с достоинством поклонился.

– Ну что же, господа, полагаю, нам есть, что сообщить мисс Гамильтон. Николай Эрикович?

– Об окончательных выводах пока говорить рано, но предварительно я могу сказать,

что переданный нам для исследования человеческий мозг является преднамеренно созданным биокомпьютером, чьи функции искусственно поддержаны тарисситовой имплантацией. Тариссит не природный, он произведен лабораториями компании «Кристалл Лэйкс», что, в общем, было вполне предсказуемо. Скорость прохождения и обработки информации убийственная. Очевидно, именно тариссит препятствует гибели нейронов, в противном случае мозг оказался бы нежизнеспособным буквально через пару часов работы в полную силу. Хотя, надо полагать, именно тарисситовая имплантация обеспечивает ту самую производительность, от последствий которой сама же и защищает мозг. Личностные качества минимальны, приторможены примерно на уровне пятилетнего ребенка. Иван Иванович, прошу.

– Весьма оригинальный состав жидкости, циркулирующей в системе жизнеобеспечения. До сих пор нам не удавалось исследовать неповрежденный объект, все, что попадалось в руки нашему флоту, находилось в разных стадиях разрушения. Мы синтезировали по имеющемуся образцу боевой коктейль бельтайнских пилотов и простимулировали им мозг. Результаты сногшибательны. Вы часто пользуетесь этой гадостью, мисс Гамильтон?

Мэри, отставившая в сторону тарелку и теперь прихлебывающая горячий ароматный чай, коротко пожала плечами:

– Кадетов Звездного Корпуса с детства приучают к воздействию стимуляторов, без них в бою делать нечего.

– В таком случае, это действительно тариссит, – удовлетворенно кивнул Эренбург. – Интересно, кто первый додумался до такого?

– Констанс Макдермотт, одна из предков Лорены. Вы уже знакомы с Лореной Макдермотт?

Эренбург задумчиво кивнул:

– Мисс Макдермотт производит впечатление чертовски умной женщины. Это, видимо, семейное.

– Линейное. Линия Макдермотт издавна дает Бельтайну не только пилотов, но и ученых. Что касается семей... с этим у линейных редко складывается, сэр.

Тут в разговор вступил Гаврилов, уже некоторое время внимательно рассматривающий Мэри:

– Стало быть, мисс Гамильтон, вы принадлежите к Линии Гамильтон?

Мэри усмехнулась с едва заметной иронией и покачала головой.

– Вот как? Значит, вам предстоит стать родоначальницей?

– Нет, господин Гаврилов. Я не принадлежу к Линии Гамильтон, потому что мой отец не бельтайнец. Я полукровка, мой набор генов недостоин продолжить Линию, – в голосе Мэри прорезались издевательские нотки. – Так что последней представительницей моей ветви Линии Гамильтон была моя мать.

– Простите, мисс Мэри, вы сказали – была?

– Она погибла в космосе, когда мне было полгода. Так что все, что у меня есть – ее голосник и плита на мемориальном кладбище. Когда я была маленькой, мне это казалось ужасно несправедливым. – лицо Мэри стало задумчивым, и Тищенко не взялся бы интерпретировать слабую улыбку, время от времени кривившую ее губы.

– Понимаю, – пробормотал Гаврилов. – А ваш батюшка?

– Бабушка говорит, что я похожа на него. Очень может быть. Но тут мне трудно быть объективной, единственное изображение отца было в коммуникаторе матери, и когда она пошла на таран... Во всяком случае, на мать и вообще на Гамильтон я не похожа совсем, – бельтайнка в который раз пожала плечами. – Из того немногого, что мать рассказала бабушке, следует, что он был офицером, они познакомились на Бастионе Марико, отец хотел на ней жениться, но погиб, не успев сделать этого. Второе имя я получила в его честь, а первое – как благодарность Пресвятой Деве, давшей матери ребенка в память о мужчине, который любил ее. Впрочем, возможно, что все это вранье.

– Почему вы так думаете, мисс? – негромко спросил Гаврилов, не сводящий с Мэри испытующего взгляда. Остальные молчали, предоставив генетику удовлетворять любопытство со странной, обычно несвойственной деликатному Павлу Тихоновичу настойчивостью.

– Вы не знакомы с нашими обычаями, сэр. Сейчас стало чуть полегче, в частности, мой второй пилот вышла замуж за нелинейного, сейчас беременна третьим ребенком и это как-то проглотили. Но тридцать три года назад бельтайнка из Линий, допустившая и сохранившая беременность от неизвестного чужака... Алтея Гамильтон стала парией, понимаете? Ее в лучшем случае жалели, а чаще презирали, Генетическая служба настаивала на аборте... И если для того, чтобы иметь хотя бы одного союзника, она солгала своей матери, рассказав историю, достойную баллады о трагической любви, не мне ее судить.

Генетик с некоторым трудом сцепил пальцы заложенных за спину рук, прошелся по лаборатории, потом подошел к Мэри и ободряюще улыбнулся:

– Знаете, мисс Мэри... я уже довольно давно живу на белом свете. И почему-то я совершенно уверен, что ваша матушка сказала тогда чистую правду. Да-с. Кстати, я еще не успел отчитаться перед вами...

Пока Гаврилов обстоятельно рассказывал о том, что показал генетический анализ содержимого пробирок, а также двух детей, обнаруженных в подводном комплексе и нерожденных малышей Джессики Фергюссон, доктор Тищенко никак не мог отделаться от мысли, что у колобка-однокашника появилась какая-то идея. Идея, которую он не собирается озвучивать в присутствии мисс Гамильтон, намеренно уводя разговор в сторону. Похоже, это заметил и Эренбург, время от времени бросающий пытливые взгляды то на коллегу, то на его собеседницу. И когда с Тищенко связался Корсаков, сообщивший, что ждет мисс Гамильтон к обеду в кают-компании и выслал за ней вахтенного, а Мэри с сожалением отставила кружку, откланялась и ушла, корабельный врач немедленно взял старого приятеля в оборот:

– Ну-ка, Паша, выкладывай, что это тебе в голову взбрело? Сроду за тобой такого не водилось – в открытой ране ковыряться. Ты же не мог не видеть, что никакого удовольствия разговор с тобой ей не доставил!

Гаврилов попробовал было пристроиться на табурет, с которого встала Мэри, поморщился и опустил сиденье. Круглая добродушная физиономия была не то чтобы мрачной – скорее, целеустремленной.

– Стас, не шуми. Тут вопрос серьезный, более чем. Ты мне лучше вот что скажи: вы биокарту с девушки сняли, когда приводили ее в порядок после боя? Полную биокарту?

– Конечно. Черта с два мы бы ее от райских врат оттащили без полной биокарты. Организм, я тебе скажу, уникальный. И ведь твои коллеги с Бельтайна в данном случае сделали только половину работы, вот что у меня в голове не укладывается! Каковы же в таком случае чистокровные?

– А чистокровные, думается мне, послабее будут, тут вся штука именно в сочетании. Вот что, Стас, сбрось мне биокарту мисс Гамильтон и дай минут десять. Хочу кое-что проверить.

Заинтригованный Тищенко выполнил просьбу Гаврилова быстро, но с некоторым недоумением. Он никак не мог взять в толк, что надеется приятель выудить такое, на что не обратил внимания он сам. Смирнов начал что-то пояснять Эренбургу, тот кивал, время от времени вставляя замечания, с трудом балансирующие на грани пристойности, сам Тищенко тоже отвлекся, поэтому торжествующий вопль генетика застал всех врасплох. Гаврилов смотрел на дисплей, потирая пухленькие ручки и почти подпрыгивая на табурете.

– Паша, что там у тебя? Не томи! – Станислав Сергеевич старался говорить с легкой насмешкой, но честно признавался себе, что явная победа Павла Тихоновича задела его за живое.

– Сейчас, сейчас, еще минуточку... – протараторил тот, лихорадочно бегая короткими толстыми пальцами по клавиатуре. – Ну вот... почти... есть. Прошу вас, господа.

Все трое сгрудились за спиной генетика. На дисплее медленно кружились десятка полтора лиц, одних только лиц, от линии роста волос до подбородка.

– Ну-ка, Стас, покажи мне здесь мисс Гамильтон! – потребовал Гаврилов, и Тищенко, не испытывая ни малейших затруднений, ткнул пальцем в дисплей:

– Вот она!

– Верно. А тут? – картинка неуловимо изменилась. Лица по-прежнему кружились, но теперь Тищенко сомневался – даже если его не разыгрывали, и майор Гамильтон действительно была здесь, ее лицо затерялось среди других. Наконец корабельный врач не выдержал:

– Давай объясняй, ты, мистификатор!

И генетик негромко рассмеялся, довольный собой.

– Все мы знаем, господа, что фенотип определяется генотипом, – начал он лекторским тоном. – Другими словами, ребенок похож на своих генетических предков. Иван Иванович, будьте любезны, прикройте дверь... спасибо. Да, ну так вот. Внешность мисс Гамильтон поразила меня и...

– Чем это она тебя поразила? – перебил его изрядно раздосадованный Тищенко. – У нее достаточно заурядное лицо, впрочем, вполне приятное...

– Достаточно заурядное, да. Для русского крейсера. Но не для Бельтайна. Первая подборка – мисс Гамильтон в окружении соотечественниц. Выделяется, как гладиолус среди георгинов. Красивые цветы георгины, но они – не гладиолусы!

– А вторая подборка? – навис над генетиком Эренбург.

– А вторую я сделал на основе тех генных групп, которые обнаружил при исследовании биокарты мисс Гамильтон. Я использовал для второго коллажа лица дочерей русских офицеров, имеющих в прямых предках уроженцев как Новоросса, так и Кремля, – он наконец обернулся и окинул удовлетворенным взглядом ошарашенные лица коллег. – Ну помилуйте, господа, это же совершенно очевидно, стоит просто посмотреть на мисс Гамильтон. Я готов прозакладывать свою репутацию, что как минимум в одном матушка мисс Мэри не солгала: отцом ее дочери действительно был офицер. Русский офицер. По поводу желания жениться возможны варианты, но и это не исключено.

Обед прошел весело. Присутствие за столом двух бельтайнок – двух дам-офицеров! – настроило собравшихся на несколько игривый лад. Compliments сыпались как из рога изобилия, Лорена и Мэри шутливо парировали их и в целом все больше разговаривали, чем ели. Мэри, успевшая перебить аппетит в лаборатории и почти не прикасавшаяся к тарелке, с удовольствием принимала участие в общей беседе. Тот факт, что Империя никогда – за полным отсутствием необходимости – не нанимала бельтайнские экипажи, отнюдь не мешал взаимопониманию. И все шло хорошо, все шло просто замечательно, но только до того момента, пока командир крейсера не произнес в пространство:

– Шварце Мария Хеммильтон.

Увидев, как моментально подобралась Мэри, Корсаков успокаивающе коснулся ладонью рукава ее рубашки и устремил вопросительный взгляд на каперанга:

– Капитан Анатолевич?

– Прошу прощения, Никита Борисович. Несколько дней назад мисс Гамильтон упомянула в разговоре кампанию Бурга в системе Лафайет, и я к стыду своему только сейчас понял, кого имел в виду Генрих Ляйтль, второй помощник с линкора «Гейдельберг», когда восхищался командирским гением бельтайнского капитана, которую он называл Шварце Марией Хеммильтон.

Среди стихающих разговоров голос выпрямившейся в кресле Мэри прозвучал пронзительно звонко:

– Гением? В чем именно герр Ляйтль увидел гений? В том, что некая идиотка в пылу погони за отступающим противником оторвалась от мониторов огневой поддержки? Бросила своих людей прямо в объятия второй эскадры, вынырнувшей из-за теневой стороны

планеты? Потеряла два-двадцать один корвет вместе с экипажами? Интересные у него представления о гениальности, ничего не скажешь!

– Кхм, – кашлянул Дубинин, – а могу я услышать вашу точку зрения на произошедшее тогда? Что думает по этому поводу Ляйтль – мне известно, но у любой медали всегда две стороны...

– Моя точка зрения... Ха! – Мэри прикусила губу. – Что ж, извольте. Это был мой третий контракт (и первый именно боевой) и в свои неполные двадцать четыре я чертовски много воображала о себе. Поэтому когда у ведущей на сцепке «Хеопс» Джулии Хадсон начались неполадки с двигателями, и она была вынуждена покинуть ордер, я не увидела ничего ненормального в том, что сцепку перебросили на меня. Так или иначе, впереди у нас была эскадра Африканского союза, а сзади – пять кораблей Бурга, осуществляющих огневую поддержку. И мы пошли. Да что там – пошли! Мы побежали, задравши юбки и не оглядываясь! Связь в системе Лафайет работает так себе, высокое содержание металлов в астероидном поясе, из-за чего, собственно, и сцепились Бург с африканцами... Короче, я и оглянуться не успела, как первая эскадра, которую мы гнали, рассеялась, а с теневой стороны Лафайета-2 на нас вылетела вторая, примерно втрое более сильная. А от мониторов мы оторвались. Я оторвалась. И началась такая мясорубка... К тому моменту, когда до нас добрался «Гейдельберг», я потеряла семнадцать кораблей. И еще четыре погибли, прежде чем старый Шнайдер, дай ему Бог здоровья, успел поддержать нас главным калибром, – Мэри уже кричала. – Нет, конечно, я не спорю: Африканский союз после этого в систему Лафайет и носа не совал, но из-за меня – именно из-за меня, из-за моей неосмотрительности, самоуверенности, упрямства! – сто пять бельтайнцев остались там навсегда. Не говорите о моей гениальности мне, – последнее слова Мэри почти выплюнула, – скажите им! – она неожиданно сбавила тон и заговорила тихо и отрешенно: – И знаете, Дубинин, что самое страшное? Ни один из тех, кто все-таки выбрался оттуда живыми, выбрался не благодаря мне, а скорее вопреки... ни один из них не плюнул мне в лицо. Понимаете? Ни один... – Мэри с силой провела ладонью по лицу, стирая со лба бисеринки пота.

В кают-компании царил мертвая тишина, только Лорена Макдермотт что-то прошептала в коммуникатор и застыла, ожидая ответа.

Дубинин еще раз откашлялся, покосился на мрачного Корсакова, который, не рискуя, должно быть, прикасаться к взвинченной женщине, стиснул в руке массивный столовый нож и заговорил сухим менторским тоном:

– Оторвались от мониторов, вот как? Я слышал несколько иную версию событий. По словам Генриха Ляйтля – а лгать ему, думается мне, было незачем, – командование Бурга получило сведения о второй эскадре уже после вашего выхода на огневой контакт с первой. Получило и решило не рисковать своими людьми и кораблями. Мониторам поддержки приказали отстать и предоставить бельтайнских наемников их собственной судьбе. Вилли Шнайдер пригнал «Гейдельберг» на помощь погибающим корветам в нарушение прямого приказа, за что и вылетел с флота без пенсии. А некая Шварце Мария Хеммильтон ухитрилась в безнадежной ситуации сделать невозможное и сохранить почти половину своих кораблей, чем и восхищался Ляйтль. Вот так, мисс Гамильтон.

Мэри, выслушавшая эту краткую тираду с каменным лицом, устало ссутулилась и почти прошептала:

– Вы думаете, мне от этого легче?

– А если не легче, – Дубинин был неумолим, – то выберите время и посетите Гамбург, вторую планету системы Гете. В космопорте «Гамбург-главный» есть кабак, который так и называется – «Шнайдер». Выпейте со старым Вилли, ему будет приятно, что кто-то еще помнит его и благодарен ему.

Мэри молчала. Она сцепила руки так, что костяшки побелели, плечи ее напряглись, видимый Никите уголок плотно сжатых губ полз вверх в невеселой усмешке. Наконец она подняла голову, прямо посмотрела в глаза Дубинина и тихо, но отчетливо произнесла:

– Благодарю вас за совет, сэр. Я последую ему. Но знаете, что? Порой мне кажется, что

Джастин Монро был не так уж неправ, когда требовал, чтобы моя мать сделала аборт. Уж очень длинный шлейф смертей и сломанных судеб тянется за мной.

Полчаса спустя, когда столы были убраны, часть кают-компания трансформировалась в курительный салон, куда перешли Корсаков, Мэри и присоединившаяся к ним Лорена Макдермотт, уже некоторое время кивавшая чему-то, слышимому только ей. Остальные предпочли не навязывать свое общество мрачным гостям и не менее мрачному командующему. Когда створки дверей сомкнулись за маленькой компанией, Лорена неожиданно засмеялась, издевательски и зло. Черты изумительно красивого лица заострились и окаменели, и Никита вдруг с благоговейным ужасом понял, что при всей разнице в возрасте и внешности бельтайнки – сейчас – похожи. Очень похожи. Сестры, да и только.

– Мэри, лапочка, – почти пропела Лорена, – а хочешь знать, что послужило причиной неполадок с двигателями корвета Джулии Хадсон? Это очень интересно, дорогая!

Мэри хмуро покосилась на приятельницу, но промолчала. Та, подождав для верности с минуту и не дождавшись ни слова, окинула Корсакова не-ожиданно тяжелым взглядом.

– Послушайте и вы, господин контр-адмирал. Хотя я, пожалуй, предпочла бы поговорить с Мэри наедине. Репутацию Бельтайна надо беречь, тем более сейчас, когда от нее и так, похоже, вот-вот останутся рожки да ножки. Я рассчитываю на вашу скромность. – Корсаков сдержанно кивнул и Лорена продолжила: – За несколько часов до вылета на личный счет двигателяста Джулии Хадсон поступила сумма, равная годовому жалованью. Достойная причина для того, чтобы двигатели отказали, тебе так не кажется, девочка? Что же оставалось капитану Хадсон, как не покинуть ордер, перебросив сцепку на единственного, кроме нее самой, офицера, способного держать «Хеопс»! И ты осталась одна. Двадцать один обрыв поводка в течение боя... Я даже представить себе такое не могу. Не могу и не хочу. Обрыв поводка, сэр, это больно. Адски больно, невыносимо. И ты выжила, и не сошла с ума от боли, и сохранила восемнадцать кораблей. Знаешь, Мэри, я склонна согласиться с герром Ляйтлем, что бы ты сама ни думала по этому поводу, – безапелляционно завершила Лорена свою, произнесенную наставительным тоном сентенцию.

В глазах Мэри зажегся опасный огонек. Она подалась вперед и хищно усмехнулась:

– А знаешь, очень интересная картинка получается, если проанализировать временной фактор. Это произошло десять лет назад, так? Подстава была сработана на совесть, и по всем показателям я не должна была выбраться живой, кто ж мог предусмотреть вмешательство «Гейдельберга». А потом, одновременно с началом работ на океанском дне, все попытки повредить мне прекратились. Не иначе как кое-кому нашлось чем заняться и помимо некой полукровки.

Ближе к вечеру Мэри поняла, что заняться ей нечем. Сунувшись после обеда в лабораторию, она очень быстро испарилась оттуда, не желая путаться под ногами у работавших, по сути, на нее людей. Часа три ушло на сбор полного пакета доказательств по десятилетней давности эпизоду в системе Лафайет. Тут ей опять помог лейтенант Танкаян, легко пробирающийся в таких дебрях банковских программ, что у нее при одном взгляде начинала болеть голова. К великому ее сожалению, выяснилось, что побеседовать с Хью Маккуином, двигателистом Джулии Хадсон, не получится: его на редкость «удачно» зарезали в пьяной драке всего через несколько недель после памятного Мэри боя. От Моргана и Савельева не было никаких известий. Какое-то время ушло на систематизацию уже имеющихся данных относительно связей Монро с корпорацией «Кристалл Лэйкс», но к девяти вечера по корабельному времени дела категорически закончились. Мэри заглянула в один из спортивных залов, но с удивившим ее саму смущением поняла, что заниматься в присутствии мужчин не может. Были б это свои, бельтайнцы... Лорена, сославшись на усталость, прилегла в выделенной ей в качестве личного пространства палате лазарета. Эта самая усталость не то чтобы не понравилась Мэри, но природа быстрой утомляемости мисс

Макдермотт никаких сомнений не вызывала с самого начала, а на прямой вопрос майор Гамильтон получила столь же прямой ответ. У нее тут же возникло острое желание связаться с Морганом и процитировать полковнику его же собственного заместителя: «У двух добрых католиков первенец должен рождаться в законном браке!» Впрочем, они люди взрослые, разберутся сами. Конечно, шестьдесят пять – не самый лучший возраст для первых родов, но с другой стороны, рожают и в сто, а Лорена в прекрасной физической форме.

Пожав плечами, Мэри отправилась бродить по крейсеру, просто так, без цели и смысла, только чтобы не находиться на одном месте. Ужин в кают-компании она пропустила, потому что аппетита не было вовсе. Должно быть, виной тому было ее подавленное настроение: она прекрасно знала, что рано или поздно ей захочется спать, и тогда... Этот сон ей снился нечасто, но после сегодняшней беседы за обедом можно было не сомневаться, что она увидит, стоит ей заснуть.

...Коридор. Длинный коридор то ли на крупном, вроде «Александра», корабле, то ли просто на космической станции. Горит только аварийное освещение, поэтому в коридоре царит тревожный, подсвеченный красным полумрак. И холодно, очень холодно. Дальний конец коридора упирается в ярко освещенное помещение, там шумно и весело, там Мэри ждут для того, чтобы вручить очередную награду. И все, что от нее требуется – пройти коридор. А вдоль голых стен стоят люди. Их много. С кем-то она была знакома и тогда их лица отчетливы. Кого-то, напротив, она не видела ни разу в жизни, и тогда черты смазаны, видны лишь мертвые обвиняющие глаза, следящие за ней. Но знает она всех. Двое мальчишек, которые погибли, когда закувыркался в верхних слоях атмосферы первый подбитый ею корабль работорговца. Дональд Макги и еще дюжина полицейских, сгоревших в плазменной вспышке, когда она – да, именно она, что бы там не говорил Дядюшка! – не сообразила, что на безобидном с виду корабле установлены бортовые орудия, и не успела предотвратить выстрел. Сто пять бельтайнцев, не вернувшихся из системы Лафайет. Все те, кого она потеряла – а потеряла она многих. И теперь там наверняка стоят и Келли О'Брайен, и Джессика Фергюссон, и малыши из подводного комплекса. С каждым годом коридор все длиннее, свет и тепло все дальше...

Мэри очнулась и поняла, что находится в коридоре – к счастью, вполне реальном, – а перед ней переминается с ноги на ногу вахтенный. За его спиной стоит легкая машина, на каких, как правило, перемещались по огромному крейсеру те, кому надо было быстро попасть с одного его участка на другой. Мысль о том, как же осуществляются коммуникации на русских линкорах, изрядно превосходящих крейсера размерами, пришлось быстренько выбросить из головы, потому что вахтенный явно не в первый раз обращался к ней:

– Мисс Гамильтон? Мисс Гамильтон, его превосходительство просит вас как можно скорее прибыть в адмиральские апартаменты. Следуйте за мной.

Глава 6

Да будь проклята эта планета! Ни работать на ней толком не умеют, ни жить, сдохнуть – и то... И ведь никакого простора для творчества! И хоть бы нашелся один человек, у которого хватило мозгов понять, сколь величествен замысел! Пришлось даже помочь упокоиться с миром излишне щепетильному помощнику. Нет, дамы и господа, Джастин Монро быстро нашел тех, кто сумел по достоинству оценить полет его мысли, но ведь это же чужаки, а от своих разве дождешься? Тот самый помощник, помнится, пришел в ужас, а ведь, казалось бы, сколько лет Джастин воспитывал его под себя. Олух! Ну какая тебе разница, сколько нелинейного скота откинет копыта во имя великой цели? Теперь и вовсе непонятно, что делать. Подводные комплексы разбомблены, и слава богу, но Саммерсу заткнуть глотку не удалось, а это уже существенно хуже. И везде, ну просто везде, куда ни сунься, натыкаешься на эту девку. Нет, надо было настоять на том, чтобы Алтея избавилась от выроodka, хоть бы даже и против своей воли. М-да... Все-таки он тогда был помягче. И, как выяснилось с годами, совершенно зря.

Ладно, во всем надо искать светлую сторону. Вот, к примеру, ходят слухи, что эта дрянь, такая же шлюха, как покойная мамаша, запрыгнула в постель к русскому командующему. Эх, знала бы эта дурочка то, что с самого ее появления на свет было доподлинно известно Джастину Монро, который был и остается, следует это признать, незаурядным генетиком... Русский отец и русский любовник – какой восхитительный простор для фантазии! Нет, конечно, для ее папаши этот мальчишка молод. Но кто сказал, что у мерзавца, обрюхатившего Алтею, не было детей и до того? А вдруг эта тварь спуталась с собственным братом?! Жаль, что главе Генетической службы Бельтайна рассуждать об инцесте смешно, уж он бы развернулся...

* * *

В салоне никого не оказалось. Памятный диван был пуст, но Мэри все равно слегка покраснела. Она не знала, как ей строить отношения с Корсаковым теперь, когда она вновь оказалась на «Александре» в качестве гостыи. Да и вообще она не слишком была уверена в существовании каких-то отношений. Более того, в том, что эти отношения нужны кому-то из них, она была уверена еще меньше. Тем удивительнее был этот срочный вызов. Однако додумать она не успела: Никита выглянул из кабинета и поманил ее к себе со словами:

– Мисс Гамильтон, прошу вас. С вами желает пообщаться его светлость князь Цинцадзе, глава службы безопасности Российской империи.

Пропуская ее в дверь, он наклонился к выглядывающему из-под банданы ушку и успокаивающе шепнул: «Все хорошо, не волнуйся». Потом приглашающе отодвинул кресло у стола, перед большим экраном стационарного коммуникатора, усадил ее и официальным тоном произнес на унике:

– Ваша светлость, позвольте представить вам мисс Мэри Александру Гамильтон, майора военно-космических сил планеты Бельтайн.

Мужчина на экране молчал. Молчала и Мэри, с любопытством разглядывая второго (злые – но предельно осторожные! – языки болтали, что первого) по могуществу человека в Российской Империи. Наконец Цинцадзе прервал затянувшееся молчание:

– Прошу прощения, мисс Гамильтон, если показался вам не слишком вежливым. У меня, как и у всех людей, есть свои маленькие слабости. Одна из них – никогда не смотреть на изображение человека, прикрепленное к досье. Гораздо интереснее создать себе мысленный образ, а потом посмотреть, насколько он совпал с реальностью. Вы не находите?

– В этом что-то есть, ваша светлость...

– Ираклий Давидович.

– В этом что-то есть, Ираклий Давидович, – имя она произнесла с заметным акцентом, и Цинцадзе неожиданно для себя самого растрогался. – Из вашего продолжительного молчания я делаю вывод, что реальность и созданный вами образ не имеют между собой ничего общего, не так ли? – Мэри была спокойна и чуть-чуть насмешлива. В самом-то деле, какого черта? Этот импозантный господин с пронзительными темными глазами ей не командир и не работодатель, по крайней мере пока. И он точно не занял бы свой пост, будь его характер излишне вздорным. Да и если уж на то пошло, ее шансы на долгую счастливую жизнь были не настолько велики, чтобы всерьез заботиться о политике. Цинцадзе, который при виде Мэри подался вперед, слегка отодвинулся от передающего блока и нарочито невозмутимо пригладил безупречно подстриженные усы.

– Вы правы, мисс Гамильтон, и я искренне рад знакомству с офицером, чьи ум, наблюдательность и мужество стоят друг друга.

– Благодарю вас, – слегка склонила голову Мэри, но ее собеседник предостерегающе поднял ладонь:

– Это не комплимент, мисс Гамильтон, простая констатация факта. Даже Эрик ван Хофф восхищался некой Амандой Робинсон, а ведь она его арестовала!

Мэри улыбнулась с довольным видом. Воспоминания об этом давнем эпизоде

неизменно приводили ее в хорошее настроение. Какое это было приключение! Между тем Цинцадзе продолжал:

– Вы можете не сомневаться, что услуги, оказанные вами Империи, будут оценены по достоинству. Я лично доложу его величеству обо всех обстоятельствах.

В отличие от большинства бельтайнцев, в лице Мэри не было ничего кошачьего, но сейчас она была похожа именно на кошку – правда, Цинцадзе затруднился бы назвать породу. Он даже вообще не был уверен в том, что кошка хотя бы сравнительно домашняя. Казалось, еще чуть-чуть, и из-под изогнувшейся в улыбке четко очерченной верхней губы покажутся кончики бритвенно-острых клыков. Непринужденность позы также не могла обмануть князя: ему уже доводилось видеть такой же – или очень похожий – способ сидеть в кресле с кажущимся спокойствием и расслабленностью. И только взгляд, почти болезненно цепкий, выбивался из общего впечатления вальяжности. Опасный зверь. Яблочко от яблоньки? Только не торопиться...

– Ираклий Давидович, каковы бы ни были мои заслуги перед Империей, прежде всего я стремилась принести пользу своей собственной планете...

– Несомненно, – удовлетворенно усмехнулся князь. Умница, с какой стороны ни глянь – умница!

– ...и я признательна флоту Империи за то, что я все еще в состоянии приносить эту пользу. Кроме того, помощь контр-адмирала Корсакова и доктора Тищенко поистине неоценима.

– Приятно это слышать, майор. Но, я надеюсь, вы понимаете, что упомянутые вами господа – так же, как и вы – пеклись в первую очередь об интересах своей родины? И то, что в данном случае интересы Империи и Бельтайна совпали – не более чем случайность?

– Разумеется, – прищурилась Мэри. Глаза ее, в начале разговора показавшиеся Цинцадзе голубыми, теперь отливали холодом первосортной стали. – Тем больше оснований воспользоваться создавшейся ситуацией, вы согласны?

– Согласен, – кивнул князь. – Однако все это вопросы высокой политики, а мне бы хотелось поговорить о вас.

– Обо мне? – Мэри была удивлена и не скрывала этого.

– О вас. Насколько я понимаю, в данный момент вы заняты сбором улик и доказательств, которые позволят призвать к ответу пособников Саммерса на Бельтайне. Рано или поздно вы их прижмете, причем я думаю, что скорее рано, чем поздно.

– Ваши бы слова – да Богу в уши, сэр, – пробормотала Мэри.

Цинцадзе понимающе улыбнулся и продолжал:

– Чем вы намерены заняться потом? До меня дошла информация, что для вас нежелательно оставаться на родной планете.

Мэри помрачнела, слегка поморщилась, передернула плечами, и сходство с кошкой еще больше усилилось. Только теперь кошка была замерзшей, голодной и одинокой. Корсаков вопросительно поднял брови, но промолчал.

– Вас правильно проинформировали, Ираклий Давидович. – губы сжались, от крыльев носа к уголкам рта пролегли усталые складки. – Как только процесс над Саммерсом и теми, кто ему помогал, закончится, я покину Бельтайн. Не то чтобы я уж очень дорожила своей шкурой – в Звездном Корпусе этому не учат, – но за здорово живешь дарить ее какому-нибудь любителю трофеев... обойдутся.

– Я целиком и полностью согласен с вами, майор. И предлагаю вам посетить Кремль. Думаю, мы сможем найти достойное применение талантам офицера, который сумел достать с океанского дна то, за чем уже добрых пять лет безуспешно гонялась вся русская разведка. Но даже если мы с вами не найдем общего языка – во что я, признаться, не слишком верю, – у вас будет возможность хорошо отдохнуть, что, поговаривают, вам совершенно необходимо.

– Доктор Тищенко уже и вам успел на меня пожаловаться? – Мэри, настроение которой, упавшее было, стремительно начало меняться в лучшую сторону, уже почти

улыбалась. Цинцадзе шутливо развел руками. Они понимающе глядели друг на друга, и Никита слегка расслабился. Мэри решительно кивнула:

– Хорошо, сэр. Я принимаю ваше приглашение.

– Ну вот и отлично, – с точки зрения Корсакова, князь был рад несколько больше, чем показывал и больше, чем диктовала ситуация. Было что-то еще... – Эскадра останется на орбите Бельтайна до окончания судебного разбирательства, и, я полагаю, Никита Борисович не откажется доставить вас на Кремль со всем возможным комфортом, не так ли?

Войдя в обзорную зону, Никита щелкнул каблуками и коротко склонил голову.

– Превосходно. Засим желаю здравствовать, – и экран погас.

Потом они сидели в салоне на пресловутом диване, болтая обо всем подряд. Корсакова интересовал Бельтайн, Мэри – Кремль в частности и Империя вообще. Конечно, официальных источников хватало, как и разного рода познавательных программ. Но любой флотский, вне зависимости от того, какому государству принадлежал флот, предпочитал собственные впечатления или, на худой конец, разговор с аборигеном. О личном знакомстве Мэри с первыми лицами Небесной империи Никита знал, равно как и о том, что капитан Гамильтон была представлена дожу Венецианской Республики. Но когда речь зашла о Рах Мехисана и Мэри непринужденно упомянула Хуана Вальдеса как старого знакомого, Корсаков был удивлен. А вот его собеседница в ответ на известие о том, что Вальдес служит военным атташе в посольстве Рах Мехисана на Кремле, только пожала плечами. И меланхолично заметила, что определенные дипломатические способности и необходимую любому посольскому склонность загребать жар чужими руками дон Хуан проявлял еще в период их совместного студенчества на Картане. Корсаков, относящийся к дипломатам без особого пиетета, хохотал так, что чуть не свалился с дивана. Пришлось – исключительно для сохранения равновесия! – положить руку на плечо соседки. Плечо осталось на месте. Ободренный этим фактом Никита уже совсем было собрался предпринять что-нибудь еще, но тут в дверь проскользнули двое совсем молодых парней, прикатившие небольшой столик с крохотными канапе и фруктами. Он с сожалением убрал руку и под слегка насмешливым взглядом бельтайн-ки вынул из резного деревянного поставца бутылку светлого, почти бесцветного шабли. Глазами поинтересовался ее мнением, дождался одобрительного кивка и ловко вынул пробку.

Вино, ароматное и легкое, неожиданно сильно ударило в голову Мэри. Что было тому причиной – приятное общество, страх перед приближающейся ночью и неизбежным сном или что-то другое – она решила не задумываться. Привычка держать себя в руках и четко осознавать свои действия, их мотивы и последствия, была решительно отставлена в сторону. Мэри с удивлением поняла, что она устала от постоянного самоконтроля и хочет здесь и сейчас просто побыть собой, что бы это ни значило. Сегодня ей не хотелось быть первой, лучшей, самой-самой. Хотелось просто быть, и давний поступок матери вдруг стал логичным и понятным. Должно быть, Алтея Гамильтон вот так же бросила поводья тогда, на Бастионе Марико, и результат этого бросания впервые был ей благодарен именно за это, а не за доставшиеся в наследство качества.

Пальцы, скользящие по шее к плечу... куда и когда успела деться рубашка?... неважно... Ты когда-нибудь пила на брудершафт? Это делается так!.. Уж не собрался ли ты записать меня в сестры?!.. Тихий смех... Предвкушение... Кто бы мог подумать, Никита умеет играть словами так, что получаются чувственные двусмыслицы, от которых под кожей разгорается мягкий, но требовательный огонь... Кто бы мог подумать – она тоже это умеет... Ночь еще молода и это прекрасно, губы могут не торопиться и при этом легко успевать за руками... И что бы ни случилось потом, оно того стоит, мама. Ты была права.

Мэри проснулась, и некоторое время смотрела в темноту. Гладкая кожа мужского плеча под щекой еле заметно двигалась в такт ровному дыханию спящего Никиты. Густая курчавая поросль на груди щекотала пальцы, но когда она попыталась убрать руку, он с невнятным ворчанием перехватил ее за запястье и вернул ладонь на место. Мэри улыбнулась

и снова закрыла глаза. С такой охраной можно спать спокойно, сегодня проклятый сон до нее точно не доберется.

Ираклий Давидович Цинцадзе никогда не торопился. О, можете не сомневаться, он умел быть быстрым, очень быстрым, даже молниеносным, но торопиться? Спешить? Не в том он статусе, чтобы смешить людей. Тем более что спешка почти всегда синоним ошибки, а в создавшейся ситуации он как никогда не мог позволить себе ошибиться. Поэтому князь – никуда не торопясь! – отправил запрос в медицинский архив военного флота и спокойно дождался получения требуемой информации. Затем, так же хладнокровно, связался с крейсером «Святой благоверный князь Александр Невский» и поставил задачу профессору Гаврилову. По предложению последнего («Сравнительный анализ не займет много времени, ваша светлость!») дождался результатов, не уходя со связи. Выслушал ответ, поблагодарил широко улыбающегося толстячка, выключил коммуникатор и глубоко задумался. Результатом размышлений стал стакан коньяку, выпитый как простая вода, и очередной сеанс связи, на сей раз с капитаном второго ранга Савельевым. Тот, взъерошенный, но явно чем-то довольный, выслушал вежливую просьбу, больше напоминающую приказ, кивнул и пообещал немедленно отдать распоряжения подчиненным. Его светлость получит необходимое в самое ближайшее время. Спустя полтора часа, в течение которых Ираклий Давидович мужественно пытался заниматься текущими делами, коммуникатор князя немелодичным кваканьем известил владельца о получении информационного пакета. Цинцадзе просмотрел присланные материалы, сначала бегло, потом вдумчиво и с удовольствием, покосился на початую бутылку на столе и решил, что на сегодня хватит. А вот завтра он выпьет. Обязательно. И не один.

Утро началось суматошно. Мэри разбудил сигнал вызова – кто-то с достойной лучшего применения настойчивостью стремился помешать майору Гамильтон досмотреть утренние сны. Этим кем-то оказался полковник Морган, и Мэри резко села на кровати, пытаясь стряхнуть с себя сонное оцепенение и быстро понять, чего от нее хотят.

– Саммерс дал показания, девочка! Ты меня слышишь?! – Морган ликовал и не скрывал этого.

– Слышу, Дядюшка, – хрипло произнесла она, нетерпеливо отмахиваясь от заглянувшего в спальню Никиты. Одетый и побритый – и когда только успел? – он держал в руках чашку кофе. Она уже успела убедиться в том, что кофе на крейсере варить толком не умели, но аромат делал свое дело, в голове быстро прояснилось. Корсаков понимающе кивнул, поставил чашку на прикроватный столик, указал взглядом на коробку сигар и пепельницу и удивительно тихо для человека таких габаритов выскользнул в салон, прикрыв за собой дверь.

– Мэри, да что с тобой такое?! – теперь в голосе Моргана звучала неприкрытая тревога.

– Сплю я! – буркнула она и, не выдержав, рассмеялась. – В столице, между прочим, еще ночь, сэр, вы не заметили?

– Честно говоря, не заметил. Ох и крепкий же орешек этот Саммерс, ты бы видела. Но и спецы у Петра такие, что я обзавидовался. В общем, мы сейчас возвращаемся на «Александр», ты быстренько посмотришь материалы, и потом летим вниз. Заседание Совета назначено на десять по времени Нью-Дублина. Как думаешь, господин Корсаков согласится попристутствовать? Мне хочется взять Петра с собой, пусть полюбуется на результат... что? А, вот он тут комментирует – на плоды трудов наших праведных. Но его одного я на заседание Совета притащить не смогу, сама понимаешь, а вот в качестве свиты командующего союзников... Спроси его, а?

– Сделаем, Дядюшка. Я вас жду.

– И позавтракать не забудь! – спохватился Морган, но Мэри уже отключила коммуникатор.

Впрочем, волновался полковник напрасно: когда принявшая душ и одевшаяся Мэри

вышла в салон, выяснилось, что завтрак для нее уже накрыт. Никиты нигде видно не было, но его отсутствие девушку не смутило. Приподняв крышки с нескольких блюд, она довольно усмехнулась: завтрак был классическим бельтайнским. Омлет, бекон, тосты, оладьи, масло... ого! Грибы! Явившийся через полчаса Корсаков обнаружил свою гостью в прекрасном расположении духа. Мэри допивала второй стакан удивительно вкусной минеральной воды, искрящейся, плывущей крохотными пузырьками и шипящей. Вода была так хороша, что даже курить не хотелось. Обменявшись пожеланиями доброго утра, они некоторое время просто улыбались, глядя друг на друга. Но время следовало своей извечной – и от этого не менее скверной – привычке поджимать, и Мэри с сожалением отставила в сторону опустевший стакан.

– Скоро придут Морган и твой старпом, – начала она, и Никита сразу же посерьезнел.

– Я знаю. Савельев мне доложил, что все в порядке. Ты улетаешь?

– Да, – она помялась. – Никита, у тебя много дел?

– Не слишком. Что ты хотела?

– Можешь выделить полдня? Генри хочет взять Савельева с собой на заседание Совета, но его одного... Это как-то уж очень нарочито будет выглядеть. Еще и не пустят, чего доброго... а если с тобой – никто и вякнуть не посмеет. Полетели, а?

Никита вдруг расхохотался, вздохнул, задыхаясь и хватаясь за голову. Недоумевающая Мэри совсем уж было собралась обидеться, но тут он выдавил:

– Ты сейчас похожа... ой, не могу... на маленькую девочку, которая пытается уговорить родителей купить ей щенка! – и она тоже рассмеялась. Наконец Корсаков успокоился, вытер выступившие на глазах слезы и сжал ее плечо:

– Конечно, я с вами. Мне и самому очень интересно поглядеть на пресловутого мистера Монро. Я прикажу подготовить катер. Когда он потребуется?

– Думаю, через пару часов. Мне надо будет просмотреть материалы допроса, свести их в единое целое с тем, что уже имеется – глядишь, этого хватит, чтобы уговорить Макормика выдать ордер на арест. Надеюсь, – она поморщилась. – Что-то я устала. Старею, наверное...

– Если говорить глупости – это признак старости, – проворчал Никита, – то тогда, наверное, стареешь. Но лично я ничего подобного не заметил, – голос, под стать взгляду, стал многозначительным, и Мэри почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо. Впрочем, это не помешало ей, выдержав предварительно паузу, улыбнуться и похлопать ресницами с самым невинным видом, отчего покраснел уже Корсаков.

– Кстати, если уж мы заговорили о старости... – начала она, но тут к счастью – или к сожалению, с какой стороны посмотреть – становящийся несвое-временно игривым разговор был прерван сигналом коммуникатора Никиты: Морган и Савельев прибыли на «Александр».

Работа, начавшаяся в той же комнате, в которой Мэри рассказывала Моргану о своих соображениях по поводу находок, сделанных на дне Маклира, продолжилась и на борту адмиральского катера. Никита помалкивал, хотя время от времени ему хотелось вставить фразу-другую. Но Мэри была сосредоточенна, как хирург во время сложной операции, коп и старпом с блеском играли роли ассистентов, время от времени подавая реплики, как необходимые инструменты, и вмешиваться он не рискнул. Катер уже вошел в атмосферу, когда Мэри, наконец, убрала руки с клавиатуры, потерла виски и выдохнула:

– Все. Больше я ничего сделать не могу. Если Макормика это не убедит...

– Убедит, убедит, – Морган демонстрировал уверенность, которой отнюдь не чувствовал. Но показать свои сомнения девочке? Ни за что. Еще несколько секунд он собирался с духом, потом решительно набрал на коммуникаторе код с одновременным запросом на визуальную связь, и через минуту на экране возникло весьма примечательное лицо.

Обладатель этого лица был стар – Никита определил возраст как сто тридцать пять

плюс-минус пять лет. На самом деле Стивену Маккормику было сто сорок шесть, но он до сих пор оставался Верховным судьей Бельтайна и в отставку не собирался. Абсолютно лысый, с ввалившимися глазами, тонкогубым ртом и редким на Бельтайне крючковатым носом, нависавшим над выдающимся вперед подбородком, он напоминал хищную птицу. Сходство еще более усиливалось длинной морщинистой шеей, торчащей из белого воротничка судейской мантии.

– Рад вас видеть, Генри, – проскрипел он. – Вы не на планете? Заседание Совета начнется через полтора часа...

– Уже лечу. Ваша честь... – и старик, удивленный официальным обращением, вытянул шею, став окончательно похожим на земного грифа, которого Никите доводилось видеть в зоопарке.

– Слушаю вас, полковник, – голос неожиданно окреп, став глубоким и звучным. Глаза, только что тусклые и почти бесцветные, вспыхнули молодым огнем, и Корсаков даже вздрогнул от произошедшей перемены.

– Ваша честь, в моих руках в данный момент находится комплекс доказательств, который, с моей точки зрения, делает возможным – и необходимым, сэр! – арест принцепала Совета Бельтайна, достопочтенного Джастина Монро, – Морган шел ва-банк, времени на экивоки не оставалось.

– Гм... И что же, по-вашему, сделал Джастин? – скептически приподнял кустистую бровь старик.

– Многое, сэр. В частности, без его непосредственного участия Саммерс не совершил бы налет на Бельтайн. Показания Саммерса у меня имеются.

– В частности? – бровь приподнялась еще выше, и это выглядело бы комичным, если бы не было таким страшным.

– В частности, – твердо произнес Морган.

– Вы не перестаете меня удивлять, полковник. Кого только вы не притаскивали в мой суд за шиворот, но принцепал Совета...

– Ваша честь, я...

– Сбрасывайте мне ваши доказательства, сэр. Я начну их изучать прямо сейчас и продолжу по дороге на заседание. Надеюсь, там есть краткая выжимка?

– Да, ваша честь. – Морган торопливо бегал пальцами по клавиатуре, не отводя взгляда от собеседника.

– Хорошо. Вы безумец, полковник, я всегда это говорил, но ваше безумие еще ни разу не пошло во вред Бельтайну и его народу. Не было ни единого случая, чтобы вы назвали преступником невинного человека, и это так же верно, как то, что меня зовут Стивен Маккормик. Я захвачу с собой все необходимое для оформления ордера на арест, но потребуется некоторое время для изучения того, что вы мне сейчас прислали. Постарайтесь потянуть кота за... эээ... скажем так, хвост, займите вашего подозреваемого чем угодно и ждите меня.

На космодроме случилась небольшая заминка. Встречающий катер Шон О'Брайен, облаченный по случаю заседания, на котором намеревался присутствовать, в парадный китель, держал в руках два одежных чехла.

– Ваша форма, сэр. И твоя, девочка. Не пойдешь же ты на Совет вот так, – он с некоторым пренебрежением кивнул на вызывающе штатский наряд Мэри.

– А... а где ты ее взял? Дом же...

– Да ты ж ее сама в подвал сволокла! Забыла? Почистить, конечно, пришлось, и берет твой я так и не нашел, пришлось позаимствовать у Мэтта Рафферти, но в целом... – по лицу Шона было видно, что еще немного – и он участливо погладит Мэри по голове. Та чертыхнулась, выхватила у него из рук чехол и заозиралась, прикидывая, где бы переодеться.

– В катер, – подсказал Никита. – Ступай в катер, а вы, сэр... – повернулся он к Моргану, но тот только отмахнулся:

– Мне достаточно сменить китель, а это можно сделать и здесь. Что ты стоишь, Мэри, ну-ка быстро, времени в обрез!

Когда Мэри, на ходу поправляя аксельбант, выскочила на поле, оказалось, что Морган действительно ограничился тем, что надел парадный китель и собравшиеся ждут только ее. В сопровождении прибывших во втором катере русских десантников все почти бегом двинулись к ожидающим машинам. Мэри ничуть не удивилась, увидев четыре «Сапсана», висящих в воздухе над кортежем. Одного взорванного кара Моргану явно хватило, и рисковать он не собирался. Когда кортеж набрал высоту, два истребителя прикрыли его сверху, а еще два снизу, двигаясь на самой малой из возможных высот. Мэри мельком подумала, что расположение Комплекса на окраине Нью-Дублина им сейчас только на руку: в городе «Сапсаны» не развернулись бы, даже если бы на управлении сидела она сама и, скажем, Дина Роджерс.

Они уже подлетали к Комплексу, когда коммуникатор полковника принял вызов и на экране возник Маккормик.

– Черт бы вас побрал, Генри, – с чувством произнес он, глядя собеседнику прямо в глаза. – Черт бы вас побрал. У вас есть наготове арестная команда?

– Вы приняли решение, сэр? – осторожно поинтересовался не смеющий поверить в свою удачу Морган.

– А что, не похоже? – ощерился судья. – Полчаса, полковник. Придержите там все полчаса и дайте мне людей.

Морган покосился на Шона, тот утвердительно кивнул.

– Люди ждут в Комплексе, сэр. К вам подойдет второй лейтенант Каллахан, я его сейчас предупрежу. Жду вас, ваша честь. Мы все вас ждем.

Маккормик вдруг ухмыльнулся, отчего его и без того потрясающий воображение нос еще сильнее загнулся к подбородку; зрелище, с точки зрения Никиты, было жутковатое.

– Ни разу еще не принимал участия в аресте. Благодарю вас, полковник: в моем возрасте нечасто выпадает случай разнообразить жизненный опыт! – и экран погас.

Они вошли в зал в числе последних. Монро выразительно покосился на огромный настенный хронометр, но возмутиться не рискнул: Морган, никогда не жаловавший принципа и не скрывавший этого, сейчас и вовсе смотрел волком. Смутное предчувствие опасности, не оставлявшее Монро с того момента, как он узнал о том, что Джераяю Саммерса увезли в неизвестном направлении, стало болезненно острым. Что же затеял проклятый коп, что раскопал?! И русских еще с собой приволок, и эту дрянь... Нет, Гамильтон – это неплохо, Джастину Монро есть, что сказать и ей, и о ней, глядишь, удастся стрелки перевести. Но вот русские... Русские – это скверно, придется быть предельно осторожным. Если командующий союзников действительно спит с проклятой девкой, могут возникнуть сложности. И что он в ней нашел, ладно бы это была Алтея, а тут же смотреть не на что!

Мэри уселась в кресло рядом с центральным проходом. Внутри вибрировала туго натянутая струна, ненависть, казалось, выжигала глаза изнутри. Она постаралась успокоиться, кивком ответила на приветствие Фортескью, быстро улыбнулась Терри Малоуну. Почувствовав чей-то взгляд, повернула голову и тут же склонила ее, принимая благословение матери Агнессы. Монро начал говорить, но она почти не слушала его. Какая-то вступительная тягомотина, пусть треплется, сколько влезет, нам же еще и лучше. Да-да, ты очень уважаешь союзников и благодарен им за помощь... что ж физиономия такая кислая? Уксусу хлебнул? О, конечно, у Бельтайна колоссальные экономические проблемы... а то тут кто-то еще не в курсе. Что-о? Нет, какова наглость! Обратиться к Империи за кредитом! Ну-ну... Мэри покосилась на Никиту, сидящего между Шоном и Савельевым двумя рядами дальше по другую сторону прохода. На лице Корсакова застыла благожелательная улыбка, он кивал, соглашаясь стать посредником между Советом Бельтайна и кредитными организациями Кремля... Да где же Маккормик?!

Мэри уже была готова начать подпрыгивать на месте от нетерпения, когда разглагольствования Монро были внезапно прерваны. Центральные двери распахнулись, и в зал стремительно вошел Верховный судья Бельтайна. Годы не согнули Стивена Маккормика, шаг по-прежнему был широк и размашист, полы мантии развевались за спиной, как крылья. Вслед за ним в зал проскользнули несколько фигур в знакомой броне: полицейские пилоты, самое доверенное подразделение Моргана. Двое остались у дверей, еще четверо, отстав на три шага, двинулись за судьей. Одновременно открылись боковые двери зала и тут же закрылись, пропустив внутрь таких же безликих часовых. Табельное оружие пилоты, не скрывая, держали на виду. Вот теперь Монро испугался по-настоящему, его глаза забегали, а голос заметно дрожал, когда он осведомился:

– Что все это значит, ваша честь?

Маккормик, как по заказу остановившийся рядом с креслом Мэри, дождался, пока в зале стихнет недоуменный гул, и в мертвой тишине проклекотал:

– Джастин Френсис Монро! Вы обвиняетесь в убийствах, в покушениях на убийства, в незаконных генетических экспериментах, в пособничестве врагу и государственной измене. Вы арестованы.

«Не смотри на друга, смотри на врага, всегда смотри на врага, иначе потом у тебя может не оказаться возможности взглянуть на друга!» – учил когда-то Мэри наставник Фицхью, преподававший в Корпусе рукопашный бой. И сейчас она смотрела только на Монро и потому увидела, как его правая рука скользнула к карману куртки с нашивками Генетической службы. Увидела, и вскочила, и налетела на Маккормика плечом, и сшибла его с ног. Что-то ударило ее под правую грудь, грохот выстрела обрушился на плечи, придавливая к земле, не давая выпрямиться, и она осела на пол, заливая кровью синий ковер и уже не видя и не слыша...

...как валится на ступени возвышения для ораторов Монро, чья челюсть не выдержала столкновения с затянутым в перчатку кулаком Каллахана...

...как на вскочившем Никите, как волки на олене, повисают с двух сторон Шон и Савельев, вы-кручивая руки, не давая добраться до кобуры...

...как падает рядом с ней на колени Морган, приподнимая голову с выступившей на губах кровавой пеной, и как орет он в коммуникатор: «Тернер, сюда, быстро, Мэри ранена!»...

...как док Тернер, вбежавший в зал из холла, проталкивается через окруживших ее людей, и используемые им при этом выражения больше подходят уличной шпане, а не почтенному пожилому врачу...

...как, дождавшись, пока Монро выволокут из зала через боковую дверь, Шон и Савельев отпускают Корсакова и тот выходит на связь с Дубининым, требуя, чтобы доктор Тищенко немедленно прибыл на планету «и посадите на управление катером самого психованного психа, какого найдете!»...

...как с кряхтением и оханьем поднявшийся на ноги судья Маккормик, криво усмехаясь, бросает в пространство: «Ну что ж, как минимум одно покушение на убийство даже доказывать не придется, свидетелей более чем достаточно!»...

...как возбужденно подпрыгивает на галерее, вытягивая шею, Дейв Карнеги, как он дергает за рукав оператора: «Ты снял это, Крис, ты это снял? Флосси, запрос на экстренный выпуск!» и, дождавшись третьей отмашки ассистентки: «Дамы и господа! Только что заседание Совета Бельтайна было прервано самым драматическим образом...»

Присланная в Комплекс из Центрального госпиталя реанимационная машина неслась обратно, оглашая улицы города заунывным воем сирены. Тернер, не доверявший никому, бесцеремонно выгнал из нее прибывшую бригаду и теперь колдовал над распростертым на носилках телом, нетерпеливо огрызаясь в ответ на вопросы, сыплющиеся из сжавшегося в углу Моргана:

– Генри, я не знаю. Нужно сканирование. Да не знаю я! Ты же видел, какой калибр,

мать его так! Выходное отверстие совсем рядом с позвоночником, может быть все что угодно и помимо пробитого легкого. Да будет она жить, будет, сейчас доберемся и я все сделаю, сам. Брось, от такого и триста лет назад никто не умирал при условии вовремя оказанной помощи. Хорошо, что вызвали этого русского врача, я-то Мэри никогда не лечил, не довелось, а он совсем недавно ей помощь оказывал, проконсультирует, если что. Так, все, ты мне надоел, хватит причитать. Заткнись, Генри, кому сказано, мы прибыли.

Окруженные пилотами гравиносилки скрылись в дверях приемного покоя. Где-то там, в недрах госпиталя, уже готова была операционная, за доктора Тернера Морган поручился, и Корсаков, примчавшийся вслед за реаниматорами, начал успокаиваться. Вот только... Здание большое, пилотов, поддержанных дюжиной десантников, для полноценной охраны может и не хватить, надо вызывать подмогу с орбиты. Никита отдавал себе отчет в том, что его мысли сейчас более всего напоминают паранойю, но поделать ничего не мог. И тут...

Сержант Одинцов пребывал в самом благодушном настроении. Наконец-то подошла его очередь идти в увольнение на твердь – а то ведь кроме пустынного островка в океане и не видел ничего! – и он уже успел перемигнуться с хорошенькой девчонкой, сидящей с подружками у стойки уютного бара. Неплохая планета. И в кои-то веки раз Экспедиционному флоту действительно рады. Он уже совсем было собрался подвалить к встряхивающей гривкой огненно-рыжих волос хохотушке, когда строгого вида представительная дама сменила на огромном экране над стойкой невнятную голопостановку и что-то произнесла напряженным тоном. На ее месте возник взъерошенный мужик лет пятидесяти. Возник, произнес несколько слов и исчез, остался только голос, комментирующий видеоряд. Старик в судейской мантии что-то говорит, рядом с ним сидит в кресле... ишь ты, вот, значит, как она выглядит при всех орденах! Однако! Одинцов подтолкнул локтем соседа и указал на экран как раз в тот момент, когда обзор переместился с грузного мужчины, держащего пистолет, на падающую Мэри Гамильтон. Голос все бубнил за кадром, долговязый седой дядька с роскошными бакенбардами приподнимал голову девушки, пузырилась на губах кровавая пена... Одинцов вскочил, схватил за руку приглянувшуюся ему девчонку и рывкнул:

– Ты уник знаешь? Переводи!

– ...оказал сопротивление при аресте... майор Гамильтон ранена... Центральный госпиталь... – уник девицы был на редкость корявым, но суть Федор уловил.

– Ее везут в Центральный госпиталь? – кивок. – Где это? Ну, быстро! А, черт с тобой...

Еще трое десантников, вместе с которыми сержант и завалился в этот бар, споро выбирались из-за стола.

– Мужики, кто еще в городе из наших? Давайте, гоните всех, кого найдете, к Центральному госпиталю, не доверяю я местным. Это ж надо – при всем честном народе не уберегли, шпаки...

Двое, по примеру Одинцова, тут же начали связываться с приятелями, а самый младший из спутников сержанта, не прекращая вызывать кого-то через коммуникатор, уже выбежал на улицу и нажал кнопку вызова такси на фонарном столбе возле бара.

Вот эту-то лихую четверку, выпрыгивающую из перегруженной машины чуть ли не на лету, и увидел Корсаков.

– Господин контр-адмирал, сержант Одинцов в ваше распоряжение прибыл!

– Вольно, сержант, – кивнул Никита, – какими судьбами?

– Увидели экстренный выпуск новостей. Сейчас еще люди подтянутся, прикроем входы-выходы, на крышу, опять же...

– Молодец. Молодец, Одинцов. – Никита почувствовал, как его начинает отпускать напряжение и даже попытался пошутить: – Веселое у тебя увольнение вышло, ничего не скажешь...

– Разрешите вопрос?

Корсаков кивнул.

– Как майор Гамильтон? Что говорят?

– Да ничего пока не говорят, – в сердцах сплюнул Корсаков. – Жить будет, а остальное...

Перед госпиталем приземлились еще несколько такси. Выскочивший из дверей приемного покоя Каллахан молниеносно оценил обстановку, тут же раздобыл где-то компьютерный блок, развернул дисплей и вывел на него схему госпиталя. Световое перо порхало, обозначая контрольные точки. На вопрос Каллахана о необходимости оружия вновь прибывшие ответили дружным хохотом: русский десантник сам по себе оружие, не парься, мужик! Однако пилота это не смутило, он переговорил с кем-то и попросил господ десантников немного подождать. Двадцать минут спустя на тротуар перед госпиталем плюхнулся, слегка при этом покосившись, неприметный потрепанный пикап. Из-за руля без лишней спешки вылез поджарый мужик лет сорока и невозмутимо принялся швырять из кузова на землю характерного вида ящики.

– Разбирайте, ребята, – кивнул на них Каллахан (водитель уже срывал пломбы с крышек). – Вы, конечно, молодцы, кто бы спорил, но черт его знает, по-всякому повернуться может. Только верните потом, эти игрушки на мне висят, никакого жалованья не хватит.

Одинцов молча хлопнул Каллахана по плечу – худощавый пилот покачнулся, но устоял – и ловко подцепил за скобу лежащий сверху ручной плазмовик. Возле госпиталя начала собираться толпа, но подходящие люди благоразумно предпочитали держаться на другой стороне улицы: шутить разбирающие оружие и исчезающие в дверях мордovorоты явно не собирались.

– Дамы и господа! Как уже сообщалось ранее, майор Мэри Александра Гамильтон ап Бельтайн была тяжело ранена во время ареста принцепала Совета Бельтайна Джастина Монро и доставлена в Центральный госпиталь. Ее состояние в настоящее время неизвестно. Нам не удалось пообщаться ни с кем из персонала госпиталя, он взят под плотную охрану силами полиции и спустившимися в увольнение на планету членами команд русских крейсеров. Только что приземлился катер, на борту которого прибыл доктор Тисченко, лучший хирург Экспедиционного флота. Похоже, командующий эскадрой, контр-адмирал Никита Корсаков, не доверяет способности бельтайнцев защитить мисс Гамильтон и оказать ей необходимую помощь. И, как ни обидно это признавать, все говорит о том, что господин Корсаков прав. Мало того что на протяжении многих лет Бельтайн находился под управлением помойной крысы. Когда эту крысу загнали в угол, мы не сумели помешать ей укусить человека, который, по слухам, и подготовил крысоловку. С вами был Дейв Карнеги, смотрите Планетарные новости!

Через собравшихся на тротуаре людей решительно протолкалась встрепанная женщина с огромным букетом роз в руках. Помедлив немного, она, должно быть, собралась с духом, пересекла улицу и подошла к Одинцову, застывшему, словно статуя, у дверей в приемный покой. Его напарник, также уроженец Новоросса, являл собой почти точную копию сержанта, и почему бельтайнка выбрала именно Федора – так и осталось загадкой для последнего.

– Простите, сэр... – похоже, достигнув цели, женщина оробела и не знала, с чего начать.

– Мэм? – ободряюще кивнул Одинцов.

– Я миссис Финн, Тесса Финн, – уник женщины не шел ни в какое сравнение с уником девчонки из бара. Небольшой акцент присутствовал, но и только. – Майор Гамильтон... видите ли, мой сын Джимми был на «Сент-Патрике» и я... – она окончательно смешалась.

– Я понимаю вас, мэм. Цветы передадут мисс Гамильтон, как только она придет в себя.

Одинцов с максимально любезной улыбкой передал букет напарнику и, дождавшись, когда женщина отойдет, коротко скомандовал по-русски:

– В лабораторию!

Но это оказались самые обыкновенные розы.

Глава 7

Ираклий Давидович Цинцадзе всегда лично беседовал с теми, кто начинал службу в центральном офисе Службы безопасности Российской империи. И всем этим, уже изрядно трепанным жизнью офицерам он говорил одно и то же:

– Все подданные Империи служат ей, и все служат по-разному. Есть бобры – это те, кто создает богатство государства. И неважно, что выходит из-под их рук – новый корабль, мешок зерна или толковый математик. Есть хомяки, чиновный люд. Их задача набить защечные мешки, складировать добытое в общих закромах и снова набивать, кидаясь на каждый кусок. Бывает, конечно, что хомяк путает общие закрома со своими собственными. Такому не грех и оторвать мешки. Вместе с головой. Есть сороки. Это политики, которые только и делают, что трещат да увешиваются блестящими цацками. Толку от них немного, так, декорация. Спросите такого: «Что ты сделал?» – и он наговорит вам сорок бочек арестантов, а на поверку – ничего. Пшик. Хотя и декорация иногда бывает полезна. И есть псы. Псы государевы. Это армия. Это флот. Это полиция. Это вы. Ваше дело – защищать. Всех. Бобров, хомяков. Даже сорок.

* * *

Свистопляска, начавшаяся на Бельтайне после ареста Джастина Монро, Петра Савельева никоим образом не касалась. А вот вердикта доктора Тищенко он ожидал с нетерпением, от которого неприятно сосало под ложечкой. Последний сеанс связи с князем Цинцадзе завершился категорическим требованием его светлости немедленно сообщать обо всем, связанном с мисс Гамильтон. Поэтому Петр подпирает стену возле операционной, переминаясь с ноги на ногу и в сотый, наверное, раз пересчитывая находящиеся в поле его зрения плитки, которыми был выложен пол коридора. Результат каждый раз оказывался другим и от этого старпом нервничал еще больше. Наконец дверь распахнулась, и Тищенко, потирающий покрытые тонким слоем талька от перчаток руки, ободряюще кивнул Савельеву:

– Жива. Легкое, конечно, в ключья, но жива. Позвоночник не задет, пуля скользнула по лопатке уже на излете. Удачливая девушка, ничего не скажешь. Я сначала, признаюсь, испугался, когда увидел, уж очень скверно выглядело выходное отверстие, но обошлось.

– А... а какой прогноз, доктор?

– С ее скоростью регенерации? Понятия не имею. Организм совершенно уникальный, или, если угодно, уникально совершенный, – Тищенко всей горстью взялся за подбородок. – Ничего не могу вам сказать, Петр Иванович. Она восстановится. И, наверное, быстрее, чем многие. Но конкретные сроки... увольте, голубчик, я врач, а не гадалка.

Савельев благодарно кивнул и отправился искать выход. Пришло время связаться с князем Цинцадзе, благо теперь он мог сказать Ираклию Давидовичу что-то обнадеживающее. Но разговаривать с его светлостью старпом будет исключительно с борта русского катера.

Сообщение от Савельева Ираклий Давидович Цинцадзе получил в тот момент, когда совсем уже собрался выходить. Он назначил встречу своему давнему другу, графу Николаю Сазонову, а отставной адмирал славился своей пунктуальностью еще в те поры, когда они – еще совсем молодые, и сорока не было! – напропалую ухаживали за Ольгой Дроздовой. Ольга в итоге предпочла Николая, даже еще не графа тогда, и княжеский титул Ираклию не помог, и они чуть было не поссорились. Но князь сгрел уязвленное самолюбие в кулак, и был шафером на свадьбе, и увидел там Нину Чечела-швили, подружку невесты. И пропал, умер и воскрес. Полгода спустя уже Николай стоял за спиной Ираклия в церкви Святого Георгия, а еще через несколько месяцев гордый оказанным доверием князь

принимал от купели маленького Сашу Сазонова. Именно Цинцадзе пришел в дом Сазоновых с известием о гибели крестника, именно он нашел тогда слова, заставившие заледеневшую в своем горе Ольгу заплакать. Как давно это было...

Князь все-таки опоздал. Уже когда он садился в лимузин, пришла пара давно ожидаемых известий из разных уголков Империи, и ему пришлось, ругаясь на чем свет стоит, спешно отдавать распоряжения помощникам. В результате, когда запыхавшийся Ираклий Давидович почти вбежал в отдельный кабинет ресторана «Арагви», славившегося умением шеф-повара готовить *правильный* шашлык, адмирал уже скучал за столом, на котором было тесно закуским.

– Опаздывать изволишь, князюшка! – поддел он старого друга, но Цинцадзе только вздохнул.

– Сам знаешь, Николай, дел не впрокорот, только собрался выезжать... а, да что говорить!

Сазонов понимающе кивнул. Выйдя в отставку, он намеревался отдохнуть, да уговорили возглавить кафедру тактики космического боя в Военной академии. И казалось бы – уж на что тихое местечко, синекура синекурой, да и там не понос, так золотуха. Ох, годы наши, раньше и трава зеленее была, и водка крепче...

Цинцадзе присел к столу, водрузил на относительно свободный уголок принесенный с собой компьютерный блок, азартно потер руки, скрывая нервозность, и вопросительно уставился на сотрапезника:

– Что пить будешь, Николай?

– Да Бог с тобой, Ираклий, среди бела дня?! До заката еще о-го-го сколько! Да и ты, похоже, работать собрался даже за обедом! – шутливо всплеснул руками граф, кивая на блок.

– Будешь, пить, дорогой. Будешь, это я тебе говорю. Только реши, что, – настроение князя передалось Сазонову, и он серьезно кивнул:

– Тогда коньяк.

Ираклий Давидович сделал заказ, дождался, когда расторопный официант поставит на стол пузатую бутылку и прикроет за собой дверь, разлил благородный напиток по бокалам и внимательно посмотрел на графа.

– Николай, тебе что-нибудь говорит имя Алтеи Гамильтон?

– Алтея Гамильтон? Ну... разумеется... защита каравана переселенцев с Картана, бой в системе Кукушкина Гнезда... виртуозный бой, кстати, судя по отчетам. Расстреляв весь боезапас, протаранила флагман нападавших. Благодарные картанцы установили памятник в кампусе Военного факультета Академии Свободных планет. А почему ты спросил?

– Видишь ли, Николай... – Цинцадзе немного помялся. – У меня есть все основания полагать, что именно Алтея Гамильтон была той самой Алей, о которой говорил Саша в своем последнем сообщении.

Граф ссутулился и разом постарел. Исчезла молодцеватость, резко проступили морщины, глаза потускнели и полузакрылись, скрывая давнюю боль.

– Что ж... У мальчика был хороший вкус... Эх, Сашка, Сашка... Постой, Ираклий. Ты сказал – «основания»? Какие?

Князь, не отвечая, развернул виртуальный дисплей, пробежался пальцами по клавиатуре, удовлетворенно кивнул чему-то, невидимому для друга и, наконец, поднял глаза на Николая.

– Основания... Самые серьезные основания, дорогой. Примерно через восемь стандартных месяцев после смерти Саши и за полгода до собственной гибели Алтея Элизабет Гамильтон родила дочь, Мэри Александру.

С этими словами Цинцадзе повернул изображение к собеседнику. Сазонов задумчиво охнул: с дисплея улыбалась кому-то молодая женщина в форме. Погоны, ордена, два пальца, вскинутые к кромке берета и упирающиеся в крест на виске... все это граф разглядел потом. А сейчас он не сводил глаз с лица, такого знакомого... Николай Петрович слепо зашарил рукой по столу, князь быстро вложил в пальцы бокал с коньяком и, сочувственно улыбаясь,

смотрел, как пьет, явно не чувствуя вкуса, старый адмирал.

– Как ты, Коля? – осторожно спросил Ираклий Давидович. – Может, врача? Мои орлы тут, за углом...

– Не... не надо врача... – просипел прикипевший взглядом к дисплею Сазонов.

– Ошибки никакой быть не может, сравнительный анализ биокарт и ДНК-грамм делал сам профессор Гаврилов. Это Сашина дочка, Николай. Ваша с Ольгой внучка.

– Да ну тебя, Ираклий! Какие, к черту, биокарты, и так все ясно! – взорвался граф, приподнимаясь с места и сверля Цинцадзе взглядом. – Как ты ее нашел?! Где?!

– Это не я ее нашел, это Никита Корсаков ее нашел. Помнишь мальчика? Да ты сядь, сядь.

– Помню, – пробормотал Сазонов, опускаясь в кресло. – Хороший мальчик, смысленный, с воображением. Ну так он и контр-адмирал в свои годы, совсем неплохо... Да, и что?

– А то, что девочка – майор ВКС Бельтайна.

– Постой-постой... так это же там давеча...

– Вот именно, – кивнул князь. – Пиратский налет на планету. Орденом корветов, сопровождавших к зоне перехода эвакуационный транспорт с детьми на борту, командовала тогда еще капитан Гамильтон. Майора как раз за этот рейд получила. Подбили ее тогда, а Корсаков корвет на крейсер затащил. У него ж там старик Михеев служит, странно было бы, если б подобрать не смогли. Кстати, эскадра Корсакова там очутилась в ответ на просьбу о помощи. А просьбу эту Бельтайн отправил по настоянию твоей внучки, остальные в тамошнем Совете думали, что это бессмысленно. Вот такие пироги, Николай. – князь замолчал, сделал глоток коньяку, удовлетворенно пошевелил носом и задумчиво продолжил: – У меня-то к ней свой интерес был, и довольно давно. Помнишь, я тебе про деятеля одного шустрого рассказывал, Эрика ван Хоффа? Его ведь на Бельтайне арестовали, не где-нибудь. А сообразил, где его брать надо, не поверишь, полицейский пилот с позывным ноль двадцать два. Так он у меня и проходил по всем отчетам, имени я не знал, их шеф полиции своего человека как зеницу ока берег. А после того, как наши корвет подобрали, и капитан Гамильтон из лазарета вышла... Спокойно, Николай, сам Станислав Тищенко работал, не кто-нибудь! Да выпей ты уже, что ты не знаешь, куда коньяк пристроить! И закуси, а то будет нам с тобой от Ольги на орехи... ну так вот... о чем это я? Ах да. Мисс Гамильтон разговорилась со старшим помощником с «Александра», Савельевым, и, как почти коллеге, рассказала ему в качестве анекдота всю эту историю. Она ван Хоффа вычислила, она его и арестовала. И как тебе?

– Погоди, Ираклий. Погоди, не части. Ты мне об этом умнике когда рассказывал? Это сколько ж ей было лет?!

– Шестнадцать. Да это еще что – она на «Сапсане» с четырнадцати летала! Вот как бельтайн-ский Звездный Корпус закончила на три года раньше срока, так и пошла в полицию служить, дожидаясь возраста, когда в Академию на Картане можно будет поступать. Военный факультет с отличием, половина курса экстерном...

– По какой кафедре? – оживился Сазонов.

– По командной, друг мой, по командной, – усмехнулся Цинцадзе. – Тактическую у них обычные девочки заканчивают. Ну как – обычные? Выше среднего, но не уникамы. А уникамов на командную посылают. Ладно, что-то у меня в горле пересохло... Я выпью, пожалуй, а ты пока картинки посмотри.

Цинцадзе переключил что-то на блоке, и граф снова впился взглядом в дисплей, на котором в сопровождении неуловимо тревожной музыки разворачивалось действо. Хищный красавец-корвет проносится над бортом транспортника, усеянным абордажными капсулами, и струя выхлопа буквально сбивает их, оставляя обшивку невредимой. Из аварийного люка, изуродованного попаданием корабля, на бронеовые плиты причальной палубы выпрыгивает бледная до синевы бритоголовая девушка, надевает берет, подходит все ближе, видны запавшие глаза и высокомерная улыбка. Та же девушка сидит в гравикресле, вокруг нее

рубка крейсера, она что-то объясняет столпившимся рядом с креслом русским офицерам. Ага, вот откуда был взят кадр, который Ираклий выбрал для представления внучки деду: она, уже в парадной форме с майорскими погонами, подходит к капитану первого ранга, вскидывает руку, он козыряет в ответ. Поле космодрома, жилистый мужик в незнакомой форме, с рукой на перевязи и обожженным лицом, что-то прикрепляет к кителю майора, она поворачивается лицом к камере, по бледной щеке ползет одинокая слеза, за спиной что-то скандирует восторженная толпа. Платформа, скользящая над поверхностью воды; девушка, облаченная в русский костюм для подводных погружений, сидит, устало привалившись к борту, и крепко сжимает непонятного назначения контейнер. А вот она уже в штатском, наматывает круги по комнате, время от времени ударяя ладонью в стену, лицо злое. А вот она просто спит, должно быть, в лазарете...

Ираклий Давидович, исподтишка наблюдавший за другом, удовлетворенно улыбнулся: Савельев выполнил поручение на «отлично». Сказано ему было представить в блеске и славе, как будущую невестку придирчивой свекрови, он и сделал. Молодец.

– Ираклий, – тихо и хрипло позвал Николай Петрович. Глаза его были мокрыми, но он, должно быть, этого не замечал, и Цинцадзе придержал руку, уже полезшую за обшлаг рукава за платком. – Ираклий, ты с ней говорил?

– Говорил, – кивнул князь. – Веришь ли – чуть под стол не свалился. Подвела меня привычка на изображения не смотреть, представлять себе людей по досье. Корсаков мне: «Позвольте представить вам майора ВКС Бельтайна», а передо мной Саша сидит. Какой там Бельтайн-Шмельтайн! Насилу собрался.

– А... какая она?

Давненько Ираклий Давидович не слышал такой робости в голосе друга. Да если разобраться – и вовсе никогда.

– Она? Умная. Гордая. Сильная. Цену себе знает. Соображает быстро. Перед авторитетами не лебезит. Ну Сашкина же дочка, что ты хочешь? А в остальном... Офицер как офицер. Заслуженный. Грудь в крестах, погоны в звездах. Голова, говорят, седая, но сам не видел, она в бандане была. Приняла приглашение посетить Кремль, когда вся эта история на Бельтайне закончится. Там сейчас такая заварушка... ничего, подлечится, с делами разберется...

– Подлечится? – вскинулся Сазонов.

– Тихо, Коля, тихо. Уже все в порядке, – успокаивающе положил ему ладонь на рукав Цинцадзе. – Уймись. У них там сволочь завелась, да такая, что говорить – и то противно. Взялись арестовывать, а этот мерзавец при оружии оказался. Девочка твоя верховного судью с линии огня оттолкнула, а сама убраться не успела. Но полковник Тищенко головой ручается, что проблем не будет, только покой да уход нужны. Ничего, будут ей и уход, и покой. Госпиталь под охраной нашего десанта, мышь не проскочит, за медициной сам Тищенко следит, лично. Ничего.

Граф задумался, барабанив пальцами по столу.

– А может быть, мне туда? На Бельтайн? Как думаешь, Ираклий?

– Вот только тебя там сейчас и не хватало! – взорвался князь. – У нее там работа, понимаешь ты это или нет? Работа! Тяжелая, опасная, да, но она делает то, ради чего все эти годы жила, училась, воевала. Они там, между прочим, в пять лет присягу принимают, так эта присяга заканчивается словами: «Клянусь жизнью и смертью своей защитить Бельтайн». Вот она и выполняет присягу, не менее, но и не более того. Не мешай ты ей! Слово тебе даю, как только она освободится – тут же на Кремль заберу. А сейчас... Ну прилетишь ты на Бельтайн, и что?! Расстроишь, отвлечешь, она расслабится, ошибется не дай бог... Хватит и того, что Корсаков там сейчас по стенам бежит от беспокойства, хочешь ему пару составить? Только сегодня и только у нас – два нервных адмирала в гонках по вертикали, спешите видеть! – Цинцадзе замолчал, переводя дух, и Сазонов немедленно этим воспользовался:

– А с чего это Корсаков по стенам бежит?

– А он к твоей внучке, судя по всему, нервно дышит. И я его понимаю: не будь у меня

Нины, сам бы влюбился. Только ты, уж будь добр, в это дело не лезь. Ей не тринадцать и даже не двадцать три, с двухмесячного возраста по казармам, сама сообразит, как быть.

– С двухмесячного?! – опешил Николай, и князь мысленно похвалил себя за то, как ловко переключил внимание друга.

– С двухмесячного. Как раз в этом возрасте бельтайнских детишек в учебные центры забирают и до полутора лет даже на пару часов домой взять не дают. В пять лет – в Корпус. Потом в монастырь, баржи с тарисситом через астероидный пояс таскать. Видел крест на виске? Маша твоя католичка, послушницей была. Ну, этот вопрос мы порешаем: была б на то ее воля, а с патриархом я договорюсь... Потом, если способности есть – на Картан, потом воевать по контрактам. Или не воевать. Ты на ее китель внимательно посмотрел? «Великую Стену» видел?

Окончательно ошарашенный потоком информации Сазонов даже рот приоткрыл:

– Так это она тогда?!

– А сколько, по-твоему, в Галактике бельтайнских пилотов по имени Мэри Гамильтон? – ехидно фыркнул Цинцадзе.

Они еще долго проговорили в тот день. Так долго, что Николай Петрович опоздал к ужину.

Ольга Дмитриевна Сазонова в который раз выглянула в окно. Конечно, можно было связаться с задержавшимся супругом через коммуникатор, но офицерские жены быстро усваивают, что беспокоить благоверного можно только в самом крайнем случае, к примеру, если случится пожар. Да и его проще потушить самой: когда еще муженек сможет освободиться, сто раз все сгореть успеет. На коммуникатор мужа-офицера можно отправлять только сообщения с пометкой «низкая срочность» и смиренно ждать, дойдут ли у него руки просмотреть и ответить... Эти простые истины Оленька Дроздова уяснила для себя, еще будучи маленькой девочкой и наблюдая за матерью, поэтому ничего нового брак с каперангом Сазоновым ей не принес. Ничего нового – если не считать четырех сыновей, трех дочерей и без малого восьмидесяти лет счастья. Всякое бывало, конечно. Под каждой крышей – свои мыши. Случалось, и плакала она, и тарелки швыряла об пол... И ждала, ждала, ждала. Сначала – мужа, потом сыновей, потом младшая из трех дочек погони надела... Да что дети! Старшие внуки, близнецы Сергей и Савелий, уже восемь лет, как служили во флоте. Ни один из ее мальчиков не пошел в штатскую службу, хотя никто и никогда не ограничивал детей в выборе жизненного пути. Только один раз попробовала возразить Ольга Дмитриевна – когда Катенька заявила, что тоже во флот пойдет, как братья. Это случилось вскоре после того страшного дня, когда бледный, не похожий на себя Ираклий сказал ей, запинаясь, что Саши больше нет. Теперь, задним числом, она была даже благодарна дочери за то решение. Кто знает, как долго окутывал бы ее туман безразличия ко всему, если бы не Катенькин ультиматум. Страх и, что греха таить, гнев сумели пробиться через окружившую ее мутную стену. Дня три Ольга Дмитриевна кидалась на всех, кто попадался на пути, но домашние мужественно вытерпели это, и она взяла себя в руки и опять начала ждать. Да где же, в конце концов, Николай?! Ольга Сазонова никогда не призналась бы в этом даже самой себе, но последние тридцать с гаком лет она боялась встреч мужа с князем Цинцадзе. Мерещилось всякий раз что-то жуткое, непоправимое... Как ни клялся Ираклий, что первым делом к ней придет, если что-нибудь случится с детьми, но она-то знала мужа и его друга не один десяток лет, точно попытаются скрыть, подготовить ее... Ну наконец-то!

Николай Петрович выбрался из лимузина князя Цинцадзе и пошел по дорожке к дому. Дом был не слишком велик, но теперь, когда дети разлетелись кто куда, он казался ему несуразно огромным. Ничего, даст Бог – Сашина комната теперь снова будет занята. Хотя и вряд ли надолго: Марии четвертый десяток пошел, пора уже свое гнездо вить. Надо бы о Никите Корсакове справки навести поподробнее. Какой он офицер – известно, а вот что за человек? Да и родственниками его поинтересоваться не помешает... Сазонов мысленно себя

одернул. Внучка еще даже не на Кремле, и неизвестно, захочет ли она войти в семью отца, а дед, прожектер, уже прикидывает, каких сватов принимать, а каким давать от ворот поворот! Раскатал губу, нечего сказать... С чего бы начать разговор с Олей? Вон она, у окна стоит, так что отвертеться точно не удастся...

Разумеется, взвинченное состояние супруга Ольга Дмитриевна заметила сразу, но никакой бедой в воздухе, кажется, не пахло, и она немного успокоилась. Осведомившись, будет ли Николай ужинать, она ничуть не удивилась, когда муж отказался. Что-то вертелось у него на языке, и графиня решила просто подождать. Рано или поздно ее адмирал разговорится. И действительно, полчаса спустя он пришел в гостиную и обратился к жене, бесцельно перебиравшей безделушки на массивной дубовой этажерке:

– Олюшка, ты присядь. Нам с тобой поговорить нужно.

Снова испугавшаяся, Ольга Дмитриевна опустила на диван. Николай Петрович присел рядом, взял ее руку, еще немного помялся и, наконец, негромко сказал:

– Не знаю я, милая моя графинюшка, с чего начать, потому начну с главного. Когда наш Саша погиб, та женщина, о которой он говорил тогда, помнишь?.. Аля... она ребеночка ждала.

Ольга Дмитриевна вскрикнула, прижимая дрожащие пальцы к губам и глядя на мужа широко открытыми глазами. От дверей донеслось немелодичное звяканье: дворецкий Степан, когда-то ординарец Николая Петровича, а потом дядька всех его сыновей, застыл в проеме соляным столпом, только ходуном ходил в морщинистых, все еще сильных руках поднос с чаем.

– Садись, Степан, – страдающим голосом выговорила графиня. – Садись. А ты, сударь мой, продолжай, не терзай душу!

– Дочку она родила. У нас с тобой, Олюшка, еще одна внучка есть, Марией зовут. То есть Мэри, Мэри Александра. Она на Бельтайне родилась, мать ее, Алтея Гамильтон, с Бельтайна была. Для того меня Ираклий и позвал сегодня, чтобы о нашей Машеньке рассказать.

Ольга Дмитриевна тихонько заплакала.

Сначала вернулись запахи. Тонкий, едва заметный аромат роз наслаивался на неистребимую госпитальную дезинфекцию, озон и какие-то лекарства. Вслед за запахами пришли звуки: что-то мерно гудело, щелкало и тихонько, на грани слуха, попискивало. Осязание говорило, что она лежит на довольно жесткой, но при этом вполне уютной кровати. Больно, как ни странно, не было, совсем. Только неудобно. В рот и дальше в горло была вставлена какая-то трубка, так что о вкусе говорить не приходилось. Ладно, с четырьмя чувствами разобрались, осталось только зрение. Надо открывать глаза. Мэри шевельнула веками и тут же опустила их снова, ослепнув от яркого света. Рядом с ней кто-то чем-то зашелестел, щелкнул переключатель, и молодой мужской голос произнес, почему-то на унике:

– Доктор, требуется ваше присутствие. Майор приходит в себя.

Она снова попробовала приподнять ресницы. На этот раз дело пошло лучше: то ли свет приглушили, то ли глаза за время первой попытки успели немного привыкнуть. Откуда-то слева раздался характерный шорох открывающейся двери. Зрение постепенно прояснялось, и скосившая глаза Мэри узнала в вошедшем старого дока Тернера. Из-за его плеча выглядывал Тищенко, сосредоточенный, но спокойный.

– С возвращением, мисс Мэри, – улыбнулся Тернер, подходя к кровати и внимательно разглядывая показания приборов. – Ого, да вы у нас молодец, не так ли, коллега?

Бельтайнский врач говорил на унике с заметным акцентом, но проблем с пониманием у Тищенко не возникало.

– Полностью согласен с вами, доктор Тернер. Мисс Гамильтон, вы подключены к системе искусственной вентиляции легких. Сейчас мы вынем трубку и вы попробуете дышать самостоятельно. Вы меня понимаете?

Мэри качнула веками.

– Прекрасно. Будет немного неприятно, придется чуть-чуть потерпеть.

Если бы Мэри могла, она бы усмехнулась. Но проклятая трубка уж никак не способствовала богатству мимики, а сама процедура ее извлечения совершенно не располагала к усмешкам. Наконец экзекуция завершилась и, не успев девушка сформулировать просьбу, Тищенко поднес к ее губам трубочку, другой конец которой уходил в пластиковую флягу. Несколько глотков кисловатой жидкости спустя жизнь стала вполне приемлемой. Дышать получалось, хоть и с некоторым трудом. Справа в груди не то чтобы болело, просто создавалось впечатление, что вместо легкого туда вложили кусок вейвита, причем не особенно подходящий по форме и размеру.

– Вам не следует много говорить, мисс Мэри, – участливо сказал Тищенко. – Да вы и не сможете пока говорить много. Давайте я буду задавать вопросы, а вы будете моргать один раз, если «да», и два раза – если «нет». Договорились?

Мэри моргнула.

– Очень хорошо. У вас что-нибудь болит? Нет. Это радует. Вы помните, что произошло? Отлично. Разрешаю вам сказать одно слово.

– Судья?.. – просипела Мэри, с трудом удерживаясь от кашля.

– Судья Маккормик жив и здоров. Немного ушибся, когда вы сбили его с ног, и проклинает за это господина Монро. Обещал молиться о вашем здравии – как ни крути, вы спасли ему жизнь, такая рана, как у вас, в его возрасте однозначно была бы смертельной.

Мэри попыталась улыбнуться, и молодой медтехник в русской форме тут же смазал ей губы чем-то жирным.

– Почему?.. – показала она глазами на парня.

– Почему рядом с вами мой человек? Так безопаснее. После истории с попыткой убийства Саммерса и особенно после вашего ранения полковник Морган не очень уверен в местном персонале, а для детальной проверки не было времени. Здесь, в госпитале, вас охраняют наши десантники. Кстати, не позволяйте Одинцову поить вас самогоном, потерпите хотя бы с недельку.

Теперь улыбка на лице бельтайнки стала шире, глаза заискрились сдерживаемым смехом.

– Анасте... зия... – выдавила она.

Тищенко удрученно покачал головой, но Мэри видела, что он готов расхохотаться и не делает этого только потому, что боится – его смех окажется заразительным, а смеяться ей пока не рекомендуется.

– Да, Федор передал мне ваше мнение по поводу необходимости комплектации корабельных аптек его пойлом. Что-нибудь еще?

– Розы?..

– Весь этаж завален цветами, вам еще представится возможность в этом убедиться. Именно эти, – Тищенко шагнул куда-то в сторону и вернулся, держа в руках тяжелую вазу с огромным букетом, – принесла некая миссис Финн. Она сказала, что ее сын был на «Сент-Патрике».

– Да... Я... ей... чуть... руку... не... слома... ла... в... порту... У... нее... была... исте... рика...

– Так, все, – забеспокоился русский врач. – Вам нельзя больше говорить, мисс Мэри. Хотите еще попить?

Мэри отпила несколько глотков и благодарно улыбнулась.

– А теперь вам следует поспать. Разрешаю вам, прежде чем заснете, посмотреть влево, – Тищенко шагнул к приборам.

Девушка слегка повернула голову. За прозрачной дверью стоял Корсаков, осунувшийся, бледный, и к тому же – вот это да! – небритый. Он поднял руку в приветствии, Мэри попыталась улыбнуться, но тут ее веки налились свинцом и она заснула.

Два дня спустя ей разрешили сидеть на кровати. Разумеется, под строгим присмотром и недолго, но и это уже был прогресс. Забежал на минутку Морган, замотанный так, что смотреть было больно. Заглянул Шон О’Брайен, пожаловался на Джину, которой не сидится с детьми на Плезире – собирается вернуться, а тут творится черт знает что! Не могла бы Мэри, как бывший командир, как-то повлиять? Услышавший эту просьбу Тернер привстал на цыпочки, ухватил Шона за воротник и выдворил из палаты, сопровождая свои действия наставительной лекцией о вреде излишней наглости. Пару раз заходил Никита, но бдительный Тищенко заметил, что в его присутствии Мэри охватывает беспокойство, так что свидания были весьма ограничены по времени. Заняться было нечем. Привыкшая к тому, что каждая ее минута чем-то занята – и неважно чем, службой или партией в покер – Мэри с каждым часом нервничала все сильнее. Наконец она не выдержала. Ей нельзя волноваться? Так дайте же, чем себя занять. Перебрав вместе с Тищенко несколько возможностей делать хоть что-то, она остановилась на гипнопедическом курсе русского языка и теперь спала охотно, не ворча и не возмущаясь.

Между тем вопрос, как быть с ней дальше, встал ребром. Все время держать ее в госпитале было невыносимо: Мэри быстро шла на поправку, и недалек был момент, когда «сонных уроков» не хватит ей для сброса кипучей энергии. К тому же вставала проблема безопасности. Информаторы доносили Моргану, что на Бельтайне хватает тех, кто недоволен арестом Монро и последовавшими за ним задержаниями десятков людей по подозрению в соучастии. При всем объеме имеющихся доказательств судебный процесс еще не был готов, и выпустить Мэри из госпиталя фактически означало выставить ее, как мишень в тире. Можно было окружить ее телохранителями из числа русских десантников, но их использование для охраны госпиталя уже вызывало на Бельтайне весьма неоднозначную реакцию. Не говоря уж о том, что на всякого телохранителя найдется снайпер с точным прицелом. Крейсер на орбите, конечно, давал больший простор для деятельности при стопроцентной безопасности пребывания. Но Тищенко не без оснований полагал, что там она изыщет возможность именно работать, не обращая внимания на рекомендации, а запереть в каюте или палате лазарета можно и здесь, зачем тащить наверх, подвергая опасности неокрепший еще после ранения организм. Когда обратились за советом к Моргану, он уточнил параметры распорядка, требуемого капризной пациентке, и попросил продержать ее в госпитале еще сутки. По истечении этого времени он так ее спрячет на планете, что пока не отпрячет – не найдут, даже если с собаками искать будут. Курортные условия будут созданы по высшему разряду, а заниматься головоломной аналитикой она не сможет по причине полного отсутствия технических средств.

Многочисленное семейство Рафферти собралось за ужином в огромной столовой. В старом, изрядно повидавшем на своем веку доме постоянно проживало от тридцати до сорока человек и еще с полсотни рассыпалось по коттеджам на просторных выгонах. По заведенному издавна порядку за стол садились все вместе. Здесь не делали разницы между хозяевами и наемными работниками, охотно принимая этих последних в семью, если уж все сладилось у дочки, внучки или племянницы. Переборчивые коневоды брали на службу далеко не всех, спрашивали строго, но и платили не скупясь. Гунтеры Рафферти славились на всю Галактику, пожалуй, не меньше, чем бельтайнские экспедиционные экипажи. И не было за всю историю семьи случая, чтобы постаревший или покалечившийся работник оказался вышвырнутым, как старый, изношенный башмак.

Разумеется, приземлившуюся на лужайке перед домом машину заметили еще тогда, когда она показалась на сканерах. При всей кажущейся патриархальности уклада Рафферти пользовались самым современным оборудованием обнаружения и охраны. Пожалуй, в обозримом прошлом был только один случай, когда такую вот посадку откровенно проморгали. И хотя повод тогда был хоть куда, учиненный впоследствии старым Мозесом разнос провинившихся часовые запомнили надолго. Так что за машиной – неприметной развалюхой с нейтральным позывным и неожиданно мощным двигателем – следили весьма

пристально. И главе семейства доложили сразу же по обнаружении, но Мозес даже бровью не повел. Он вообще редко водил бровями, потому что даже на привычных домочадцев зрелище это производило неизгладимое впечатление. Когда же из машины выпрыгнул и неторопливо зашагал к дому полковник Морган, причин для беспокойства и вовсе не осталось. Моргана здесь знали в лицо, весьма уважали и всегда были рады видеть, по поводу и без. Впрочем, навряд ли у шефа планетарной полиции могло найтись сейчас время для увеселительной прогулки. Ох, и каша же заварилась на Бельтайне, всем кашам каша. Мозес качнул головой, за столом рядом с ним как по волшебству освободилось место и возник еще один прибор. Понятливый правнук кинулся к дверям и минуту спустя Морган уже раскланивался со всеми Рафферти, целуя ручки дамам, обмениваясь рукопожатиями с мужчинами и отвешивая шуточные подзатыльники мальчишкам.

– Милости просим к столу, – прогудел Мозес, вставая и указывая полковнику место справа от себя. – Рад вас видеть, Генри. Поужинаете с нами?

– Можно и поужинать. Хотя, сказать по правде, я не голоден, а времени у меня мало. И прилетел я к вам по делу, – Морган удобно устроился на массивном стуле с высокой спинкой и повертел в пальцах вилку, ловко перехватывая ее то как для удара, то как для броска.

– Ох, вечно у вас дела, полковник, – укоризненно вздохнул Мозес Рафферти. – Нет, чтобы посидеть, поговорить... ну хоть виски-то выпьете?

– Виски? – Генри усмехнулся уголком рта. – Виски выпью. Автопилот загружен, так что...

– Вот и прекрасно, – расцвел хозяин дома и потянулся за квадратной бутылкой. – А что касается вашего дела – не пройти ли нам в контору?

– Нет, сэр, – твердо ответил Морган, – мое дело касается всех присутствующих здесь. Потому что если мы с вами договоримся, мне понадобится не только ваше молчание, но и их.

– Вот как? – лицо Мозеса, секунду назад вполне добродушное, разом стало жестким и как будто отяжелело. Челюсть выдвинулась вперед, глаза прищурились. Он окинул взглядом собравшихся за столом, и в комнате сразу же стало так тихо, что слышен стал ветер, обиженно посвистывающий на рвущие его кусты остролиста за окном.

– Мозес, я знаю, вы любите прикидываться эдаким деревенским увальнем, но за новостями следите весьма пристально. Я прав? – начал полковник.

– Разумеется, вы правы, Генри. Хотя, должен вам честно признаться, в последнее время в новостях доводится слышать мало хорошего. Все больше какие-то ужасы.

– Ну, тогда вы знаете, что произошло на последнем заседании Совета, – вздохнул Морган.

– Еще бы! Майора Гамильтон жалко. Как она?

– Уже потихоньку идет на поправку и... – но договорить Генри не успел. Молодой мужчина лет тридцати пяти, с ухоженной бородкой и копной светлых волос презрительно фыркнул:

– Жалко?! Жалко было бы судью Маккормика, если бы в него попали, а этой... так ей и надо! Как линейных спасать, так она первая, а остальные пусть хоть сгорят?! Стерва!

– Джереми! – рявкнул старший Рафферти, обрушивая кулак на стол, но продолжить воспитательный процесс не успел: Морган изменился в лице так, что смотреть стало страшно. Он побагровел, на скулах вспухли желваки, рот скривился в жутковатой усмешке, а вилка, которую полковник так и не выпустил из рук, нацелилась прямо в лицо вскочившему на ноги парню.

– Как вам, должно быть, известно, юноша, – сухим и царапучим, как наждак, голосом проскрипел коп, – я не первый год командую планетарной полицией. И повидал на своем веку не одного неблагодарного засранца и даже не десяток. Но такой великолепный экземпляр, как ты, Джереми Томас Рафферти, я встречаю впервые, – от ярости он путался в местоимениях, но никто не обратил на это внимания. – Кажется, когда девятнадцать лет назад Мэри Гамильтон, будучи еще совсем соплячкой, сажала работаровца, который тебя увозил, ты не слишком возражал? А теперь она, выходит, стерва?! Почему же это? Потому

что постаралась вытащить всех, кого смогла – на одном-единственном транспортнике? Потому что русские пришли к нам на помощь в ответ на посланный по ее настоянию сигнал бедствия? Потому что если бы не она, никто бы и никогда не докопался до всех делишек Монро? – Морган уже орал, брызжа слюной и задыхаясь. – Да ты хоть понимаешь, щенок...

На Джереми было жалко смотреть. На остальных, растерянно переглядывающихся, тоже. Только Мозес сохранял спокойствие, хотя и ему оно давалось с большим трудом. Полковник неожиданно сник, опустился на стул и хрипло и совсем тихо закончил:

– Это я ей вдолбил, что она никогда не сможет спасти всех и должна делать то, что в ее силах. Можешь меня стервецом обозвать, если хватит храбрости. Меня – можешь, а ее не смей. Убью.

– Верно ли я вас понял, полковник, – осторожно заговорил глава семьи, – майор Гамильтон когда-то откликалась на позывной ноль двадцать два?

– Вы все правильно поняли, Мозес, – кивнул Морган, поискал глазами среди присутствующих и неожиданно улыбнулся:

– Я не назвал вам тогда имени пилота не только из соображений секретности. Вы, Джудит, ждали сына, и было бы странно, если бы мальчика назвали Мэри...

Женщина, чей живот опять оттопыривал перед просторного комбинезона, улыбнулась в ответ:

– А вот теперь у меня будет дочка. И уж ее-то я назову Мэри.

– Правильно, Джудит, – кивнул ей свекор. – Семья Рафферти кое-что задолжала майору Гамильтон. Вы представляете, Генри, она же связывалась со мной перед самым налетом. Пыталась уговорить оставить дом ради безопасности. И когда только время нашло...

– Да уж, Мэри – она такая, – на лице успокоившегося Моргана появилось было мечтательное выражение, тут же сменившееся деловитой собранностью. – Мозес, давайте уже о деле поговорим. Мэри нельзя больше оставаться в госпитале, она свихнется, если и дальше будет сидеть в палате под охраной. Но как только она оттуда выйдет, найдется кто-нибудь вроде Джереми, только еще более недовольный ее действиями. Или один из не отловленных еще пособников Монро. Или просто желающий прославиться псих. Отправить ее на орбиту тоже не лучший вариант, после такого ранения некоторое время лучше не мотаться туда-сюда. Кроме того, на русском крейсере она уж точно найдет возможность «заняться делом», как она это называет, то есть работать без передышки. Тех доказательств, которые она собрала по делу бывшего принципала, уже более чем достаточно, но...

– Я вас понял, полковник, – решительно кивнул старший Рафферти. – Вы хотите, чтобы мы спрятали мисс Гамильтон здесь, в поместье. Проследили бы за режимом, не подпускали к компьютерам и так далее. Я прав?

– Вы правы. Если я прошу слишком многого... – однако Мозес перебил его, хлопнув ладонью по столу:

– Многого? Вы не просите вообще ничего, Морган. Привозите ее. Мы все подготовим. И о том, что у нас появилась гостя, не узнает ни одна живая душа. Это понятно? – окинул он взглядом собравшихся за столом людей.

– Понятно, – ответила за всех Сара Рафферти, такая же обманчиво хрупкая, как в ту ночь, когда она, рыдая, целовала руки пилота, вернувшего ей сына. – Всем все понятно, Мозес.

Когда полковник вернулся в госпиталь, оказалось, что Мэри очень занята. В палате развернули огромный дисплей коммуникатора и теперь майор Гамильтон разговаривала с кем-то, кого Морган не видел от дверей. Поскольку говорила она на уника, Генри сделал вывод, что ее собеседник – не бельтаинец. И действительно, когда услышавшая шипение пневматической створки Мэри скосила глаза и поманила остановившегося на пороге Дядюшку, он, подойдя поближе, увидел на экране незнакомого господина в штатском. Волосы этого человека, когда-то, должно быть, черные, как смоль, изрядно побила седина. Крупный нос и пышные усы придавали ему вид эдакого гедониста, но все впечатление

портили темно-карие глаза, внимательные и цепкие.

– Господин полковник, – официальным тоном начала Мэри, – познакомьтесь с князем Цинца–дзе. Его светлость возглавляет службу безопасности Российской империи, так что вы в некотором роде коллеги. Это полковник Морган, сэр, командующий планетарной полицией.

– Ваша светлость! – склонил голову Морган, но мужчина неожиданно улыбнулся:

– Оставьте, полковник. Мы не на император-ском приеме. Я искренне рад видеть человека, о котором слышал так много – и только хорошее!

– Вы слышали обо мне? – Генри был весьма удивлен, но князь немедленно внес ясность:

– Даже если не считать того, что рассказала о своем первом командире мисс Гамильтон, в моем распоряжении имеются многочисленные доклады генерал-лейтенанта Авдеева.

– Многочисленные, вот как... – неловко пожал плечами коп, однако Цинцадзе не собирался позволять собеседнику скромничать:

– А как вы хотели? Один Мануэль Мерканто чего стоит. А Эрик ван Хофф? Да и кроме докладов Авдеева в вас найдется немало примечательного. Я говорю о ваших, несомненно, выдающихся педагогических способностях, ведь мисс Гамильтон утверждает, что полицейского офицера из нее вырастили именно вы.

– Исходный материал был хороший, – проворчал Морган, и князь расхохотался, да так заразительно, что секунду спустя к нему присоединились бельтайнцы. Мэри, правда, смеялась недолго. Рана все еще давала о себе знать, хотя Тищенко, глядя на скорость заживления, только восхищенно качал головой и употреблял фразеологизмы, которые не вошли в предложенный ей курс русского языка. Одновременно заметившие ее гримасу мужчины разом посерьезнели.

– Извините нас, мисс Мэри, – подался вперед Цинцадзе, внимательно вглядывающийся в слегка побледневшее лицо девушки. – Может быть, послать за врачом?

– Со мной все в порядке, Ираклий Давидович. Не надо врача, я уже устала от постоянной опеки, – решительно возразила она.

– Как вам будет угодно. Но после того как наш разговор завершится... полковник, я на вас рассчитываю.

– Я прослежу, сэр. Что касается вашего разговора, возможно, мне лучше уйти?

– Оставайтесь. Мы с мисс Гамильтон обсуждали сложившуюся ситуацию и необходимость сделать с корпорацией «Кристалл Лэйкс» что-то по-настоящему основательное, чтобы впредь nepовадно было. Вы, разумеется, в курсе той роли, которую эта компания сыграла в последних событиях на вашей планете.

– Разумеется, – Морган огляделся, вытащил из-под высокой кровати табурет, поднял сиденье и с удобством расположился на нем.

– Признаться, после получения доклада от присланной с Кремля исследовательской группы я был так зол, что уже готов был отдать приказ эскадре «Гнев Господень» навестить орбитальные комплексы корпорации. И посмотреть, что можно предпринять, радикально и навсегда. Но у майора Гамильтон, кажется, имеется свое, отличное от моего мнение на этот счет и как раз перед вашим приходом она собиралась изложить его мне. Мы слушаем вас, Мэри Александра.

Мэри откашлялась, с благодарностью приняла из рук Моргана стакан воды, отпила несколько глотков и мило улыбнулась:

– Превращение орбитальных заводов и лабораторий корпорации «Кристалл Лэйкс» в атомарную пыль, как мне кажется, невыгодно не только с политической, но и с экономической точки зрения. С политической потому, что так называемая свободная пресса немедленно навесит на Империю всех собак, каких найдет, а найдет она много. Конечно, памятуя о сюжете старой русской басни, можно просто не обращать внимания на пустолаек, но зачем же подставляться?

– Басни? – прервал ее Цинцадзе, – Вы знаете русские басни?

– Я изучаю русский язык, сэр. Пока, правда, успехи мои не слишком велики и я предпочитаю говорить с вами на унике, но всему свое время.

– Несомненно, – пробормотал приятно удивленный князь. – Продолжайте, мисс Мэри.

– Что является наиболее уязвимым местом компании, подобной «Кристалл Лэйкс»? Ради чего они занимаются научными изысканиями и промышленным производством? Что защищают, не брезгуя даже финансированием кошмарных проектов и пиратских налетов?

Цинцадзе сложил руки на груди и язвительно усмехнулся:

– Деньги, Мэри Александра, деньги.

– Верно, сэр. И вот тут-то мы и можем их прижать, да так, что мало не покажется. Только, вероятно, без помощи Империи обойтись не удастся. Но вы ведь и сами заинтересованы в том, чтобы эта корпорация прекратила свое существование?

Ираклий Давидович покивал. Выражение его лица Морган определил, как удовольствие старого мастера, встретившего достойного молодого коллегу.

– Так в чем же состоит ваш план и какую роль вы отводите Империи?

– Во-первых, необходимо широкое освещение предстоящего судебного процесса в галактических СМИ. Боюсь, что у нас с полковником нет агентов, способных намекнуть, кому следует, что случившееся на Бельтайне выходит за рамки рядового налета рядовых пиратов на рядовую планету.

Цинцадзе что-то пометил световым пером в невидимом собеседнице планшете.

– Затем, когда вся эта шайка-лейка примчится на Бельтайн и начнет гнать часы слезливых интервью и сцен разрушения, судья Маккормик в самом начале разбирательства вытащит на свет Божий факты, свидетельствующие о том, что Саммерс действовал по заданию «Кристалл Лэйкс». У нас есть доказательства, достаточно хрупкие, но этого хватит для того, чтобы Империя объявила о полном эмбарго на продукцию наших... хм... контрагентов.

– И что это даст? – заинтересованно бросил князь. – Надо будет уточнить, но, по моему, мы и так ничего у них не закупаем.

– Это даст нам то, что акции корпорации рухнут. Неважно, каков объем закупок, и есть ли они вообще. Важно, что Империя выскажет свое отношение к случившемуся. И вот тогда... Акции, как я уже сказала, опустятся ниже уровня городской канализации. Такие компании, как «Кристалл Лэйкс», всегда испытывают нужду в оборотном капитале, а кредита им никто не даст. Более того, потребуют срочного возврата уже взятых, потому что деловая репутация этих сволочей... простите, князь... не просто испортится, она перестанет существовать.

– Не извиняйтесь, Мэри Александра. Я мог бы выразиться и покрепче. А почему вы думаете, что кредита не даст никто? Ну, Империя и ее союзники – понятно. А Свободные планеты? А преступный мир, наконец?

Мэри с легкой усмешкой покачала головой. У нее создалось впечатление, что князь знает ответ и сейчас просто экзаменует ее. Ну что ж...

– Преступный мир – никогда, вспомните историю с Мерканто. Ссориться с Империей? В особенности если о введении эмбарго объявит лично его величество? Не смешно. А Свободным планетам можно тонко намекнуть – если уж сами не догадаются, – что Бельтайн тоже свободная планета, но это не спасло его от алчности этих проходимцев. Не думаю, что найдутся дураки, которые согласятся финансировать своих потенциальных убийц. А вот умники, которые захотят поживиться на этом деле, скупив по дешевке производственные мощности, появятся быстро. Поэтому надо очень внимательно следить за ситуацией на рынке, направленно играть на понижение и забрать все это хозяйство себе, чтоб добро не пропадало. Некоторое количество оборотных средств у Бельтайна имеется. Думаю, и Империя не откажется от своего куса пирога.

– Блестяще! – сдержанно поаплодировал Цинцадзе. – Великолепно! Полковник, вы не в курсе, кто занимался развитием аналитических способностей мисс Гамильтон?

– В частности, миссис Морган, – ухмыльнулся в ответ Генри и едва успел увернуться от запущенной в него подушки.

– Дядюшка, это свинство! – взвилась Мэри. – Ну ладно – Шон, меня тогда на Бельтайне не было, но вы-то, вы...

– Полегче, девочка. Время поджимало, знаешь ли. Честный я человек или нет?! И так малыш родится... эээ... недоношенным. Ложись-ка, тебе нельзя пока вот так вскакивать. Извините за эту семейную сцену, сэр, моя супруга несколько лет была наставницей Мэри в Корпусе и...

– Я понимаю, мистер Морган. Поздравляю. Что касается вас, мисс Гамильтон, то я понял и принял вашу точку зрения и сделаю все от меня зависящее. Поправляйтесь.

Глава 8

Хорошо, когда художник может позволить себе выбирать сюжет картины и натуру для нее. И хорошо, что теперь достаточно один раз нажать на сенсор и запечатлеть натуру в том положении и при том освещении, которое и требуется для дальнейшей работы. Тимоти Макклейн искренне сочувствовал художникам прошлого, особенно тем, которые рисовали детей. Со взрослыми проще: желающие быть нарисованными Мастером сидят там, так и столько, где, как и сколько им прикажут. А как быть с детьми? Например, с совсем маленькой девочкой, которую лет тридцать назад он увидел на берегу Маклира в тот момент, когда бабушка учила ее плавать? Чтобы заставить ее принять то положение, которое требовалось, пришлось изрядно попотеть, да и то ее неподвижности хватило лишь на пару кадров. Впрочем, и этого было более чем достаточно. Он тогда работал над своей знаменитой на всю Галактику серией «Черная Кровь», и картина, которую Макклейн назвал «Семья», была куплена неизвестным ценителем живописи моментально и за очень недурные деньги.

Да, Тимоти Макклейн мог себе позволить выбирать натуру, более того, он немного гордился тем, что никогда не рисовал одного человека дважды. Но совершенно неожиданно для самого художника на него накатило непреодолимое желание изменить своим правилам. Вот только как бы уговорить эту самую натуру? Сюжет он уже придумал: женщина в военной форме с несметным количеством орденов на ней сидит у стойки бара вполоборота к зрителю, смотрит в пустоту и вертит в руках стакан с виски. Бар уже закрывается, большая часть ламп погашена, в зеркале за стойкой отражаются стулья, поднятые на столы. «Венец карьеры». Для серии «Сомкнутое Пространство». Да, именно так.

* * *

– Эй, Мэри, погоди! Не так быстро! Если с тобой что случится – дед мне голову оторвет!

Мэри натянула поводья и оглянулась. Лошади у них с Джереми были почти одинаковые, но внук Мозеса Рафферти был тяжелее ее фунтов на пятьдесят, поэтому проигрывал скачку. Дождавшись своего спутника-телохранителя, она пустила коня шагом и облегченно вздохнувший Джереми пристроился рядом.

– Ну ты даешь! – восхищенно покрутил он головой. – Это ж надо! А говорила, что выросла на базе «Гринленд»... Где ж ты там лошадей нашла и простор для учебы?

– А ты, видимо, ни разу не был на «Гринленде»? – с улыбкой спросила девушка и, дождавшись подтверждающего кивка, продолжила: – Лошадей там действительно нет, а вот простора хватает, по крайней мере, в том секторе, который занимал Корпус. Ох, что-то теперь будет, там же все вдребезги разнесли...

Она помрачнела, и молодой Рафферти мысленно выругал свой длинный язык. Когда дед безапелляционно заявил, что присматривать за гостьей будет именно Джереми, его возмущению не было предела. Слова Моргана его не убедили, и он считал, что для честного

человека не может быть худшего наказания, чем иметь дело с майором Гамильтон. Но когда из машины полковника вылезла, явно оберегая правый бок, бледная женщина, облаченная почему-то в русскую форму, что-то начало меняться. Пока она покорно принимала от деда разнос по поводу того, что ни разу не обратилась к Рафферти – а ведь имела на это полное право!.. пока мать прижимала ее к себе – зрелище было довольно забавное, макушка Сары была где-то на уровне ключиц Мэри... пока Джудит, жена кузена Эндрю, крепко взяв гостью под руку и отобрав у нее совсем небольшую сумку с пожитками, вела ее к террасе...

Джереми вдруг поймал себя на том, что она напоминает ему лошадь. Захромавшую лошадь в незнакомом ей табуне. И впервые задумался, а есть ли у этой конкретной лошади свой табун? Своя конюшня? Кто-то, кто заметит камешек в подкове или растянутую связку? По всему выходило, что нет, иначе не привез бы ее полковник Морган к чужим, в сущности, людям. Позднее, когда взрослая часть семейства – детей отправили спать, несмотря на обрушенную на головы старших смесь подлизывания с возмущением – собралась за столом, он убедился в своих выводах. Учебный центр... Корпус... бабушка – сначала изредка берущая домой, а потом и вовсе перебравшаяся в монастырь... Учеба, служба в полиции, опять учеба, контракты. Везде проездом, все на бегу, всего имущества – один баул. Комната в офицерском общежитии, комнаты в отелях для вояк, сборы за десять минут максимум. Одиночество как образ жизни. И войны, войны, войны...

Мэри Гамильтон не была расчетливой дрянью, как думал Джереми еще вчера. Она оказалась усталой, неважно чувствующей себя молодухой, смущенной вниманием, которое ей со всех сторон оказывали. Он все еще сомневался и потому ловко перевел разговор на эвакуацию кадетов Корпуса. Майор криво усмехнулась и честно сказала, что даже будь у нее под рукой не один транспорт, а сотня, организовать масштабную эвакуацию не было возможности. Время, парень, время. Подлетное время эскадры Саммерса. Три тысячи это меньше, чем, скажем, триста тысяч, но это больше, чем ноль. На три тысячи больше. Арифметика, Джереми; страшная, жестокая арифметика. На Бельтайне ведь не три тысячи детей Линий. И уж конечно не три тысячи детей как таковых. И не шесть тысяч. И даже не десять. Просто эти три тысячи были в одном месте и на то, чтобы запихнуть в транспорт их, времени хватило, хоть и с трудом. Не спрашивай меня. Не спрашивай, что я сказала Ваноре Фицсиммонс, когда она спросила, что делать, если «Сент-Патрик» не сможет уйти. А впрочем... Какая разница, ей ведь наверняка предстоит давать показания, днем раньше с меня с живой шкуру сдерут, днем позже... Я сказала, парень, что если дети попадут в руки людей Саммерса, страшнее их смерти будет только их жизнь. Ты понимаешь, *что* я, в сущности, предложила ей сделать?! Мы все были смертниками в том полете: я; экипажи учебных корветов, кое-как переоборудованных в боевые единицы; ребяташки на борту «Сент-Патрика». Если бы не русские... Черт, не стоило мне пить. Совсем развезло, еще немного – и начну себя жалеть. Ну и виски у вас, сэр.

Когда Морган сообщил Мэри, куда именно намерен переправить ее из госпиталя, она немедленно встала на дыбы. Предложение Мозеса Рафферти обращаться за помощью в любой момент, более похожее на приказ, она все эти девятнадцать лет если и помнила, то воспринимала скорее как некую экзотику. Из рейда сопровождения «Сент-Патрика» она и вовсе не особенно рассчитывала вернуться живой, так что на обещание Мозеса что-то придумать попросту не обратила внимания. Да и вообще... Не хватало еще брать плату услугами с семьи, которой и так досталось. А ведь все могло обернуться куда хуже: двое-то мальчишек с того проклятого корабля погибли. Мог погибнуть и Джереми Рафферти, так что никакой ее заслуги тут нет и быть не может. Морган со скучающим видом выслушал ее объяснения, пожал плечами и заявил, что она может думать все, что угодно, но палату покинет только в направлении поместья Рафферти. Все ясно? Вот и умница, собирайся давай.

Конспирации ради ее переодели в форму русской медицинской службы. Уже довольно заметно отросшие седые волосы скрылись под странным головным убором, который

Тищенко назвал pilotka, на полном серьезе утверждая, что именно такие носили пилоты на Земле, отсюда и название. И в сизых нью-дублинских сумерках она вышла из госпиталя в сопровождении Одинцова и присоединившегося к нему лейтенанта Терехова. Один кабачок, другой, третий. Задний двор, машина с Морганом за рулем. И вот она уже стоит на лужайке, а к ней, как когда-то, бежит Сара Рафферти. Только нет больше пилотской брони, да и старый Мозес на крыльце держит в руках не винтовку, а кружку грога.

– Вот мы и встретились, девонька. Проходи, – добродушно проворчал он, и вдруг все стало просто и понятно.

Она проснулась, когда было уже совсем светло. Через распахнутое настежь окно, задернутое накрахмаленной белой занавеской, доносилось пение птиц, лошадиное ржание и запах скошенной травы. Где-то в доме слышались шаги и негромкие разговоры, скрипели под шагами разошедшиеся половицы, позвякивала посуда. За дверью ее комнаты две женщины шепотом переругивались, решая, заглянуть к госте или не беспокоить.

– Я не сплю! – негромко рассмеялась Мэри, пребывавшая в непривычно благодушном настроении, и на пороге тут же появилась Джудит.

– Раз не спишь – вставай, нечего разлеживаться! – весело потребовала она и одним рывком отдернула занавеску. Свет Тариссы ворвался в комнату, птичий щебет стал громче, и Мэри поняла, что ей действительно не хочется больше лежать.

Когда, приняв душ и кое-как пригладив торчащие во все стороны волосы – вот уж не было заботы! – она спустилась вниз, оказалось, что все уже позавтракали и разошлись по своим делам. Только Джереми маялся у стола, не зная, куда девать руки.

– Госпожа майор...

– Мэри. Зови меня Мэри. И на «ты», договорились?

– Договорились. Мэри, извини меня. Я ведь тебе вчера даже «спасибо» не сказал, – пробормотал он, глядя в пол.

– Спасибо? За что? – Мэри, прищурившись, опустила на край стола. Неожиданно для себя самой она разозлилась. – Если ты говоришь о том работоторговце, которого я посадила, то я просто делала свою работу. И когда я сопровождала транспорт с детьми к зоне перехода, я опять-таки делала свою работу. Я знаю, я тебе не нравлюсь. Ты, как и многие нелинейные, считаешь, что я поступила подло, посадив на «Сент-Патрик» только детей Линий. Поэтому после окончания судебного процесса я свалю с Бельтайна, только меня и видели. Если раньше не пристрелят. Но прими к сведению: я считала, что поступаю правильно. Я и сейчас так считаю. Все, вопрос закрыт.

Джереми шагнул вперед, остановился напротив глядящей на него исподлобья гостьи и вдруг протянул ей ладонь:

– Я был не прав, Мэри. Не сердись. Мир?

Девушка кивнула, пожала протянутую руку и Джереми приподнял брови: ее пальцы, такие тонкие по сравнению с его собственными, оказались на удивление сильными. Ай да пилот!

– Уверен, что не пожалеешь? – усмехнулась она уголком рта, и молодой коневод вдруг покраснел и набычился:

– Я – Рафферти, мэм!

После завтрака они вдвоем отправились на конюшню, где Джереми лично выбрал для Мэри лошадь – смирную гнедую кобылу с лоснящимся на солнце крупом и умными глазами. Оказалось, что госпожа майор прихватила со стола яблоко, которое Филлис и схрупала с благодарностью, преисполнившись самых дружеских чувств к своей будущей всаднице. И они вчетвером – Рафферти всегда считали лошадей наравне с людьми – отправились на прогулку. К удивлению Джереми, Мэри довольно прилично держалась в седле, по крайней мере, пока они ехали шагом. Двигаться быстрее ему запретил дед, пояснив, что после пулевого ранения в грудь тряска «этой красавице» совсем не полезна. Красавицей, с точки зрения Джереми, мисс Гамильтон не была, но свои мысли он благоразумно держал при себе.

Разные бывают вкусы.

Так прошла неделя. К концу ее Мэри окрепла и вспомнила полученные в обществе Келли навыки верховой езды настолько, что уже уверенно пускала в галоп брыкливого вредного кусаку, сменившего добродушную недотепу Филлис. Хорошо все-таки быть пилотом: и мышцы у тебя крепкие, и с чувством равновесия все путем...

За все это время она ни разу не включила гипнопедическую установку, ни разу не поинтересовалась новостями, ни разу не пожалела о том, что Дядюшка не позволил ей оставить себе коммуникатор. И пришла к выводу, что такой образ жизни ей нравится – для разнообразия. Вставать и ложиться когда хочешь, а не когда надо. Идти куда вздумается, а не куда приказали. Ходить босиком, пить еще теплое молоко, подставлять лицо солнечным лучам и никуда не спешить. Идиллия. Увы, закончившаяся, потому что когда они с Джереми подъехали к дому, на лужайке стояла знакомая машина, возле которой нетерпеливо курил полковник Морган.

– Ты не поверишь, – мрачно бросил Генри, когда они взлетели и взяли курс на Клевер. – Ты точно не поверишь. У Монро будет адвокат.

– И что тут такого невероятного? – равнодушно отозвалась Мэри, глядя в окно. Ей совершенно не хотелось говорить о делах. – Ему полагается назначенный судом адвокат, это вполне нормально. Конечно, никакого удовольствия это назначение ни одному юристу не доставит, но работа есть работа...

– Ты не поняла, девочка. Не назначенный адвокат. Добровольный. Монро будет защищать некто Таддеуш Скримунт.

– И откуда он взялся? – безразличия в голосе Мэри поубавилось, в глазах зажегся огонек интереса.

– С Картана. Правозащитничек...

– А обвинитель кто?

– Джозеф Макардл, это...

– Я знаю, кто это, – перебила Моргана девушка. – Если хочешь знать мое мнение, Генри, он этого самого Скримунта порвет на ленточки.

Она одновременно оказалась права и не права. Проклятый адвокат доводил ее, как главного свидетеля обвинения, до белого каления всякий раз, когда начинался перекрестный допрос. Другое дело, что бедняге было очень трудно работать. Макардл, юрист уж никак не менее опытный, чем Скримунт, ловко выстраивал линию обвинения таким образом, что протестовать было невероятно трудно. О, конечно, адвокат лез из кожи вон, но все его усилия разбивались о нескрываемую предубежденность судьи и прокурора. Немало выручало обвинителя и хладнокровие вызванных (с разрешения Корсакова) свидетелями обвинения русских десантников и программистов. Таддеуш Скримунт скрипел зубами, но оспорить записи блоков видеофиксаторов он не мог. Оставалось только задавать бесконечные вопросы в надежде, что заговор – а адвокат был совершенно уверен, что столкнулся именно с заговором – непременно раскроется.

– Как вы узнали, что именно надо искать?

– Я не знал. Господин лейтенант приказал посмотреть вокруг, вот мы и смотрели, – Афанасий Кречетов, тот самый парень, который нашел штатив с пробирками, спокойно смотрел на адвоката.

– Лейтенант Терехов указал вам направление поиска?

– Никак нет.

– А мисс Гамильтон?

– Никак нет, – сбить свидетеля с толку не удавалось. Все его показания сводились к тому, что он вместе с товарищами осматривал руины. Специально ничего не искал. На холодильник наткнулся случайно. Сам открыть не смог, позвал на помощь Гришку... эээ... Григория Донцова. Достал пробирки, показал мисс Гамильтон. Все.

– Как отнеслась к вашей находке мисс Гамильтон?

– Я не могу судить о чувствах мисс Гамильтон в отношении находки. Но мной она осталась довольна.

– Из чего вы сделали такой вывод?

– Она спросила, что я хочу за это, какое поощрение.

– И что вы ей ответили?

– Что мне ничего не нужно.

– Вызываю для дачи показаний мисс Гамильтон! – оживился Скримунт, и Мэри со вздохом заняла – в который раз! – свидетельское место. Как ей все это надоело, кто бы знал!

– Мисс Гамильтон, какие чувства вызвала у вас находка господина Кречетова?

– Смешанные, сэр. Это было прямое доказательство причастности Генетической службы к незаконной деятельности...

– Я вижу, вы сразу решили, что деятельность незаконная. Откуда такое предубеждение?

– Законную деятельность не прячут на океан-ском дне, маскируя под установку сейсмостабилизаторов.

Адвокат осекся. Замолчал, переживая враждебный шум в зале. Ну и влип же его подзащитный, совершенно невозможно работать!

– Вернемся к находке господина Кречетова. Почему вы предложили ему плату за эту находку?

– Не плату, а поощрение, – утомленно уточнила Мэри. – Это нормальная практика в любой организации любого государства. Если ваш помощник раскопает в сводах законов и прецедентов что-то, что поможет вам выиграть процесс, разве вы его не поощрите?

Теперь в зале смеялись. Негромко и зло. И от этого смеха у Таддеуша Скримунта мороз прошел по коже.

– И какого же рода поощрение получил господин Кречетов?

– Пока он ничего не получил, во всяком случае, не получил от меня. Я хотела подарить ему свой кортик, но он отказался. Будь это бельтайнский офицер, я знала бы, что делать, но я не знаю, что принято, а что не принято в Российской империи.

– А что бы получил от вас офицер-бельтайнец? – улыбочка адвоката стала скабрезной. – Вашу благосклонность?

Морган вцепился в плечо начавшего подниматься с места Никиты, даже повидавший немало судебных баталий Маккормик не нашелся, что сказать, но Мэри и глазом не моргнула:

– Вы всерьез полагаете, что женская благосклонность может быть платой за что-то? Именно благосклонность? В интересном же мире вы живете, я была лучшего мнения о Картане!

Несколько стушевавшийся адвокат тем не менее не отставал:

– Так что бы вы предложили бельтайнскому офицеру?

– Я предложила бы ему посетить «Драконисс». А сама связалась бы с мамашей Глиндоуэр и приказала бы счет за самое лучшее обслуживание выслать мне.

Присутствующий в зале Рори О’Нил наклонился к сидящему перед ним Кречетову – у десантника мучительно покраснели уши – и тихонько сказал:

– У нас это действительно в порядке вещей. Очень рекомендую. Если тебе неудобно принять это от командира – дама и все такое, – прими от меня. Договорились?

И уж тем более не мог Скримунт запретить журналистам освещать процесс на Бельтайне так, как им взбредет в голову (или как подсказали им оставшиеся в тени консультанты). Со всех экранов обитаемой Галактики смотрело мертвое лицо Джессики Фергюссон. Комментарии варьировались от сухих и официальных до откровенно истеричных. У здания суда за усиленным оцеплением бесновалась толпа. Внутри, помимо непосредственных участников разбирательства, допускались – после тщательнейшего обыска – только родственники опознанных жертв и журналисты. На следующий день после

первых репортажей в Монро, прикрываемого со всех сторон живым полицейским щитом, полетели камни. После этого его доставляли на заседания исключительно через крышу здания, но и тут не обошлось без эксцессов: один из полицейских был ранен засевшим на соседней крыше стрелком. Им оказался Пол Фергюссон, бросивший винтовку и сидевший, обхватив руками голову и раскачиваясь из стороны в сторону. Он что-то выль сквозь стиснутые зубы, никого не узнавал и им занялся спешно прибывший на планету профессор Эренбург, в частных беседах ядовито замечавший, что он, в общем-то, не психиатр. Да-с, господа, не психиатр! – но оставаться в стороне не имеет морального права. «Клянусь Аполлоном врачом, Асклепием, Гигиеей и Панакеей...», и так далее, он еще не забыл, как совсем юнцом давал клятву Гиппократу! Тот же профессор Эренбург пристально следил и за Мэри, у которой начались регулярные мигрени. Боль охватывала виски и лоб, долбила в темя – не разобрать, снаружи или изнутри, – глаза, казалось, готовы были выпасть от неосторожного движения головы. Она мужественно терпела, жаловаться считала ниже своего достоинства, но отвязаться от вьедливого русского врача не было никакой возможности, и сразу по окончании очередного заседания ее под надежной охраной переправляли в госпиталь. Существование между госпитальной палатой и залом суда приводило ее в ярость, смешанную с отчаянием, казалось, еще немного, и она попросту сойдет с ума. Немного помогали гипнопедические уроки русского, но только немного... И вдруг все закончилось. Только что вопль Скримунта «Ваша честь, я протестую!» в очередной раз вонзился в мозг раскаленной иглой, и вот уже Маккормик встает и объявляет перерыв для вынесения приговора. Она сунулась было к пепельнице, и тут-то ее и поймал за рукав Дейв Карнеги, добравшийся наконец до главной участницы событий. Чтоб ему, проклятому шелкоперу...

Екатерина Зарецкая, в девичестве Сазонова, почти никогда не смотрела новости. Еще в те поры, когда она носила своего первого ребенка, ее врач непререкаемым тоном заявил, что если она хочет, чтобы дитя родилось здоровым, новости следует исключить из обихода. Да, на все время беременности. Уж больно много глупостей, зачастую – жестоких и кровавых, демонстрируют галактические сети вещания. Куда катится этот мир?! А вот ее муж, полковник Василий Зарецкий, новости смотрел регулярно. Не то чтобы с удовольствием, просто работа в службе безопасности обязывала его быть в курсе всего, что происходит в Галактике. Официальные сводки – официальными сводками, донесения агентов – донесениями агентов, но практика показывала, что крупницы необходимой информации зачастую вылавливаются в репортажах таких желтых, что глазам больно. Вот и сейчас он удобно устроился в уголке просторной гостиной, одним глазом поглядывая на экран, а другим на супругу, на разные голоса рассказывающую младшему сыну сказку о Петушке – Золотом Гребешке. «Несет меня лиса за темные леса...» – честное слово, он был готов поверить, что в комнате действительно голосит похищаемый петух. Кто бы мог подумать, что капитан-лейтенант, которую он впервые увидел двадцать лет назад на балу в Офицерском собрании – скучающую, язвительную, отшивающую всех кавалеров – станет нежной женой ему и великолепной матерью их пятерым детям. Что ни говорите, а кровь есть кровь. Она все-таки Сазонова, не кто-нибудь. Правда, Василий тут же с некоторым раздражением вспомнил Лидию, среднюю из трех сестер. И в кого она такая уродилась? Лидия, единственная из всех детей Николая Петровича и Ольги Дмитриевны походила лицом на мать, что автоматически делало ее одной из первых красавиц Новограда, столицы Империи, но характер... Красота ей, что ли, в голову ударила? Так сегодня ты числишься в красавицах, а завтра нет, тем более, что стервозность не красит никого. Если бы спросили Василия, он бы сказал, не колеблясь, что спокойное достоинство Екатерины и Татьяны делают их красавицами в куда большей степени, чем Лидию – точеное личико. Кста-ати о личиках. Это еще кто?! Ну-ка, ну-ка, сделаем погромче... Запись включить...

– Что там у тебя, полковник? – недовольно поинтересовалась Катенька, прерывая сказку. – Опять какие-то глупости?

– Да не скажи, каплей, не скажи, – они часто обращались друг к другу по званию, и было в этом какое-то ироничное уважение. Не из пансиона, чай, взял жену Василий, не из института благородных девиц. Из рубки сторожевого крейсера только что не умыкнул при молчаливом попустительстве командира. Два года выхаживал! Всей семьей уговаривали, мать к Ольге Дмитриевне плакать приезжала, даже князь Цинцадзе замолвил словечко за перспективного подчиненного. А уж какую лезгинку Ираклий Давидович на свадьбе закатил – стены ходуном ходили! Двадцать лет... Куда они делись?!

– Не скажи... Вот штука-то какая интересная получается, Катенька. Говорят, что кельты на русских не похожи – а погляди-ка на этого майора! Вылитая ты!

Екатерина Николаевна потрепала Тимошу по макушке, подошла к мужу, взгляделась...

– Кельты? Какие, к черту, кельты?! Вася, кто это?!

Удивленный реакцией жены, Василий пожал плечами:

– Какая-то Мэри... то ли Мэгги... Гамильтон, майор ВКС Бельтайна. А что?

– Бельтайна? – Екатерина решительно потеснила мужа перед экраном. – Ты запись ведешь? Потом посмотришь! – и она торопливо набрала код выхода в Галанет. Наемные войска... Бельтайн... Гамильтон... изображение... – Это она?

– Она. Да что ты так взъерепенилась? – Василий был встревожен уже не на шутку.

– погоди, мужик, не мешай мне, – процедила Катенька сквозь зубы, и Василий благоразумно замолчал. Мужиком супруга называла его крайне редко, и в таких случаях, как показывала практика, лучше было не попадаться ей под руку.

– Гамильтон, Мэри Александра, – бормотала между тем она. – Тридцать три стандартных... а что родословная? Отец неизвестен, ха! Ну-ка, отвернись на минутку, – не проверяя, выполнил ли муж категорическую просьбу (кстати, выполнил, ухмыляясь и мысленно называя себя подкаблучником), Екатерина Николаевна еще что-то переключила, полюбовалась на результат и милостиво разрешила: – А теперь смотри. Это – покойный Сашка, здесь ему как раз чуть за тридцать. А это Мэри Александра – заметь себе это, Александра! – Гамильтон. Он погиб около тридцати четырех лет назад. Ей тридцать три года. Отец неизвестен, а ведь бельтайнцы родословные своих пилотов отслеживают четко. И как тебе?

– Да чтоб я провалился... – потрясенно пробормотал Василий Зарецкий.

– Успеешь еще, – бросила любящая супруга. – Мне срочно надо к отцу. Если мама это увидит без подготовки... Ах, Сашка, ну молодец, ну орел! Ты ордена видел? Наша девочка, Сазонова! Майор... майор... кап-три? Ишь ты, обскакала! – и Екатерина кинулась переодеваться.

Когда младшая дочь, едва не снеся непривычно улыбающегося Степана, ворвалась в кабинет адмирала Сазонова, тот сидел в кресле у стола, что-то просматривая на большом стационарном экране. Впрочем, он тут же выключил терминал и распахнул объятия, в которые и кинулась Катенька.

– Папа, нам надо поговорить. И без мамы. Дело – серьезнее не придумаешь! – выпалила она.

– Что за дело? – отец, на удивление, был более чем благодушен. Казалось, ничто не может его взволновать, и Екатерина даже на секунду засомневалась – стоит ли делиться с ним своими подозрениями, за время пути до родительского дома переросшими в уверенность. А, была не была!

– Я тут новости смотрела... – начала она, но отец, мягко подтолкнувший ее к дивану, перебил:

– С Бельтайна новости?

– Да... откуда ты?..

– Я их тоже смотрел. И мама. Как тебе племянница?

Из Катеньки словно вынули стержень и она осела на диване, растерянно моргая и наблюдая, как отец достает из поставца бутылку лучшего коньяку.

– Так это правда? – пролепетала железный капитан-лейтенант, мгновенно становясь маленькой девочкой.

– Это правда, – спокойно кивнул отец, разливая коньяк по тонким хрустальным бокалам. – Ираклий Давидович все проверил, хотя, как по мне – что там было проверять?! И так видно.

– Ну надо же, – Екатерина отпила глоток и одобрительно кивнула. – А она в курсе?

– Пока нет, – помрачнел адмирал. – Князь пригласил ее на Кремль, вроде обещала наведаться. Тогда и поговорим.

– А... как мама?

– Мама? Знаешь, гораздо лучше, чем я ожидал. Она молодец, наша мама. Правда, планов в отношении Машеньки столько настроила, что хоть три века девочка проживи – все не успеет. Только бы она прилетела...

– А если сама не прилетит, так мы навестим! – Катенька была настроена весьма решительно.

– Погоди, дочь, не лети впереди линкора. И не расстраивай мужнино начальство, дай Ираклию Давидовичу слово сдержать.

Процесс завершился. Правда, речь шла покамест только о Саммерсе и Монро, но Мэри не видела необходимости оставаться на Бельтайне в ожидании суда над мелкими сошками. Сразу после вынесения приговора (виселица для Монро, рудники для Саммерса – этому последнему, в отличие от бывшего принципала, позволили писать апелляции) она официально вышла в отставку. Больше ее на планете не задерживало ничего, кроме, пожалуй, дня рождения. И Шон, и Морган, и Лорена, и бабушка с матерью Агнессой в один голос заявили, что обидятся, если она улетит до праздника. Сама Мэри в упор не видела, что тут праздновать, и, возможно, сумела бы уговорить бабушку и аббатису, но друзья и примкнувший к ним Никита Корсаков были неумолимы. Своеобразным «подарком» для нее стало то, что вслед за ней в отставку подал весь ее экипаж. Обсуждать что-либо они категорически отказались. «Мы не будем летать с другим командиром!» – бесстрастно заявила Элис Донахью. Остальные просто молча кивнули, а она, уже отставница, не могла им приказывать не ломать свою жизнь. Чтоб их черти взяли!

И вот он настал, ее тридцать третий день рождения. Вечером предполагалась грандиозная попойка в «Крыле сапсана». Грег, бармен, снова вернувшийся за стойку после доставки оружия к госпиталю, обещал, что все будет на высшем уровне. Убрать перегородки, добавив площадь отдельных кабинок к общему залу? Ерунда! Хопкинс, Эшби и тетушка Абигайль были извещены заранее. Федор Одинцов клятвенно обещал порастрасти запасы дедовского самогона, из поместья Рафферти прислали два трехгаллонных бочонка виски. Мэри по-прежнему появлялась в городе только в сопровождении изрядно утомивших ее телохранителей, но в целом отношение к ней на Бельтайне заметно изменилось к лучшему.

Накануне торжества состоялось очередное заседание Совета, посвященное на сей раз выборам нового принципала. Морган решительно взял самоотвод, то же сделала и мать Агнесса. Мнения присутствующих разделились, никто не мог предложить ничего путного. Наконец Мэри, которой все это ужасно надоело, буркнула в пространство, ни к кому специально не обращаясь:

– Шон О’Брайен! – и дело пошло веселее. Шон испугался впервые на ее памяти. Морган одобрительно крикнул и спросил небеса, как же он сам до этого не додумался. Матушка Агнесса, не тратя даром времени, благословила Шона, отчего тот совсем позеленел, а Марк Фортескью заинтересованно осведомился, почему, собственно, майор Гамильтон предложила кандидатуру именно мистера О’Брайена. Нет, полковник Фортескью не возражает, напротив, но хотелось бы услышать соображения мисс Мэри...

– Да какие, к дьяволу, соображения! – фыркнула она. – Вы сами подумайте: сам по себе Шон к Линиям не принадлежит. Но женат на линейной, и счастливо женат: двое детей уже

имеется, третий в перспективе. Это автоматически делает его избрание вполне легитимным с точки зрения любого жителя Бельтайна. Заткнись, Шон! Большой опыт работы в полиции. К власти сроду не рвался, это вам не Монро. Заткнись, кому сказано! Не беспокойся, консультанты у тебя будут такие, что себе бы взяла, да не пойдут. Порядок он наведет на планете быстро, но без свойственных, скажем, полковнику Моргану перегибов. Что, не так?

Полчаса спустя принципал Совета Бельтайна Шон О'Брайен принял присягу.

А денек выдался хоть куда. Ясный, солнечный, и даже ветер с Маклира был неожиданно теплым. С утра Мэри отправилась купаться. Она помнила щемящую тоску, которая охватила ее перед отлетом с Бельтайна в рейд до Зоны Тэта, когда никто не мог сказать, удастся ли ей еще когда-нибудь поплавать в океане. Погружение к разрушенному подводному комплексу не в счет, это была работа. И теперь она, нимало не смущаясь сопровождающих ее десантников, изо всех сил старающихся не глазеть, сбросила одежду и поплыла. Она пообещала Терехову не нырять, и действительно не ныряла, предпочитая просто покачиваться на тяжелых, неторопливых волнах. Как же хорошо! Еще бы Келли был рядом... Разом помрачнев, она выбралась из воды, наскоро обтерлась, и поехала на кладбище.

Телохранители остались у ворот (периметр все равно был перекрыт, свои планы на день майор Гамильтон изложила заранее), и она уселась прямо на траву, глядя на скромную вейвитовую плиту. Келли, Келли, почему ты, почему не я?! Это я должна была погибнуть, как же я теперь буду жить, зная, что не смогла защитить своего лучшего друга?! Знаешь, я отомстила... Конечно, ты знаешь, ты все видишь оттуда... Кел-лииии!

Одинцов дернулся было, но Терехов придержал его за плечо. Пусть. Пусть плачет. Теперь она может плакать. Не мешай.

А вот визит к кенотафу матери вышел коротким и сухим. Я все сделала, мама. Все, что могла – как ты когда-то. И завтра я улечу с Бельтайна и вряд ли вернусь. Как и ты. О чем тут говорить? Прощай.

Ближе к обеду с Мэри неожиданно связалась диспетчерская служба базы «Гринленд». Мисс Гамильтон предлагалось срочно прибыть на космо-дром. Пожав плечами, она сообщила своим спутникам о подвижке в расписании и вскоре под ее ногами снова оказались неровные обожженные плиты. Чуть в стороне от застывших на стартовых квадратах «Сапсанов» и русских катеров на поле стояла... яхта. Роскошная межсистемная яхта, возле которой неуверенно переминались с ноги на ногу несколько человек в форменных куртках новоамстердамских верфей. Тут же, чуть в стороне, негромко переговаривались Морган, Шон и Никита Корсаков.

– Мисс Гамильтон? – обратился к ней один из новоамстердамцев, сжимавший в руках огромную бутылку шампанского.

– Слушаю вас, сэр, – отозвалась Мэри, не сводя глаз со сказочного видения.

– Заказчик приказал доставить корабль сегодня, в день вашего рождения. Поздравляю.

– Заказчик? – на поздравление она не обратила внимания. – Какой именно заказчик?

– Мистер О'Брайен. Келли О'Брайен, – мужчина не скрывал своего изумления. Этой девице что, не один человек может подарить яхту? Ну дела...

Трап был спущен, и Мэри, не глядя на присутствующих, поднялась на борт. Яхта была хороша. Так хороша, что дух захватывало. Пять кают, три по левому борту и две по правому. Одна из кают правого борта была сдвоенной. Огромная, с широкой кроватью, застеленной вышитым голландским полотном, с роскошным санитарным блоком... Рубка была привычной корветной, но по некоторым признакам становилось ясно, что управлять ладно скроенным кораблем может и один человек. А какие орудийные системы! А какие защитные установки! Эту яхту строили специально для нее. Только для нее.

На пульте перед ложементом первого пилота красовался огромный шелковый красный бант. Мэри дернула за торчащий на виду хвостик, и лента опала на пол причудливым

цветком, который она нетерпеливо отпихнула ногой в сторону. Сейчас ее интересовал исключительно зеленый мигающий огонек, означающий непринятое сообщение. Она опустила в кресло и нажала клавишу приема.

– Привет, Мэри! – широко улыбнулся ей с экрана Келли О’Брайен. – Вот, решил подарить тебе на день рождения яхту. Ты ведь собиралась именно сейчас выйти в отставку, я ничего не путаю? Уж не знаю, такую ты хотела или нет, но, надеюсь, угодил. Дело, конечно, твое, но для себя я назвал ее «Джокер». Мне кажется, это имя подходит и ей, и тебе. С днем рождения, напарница! И знаешь, что? Как ни грустно это признавать, я трус, Мэри. Вряд ли я когда-нибудь наберусь храбрости сказать тебе в лицо то, что скажу сейчас этой безразличной камере. Я тебя люблю.

Мэри вскочила было на ноги, вскрикнула и рухнула на колени, зарываясь лицом в алый шелк развязанного банта.

С тех пор, как Мэри поднялась на борт яхты, прошел почти час. На протяжении этого часа Никита не раз порывался отправиться за ней, но Морган и Шон не давали ему сделать этого. Наконец девушка появилась в проеме шлюза. Прямая, отрешенная, с глазами красными, но сухими. На предплечье левой руки была намотана алая шелковая лента. Они молча спустилась на поле, молча протянула руку – понятливый представитель верфей тут же вложил в ее ладонь сбереженную бутылку, – молча подошла к носу. Размахнулась:

– Нарекаю тебя «Джокером»! – и бутылка разлетелась вдребезги.

Временная команда яхты начала было аплодировать, но быстро стушевалась под взглядами друзей владелицы. Сама владелица, казалось, ничего не видела и не слышала, пребывая где-то не здесь. Вот она присела на нижнюю ступеньку трапа, задумавшись о чем-то. Вот тронула браслет коммуникатора...

– Космодром «Клевер-Первый» – базе «Гринленд». Запрос на регистрацию корабля.

Должно быть, Мэри что-то ответили, потому что она продолжила:

– Ловите данные. Да. Да. Яхта «Джокер», владелец – Мэри Александра Гамильтон, капитан – Мэри Александра Гамильтон, порт приписки – база «Гринленд», Бельтайн, Тарисса. Как меня поняли? – И после паузы: – Пошел к черту! Поздравитель нашелся...

Мэри опять замолчала, прислушиваясь к чему-то неслышному для других. Убедившись, что она окружающую действительность не фиксирует никак, Шон отвел Никиту в сторону, помолчал, собираясь с духом, и все-таки решился:

– Мой брат любил Мэри. Так бывает: служил в полиции, играл в покер, валял дурака, девок менял, как перчатки. А любил – ее. С тех пор, как ей было шестнадцать, а ему двадцать восемь. Яхту вот подарил. Она о такой мечтала... Видно, не судьба. Но ты учти, русский: обидишь ее – Келли тебя и с того свет достанет. А я помогу. Понял?!

Никита кивнул, молча хлопнул Шона по плечу и повернулся к Мэри. Она по-прежнему сидела на нижней ступеньке трапа, сматывая ленту в клубок и снова распуская ее. На почтительном расстоянии застыли десантники. Было очень тихо, только ветер, неугомонный ветер беспечно напевал старую, но по-прежнему таинственную песенку, проскальзывая в посадочных опорах стоящих на поле кораблей.

Наконец девушка встряхнулась и поднялась на ноги. Улыбка ее была странной, но это все-таки была улыбка.

– Я в порядке, ребята. Неожиданно это, конечно... Дядюшка, ты знал? А ты, Шон? Ладно, можете не отвечать. То-то вы тогда в машине переглядывались, когда мы с кладбища ехали, стоило мне яхту упомянуть... М-да...

Мэри опять задумалась, но на этот раз совсем ненадолго. Усмехнулась. Снова тронула браслет.

– Рори, ты где?

– В «Драконисс». Ну вот что тебе неймется, а, Мэри? Уж и отдохнуть человеку нельзя, – ответил ее двигателю, и Мэри внезапно охватило ощущение дежа-вю. Все это уже было. Совсем недавно. И очень давно. Почти полтора месяца назад. Целая жизнь, если разобраться.

– Рори, приказать я тебе уже не могу, могу только попросить. Собери команду, и подгребайте на «Клевер-Первый». Дело есть. Да не торопись ты, я подожду.

Предложение не торопиться Рори явно пропустил мимо ушей: не прошло и часа, как на кромке поля почти одновременно приземлилось сразу два такси. Из первого вылез Рори О’Нил, галантно протянувший руку Элис Донахью, из второго синхронно выскочили близнецы Рафферти. Мэри впервые задумалась, а есть ли на Бельтайне семья Гамильтон? Семья Рафферти и Линия канониров Рафферти есть, а что же Гамильтон? Додумать она не успела.

– Госпожа майор! Экипаж «Дестини» по вашему приказанию прибыл! – лихо отпартовала Элис, вытягиваясь перед Мэри по стойке «смирно». Она, как и остальные члены команды погибшего корвета, была в штатском, но это было совершенно незаметно. Гражданская одежда смотрелась на них, как некая нестандартная форма.

– Отставить, Элис. Вольно, ребята. Ну какой я вам теперь командир...

– А неважно, что там записано в реестре. Командир – он и есть командир, – нет, отставка все-таки повлияла на Элис. Раньше она не посмела бы спорить вот так, при посторонних.

– Ладно, будь по-вашему. Яхту видите?

– Видим, – подобралась Элис. Рори – тот вообще не сводил глаз с корабля, как только увидел. Близнецы переглядывались, кивая друг другу и скашивая глаза на обтекаемые конструкции орудийных пилонов.

– Это моя яхта. Зовут «Джокер».

– Ей идет, командир. Вам, кстати, тоже.

– Спасибо, Элис. Есть небольшая проблема. Я завтра улетаю. Тащить с собой необлетанный корабль... сама понимаешь.

– Понимаю. И? – Никита залюбовался Элис и остальными. Натянутые струны в ожидании прикосновения смычка...

– Вы ведь еще не заключили гражданские контракты? Нет? Тогда я предлагаю вам работу. Яхта должна летать...

Восторженный вопль, вырвавшийся из четырех глоток, заставил ветер испуганно притихнуть. Рори сгреб Мэри в охапку, оторвал от земли, к нему присоединились близнецы. Элис стояла в сторонке, чтобы не затоптали в суматохе, и счастливо улыбалась.

– Ребра, Рори! Рана! Да поставь ты меня на место, раздавишь! – полувывкрикнула-полупрохрипела Мэри, высвобождаясь из могучих объятий бортинженера. – Значит, так, – она коснулась браслета: – Запись в судовую роль: Элис Вирджиния Донахью – второй пилот, навигатор. Рори Найджел О’Нил – бортинженер, двигатelist. Мэтью Лукас Рафферти – канонир правого борта, связист. Джон Марк Рафферти – канонир левого борта, медик. Никого не забыла? Ничего не перепутала? Отлично. Ребята, на вас ходовые испытания и стрельбы. Элис, я сбрасываю на твой счет сто тысяч фунтов, этого должно хватить на боезапас и разные прибабахи, которые захочет добавить к оборудованию Рори. Летайте, стреляйте, прыгайте, в пояс астероидов прогуляйтесь. Чтобы через месяц были на Перекрестке Харта, я с вами свяжусь. Все ясно?

– Так точно, командир! – в один голос ответила команда «Джокера».

Глава 9

Жизнь состоит из упущенных возможностей. Странное рассуждение для отпрыска влиятельной семьи, чья карьера идет вверх как по маслу? Возможно. Кстати, кто-нибудь когда-нибудь пробовал идти вверх по маслу? То-то же. А говорят, говорят... Болтуны. Хуан Вальдес болтунов не жаловал, хотя по долгу службы был вынужден формально принадлежать к их числу. Черт его дернул послушаться отца и выбрать дипломатическую стезю! Ну что стоило настоять на своем и пойти по военной части! Хотя, если не лгать самому себе, то надо признать, что отец был прав. Конечно, командная кафедра Военного

факультета Академии Свободных планет – это престижно и почетно. Но воином до мозга костей Хуан не был – в отличие от его официальной спутницы. Принято считать, что противоположности сходятся, и он не отказался бы сойтись с сеньоритой Гамильтоном поближе. Но эту возможность нельзя было отнести к числу упущенных просто потому, что ее не существовало с самого начала.

А вот то, что он не догадался хоть раз пригласить ее на танцы... болван ты, сеньор Вальдес, как есть болван. Три года! Три года ты мог танцевать с такой тангерой, что до сих пор при воспоминании о фиестах на Санта-Марии перехватывает дыхание. И что же? Упустил...

* * *

Русская эскадра снялась с орбиты Бельтайна и двинулась к Зоне Тэта. Торопиться было некуда, что такое несколько дополнительных часов в пути? А вот пояс астероидов Тариссы, с которым граничила более близко расположенная Зона Сигма, произвел на русских пилотов сильнейшее и неприятнейшее впечатление. Одно дело, когда надо преследовать пиратскую эскадру или срочно подбирать присланных с Кремля ученых, а теперь-то зачем рисковать? Вопреки устоявшемуся мнению, в русском Экспедиционном флоте служили отнюдь не сорвиголовы. Простой экономический расчет: подготовка разумного пилота и отчаянного оборота обходится в одну и ту же сумму, но разумные служат существенно дольше.

Мэри, в повседневной форме с колодками вместо орденов, стояла возле иллюминатора в кают-компании и смотрела, как уменьшается, истаявает вдали ее родина. Ей было не то чтобы плохо... скорее, странно. Впервые она улетала с Бельтайна, не имея четкого плана действий, не зная, что будет делать в ближайшие дни. Нет, конечно, с князем Цинцадзе встретиться надо, но этот властный господин вполне может попытаться пристроить ее к делу, которое окажется ей не слишком по душе. А отказаться – после всего, что он сделал для нее и для Бельтайна – будет довольно трудно. Операция по разорению корпорации «Кристалл Лэйкс» шла как по маслу. Силами галактических СМИ это название теперь прочно ассоциировалось с предельно скверной репутацией и такими неблагозвучными словами и выражениями, как «шантаж», «убийства» и «опыты на живых людях». Даже Американская Федерация выступила в защиту своих бизнесменов как-то скупой, словно нехотя. Сделанный Мэри еще до отъезда в поместье Рафферти прогноз оправдывался с блеском. После того, как о введении эмбарго на товары и услуги «Кристалл Лэйкс» объявил лично император, акции компании с треском обвалились. Галактический фондовый рынок пошатнулся, но устоял. А вот один из самых серьезных его игроков не сегодня-завтра должен был попросту прекратить свое существование. Этому немало способствовала и волна загадочных самоубийств, несчастных случаев и исчезновений, прокатившаяся по высшему менеджменту компании и зацепившая своим краем глав исследовательских служб. Судя по всему, князь Цинцадзе *очень* рассердился. И вот этот-то человек настоятельно предлагал майору Гамильтоном посетить его и пообщаться на предмет трудоустройства. И ведь не откажешься, услуга за услугу и все такое... М-да...

От невеселых размышлений ее отвлекла музыка. Лейтенант Танкаян и еще один офицер постарше расчехлили гитары и наигрывали сейчас знакомую мелодию. Кажется, Мэри не раз слышала ее во время службы на Санта-Марии. Исполнение было виртуозное. Особенно ее удивил напарник Георгия. В его лапищах гитара казалась игрушечной. И оставалось только гадать, как такие, огромные и неуклюжие на вид пальцы ухитряются мягко скользить по узкому грифу и извлекать из инструмента безукоризненно чистые звуки. Стоящий рядом с ними молоденький навигатор что-то говорил, растерянно и смущенно, и выслушавший очевидную жалобу Никита вдруг направился к ней.

– Мисс Гамильтоном, не могли бы вы нам помочь? – он по-прежнему предпочитал соблюдать декорум при посторонних, хотя у Мэри не было никаких сомнений, что о них судачит вся эскадра – и хорошо еще если только она одна.

– Разумеется. Все, что в моих силах. А в чем, собственно, дело? – улыбнулась она, с удовольствием отметив, что говорит по-русски почти без акцента, и, повинаясь мягкому нажиму на локоть, двинулась в направлении навигатора.

– А вот пусть лейтенант Захаров сам вам объяснит, в чем состоит его проблема. Говорите, Алексей.

Парень замялся и заметно покраснел.

– Видите ли, мисс Гамильтон... Я собираюсь жениться...

– Прекрасная новость, лейтенант, я вас поздравляю, – подбодрила Мэри окончательно смешавшегося молодого офицера.

– Моя невеста, она... она хочет, чтобы мы с ней танцевали на свадьбе танго, а я не умею. То есть не то чтобы не умею, но... Я думал потренироваться в отпуске, но мы задержались в системе Тариссы, я даже боялся, что свадьбу придется переносить...

– Я вас понимаю. А что, танго настолько популярно в Империи, что его танцуют на свадьбах? – приподняла густую бровь Мэри.

– В последние несколько лет – да. С тех пор как его величество женился вторым браком на уроженке Санта-Марии...

– ...началось взаимное проникновение культур, – закончила за него бельтайнка. – Когда назначена свадьба?

– Через неделю. Мы успеваем добраться, однако на тренировку времени уже не остается, там сейчас такое начнется! Я боюсь подвести Леночку, но ничего поделать не могу и...

– Ни слова больше, лейтенант. Я все поняла. Думаю, что смогу вам помочь – тем более что это из-за меня вы потеряли столько времени в окрестностях планеты, где танго не танцуют в принципе. Здесь найдется подходящая запись?

– А вы умеете?... – казалось, Захаров не смеет поверить своему счастью. Вместо ответа Мэри сделала изящный пируэт и улыбнулась:

– Меня учил танцевать сам дон Эстебан Родригес, «великий тангеро»! Начнем?

С первых же тактов она убедилась, что сомнения молодого навигатора имеют под собой все основания. Движения Алексея были деревянными, он не знал, куда девать руки, и так заикливался на том, чтобы правильно выполнить па, что совершенно не слышал музыки.

– Стоп, – решительно сказала Мэри, когда мелодия не дошла еще даже до середины. – Стоп. Так дело не пойдет. Вы меня боитесь, лейтенант?

– Не вас, госпожа майор... – пробормотал он, в очередной раз краснея.

Да уж, теперь Мэри на собственной шкуре ощутила, как, должно быть, намучился когда-то дон Эстебан с ней самой. И что прикажете делать с этим мальчиком? Времени совсем мало, до Кремля меньше полутора суток, а она и впрямь чувствует себя виноватой...

– Вот что, Алексей. Вы позволите вас так называть? Благодарю. Вот что. Ваша проблема, судя по всему, состоит в том, что никто не объяснил вам, что танго всегда танцуют трое. Трое, понимаете? Мужчина, женщина и страсть. Без мужчины и женщины не будет танца. Без страсти не будет танго. Подключите воображение. Забудьте, что я некрасива, седа и старше вас по званию. Представьте на моем месте свою невесту, – она вгляделась в ошарашенные глаза и удрученно покачала головой. – Ясно. Сделаем по-другому. Лейтенант Танкаян, мне нужна ваша помощь.

– Если я могу помочь, я помогу, госпожа майор. А что требуется?

– Вы и ваш друг прекрасно играете. Вам известна старая песня «Historia de un amor»? – Мэри быстро напела несколько тактов.

– Конечно. Это прекрасная песня и мы ее не раз играли.

– Вы можете сыграть ее сейчас?

Вместо ответа Георгий поправил на плече ремень гитары, кивнул своему напарнику, и кают-компания наполнилась красивой, немного грустной мелодией. Но Никите было не до

музыки. Пораженный, он смотрел, как с первыми же звуками неузнаваемо изменилась Мэри. Склонилась голова, чуть откинулся назад корпус. Невидимые каблукы приподняли над полом и без того длинные ноги. Правая рука подхватила воображаемый подол и уперлась в бедро. В левой раскрылся иллюзорный веер, из-за которого сверкнули почерневшие глаза. И Корсаков готов был поклясться, что по плечам рассыпались смоляные локоны, прикрытые кружевной мантилей. Шаг, еще один. Она запела, негромко и хриловато, но было очевидно, что голоса прекраснее не существует сейчас для тех, кто собрался в кают-компании. Сеньорита обходила зал по периметру, на секунду останавливаясь, чтобы пропеть несколько слов избранному счастливцу, и снова начинала двигаться, плавно, завораживающе. Музыканты шли за ней, тихонько поддерживая ее пение своими голосами, только голосами, без слов. Последняя фраза предназначалась Захарову. И Никита ничуть не удивился, когда лейтенант вдруг шагнул вперед, словно околдованный, решительно и властно привлекая к себе партнершу. Мэри все тем же несуществующим веером подала знак, кто-то сообразительный включил запись и... Да, это было танго. Такого Корсакову еще видеть не доводилось. Танцоры двигались как одно целое, скользили над полом так, будто для них не существовало гравитации. Выражения опущенного лица Мэри он не видел, а вот Алексей Захаров точно находился где-то очень далеко. Его губы беззвучно шевелились, глаза видели что-то, недоступное зрителям, и танцевал он так, словно каждое движение разрывает его сердце, но это именно то, чего он хочет здесь и сейчас...

Музыка закончилась. Мэри отступила на шаг от партнера и склонилась перед ним в глубоком изящном реверансе. В ответ лейтенант коротко припал на одно колено, тут же вскочил и щелкнул каблукми:

– Благодарю вас, госпожа майор. Я понял.

– Не сомневалась в этом, Алексей! – лукаво усмехнулась она. – Только одно маленькое замечание, если позволите: думаю, ваша невеста несколько потоньше в кости, чем я, верно? В таком случае будьте осторожны, вы рискуете переломать ей ребра!

Дружный хохот собравшихся смыл волшебство. Захаров смеялся вместе со всеми, но в его глазах, как со смутным недовольством отметил Никита, появилась уверенность, которой не было еще полчаса назад. Один танец сделал из юноши мужчину. Ведьма она, что ли?

– Мисс Гамильтон, – осторожно начал отложивший гитару Танкаян, – скажите, а трудно было научиться так танцевать?

– Это непростой вопрос, Георгий, – задумчиво проговорила Мэри, окидывая взглядом буфет. Пару секунд спустя она благодарно улыбнулась Савельеву, подавшему ей бокал хереса, и продолжила:

– Технически в этом нет ничего сложного. Но когда я прилетела служить на Санта-Марию, концепция танца как способа получить удовольствие от жизни и приятно провести время, не укладывалась у меня в голове. Бельтайнские пилоты танцуют довольно много, но для нас танец – это тренировка вестибулярного аппарата и интуиции, не более того... Добавьте к этому вынужденный целибат, с самого детства поддержанный гипнозом и медикаментами. Как станцевать страсть, если само понятие тебе недоступно? Бедный дон Эстебан... Ему понадобился год для того, чтобы бельтайнскую девчонку можно было выпустить на фиесту, не опасаясь, что она опозорит наставника. И это был прекрасный год, господи! Лучше него был только следующий. А потом контракт закончился, и я улетела с Санта-Марины. Но с тех пор везде, где мне доводилось служить, я училась танцевать. Для себя, а не для тренировки.

– А... а танцевать для тренировки – это как? – заинтересованно уставился на нее напарник Танкаяна.

– Это? Это очень просто. В каком-нибудь из ваших спортивных залов есть бум? Отлично. Идемте, покажу.

В огромном помещении с высоким потолком света и воздуха было примерно поровну, то есть очень много. Бум оказался, что надо: длинный и высокий, он располагался в центре зала, деля его пополам почти по всей длине. Мэри сбросила китель, распустила шейный

платок и скрутила из него жгут, который и обмотала вокруг кулака.

– Вам понадобится музыка, мисс Гамильтон? – негромко спросил Терехов. Зал принадлежал десантникам, и теперь те, кто тренировался в нем перед приходом офицеров, тихонько сидели вдоль стен, не без оснований опасаясь, что если обратить на себя внимание начальства, то могут и выгнать.

– Музыка? Нет, музыка мне не нужна. Разве что... Могу я попросить вас, Дан, отбить мне ритм? Я буду его задавать, а вы подхватывать, договорились?

С этими словами Мэри завязала себе глаза приготовленным платком и вскочила на бум. Шаг – нула вперед, назад, подпрыгнула, дважды размеренно хлопнула в ладоши, Терехов немедленно повторил за ней хлопки, к нему по одному начали присоединяться остальные офицеры. Мэри двигалась, постепенно ускоряя темп, хлопки стали чаще... Еще чаще... Прямая спина, развернутые плечи, прижатые к бокам руки – и залихватская чечетка, которую все быстрее выбивали ноги в высоких ботинках. Вдруг она сделала явно приглашающий жест, и один из десантников не выдержал, молнией метнулся к буму и запрыгнул на него. Теперь на узком бревне плясали двое, только корпус мужчины не был так неподвижен, как корпус женщины. Секунда, другая... Кто-то задуманно ахнул: слепая танцовщица, быстро приноровившись, зеркально повторяла движения своего невидимого партнера. Потом вдруг усмехнулась и начала двигаться в противофазе. Вскинула руку, хлопки стихли, и остался только стук неимоверно быстро двигающихся ног двух человек. Это было красиво. Это было невероятно. Это было почти страшно. И вдруг все закончилось. Еще один безошибочно понятый жест, танцоры церемонно поклонились друг другу и одновременно спрыгнули с бревна. Мэри сняла с глаз повязку и удовлетворенно улыбнулась:

– Вот как-то так, господа.

Быстрый взгляд в сторону партнера, лихое подмигивание:

– Благодарю за доставленное удовольствие!

Опомнившиеся зрители начали аплодировать.

– Знаете, мисс Гамильтон, – подошел к ней с кителем в руках Никита, – когда я увидел, как вы направляете подбитый «Дестини» к «Александру», я пообещал себе, что если пилот корвета жив, я обязательно постараюсь выяснить у него, как он ухитряется управлять кораблем, которому разнесли все внешние датчики. Кажется, теперь вопрос отпал.

– Дело не только в этом. Никакой тайны тут нет, хотя мы и не кричим на всех углах о том, что бельтайнская сцепка – это система с обратной связью. Если на другом конце поводка кто-то есть, этот кто-то может послать сигнал тому, кто на сцепке так же получает его. Меня навели на ваш крейсер – система управления огнем ведь не пострадала и этого хватило.

Корсаков озадаченно почесал в затылке, оглянулся на подчиненных и рассмеялся:

– Не буду притворяться, будто что-то понял, мисс Гамильтон. Просто поверю на слово.

– Ты знаешь, что такое кремль? – спросил Никита Корсаков, когда, оставив «Александр», они пересели на челнок и приближались к планете.

– Ну... да, – не вполне уверенно ответила Мэри. – Это крепость в русском городе, в которой в древности запирались защитники, а нападающие, соответственно, штурмовали...

– Верно, – улыбнулся он. – Кремль в Москве, древней столице России на Земле, это крепость с темно-красными стенами и белыми и желтыми с золотом зданиями внутри. А теперь – смотри, – он коснулся клавиши, включающей внешний обзор. Под изрядно снизившимся челноком проплывал участок суши, состоящий из величественного нагромождения темно-красных скал с пронзительно-белыми разломами, кое-где отливающими золотом. – Поняла?

– Поняла, – кивнула Мэри, любясь удивительной картиной. – Действительно, кремль. Поэтому планету так и назвали?

– Ну да. От чего только не зависят названия! От рельефа местности, от даты выхода исследовательского корабля на орбиту, как в случае с Бельтайном... У нас есть такая

планета, Осетр, так на ней океанов вообще нет, зато есть несметное количество рек и озер, от крохотных до огромных. Самое милое дело рыбу разводить, в частности осетров...

Майор Гамильтон рассмеялась. Она не хотела признаваться в этом даже самой себе, но сейчас, когда до посадки оставались считанные минуты, у нее изрядно разгулялись нервы. Должно быть, и Корсаков это заметил, потому что изо всех сил старался ее подбодрить, развлечь, а еще лучше – насмешить.

А потом ни времени, ни возможности нервничать не осталось. Космопорт обрушил на нее разногласия и многолюдье. Одновременно прибыли несколько бортов, гвалт стоял такой, что уши закладывало, и вертящая головой по сторонам Мэри едва поспевала за своими спутниками. Внезапно впереди образовалось пустое пространство, и она еле успела притормозить. Как-то отдельно от толпы стояли, распространяя вокруг себя спокойствие и уверенность, несколько подтянутых молодых людей, полукругом охватывающих двух мужчин в летах. Князя Цинцадзе Мэри узнала сразу, второй тоже показался смутно знакомым, хотя она готова была поклясться, что никогда не видела его раньше. Если бы она поделилась своими чувствами с Корсаковым, Никита, у которого при виде спутника князя болезненно екнуло сердце, мог бы посоветовать ей посмотреться в зеркало. Портретного сходства не было, но разлет бровей... форма носа... посадка головы... Для отца майора Гамильтон адмирал флота Сазонов, которого Никита прекрасно помнил по Академии, был, пожалуй, староват, но дедом Мэри он мог быть запросто. Вот оно что, то-то князь так вглядывался в ее лицо...

– Да где же они?! – Николай Петрович Сазонов в который раз вытянул шею, вглядываясь в людей, идущих от причальных терминалов.

– Спокойно, Николай, – проворчал Ираклий Давидович, подавляя в себе желание так же, как друг, начать подпрыгивать на месте. – Спокойно. Никуда они не денутся, челнок приземлился благополучно, а выход тут один. Не волнуйся, не пропустим. Да вот же она!

– Где? Не вижу! – у Николая вспотели ладони, и он постарался незаметно вытереть их о брюки.

– Ты не туда смотришь. Правее и выше. На эскалаторе. Берет среди фуражек, серая форма... ну что ты, в самом деле!

– Да... – выдохнул старый адмирал. – Есть. Увидел. А высокая...

– Так и Сашка был высокий, и матушка ее тоже. В Линии Гамильтон вообще не было недомерков, я проверял, – пожал плечами Цинцадзе, и граф, ошарашенный этим заявлением, даже обернулся, на секунду выпустив внучку из поля зрения.

– Проверял?!

– Конечно, – князь был невозмутим. – Надо же было посмотреть, что собой представляли ваши несостоявшиеся сваты. Точнее, сватья, там только девочек рожали – Линия пилотов, не что-нибудь. Все там нормально по материнской линии, никаких отклонений. Хорошая девочка получилась.

«Хорошая девочка» тем временем попрощалась со своими спутниками и, четко выполнив разворот «налево кругом», подошла к ожидающим ее мужчинам и вскинула руку к кромке берета:

– Ваша светлость, майор Гамильтон!

но до глубины души возмущенный официальным обращением князь ее перебил:

– Ну мы же с вами договаривались, Мэри Александра! Меня зовут Ираклий Давидович!

– Простите, Ираклий Давидович, – покаянно улыбнулась Мэри, – я не была уверена...

– И совершенно напрасно. Кстати, ваш русский великолепен, примите мои поздравления. И позвольте представить вам моего друга: адмирал граф Сазонов, Николай Петрович.

Мэри повернулась к спутнику князя и щелкнула каблуками:

– Ваше высокопревосходительство!

– Без чинов, без чинов! – замахал руками отчего-то побледневший адмирал, но Мэри

решила, что над причиной внезапного изменения цвета лица у столь представительного пожилого джентльмена она подумает позже. Если будет время.

– Я рад приветствовать вас на Кремле, – говорил между тем Сазонов, – и я искренне надеюсь, что вам здесь понравится.

Цинцадзе сделал малозаметный знак, один из подтянутых молодых людей подскочил к Мэри и почтительно спросил, протягивая руку к баулу, который висел у нее на левом плече:

– Вы позволите, мисс Гамильтон?

Мэри растерянно улыбнулась, передавая ему широкий ремень: свои вещи она всегда носила сама.

– Где ваш багаж, Мэри Александра? – поинтересовался князь и изумленно поднял брови, когда она кивнула на перекочавший к подтянутому молодому человеку баул:

– Вот он.

– Это все?!

– Я офицер, Ираклий Давидович. Бельтайн-ские офицеры путешествуют налегке. Разве в Империи дело обстоит по-другому?

– В Империи дело обстоит точно так же, – решительно заявил граф, беря ее под руку и разворачивая лицом к выходу из зала. – Пойдем, Ираклий.

Лимузин князя Мэри понравился. Огромный, уютный, полностью звукоизолированный, он мягко взмыл в воздух и взял курс, судя по показаниям ее внутреннего компаса, на юг. Все правильно, на юг: космопорт, в котором приземлился челнок, располагался, по словам Никиты, к северу от Новограда. Некоторое время все молчали. Мэри, уютно устроившаяся на обтянутом натуральной – немыслимая роскошь! – кожей сиденье, поглядывала в окно. К ее удивлению, лимузин двигался куда медленнее, чем, по идее, полагалось машине такого класса. Не иначе, князь решил пообщаться с ней по дороге. Тогда почему он молчит? Не хочет говорить при адмирале? А зачем, в таком случае, он притащил его с собой?

Словно услышавший ее мысли Цинцадзе несколько нервно откашлялся и повернулся к графу:

– Ну что, Николай, кто начнет? Ты или я?

– Давай я. А ты, если что, поможешь, – Николай Петрович немного помолчал, кивнул чему-то и, наконец, заговорил:

– Мэри Александра... Мария... Я – счастливый отец, потому что Господь благословил меня семерыми детьми. И одновременно я отец несчастный, потому что около тридцати четырех стандартных лет назад мой старший сын, Александр, ушел с Бастиона Марикио в рейд, из которого не вернулся.

Мэри показалось, что воздух в салоне лимузина стал шершавым и сухим. Сердце забилося так, словно она вкатила себе полную дозу боевого коктейля. А старый граф продолжал:

– Незадолго до своей гибели Саша прислал нам с матерью сообщение, в котором говорил, что встретил женщину, уроженку Свободных планет, которую намерен представить нам как молодую графиню. Велел готовиться к свадьбе, ждать домой с невестой, заказал кольцо... Мы так радовались за него, ну и за себя, конечно... А потом он погиб. Если бы мы только могли предположить... – его голос прервался, сгорбившиеся плечи содрогнулись от сдерживаемого рыдания.

– Когда я увидел вас, – подхватил Цинцадзе, – ваше сходство с моим крестным сыном сразу бросилось мне в глаза. Обстоятельства вашего рождения делали мое предположение вполне обоснованным. По моей просьбе профессор Гаврилов провел сравнительный анализ вашей биокарты и хранившейся в архиве биокарты Александра на предмет степени возможного родства. Ответ был однозначным: отец и дочь.

Мэри молчала. В голове не было ни одной связной мысли, только на самом краешке сознания билось: отец! Эти люди говорят, что ее отец действительно... Значит, это правда?!

– Значит, это правда?! – выдавила она. – Мама сказала бабушке, что отец хотел на ней

жениться... Я думала, она солгала, чтобы хоть бабушка была на ее стороне, а выходит...

– Алтея Гамильтон не солгала ни единым словом, – внушительно произнес Ираклий Давидович.

Мэри закрыла лицо руками, ее била крупная дрожь.

– Мама любила его, – пробормотала она. – Если бы не любила, она не родила бы меня, не назвала бы в его честь... Она его любила, вы не должны сомневаться, вы не смее сомневаться, слышите?..

На колено легла тяжелая ладонь.

– Простите нас, Мария, – тихо заговорил адмирал Сазонов. – Простите нас. В своем горе мы не подумали о том, что у Сашиной невесты мог остаться от него ребенок. Мы даже не сделали попытки разыскать Алю – так называл ее Саша. Будь мы поссообразительнее, вы родились бы на Кремле и ваша матушка не была бы вынуждена наниматься сопровождать тот злосчастный караван... Простите.

Уронив руки на колени, Мэри подняла голову и неуверенно улыбнулась сквозь слезы:

– Мне нечего вам прощать... дедушка.

Пожилой граф одним рывком избавился от страховочного ремня, плавным, совсем молодым движением переместился на соседнее с Мэри сиденье и обнял ее, до боли крепко прижав внучку к себе.

– Мария... Машенька... Как ты смотришь на то, чтобы познакомиться с бабушкой? – выдохнул он в серебристую макушку – берет упал на пол и теперь сиротливо поблескивал кокардой из-под ног.

– А как на это посмотрит бабушка? – робко спросила Мэри откуда-то из-под его руки, и Николай Петрович вдруг расхохотался:

– Бабушка? Да она там, небось, уже весь пол у окна протоптала!

– К дому графа Сазонова! – скомандовал водителю князь Цинцадзе и, переключив коммуникатор: – Ольга? Все в порядке. Встретили. Летим к вам.

Ольга Дмитриевна действительно не отходила от окна. Как ни уговаривали ее Татьяна, Екатерина и срочно исхлопотавший себе отпуск Антон (Андрей с Алексеем выбраться не смогли) присесть, успокоиться, выпить чаю, она оставалась на своем посту, до рези в глазах вглядываясь в маленькую площадь за воротами.

Лидия к матери не подходила. Сама идея приглашения в дом ублюдка брата казалась ей оскорбительной, но свои мысли она благоразумно держала при себе. Успеется еще. Но как же все-таки раздражает весь этот шум, который поднялся из-за какой-то наглой девки... подумаешь, родственница нашлась! Неужели мать с отцом не понимают, что князь Цинцадзе попросту манипулирует ими? Да мало ли с кем спал ее ненаглядный братец, что ж теперь, всех детей всех его пассий проверять?! Так, глядишь, еще с десятков Сазоновых сыщется! Да и не верит она, что сам папенька без греха, все эти его долгие отлучки... Наверняка ведь их не семеро, а гораздо больше! А кстати, интересно: эта самая Мэри Гамильтон отцу внучка или все-таки?... А даже если и внучка, что с того? И матушка тоже хороша: Машенька то, Машенька се... Можно себе представить, какова эта Сашкина доченька. Офицеришка с захолустной планеты, наемница, служащая по контракту тому, кто больше заплатит... О каком благородстве, о какой чести... да бог с ней, с честью – о какой нравственности там вообще может идти речь?! Она, небось, рада-радешенька, что хоть кому-то нужна оказалась на закате карьеры. А уж эта ее родословная... как у собаки, ей-богу! Да что там говорить, сучка она сучка и есть. Нет, родители пусть делают что хотят, их право, а Лидия с этой нахалкой никаких дел иметь не собирается и детям не позволит. Не хватало еще рисковать их будущим! Пусть вон Екатерина своим отпрыскам репутацию портит, раз уж так приспичило...

– Вот они! – воскликнула Ольга Дмитриевна, вплотную придвигаясь к окну. Екатерина и Татьяна бросились к матери, за ними, чуть помедлив, подошел Антон. Большого смысла торопиться и толкаться он не видел: будучи изрядно выше матушки и сестер, он не

сомневался, что увидит все необходимое поверх их голов. Действительно, на площадь величаво опустился знакомый лимузин. Первым из него, что-то командуя стоящему у дверцы порученцу, с достоинством вылез князь Цинцадзе. Даже на таком расстоянии было видно, что сияет Ираклий Давидович, как новенький орден. Потом выпрыгнул отец, улыбающийся и помолодевший. Протянул руку внутрь... Ага! Вот она какая! Говорят, что первое впечатление самое верное... что ж, вполне приемлемо. Выправка, по крайней мере, имеет место быть. Двигается хорошо, правильно двигается. Форма непривычная, но сидит как влитая. А что заметно нервничает – так это вполне объяснимо. Антон посторонился, пропуская женщин вперед, и степенно направился вслед за ними к лестнице. Девчонки не дадут матушке оступиться, уж в этом-то на них положиться можно. А что касается Лидии... ну, эта в своем репертуаре: губы поджала, аршин проглотила, идет, как на аркане тащится... Послал Бог сестричку! Хоть бы помалкивала, раз уж ничего путного сказать не может!

Опираясь на руку деда, Мэри вышла из лимузина и с любопытством осмотрелась. За низкой символической оградой меж ухоженных цветников пролегла прямая дорожка, вымощенная диким камнем и упиравшаяся в ступени крыльца. В проеме распахнувшейся, должно быть, в момент посадки лимузина, двери стоял высокий старик, чьи изрядно поредевшие седые волосы были пострижены уставным ежиком. Лицо его состояло, казалось, из одних только морщин, и Мэри подавила неуместное хихиканье при мысли о том, как же он бреет всю эту роскошь. Как-то, должно быть, бреет, во всяком случае, щетины не видно.

Ладонь князя на плече слегка подтолкнула ее вперед и все трое двинулись по дорожке к дому. Когда до крыльца оставалось шага три, старик в дверях вытянулся еще сильнее – хотя секунду назад казалось, что дальше некуда – и удивительно звучным голосом без намека на старческое дребезжание провозгласил:

– Добро пожаловать домой, Мария Александровна! Добро пожаловать... – старикан все-таки осекся, смутился, но вышедший вперед Николай Петрович похлопал его по плечу и обернулся к внучке:

– Машенька, это Степан. Он был дядькой... по-вашему, воспитателем твоего отца. На плечах катал, коленки бинтовал, стрелять учил...

– Первый наставник? – уточнила Мэри, протягивая руку. – Я рада. Здравствуйте, Степан.

Тот неожиданно крепко вцепился в ее ладонь обеими своими, в глазах сверкнул молодой огонек, широкая улыбка еще больше углубила морщины.

– А уж я-то как рад, госпожа капитан третьего ранга! Мы ведь и не чаяли! – тут он повернулся к Цинцадзе и проговорил, все так же улыбаясь во весь рот:

– Здравствуйте, ваша светлость! Вы уж простите меня...

– Пустяки, Степан! – добродушно отмахнулся князь. – Ты давай в дом приглашай, что ж ты Марию Александровну в дверях держишь! – и спохватившийся дворецкий, отпустивший руку Мэри, сделал два шага назад.

Она переступила порог и оказалась в холле. Светлые широкие доски пола, такие же панели на стенах, квадраты солнечного света... все это она отметила вскользь, оставив на потом. Сейчас же она не сводила глаз с людей, стоящих в центре большой квадратной комнаты. Уже не слишком молодая, так, около ста, но все еще очень красивая женщина с тронутыми сединой густыми волосами, уложенными в высокую прическу, нервно стискивала руки и пыталась улыбаться дрожащими губами. По бокам от нее стояли две дамы помоложе. Обе были в штатском, но левая, лет пятидесяти, несомненно, когда-то носила погоны на, пожалуй, таких же широких, как у Мэри, плечах. За их спинами возвышался невозмутимый господин в контр-адмиральском кителе с планками орденов на нем. Чуть поодаль от этих четверых расположилась еще одна женщина, очень похожая на старшую. Но ее красоту изрядно портило кислое выражение лица, и Мэри нисколько не сомневалась, что уж эта-то тетка – а кем еще она могла быть? – точно ей не рада.

– Здравствуй, бабушка, – неуверенно проговорила смутившаяся бельтайнка, и Ольга Дмитриевна кинулась к ней, от спешки путаясь в длинной юбке. Она бы, наверное, упала, но

Мэри успела ее поддержать. И вот уже ее щеки сжимают маленькие, но сильные ладони, а прямо в лицо смотрят точно такие же, как у нее, изменчивые серо-голубые глаза. Подошедший граф обнял разом супругу и внуку, рядом материализовался Степан с подносом, уставленным бокалами, Цинцадзе громко-гласно провозгласил витиеватый тост (Мэри поняла не более половины) и майор Гамильтон неожиданно поняла, что она действительно попала домой.

А девица и впрямь оказалась что надо. Спокойная и гордая, как эсминец перед стартом, ироничная, независимая... И до такой степени похожая на Сашку, что дух захватывало. Когда растерянность первых минут встречи с родственниками прошла, выяснилось, что племянница обладает чувством юмора и терпеть не может говорить о себе, но деваться ей было некуда. Отшутиться не получилось: отец уселся по одну руку от нее, Ираклий Давидович по другую, мать начала засыпать ее вопросами, ахая и всхлипывая после каждого ответа, и Антон даже пожалел бедняжку. Стоило ей попытаться быть краткой или сделать вид, что речь идет о незначительном событии, как князь решительно ее поправлял, расцвечивая подробностями сдержанный рассказ. И какими подробностями! Девчонка морщилась, пыталась отмахиваться, да какое там... Антон слушал ее с интересом. Ничего себе карьера была у Сашкиной дочки! Нет, конечно, у любого флотского офицера жизнь не слишком похожа на сладкий пряник, но то, что говорила (и о чем умалчивала) Мария, было все-таки чересчур. Своеобразное место эта ее родина, нечего сказать. Антон даже начал делать в уме пометки: если Цинцадзе с отцом не возражают против скупого изложения фактов, значит, не хотят расстраивать мать и об этом эпизоде следует расспросить девочку частным порядком. Вот, к примеру, отношение Генетической службы к ее происхождению. Мать искренне возмутилась, услышав, что кровь Сазоновых сочли поначалу неподходящей, но явно было что-то еще... Об этом он и спросил Мэри в отцовском кабинете, куда мужчины и прикнувшись к ним племянница сбежали покурить.

– Что тебя интересует, Антон? – с самого начала он предложил ей перейти на имена, какой из него, в самом деле, дядя. – Сколько мне пришлось драться, чтобы перестали называть полукровкой? Много. Пока все до одного не поняли, что убить я могу, а спустить – никогда. Хотя Монро так до самого конца и не унялся, но с ним я общалась редко, да и вообще – не бить же принципа Совет? Это все равно, как если бы тебе император сказал что-то нелицеприятное, а ты в драку полез.

Отец прикрыл глаза и со свистом выдавил воздух сквозь стиснутые зубы. Бедная девочка! Заметившая его гримасу Мэри подошла поближе и очень серьезно сказала:

– Не надо жалеть меня, дед. Не надо. Я ведь сделала их. Всех. Правда, под конец Монро чуть не сделал меня, но обошлось же... Не надо меня жалеть.

Уже к самому ужину подъехали мужья Татьяны и Екатерины. Полковник Зарецкий передал князю большую старомодную папку. Ираклий Давидович заглянул в нее, довольно хмыкнул и собственноручно отнес в кабинет. Разрывающийся между любопытством и необходимостью выполнять свои обязанности Степан был, в конце концов, усажен за стол вместе со всеми. Агафья Матвеевна, кухарка и экономка, это только приветствовала, заявив, что проку от старого дурня сейчас никакого, так пусть хоть под ногами не путается. Мэри тихонько рассмеялась: ей понравилась эта необъятная тетка, пекущая замечательные пироги. Агафья Матвеевна правила домом железной рукой и была способна, судя по всему, без особого труда построить по стойке «смирно» и деда, и бабушку, и князя Цинцадзе, не говоря уж об остальных родственниках и гостях. Она же первая заметила, что «девонька» начала зевать и тут же громкогласно обратила внимание Ольги Дмитриевны на этот факт. Бабушка немедленно всполошилась, но дед непреклонно заявил:

– Погоди, Олюшка. Погоди. Я еще не успел Машеньке вопрос задать. Серьезный вопрос. Как ответит она на него, так и поведешь ее наверх. Договорились?

Мэри, с которой немедленно слетели хмель и подступающий сон, с настороженным

интересом уставилась на Николая Петровича.

– Вот скажи ты мне, Мария свет Александровна... Ты как, согласна в нашу семью вступить? Или сама по себе быть хочешь? Не торопись, подумай хорошенько.

– А разве такое возможно – вступить в семью? – недоверчиво прищурилась она. – Я, конечно, не могу похвастаться хорошим знанием имперских законов, но ведь бастард – он и в Плеядах бастард... – Мэри заметила, что ее ответ весьма понравился тетке Лидии и категорически не понравился остальным.

– Во-первых, – внушительно начал старый адмирал, – никогда себя так не называй. Да, твои родители не успели обвенчаться. Но Александр, упокой, Господи, его душу, свое намерение выразил вполне однозначно. А ты сказала, что само твое появление на свет – доказательство согласия твоей матери. Верно?

– Верно, но...

– Никаких «но». Во-вторых, Сазоновы – они, как ты изволила выразиться, и в Плеядах Сазоновы. Для нас не существует законнорожденных и незаконнорожденных детей. Есть дети, о которых нам известно, и дети, о которых нам неизвестно. О тебе мы до самого последнего времени не знали, но это не делает тебя Сазоновой в меньшей степени, чем любого из нас. И мы будем твоей семьей и будем любить тебя вне зависимости от того, станешь ты Марией Александровной Сазоновой или решишь остаться Мэри Александрой Гамильтон. Понятно?

– Понятно. А что... что я должна буду сделать, если соглашусь?

– А ничего. Захочешь принять подданство Империи – примешь. Не захочешь – дело твое. Решишь перейти в православие – мы будем рады. Католичкой останешься – опять же никаких проблем, в Империи хватает католиков, карьере это не мешает и даже межконфессиональные браки вполне в порядке вещей. «Иисус Христос один, все остальное неважно», как кто-то там сказал.

– Елизавета Тюдор, – улыбнулась Мэри. – Это сказала Елизавета Тюдор, самая великая королева в истории Англии.

Она уставилась куда-то в пространство, в полной тишине побарабанила пальцами по столу и, наконец, перевела взгляд на комкающего салфетку деда.

– Значит, Мария Александровна Сазонова? А что, звучит... Я согласна.

Четверть часа спустя Мэри, у которой от избытка то ли впечатлений, то ли великолепного шампанского слегка кружилась голова, поднялась в свою – бывшую отцовскую – комнату в сопровождении бабушки и младшей из трех теток, Екатерины. Эта последняя, как выяснилось, дослужилась в Сторожевом флоте до капитан-лейтенанта и при первом знакомстве шутливо упрекнула племянницу за то, что та обошла ее в чине. Мэри только руками развела. Екатерина ей сразу понравилась, как и Татьяна. А вот тетка Лидия не приглянулась вовсе, причем неприязнь, кажется, была взаимной.

– Не обращай внимания на Лидию, – сказала ей Екатерина, извлекая из принесенного в комнату баула парадный китель и встряхивая его на вытянутых руках. – Ого... Да уж, изображение – это не то, на такую красоту живую надо смотреть. По твоим наградам, голубушка, можно астронавигацию изучать! Так вот, что касается Лидии... Уж не знаю, из-за чего она так много о себе понимает, но что много – это факт. Не бери в голову. И запахнись ты, бога ради, пока мать не увидела! – прошипела вдруг тетка, кидаясь к Мэри, сводя на груди полы расстегнутой рубашки и косясь в сторону ванной, где хлопотала Ольга Дмитриевна. – Давай я тебе сорочку дам, мы тут кое-что подготовили к твоему приезду... Кто это тебя?

– Да так... – неопределенно пожала плечами племянница. – Не сошлись во мнениях с одним господином по поводу того, кто из нас выродок.

– А случаем, не этого ли господина днями повесят не Бельтайне? – проницательно заметила Екатерина. Мэри криво усмехнулась и кивнула.

Между тем в гостиной, куда все перешли из столовой, Лидия, устроившаяся в большом

кресле, рассуждала, как ей казалось, разумно и логично:

– Ну не знаю, отец. Дело, конечно, твое, можно и принять Марию в семью... Только учти, сбить ее с рук будет непросто. Красотой она не блещет, молодостью тоже, одна седина чего стоит... опять же происхождение. Девчонка не виновата, конечно, что ее мать была... гм... нестрогих правил, но от этого не легче. О манерах я уж и не говорю, солдафонство отчасти простительно мужчинам, но не женщинам. Колоссальное приданое понадобится, помня мое слово, а не то она вам с мамой до конца жизни на шею сядет и ножки свесит.

Адмирал Сазонов, в самом начале этой нотации сделавший знак окружающим не перебивать ораторшу, рассматривал среднюю дочь с хладнокровным любопытством. Так когда-то смотрел он из рубки линкора на приближающуюся вражескую эскадру – спокойно и оценивающе, прикидывая, каких пакостей можно ждать от противника.

– Давай-ка по порядку, Лидия, – начал он так мягко, что у Ираклия Давидовича, человека, в общем, далеко не слабонервного, по спине побежали мурашки. У него и самого было, что сказать заносчивой дряни (бедный Николай! хорошо, хоть Ольга доченьку не слышит!), но пусть уж с ней отец разбирается. – Давай-ка по порядку. Красота – вопрос восприятия, не более того. Ты сейчас уродлива до того, что смотреть не хочется. Молчи. Я тебя выслушал, а теперь ты послушай. А ну сядь! – прикрикнул он на дочь, а зашедший за спинку кресла сестры Антон недвусмысленно опустил ладони ей на плечи. Контр-адмирал был всецело на стороне адмирала флота, то же можно было сказать об остальных, и Лидия чуть ли не впервые в жизни почувствовала, что в родительском доме у нее союзников нет.

– Молодость... – снова негромко продолжил Николай Петрович. – А ты сама много ли моложе была, когда замуж выходила? Как на мой вкус, так седина Маше только шарма добавляет, ей бы только подзагореть малость, но уж это-то дело наживное. Что касается происхождения, то Алтее Гамильтон на Картане памятник стоит, а ее последний бой проходят во всех военных академиях как эталон. Вот когда *твое* имя будет синонимом мужества и компетентности, тогда и станешь рот раскрывать, а до того – помалкивай. И в чем, скажи на милость, ты увидела солдафонство? В том, что с ней говорить интереснее, чем с тобой? Ничем не могу помочь, сама виновата. И последнее. Ты всерьез полагаешь, что твоя племянница – бедная родственница? Именно бедная? Так позволь тебя утешить – или разочаровать, – Мария, мягко говоря, не нищая. Помимо солидных счетов в банках она владеет межсистемной яхтой, а одного этого вполне хватит, чтобы не бедствовать, даже если она прямо сейчас на покой уйдет. И приданое у нее тоже будет, можешь не сомневаться. Она – дочь Александра, и ей полагается его доля наследства. А теперь ступай. Перед мамой я за тебя извинюсь. И не смей даже думать повторить при ней все те глупости, которые были вынуждены выслушать мы. Брысь!

Подождав, пока за Лидией захлопнется дверь, Николай Петрович вытер со лба выступившую испарину и кивнул Степану, тут же подавшему ему бокал коньяку.

– Поразительно, – сокрушенно пробормотал адмирал, – просто поразительно! Вот как у нас с матерью такое получилось, а? Верно говорят, в семье не без урода. – он помолчал, собираясь с мыслями.

Татьяна прильнула к мужу, который шептал ей на ухо что-то успокаивающее. Полковник Зарецкий, глядя на дверь, кривил губы в презрительной усмешке, радуясь про себя, что Катенька не присутствовала в гостиной. Хладнокровием супруга сроду не отличалась, могла ведь и прическу сестричке попортить. И уж кто-кто, а он бы мешать не стал. Мысли Антона были сходными. Его Софья тоже, пожалуй, не сдержалась бы, а язык у нее был поострее его кортика. Хорошо, что Сонечка с детьми живет на Ново-Архангельске. И хорошо, что Алексей с Андреем прилететь не смогли, а то неизвестно, чем закончилась бы безобразная выходка Лидии.

Наконец Николай Петрович успокоился и повернулся к князю:

– Ираклий, я в бюрократии не силен, и по какой форме прошение на высочайшее имя подавать, не знаю. Поможешь?

– Прощение об официальном признании Марии? – уточнил Цинцадзе.

– Именно.

Ираклий Давидович усмехнулся:

– Степан, папку из кабинета принеси. Спасибо. Вот, Николай, держи. Пока мы тут разговоры разговаривали, Василий все подготовил. Только твоя подпись и требуется, а его величеству я сам доложу.

Адмирал Сазонов открыл папку, внимательно прочел текст на большом листе плотной бумаги, щелкнул пальцами, в которые запасливый Степан тут же вложил перо, и размашисто подписался.

Глава 10

«Красота в глазах смотрящего», «Не родись красивой, родись счастливой», «Некрасивых женщин не бывает», «Главное, чтобы человек был хороший»... Как много утешительных сентенций придумано для дурнушек. И как же все-таки жаль, что девочка не унаследовала красоту матери. Нет, Мэри не дурнушка, помилуй бог, но она, увы, так недалеко ушла от этого незавидного определения... Конечно, красота ничего не значит для пилота и даже создает определенные проблемы во время действительной службы. А уж при подборе генетических партнеров внешность и вовсе не берется в расчет. Но генетическое партнерство Мэри не светило никогда, а служба закончилась. И теперь, если она не пристроится служить куда-то еще, ей придется выживать в мире штатских. В том самом мире, где красота женщины почитается главным ее оружием. Алтея была хороша так, что сердце замирало, а вот Мэри... Мэри безоружна. Впервые в жизни – безоружна.

София Гамильтон немало пошаталась по свету между поступлением в Корпус младшей дочери и рождением внучки. И знала – не по собственному опыту, хвала святой Екатерине! – как мало шансов на счастье, простое женское счастье у некрасивой девушки. Вранье, что сила и ум женщины относятся к числу ее недостатков. Так рассуждают только слабаки и недоумки, а такого, с позволения сказать, мужчину малышка просто не заметит. Но женские ум и сила должны прилагаться к хорошенькой мордочке, иначе у девочки просто не будет шанса их проявить. Хотя, возможно, у русских другие представления о красоте, вон хоть этого мальчика-командующего взять, ведь глаз же не сводил...

* * *

Проснувшись на следующий день, Мэри не сразу сообразила, где она находится и как сюда попала. Вчерашние события казались причудливым сном, и ей не сразу удалось убедить себя в том, что все это действительно было наяву и вокруг нее потихоньку занимается своими нехитрыми делами дом ее отца. Отец... Вечером бабушка, грустно улыбаясь, принесла ей кристалл с записью и оставила на тумбочке у кровати, сказав, что на нем записано последнее сообщение ее старшего сына. Посмотри, когда желание будет. Разумеется, как только Ольга Дмитриевна вышла из комнаты, Мэри вставила кристалл в считывающее гнездо нашедшегося в отцовской спальне компьютерного терминала. Так вот какой ты был, полковник Александр Сазонов. Весельчак и задира, любящий сын и влюбленный мужчина... Как ты говорил о матери... Никто, кроме тебя, не называл ее Алей. Никто, кроме тебя, не смог отогреть выстуженное Корпусом и службой сердце. Никто, кроме тебя, не хотел быть с ней всегда, и ни с кем, кроме тебя, не хотела всегда быть она. Отец... Мне грех жаловаться на судьбу, но как же жаль, до слез, до боли в сердце, что она не благословила вас с мамой! Спасибо тебе, папа. Спасибо за то, что ты случился в маминой жизни, а значит, и в моей. Я не подведу тебя, папа. Обещаю.

Дверь бесшумно приоткрылась и в образовавшуюся щель заглянула Ольга Дмитриевна.

– Машенька, – позвала она тихонько. – Машенька, ты проснулась?

– Проснулась, – отозвалась Мэри. – Заходи... бабушка.

К этому тоже надо было привыкнуть. До сих пор бабушкой была только София... Мэри

вдруг подумала, какие же они разные, ее бабушки. Разные – и похожие. Надо бы послать сообщение в монастырь, может быть, София захочет познакомиться с семьей несостоявшегося зятя. Между тем Ольга Дмитриевна присела на край кровати и осторожно, почти робко погладила непокорные седые пряди.

– Будешь вставать? Или еще полежишь? День у тебя вчера выдался суматошный...

– Да уж не суматошнее твоего, – улыбнулась внучка, – а ты ведь уже на ногах. Сейчас встану.

Тем не менее она оставалась в постели, пока бабушка не вышла из комнаты. Накануне не привыкшая спать одетой Мэри сняла ночную сорочку, торопливо напяленную на нее Екатериной, и теперь опасалась вылезать из-под одеяла. С ее точки зрения, шрам на груди выглядел уже вполне прилично, но тетушке лучше знать, что можно показывать ее матери, а чего показывать нельзя. Поднявшись, девушка немного размялась, приняла душ и оделась. Да, с гардеробом надо что-то делать: вряд ли в ее нынешних обстоятельствах подобает иметь один-единственный штатский наряд. Если, конечно, штаны, рубаху и майку, в которых она разгуливала сначала по крейсеру, а потом по поместью Рафферти, вообще можно назвать нарядом. Хорошо, хоть парад-ный китель заменили, пока она в госпитале валялась, да и то ее заслуги тут нет: это Дядюшка сообразил, а может, Лорена. Кстати, надо бы с ними связаться, рассказать новости. Интересно, который час в Нью-Дублине? Отправив запрос с отцовского терминала, Мэри с огорчением выяснила, что сейчас в столице Бельтайна глубокая ночь. Н-да, будить супругов Морган нехорошо, особенно это касается миссис Морган. В итоге Мэри решила ограничиться посылкой коротких сообщений Дядюшке и бабушке Софии. Просмотрят, когда смогут.

Спустившись вниз, она обнаружила Ольгу Дмитриевну в столовой. Накрытый стол ломился от тарелок, блюд, судков и кастрюлек. По прикидкам Мэри, имеющейся на столе снеди должно было хватить на дюжину очень голодных мужчин.

– Ты ждешь гостей к завтраку? – полюбопытствовала она, присаживаясь перед наиболее аппетитно выглядевшей миской.

– Гости? – рассмеялась бабушка. – Что ты, Машенька, это для тебя!

– Но... но этим же взвод десантников можно накормить! Уж отделение – так точно!

– А это, видишь ли, Агафья Матвеевна не была уверена, что ты любишь, а что нет, вот и наготовила всего понемножку, – по тону бабушки чувствовалось, что она добродушно подсмеивается над кухаркой, но при этом вполне одобряет ее действия.

– Что я люблю, – пробормотала Мэри, окидывая задумчивым взглядом стол. – Знаешь, я ведь в русской кухне мало что понимаю, в Империи мне служить не довелось. Вот пироги Агафья Матвеевна печет исключительные!

– Ну, пироги – пирогами, только это ведь к чаю, а сперва надо съесть что-нибудь посущественнее, – наставительно заметила Ольга Дмитриевна, и тут же развила бурную деятельность. В результате через полчаса Мэри была не вполне уверена в своей способности встать с места. Однако встать ей все-таки пришлось. Вошедший в столовую Степан что-то прошептал графине на ухо, та приподняла брови, кивнула и с легким неодобрением в голосе обратилась к внучке:

– Машенька, не могла бы ты пройти в кабинет? Ираклий Давидович хочет с тобой поговорить, неймется ему с самого утра.

Мэри пожала плечами, поднялась из-за стола (это действие и впрямь далось ей с некоторым трудом) и отправилась в кабинет, где Степан уже придвинул к экрану кресло хозяина. Потом дворецкий оглянулся на дверь, выставил на стол ящик сигар и пепельницу, включил систему вентиляции, подмигнул молодой хозяйке и испарился. Ираклий Давидович, с которым Мэри поздоровалась, едва успев опуститься в кресло, наблюдал за действиями Степана с насмешливым интересом.

– Рад тебя видеть в добром здравии и хорошем расположении духа, дорогая. Кури, если хочешь. Бабушка твоя этого не одобряет, но и шуметь особенно не станет: понимает, что ты уже не маленькая девочка. Ольга вообще понимает почти все, и шокировать ее практически

невозможно. Учти это на будущее, если вдруг захочешь что-то с ней обсудить. Как спалось на новом месте? Приснился кто-нибудь?

– Хорошо спалось, Ираклий Давидович, – улыбнулась Мэри, с наслаждением раскуривая сигару. – Без сновидений.

Князь огорченно поцокал языком:

– Ай-яй-яй! Неужто не загадала?

– Не загадала? А что я должна была загадать? – недоуменно спросила его собеседница.

– Да есть такое поверье... когда незамужняя девица в первый раз ложится спать в незнакомом доме, она должна перед сном сказать: «Ложусь на новом месте, приснись жених невесте». Точно никто не снился?

– Точно! – рассмеялась Мэри.

– Ну, это дело поправимое, приснится еще. Я, собственно, по какому поводу тебя беспокою. Ты верхом ездить умеешь?

– Умею, – кивнула она. – Меня Келли учил, а потом у Рафферти обновила навыки. Чем еще прикажете заниматься в поместье конезаводчиков?

– Вот и замечательно. Поедешь завтра утром кататься? Тут с тобой кое-кто познакомиться хочет, были б у него копыта – точно землю рыть начал.

Мэри насторожилась. Все эти разговоры о женихах, которые якобы должны ей сниться... Уж не сватать ли ее собрался отцовский крестный? Заметив, как изменился ее взгляд, Цинцадзе успокаивающе поднял ладонь:

– Ну что ты напряглась? Ничего экстраординарного, просто сейчас на Кремле находится генерал-лейтенант Авдеев, который только что не умирает от желания лично познакомиться с пилотом ноль двадцать два.

– Авдеев? – прищурилась Мэри. – Консул с Нового Амстердама?

– Верно. Только он уже не консул, а куратор сектора. Хорошую карьеру сделал. Не в последнюю, кстати говоря, очередь благодаря связям с полицией Бельтайна и способностям некоего пилота. Так что ты скажешь насчет прогулки?

– С удовольствием. А где здесь ездят верхом?

– О, я тебе покажу изумительное место, Чертов Луг называется. Уверен, тебе понравится. Так значит, договорились? Тогда завтра в семь будь готова, я пришлю машину.

Когда Мэри вернулась в столовую, выяснилось, что у стола сидит, о чем-то беседуя с бабушкой и попутно вплотную интересуясь пирогами, тетка Екатерина.

– А вот и ты! – не вполне внятно провозгласила она, торопливо проглатывая кусок кулебяки. – Чего хотел от тебя князь?

– Катенька! – укоризненно воскликнула Ольга Дмитриевна. – Ты бы хоть поздоровалась! И дай Маше отдышаться, знаю я его светлость, кого угодно замучает разговорами.

– Ираклий Давидович пригласил меня на верховую прогулку, – Мэри решила, что сразу ответить на вопрос будет проще и безопаснее для всех присутствующих: Екатерина произвела на нее вчера впечатление особы весьма нетерпеливой, еще подавится... бабушка разволнуется... дешевле сказать.

– На верховую прогулку? Отличная мысль! Но ты же не поедешь в таком виде? – снисходительно кивнула тетка на одежду новой родственницы.

– Да уж не хотелось бы, – усмехнулась Мэри. – Я как раз сегодня подумала, что надо бы обзавестись чем-нибудь еще, а то...

– А то у тебя два комплекта формы и вот это, – закончила за нее Екатерина. – Не пойми меня превратно, тебе очень идет и, вероятно, это и есть твой стиль, но... где, ты сказала, вы собираетесь кататься?

– Я не говорила, – энергичность тетушки вы-глядела довольно забавно, и Мэри невольно рассмеялась, – но князь сказал – на Чертовом Лугу. Это тебе что-то говорит?

– Еще бы не говорит! – возмутилась госпожа Зарецкая. – Так, немедленно собирайся.

На Чертовом Лугу катается верхом в основном зная, не хватало еще, чтобы кто-то подумал, будто мы относимся к тебе, как к бедной родственнице, и держим в черном теле. Давай-давай, нечего расслаиваться, у меня как раз машина с шофером под окнами. Мам, ты нас рано не жди, мы в городе пообедаем. Вперед, госпожа майор!

Уже в машине, когда за окнами неторопливо проплывали утопающие в зелени пригороды, Екатерина поинтересовалась:

– А зачем ты надела бандану? Привыкла иметь что-то на голове, когда из дому выходишь, или просто седину прячешь? Так это ты зря, тебе идет. Даже интересный контраст получается с молодым лицом.

– Не в этом дело, – недовольно поморщилась Мэри. – Прическа у меня, прямо скажем, не ах, не слушаются волосы.

– Это у тебя просто не было толкового парикмахера! – отмахнулась тетка от ее жалобы, как от чего-то несущественного.

– А у меня его вообще не было, – парировала девушка. – Я же пилот, я с детства голову брею. Последний раз побрила перед эвакуацией детей с Бельтайна, месяца полтора назад. Когда надо было, пользовалась париками, но они ж заранее причесанные, с ними никаких хлопот. Слушай! – оживилась она. – А может быть, действительно купить парик и никаких проблем?

– Какой еще парик! – ахнула Екатерина. – Чего не хватало! Нет уж, голубушка, мы с тобой сейчас поедem в самый лучший салон красоты в Новограде, и там посмотрят, что можно сделать с этим недоразумением, которое ты имеешь нахальство называть прической. – и она отдала распоряжение водителю.

Перед входом в салон Мэри несколько оробела. За полным отсутствием необходимости она понятия не имела, как выглядят такого рода заведения в Нью-Дублине, но массивные двустворчатые двери произвели на нее огромное впечатление, как размерами, так и материалом, из которого были сделаны. Диковинное дерево цвета темного меда словно светилось изнутри, тяжелые бронзовые кольца и петли благородно поблескивали в солнечных лучах. Скромная вывеска над входом гласила: «Лада». И все. Ни профиля заведения, ни часов работы. Считалось, видимо, что тот, кто сюда пришел, и так в курсе, что и когда творится за этими дверями, а остальным и знать не надо.

– Ты знаешь, кто такая Лада? – спросила Екатерина, берясь за дверное кольцо. – В мифологии древних славян, наших предков, так звали богиню красоты. Идем. Только учти, говорить буду я. Вряд ли нам чем-то помогут прямо сегодня, у здешних мастериц обычно все расписано, но попробовать договориться на ближайшие дни можно.

Снабженная сервоприводами дверь легко подалась, и женщины вошли в совсем небольшой вестибюль. Очевидно, предполагалось, что клиенткам не приходится ждать, пока ими займутся. Из-за конторки им приветливо заулыбалась молодая особа, при виде которой Мэри стало не по себе. Она как-то сразу вспомнила, что ногти у нее острижены коротко и без изысков, кисти рук грубоваты, кремом для лица она не пользуется, помады на губах нет, а о волосах и говорить неприлично.

– Чем я могу быть вам полезна, сударыня? – мелодично проворковала девица, вопросительно глядя на Екатерину. На Мэри она даже не покосилась, и та неожиданно для себя успокоилась. Она давно заметила, что небольшая порция злости действует на нее самым благоприятным образом, избавляя от растерянности и приводя мысли в порядок. Служащая «Лады» явно сочла ее недостойной высокого звания клиентки, и это было просто прекрасно. Тем легче будет общаться.

– Галина Алексеевна сегодня в салоне? – ледяным тоном осведомилась капитан-лейтенант в отставке, от которой не укрылось пренебрежение, с которым отнеслась к ее племяннице красотка за конторкой. – Передайте, что с ней хотела бы встретиться Екатерина Зарецкая.

Продолжающая улыбаться девица пробормотала что-то в изящный коммуникатор, и

пару минут спустя в вестибюль вышла из дальней двери высокая дама лет восьмидесяти в длинном зеленом платье. По сравнению с ней регистраторша (или кем она там была) выглядела простушкой, и Мэри поняла, что одной злостью тут не спасешься. Однако дама повела себя самым неожиданным образом.

– Катенька! – воскликнула она, приближаясь и обмениваясь с госпожой Зарецкой троекратным поцелуем, что, как успела заметить Мэри, было принято на Кремле. – Рада вас видеть, душенька, давно не заглядывали! А кто ваша очаровательная спутница? – хозяйка, в отличие от служащей, обратила на незнакомку самое серьезное внимание. Взгляд ее, оставаясь доброжелательным, напоминал сейчас первоклассный сканер.

– Моя племянница Мария. Дочь покойного брата. Галочка, мы можем поговорить у вас в кабинете?

– Ну конечно! – всплеснула руками Галина Алексеевна. – Прошу, прошу. Наташа, займитесь чаем.

Кабинет владелицы салона Мэри понравился. Очень светлый, скудно – сплошь стекло и сталь – меблированный, напрочь лишенный ненужных или даже просто нефункциональных предметов обстановки, он чем-то напоминал рубку корвета. Пожалуй, с его обитательницей можно будет договориться.

– Итак, Катенька, в чем состоит ваша проблема? Или, скорее, проблема вашей молодой родственницы? – как только чай был разлит, и недоумевающая Наташа закрыла за собой дверь, хозяйка немедленно перешла к делу.

– Все-то вы понимаете, Галочка! – улыбнулась Екатерина. – Да, ваши услуги на сей раз нужны не мне. Видите ли, Мария только что прилетела на Кремль...

– А до того служила в действующей армии, где не было ни времени, ни возможности, ни – главное – необходимости наводить красоту, – перебила ее та. – Не смущайтесь, милочка, – повернулась она к Мэри. – В вас нет решительно ничего грубого или мужиковатого, просто некоторые вещи при моей профессии вполне очевидны. Эта скользкая походка... эта манера держать голову... вы летали?

– Д-да... – пробормотала окончательно растерявшаяся бельтайнка. – Я пилот.

– И офицер, разумеется. Снимите бандану. Угу... – взгляд Галины Алексеевны стал цепким. – Поверните голову. Теперь влево. Ясно. Катенька, вы были совершенно правы, когда привезли Марию ко мне. С этим действительно надо что-то делать.

– Сложность не в том, что надо что-то делать, – осторожно начала Екатерина, – сложность в том, что надо что-то делать как можно быстрее. Уже завтра Мария приглашена на верховую прогулку самим князем Цинцадзе...

– Вот как? – приподняла идеальную бровь хозяйка. – Что ж, ради такого случая я сама займусь волосами вашей племянницы. Да будет вам извест-но, Катенька, одна бригада специалистов у меня всегда наготове и свободна для таких экстренных ситуаций, какую мы имеем здесь. Возвращайтесь через... дайте подумать... да, через два с половиной часа.

Эти два с половиной часа Мэри провела как во сне. Для начала ее хорошенько размяли в крохотной парной (при виде шрамов на груди и спине Галина Алексеевна неодобрительно поджала губы, но от комментариев воздержалась). Затем на несколько минут поместили в солярий: «Это придаст коже здоровый оттенок, милочка, вы слишком бледная!» Потом она, укутанная под мышки тонким шерстяным пледом, полулежала на некой помеси кресла и кушетки. Над обеими руками одновременно колдовали невидимые из-за наложенной на лицо маски маникюрши, а возле самого уха тихонько позвякивали ножницы. Хозяйка не донимала ее разговорами, только в самом начале поинтересовалась, какого цвета были волосы клиентки изначально и когда поседели. Услышав в ответ на первый вопрос «не помню», а на второй «не знаю», она пожала плечами, пробормотала что-то об армии и принялась за дело. После процедуры «моделирования бровей» Мэри даже задремала и пришла в себя только когда совсем рядом с ней голос Галины Алексеевны ласково промурлыкал:

– Уже все. Можно посмотреть.

Одновременно с этим спинка кресла плавно поднялась. Мэри открыла глаза и не

поверила им. Это – она? Вот эта молодая женщина с сияющей кожей, изящно изогнутыми бровями, крупным ярким ртом и шапочкой лежащих волосок к волоску серебристых волос? Да быть такого не может! Она растерянно коснулась щеки кончиками пальцев. Заметившая ее реакцию хозяйка подбоченилась и обвела подчиненных гордым взглядом. Подчиненные заплодировали.

– Ну вот, как я и говорила, уложились в два с половиной часа. Прошу вас, Мария. Екатерина Николаевна только что подъехала.

Мэри огляделась, приняла из рук одной из девушек служившую ей легкой курткой рубашку, вынула из кармана карточку и протянула ее Галине Алексеевне со словами:

– Благодарю вас, сударыня. Вы сотворили чудо!

– Чудо сотворил Господь, когда создавал вашу форму головы и лепил скулы, – величественно возразила ей владелица салона, – и спрячьте вашу карточку, дитя. Я могу себе позволить работать просто для удовольствия, а уж его-то сегодня я получила по полной программе.

Ожидавшая в вестибюле Екатерина даже попятилась от неожиданности.

– Вот это... вот это да... Нет, я конечно знала, что Галочка колдунья, но чтобы так... Сколько ты за-платила?

– Нисколько. Она не взяла. Сказала, что получила удовольствие.

– Это на нее похоже, – кивнула тетка. – Ладно, пошли, у нас еще уйма дел, а как отблагодарить Галину свет Алексеевну, я придумаю.

«Уйма дел», обещанная Екатериной, вылилась в забег по магазинам, утомивший Мэри до последней степени. Заниматься шопингом она не любила и не умела, предпочитая в случае необходимости что-то купить брать первую же относительно подходящую вещь. Разумеется, оружия и разного рода технических средств это не касалось, но тут разговор особый. А наряды... Да на кой ей столько? Да где и когда она будет все это носить? Да хватит уже, сил нет никаких вертеться в примерочных!

Наконец тетка смиловилась и решила сделать перерыв на предмет пообедать. Выбранный ею для этой благой цели небольшой ресторан Мэри понравился. Как выяснилось, Екатерина заранее заказала не только столик, но и сам обед, поэтому ждать им не пришлось. Ресторан оказался рыбным, и госпожа Зарецкая даже несколько расстроилась, выяснив, что племянница уже пробовала черную икру. Впрочем, она тут же утешилась тем, что севрюжья уха оказалась Мэри в новинку, как и блины с семгой. За обедом они разговорились. Екатерину интересовала служба в бельтайнских ВКС и те уголки Галактики, в которых довелось побывать «госпоже майору Гамильтон». Особенно ее впечатлил полет через систему Хэйнань и мнение, сложившееся у племянницы о первых лицах Небесной империи. Она слегка поперхнулась, когда Мэри назвала вдовствующую императрицу-мать «толковой теткой», но та спокойно проиллюстрировала свою точку зрения заранее заказанным кораблем и подготовленной моделью системы.

– Заметь, – говорила Мэри, покачивая в воздухе бокал с легким белым вином, – при всем комфорте ничего лишнего на яхте не было, даже системы общей гравикompенсации, пришлось в броне лететь. Скорость, защита и маневр, вот на что она сделала упор при заказе. Только за счет этого мы и выжили.

– А не за счет того, что первым пилотом была ты? – поддела ее Екатерина.

– Тоже может быть. Я, надо тебе сказать, в тот раз обдолбалась коктейлями до видений и голосов в голове, никогда больше такого не было. Мерзкое это местечко, даже в астероидном поясе Тариссы проще. Вот ей-богу, если они не решились отменить этот регулярный полет, ко мне пусть не обращаются. Ни за какие коврижки больше не полечу.

Несмотря на разговоры, обед закончился куда быстрее, чем хотелось Мэри. Предстоял очередной поход за покупками, и Екатерина, должно быть, поняла, что еще чуть-чуть – и добром ее затея не кончится. Поэтому сразу из ресторана они отправились в последний на сегодня магазин, именно в тот, который Мэри считала единственным по-настоящему

необходимым. Там продавали одежду для верховой езды, и уже не в первый раз за этот суматошный день она почувствовала себя жалкой провинциалкой. Ей даже в голову не приходило, сколько – и каких дорогих! – вещей надо иметь, чтобы просто сесть на лошадь в так называемом приличном обществе.

– Вообще-то, – менторским тоном говорила Екатерина, пока вокруг них суетились консультанты, – большую часть всего этого надо заказывать по мерке. Но времени у нас нет, пока и так сойдет, а там видно будет.

В результате Мэри стала обладательницей редингота, цвет которого продавец определил как «голубиное крыло», кремовых лосин, таких же перчаток и белоснежной сорочки с пышным жабо. На голову полагалась черная каскетка, на ноги – блестящие черные же сапоги и шелковые чулки. Когда племянница неуверенно поинтересовалась у тетки, зачем нужны эти последние, Екатерина закатила глаза и предположила, что «девочка», должно быть, никогда не носила сапог для верховой езды, только ботинки.

– Не только ботинки, – проворчала Мэри. – Еще я носила туфли. На танцы.

– Ты умеешь танцевать?! – восхитилась Екатерина и до самого дома они проговорили о том, какие танцы Мэри умеет танцевать, какие не умеет и хватит ли ей того, что она умеет, для балов в столице. Когда успевшие подружиться родственницы добрались-таки до особняка Сазоновых, Ольга Дмитриевна только головой покачала и участливо спросила, будет ли Машенька ужинать или сразу спать пойдет. До последней степени вымотавшаяся за день Мэри выбрала сон, и потому у разноса, который учинила бабушка младшей дочери за то, что внука не стоит на ногах, свидетелей не оказалось.

Мэри поднялась в шесть утра. К ее великому удивлению, даже после душа волосы легли так, как вчера приказали им волшебные руки Галины Алексеевны. Кожа по-прежнему сияла, и руки выглядели вполне достойными купленных накануне перчаток. Выглянув в окно, она обнаружила, что из стелющегося по земле тумана торчат только усыпанные росой верхушки розовых кустов. Впрочем, по некоторым признакам становилось ясно, что туман рассеется максимум через пару часов. Келли когда-то ей объяснял... черт побери, чего ни коснись, всему, что касалось жизни на тверди, ее научил Келли. Она вздохнула и направилась в кухню, надеясь найти там что-нибудь, из чего можно соорудить сэндвич. К ее удивлению, в кухне уже царила Агафья Матвеевна, дым стоял коромыслом, пахло свежей сдобой, копченым мясом и почему-то солеными огурцами. К слову сказать, такой способ консервации она впервые попробовала именно здесь. На Бельтайне огурцы не выращивали вовсе, а в том же Бурге признавались только совсем крохотные маринованные корнишоны. Увидев Мэри, кухарка не на шутку всполошилась:

– Голубушка, Марьсанна! Да что ж вы сюда-то пришли, благоволите в столовую пройти, там как раз господин адмирал завтракать изволят! – Не переставая причитать, Агафья Матвеевна теснила ее к выходу из кухни внушительным бюстом, и в конце концов смеющаяся девушка ретировалась. Дед действительно был в столовой. Стол был накрыт на двоих, и Николай Петрович приветливо улыбнулся ей, указывая на свободный стул.

– Присаживайся, Машенька. Подкрепись как следует, знаю я Ираклия: лошади он завзятый, пока еще вспомнит, что перекусить пора! Что тебе положить?

Мэри, которая большую часть жизни наполняла тарелку самостоятельно, попыталась остановить деда, но потерпела сокрушительное поражение. Философски рассудив, что так и должно быть – кто тут в конце концов адмирал флота, а кто какой-то там майор? – она примирилась с судьбой и наклонилась над чашкой маленький огненно-горячий кофейник. Аромат ее ошеломил, а вкус оказался ему под стать: кто бы мог подумать, в отцовском доме кофе подавали не хуже, чем в кофейне старого Филиппе Гонсалеса на Санта-Марии.

– Кофе у нас варит Степан, – сдержанно похвастался заметивший ее блаженную улыбку адмирал. – Давненько уже, мы еще совсем молодые были, занесло нас в обеспечение русской миссии на Кортесе. Знаешь, где это?

Мэри кивнула. Формально планета Кортес не принадлежала ни Империи, ни Рах

Мехисана, и даже в Лигу Свободных планет не входила. Лет двести пятьдесят назад она была внесена в Галактический реестр как открытая для заселения. Однако русские и мексиканцы договорились поделить между собой четыре континента то ли по-честному, то ли просто поровну, и долгое время использовали ее в качестве ссыльной тюрьмы. Со временем Кортес начал выгодно торговать с обеими своими метрополиями, любой прибывший на планету ссыльный при условии подчинения местным законам немедленно освобождался и мог начать новую жизнь. Законы, кстати, были довольно суровыми и двоякого толкования не предполагали. В официальном языке Кортеса, представлявшем собой гремучую смесь русского со спаником, понятие «адвокат» отсутствовало вообще. Теперь Империя отправляла на Кортес только осужденных впервые и только с их согласия. Желающие исправно находились: Кортес был неплохой альтернативой каторжным работам. Климатические условия на планете были вполне приемлемыми изначально, постоянно терраформировались новые участки территорий, земля была щедра к тем, кто прикладывал к ней руки. Кортес вовсе не являлся скудным краем несчастных людей. Дети ссыльных обладали всеми правами, могли принять гражданство любого из государств-патронов и в любой момент покинуть планету, достаточно было явиться в соответствующую миссию. К слову сказать, пользовались такой возможностью немногие. Большинство предпочитало спокойно жить на тверди, не отвлекаясь на далекие звезды.

– Ну так вот, как-то раз к нам заглянул офицер-мексиканец, и мы его угостили кофе. То есть это мы думали, что кофе, а парень на нас посмотрел с такой жалостью, что, веришь ли, плакать хотелось... А потом сварил сам. Вот после этого Степан и поклялся, что наизнанку вывернется, а научится варить такой кофе, что и мексиканцы кривиться не будут. Ты ведь на Санта-Марии служила, так что скажешь – научился?

– Научился, дед! – улыбнулась Мэри, потом взглянула на старинные настенные часы с кукушкой, торопливо отхлебнула из чашки и вскочила: – Все, я побежала переодеваться, а то опоздаю!

– А как же завтрак, Машенька, ты же не съела ничего! – жалобно воззвал Николай Петрович, но она уже исчезла, только прошелестели по лестнице легкие шаги. Внучка вообще для своего роста двигалась очень тихо, он еще третьего дня обратил на это внимание. Вчера в Академии за обедом (или, точнее сказать, вместо него) Николай Сазонов просмотрел стандартную программу подготовки бельтайнских пилотов, благо никакой тайны из этой программы Звездный Корпус не делал. Увиденное ошеломило старого адмирала. Даже если отбросить адаптацию организма к боевым коктейлям... даже если не принимать во внимание, что курс обучения начинается в пятилетнем возрасте... ничего себе! Как сказала бы Олюшка, «кошмарный ужас и ужасный кошмар». Тихо двигается, как же! Это она просто себя не утруждает. А постарается – так и вовсе никто не услышит. И не увидит. М-да...

Предмет его размышлений тем временем торопливо расправлял перед зеркалом кружевные воланы жабо. Как все это сложно, как все это нефункционально, как все это... нет, ну вот ведь понапридумывали! Показать этот наряд любому из Рафферти – засмеют, и правы будут. Ох, ну ладно, и так сойдет. Мэри выглянула в окно, – туман действительно начал рассеиваться, – увидела приземляющуюся машину, схватила с подоконника каскетку и перчатки и помчалась к выходу. Когда она выскочила на крыльцо, оказалось, что ее уже ожидает один из порученцев князя, такой же подтянутый молодой человек, как те, кто присутствовал при встрече в порту.

– Доброе утро, мисс Гамильтон. Прошу в машину. Его светлость распорядился приготовить для вас завтрак.

– Ну вот видишь, дедушка! – весело бросила Мэри вышедшему вслед за ней Николаю Петровичу. – Ираклий Давидович обо всем позаботился, так что не переживай! – с этими словами она торопливо чмокнула старого адмирала в свежесбрированную щеку и побежала к машине. Подтянутый молодой человек степенно пообещал графу, что все будет сделано в лучшем виде, и последовал за своей подопечной.

Чертов Луг оказался действительно лугом, размеры которого поражали воображение. Огромную пустошь, поросшую очень короткой, очень густой и очень упругой травой, во всех мыслимых и немыслимых направлениях пересекали узкие глубокие расщелины. Впрочем, ровного места для скачки тоже хватало. Казалось, кто-то специально позаботился о том, чтобы любители верховых прогулок имели развлечения на любой вкус. Однако сопровождающий заверил Мэри, что весь рельеф носит абсолютно естественный характер, если не считать, разумеется, огромный круг, предназначенный для скачек с препятствиями, и многочисленные конюшни. Возле одной из них и приземлилась машина. Парень, сообщивший по дороге, что его зовут Олег, но наотрез отказавшийся перестать называть свою спутницу госпожой Гамильтон, вышел первым и протянул ей руку. Мэри выскользнула из машины, с наслаждением втянула ноздрями пряный утренний воздух и осмотрелась. В отличие от Бельтайна, в северное полушарие которого уже пришла осень, окрестности Новограда переливались красками наступающего лета. Усыпанная какими-то мелкими цветочками трава радовала глаз, на светло-голубом небе не было ни облачка. Разбросанные кое-где купы деревьев переливались в лучах поднявшегося солнца всеми оттенками от темно-изумрудного до почти тарисситового. Мэри вздохнула, пробормотала: «Как же хорошо!» и поймала изумленно-радостный взгляд Олега. Должно быть, он не ожидал, что бельтайнка окажется в состоянии или в настроении оценить красоту этого места. Он даже собрался что-то сказать, но тут же отступил на шаг и вытянулся. От ближайшей конюшни к ним шел облаченный в черкеску князь Цинцадзе в сопровождении невысокого сухоощавого мужчины лет девяноста и трех конюхов, ведущих в поводу... ух ты! Да никак Рафферти своих коней и в Империю продают? Заметивший ее улыбку князь залихватски подмигнул (с его носом и усами зрелище было еще то), посерьезнел и самым официальным тоном провозгласил:

– Генерал-лейтенант Авдеев, разрешите представить вам пилота ноль двадцать два. Рекомендую – Мэри Александра Гамильтон!

Авдеев крепко пожал протянутую ему руку.

– До донесений Петра Савельева я вас представлял совсем по-другому, – признался он, внимательно рассматривая Мэри. – Вы совершенно не похожи на бельтайнку, не так ли?

– Не похожа, – кивнула она, – но все-таки я действительно летала на «Сапсане» и мой позывной действительно был ноль двадцать два. Я бы показала вам татуировку, но у этого редингота слишком узкие рукава, а снимать его мне не хочется – и так еле надела.

– Я верю вам на слово, майор, – одними губами улыбнулся Авдеев. Глаза его при этом оставались серьезными, и Мэри вдруг поняла, чем приглянулся Моргану этот ничем, казалось бы, не примечательный человек. Было очевидно, что бывший консул отличается непоколебимым спокойствием, хладнокровием и рассудительностью, не оставляющими его даже в самых пиковых ситуациях. – Тем более что веру в данном случае можно упомянуть только к слову, – продолжил он. – Я видел записи с «Александра», и на некоторых из них ваша татуировка видна совершенно отчетливо. Кроме того, некоторые подробности ареста Эрика ван Хоффа мог затронуть в разговоре только непосредственный участник событий. Я-то успел перекинуться парой слов с полковником Морганом при передаче нам арестованного... К слову сказать, до вашего разговора с Савельевым я был совершенно уверен, что ноль двадцать второй вычислил ван Хоффа, но в аресте не участвовал. По словам задержанного, его взяли хлыщ-картежник и прелестная молодая дама: ни один из них пилотом быть, по моим представлениям, не мог. Кстати, как поживает полковник?

– Несколько дней назад прекрасно поживал, – Мэри вдруг вспомнила, что даже не проверила, ответил ли дядюшка на ее сообщение, и слегка покраснела. – Думаю, вы знаете, сколько на Бельтайне сейчас работы именно для полицейских?

– О да! – улыбка Авдеева стала шире. – Могу себе представить. Знаете, майор, я бы, пожалуй, не согласился сейчас поменяться местами с полковником даже за годовое жалованье.

– Генри Морган тоже не согласился бы поменяться местами с вами, генерал: с месяц

назад назад он женился и ждет первенца, – усмехнулась Мэри.

Ираклий Давидович бесцеремонно прервал Авдеева, начавшего было просить Мэри при случае передать его поздравления со свадьбой и грядущим рождением наследника, и предложил сесть-таки в седла. Приготовленный для девушки молодой мерин, такой темно-гнедой, что в тени казался вороным, был отлично вышколен. Во всяком случае, почувствовав, насколько уверенные руки разобрали поводья, показывать норов он не стал, хотя по некоторым признакам она видела, что норова тут хватает.

– Признаюсь, Мария, я долго колебался, выбирая для тебя лошадь, – сказал князь, когда они неспешно двинулись по лугу. – Однако ты упомянула, что в поместье Рафферти, вместо того чтобы отлеживаться после ранения, много ездила верхом, и я подумал...

– Вы совершенно правильно подумали, Ираклий Давидович, – серьезно кивнула она. – Лошади чем-то похожи на корабли: в обоих случаях лучше иметь что-то, способное двигаться с любой потребной скоростью. Неважно, будете вы использовать возможности по полной программе или нет. Главное, чтобы эти возможности были. Только, с вашего позволения, скачек с препятствиями сегодня не будет: не хочу заставлять прыгать незнакомую лошадь. Или необлетанный корабль.

– Я полностью согласен с вами, мисс Гамильтон, – вступил в разговор генерал. – Кстати, я думаю, что вычисление и арест ван Хоффа были как раз тем случаем, когда вы полностью использовали возможности. Ваши возможности.

– Ну не скажите, – рассмеялась Мэри. – Что ни говори, а гоняться за господином ван Хоффом на «Сапсане» или, тем более, на корвете мне не пришлось.

Мужчины присоединились к ее смеху, после чего Авдеев задал давно, должно быть, занимавший его вопрос:

– А скажите, мисс Гамильтон... Если я правильно понял полковника Моргана, именно вы предложили отдать ван Хоффа нам. Чем вы руководствовались?

– Исключительно соображениями практичности и целесообразности. Его поначалу вообще пристрелить хотели сразу после поимки, но это было совсем невыгодно, и мне удалось убедить в этом Дядюшку.

– Кого, простите? – перебил ее собеседник.

– Дядюшку. А, вы, должно быть, не в курсе... «Дядюшка» – это позывной Генри Моргана. У меня «ноль двадцать два», а у него «Дядюшка». Это я его так назвала, еще когда он меня в монастыре вербовал. А что касается ван Хоффа... Повторяю, наиболее целесообразным на тот момент было передать его Империи. Передать Империи, а не продать кому-то еще, хотя кое-кто, пожалуй, заплатил бы за него немалые деньги. Но деньги у полиции Бельтайна на тот момент уже были, это вам не история с Мерканто, когда Дядюшке не хватало именно средств. А вот связи были отчаянно нужны. И даже не сами связи, а чтобы кто-то, обладающий влиянием в интересующей нас области, оказался нам немножко должен. И, например, намекнул новоархангельским верфям, что полицию Бельтайна не стоит засовывать в самый конец очереди желающих приобрести «Сапсаны». – Мэри усмехнулась. – Голый расчет. Я уже говорила Ираклию Давидовичу, что свои действия в первую очередь соотносила с интересами Бельтайна. Однако хорошая сделка должна быть выгодна обеим сторонам, и передача ван Хоффа Империи была именно хорошей сделкой. Мы хотели с гарантией от него избавиться, вы хотели с ним пообщаться, все честно... Опять же, после вашего вмешательства нас на верфях Ново-Архангельска всегда принимали как родных... – Мэри лукаво улыбнулась.

– Потрясающе, – покачал головой генерал. – Голый расчет, говорите? Ничего не имею против такого расчета. Но вот что интересно: вам тогда, если мне память не изменяет, не было и семнадцати лет. Знаете, мисс Гамильтон, не от всякого три-дцатидвухлетнего можно услышать такие рассуждения. Многие и к восьмидесяти не додумаются. Примите мои поздравления.

Мэри с достоинством склонила голову, и они продолжили прогулку. Шаг, рысь, легкий галоп, снова шаг... Прохладный утренний воздух, заставляющий кровь приливать к щекам...

Мир и покой, царящие вокруг... Сказка! А что генерал Авдеев, судя по всему, задался целью вытянуть из нее точку зрения по любым вопросам, начиная от причин тех или иных действий в разных ситуациях до кулинарных предпочтений... Похоже, предложение князя Цинцадзе помочь с трудоустройством остается в силе, и сейчас ее аккуратно прощупывают, не особенно, впрочем, скрываясь. Пожалуй, оно и к лучшему: не все же ей по магазинам и салонам красоты бегать, пора и чем-то серьезным заняться. Сколько можно бездельничать?

Глава 11

Интересная штука – власть. Маленьким мальчиком Костя мечтал о том дне, когда к нему будут обращаться «ваше императорское величество». Обязательно будут, а как же иначе? Дед, которого он видел редко, казался ему небожителем. Но шли годы, и постепенно наставникам удалось донести до него простую, в сущности, мысль: власть – это прежде всего работа. Это ежедневный изматывающий труд. И еще: тот, кто рвется к власти, совершенно не годится для того, чтобы ею обладать.

Константину было двадцать пять лет, когда его отец стал императором. К этому времени он уже не считал перспективу подписывать документы одним лишь именем такой уж блестящей. И быстро понял, что время стычек с отцом и демонстрации сходного характера прошло. Император – коренник, и ему нужна толковая пристяжная, тут уж не до мальчишеских выходов вроде хлопанья дверьми и громогласных деклараций независимости. А еще его свежеиспеченному императорскому высочеству стало ясно, что он один в качестве пристяжной – это хорошо, но совершенно недостаточно.

Именно так и возник около десяти лет назад Малый Совет. Поначалу Ираклий Давидович Цинцадзе счел эту идею опасным фрондерством. Но заговором против императора или Империи в Совете и не пахло, в этом старый лис мог поручиться своим знаменитым нюхом. Великий князь собрал вокруг себя людей молодых и разносторонне одаренных. Самому старшему, тогда еще капитану третьего ранга Петру Савельеву было сейчас пятьдесят. Самому молодому, год назад вошедшему в Совет статистику и социологу Иннокентию Власову – двадцать три. Военные и юристы, ученые и коммерсанты, инженеры и врачи... Модель Империи в миниатюре. И князь Цинцадзе ничуть не удивился, когда, посоветовав его высочеству обратить самое серьезное внимание на умение контр-адмирала Корсакова разбираться в людях и ситуациях, услышал в ответ:

– Петр Иванович уже докладывал мне. Думаю, Никита Борисович нам подходит.

* * *

Внезапно Мэри встревожилась. У нее противно засосало под ложечкой, что-то зазвенело на самой границе слуха, и практика показывала, что это неспроста. Никаких видимых причин для беспокойства не было, но своему чутью она привыкла доверять. Продолжая невозмутимо общаться с Авдеевым и время от времени подающим реплики Ираклием Давидовичем, она исподтишка огляделась по сторонам. На первый взгляд все было в порядке. Метрах в пятидесяти позади них неспешно двигалось сопровождение, впереди справа показалась еще одна кавалькада, более многочисленная. Явного эскорта Мэри не видела, впрочем, вряд ли эта группа нуждалась в телохранителях – мужчины, входящие в нее, поголовно были молодыми офицерами, или она вообще ничего не понимает в людях. Единственным исключением из этого правила был мальчик лет двенадцати, замыкающий кавалькаду. Две дамы в пышных юбках восседали на лошадях как-то боком, с точки зрения Мэри – в очень неудобной и, главное, небезопасной позе. Должно быть, на лице у нее что-то отразилось, потому что проследивший за ее взглядом Авдеев понимающе усмехнулся:

– Вы никогда не видели, как ездят в дамском седле?

– Никогда. По-моему, непрактичная конструкция.

– По-моему, тоже, но несколько лет назад возникла такая мода. Теперь многие девицы из тех, кто кичится своим происхождением, полагают хорошим тоном кататься верхом именно так.

Мэри раздраженно пожала плечами:

– Не понимаю, что толку в происхождении, если, свернув себе шею, не оставишь потомства?

– Ты злишься, Маша? – вступил в разговор Цинцадзе. – Почему?

– Я вряд ли смогу рационально объяснить, Ираклий Давидович. Опасность. Я ее чувствую.

Авдеев покровительственно усмехнулся, но князь отнесся к словам спутницы со всей серьезностью.

– Опасность для нас?

– Не уверена... – Мэри пристально вглядывалась в приблизившуюся беспечную кавалькаду. – Что-то назревает, но я не могу понять, что. Знаете, в Корпусе мой наставник по рукопашному бою употреблял выражение грубое, но точное: «Такая задница, что ты согласишься стать дерьмом, лишь бы из нее выбраться». Сдается мне, что в самое ближайшее время тут начнется что-то вроде этого.

– Успокойтесь, мисс Гамильтон, здесь не может случиться ничего серьезного, – начал Авдеев. – Чертов Луг защищен ничуть не хуже император-ского дво..

Не слушая его, она выслала своего коня вперед, с места бросая в галоп – туда, где под отставшим от кавалькады мальчиком внезапно заплясала серая в яблоках кобыла.

Казалось, мир вокруг стал дискретным, разбился на вспышки, двигаясь в одном ритме со скачкой гнедого.

Вспышка!

Кобыла встает на дыбы, мелькают в воздухе копыта, взрослые начинают придерживать коней, недоуменно оглядываясь...

Вспышка!

Кобыла опускает передние ноги, начинает бить задом, смещаясь в сторону от кавалькады, и вдруг срывается с места...

Вспышка!

Да быстрее же, черт возьми, они еще ничего не поняли, они не сообразят, не успеют...

Вспышка!..

Обезумевшая серая неслась не разбирая дороги прочь от людей. Мэри следовала за ней, сомневаясь, что предпринять. Насколько проклятая животное воспринимает действительность? Не выкинет ли она что-то еще, если обогнать мальчишку и попытаться перекрыть ей путь? Как быстро она устанет? Как быстро устанут руки у ее всадника? А ведь впереди расселины, паренек не контролирует лошадь, совсем не контролирует. Где и когда она решит прыгать? Да и решит ли? А вдруг встанет на краю как вкопанная, и всадник, не удержавшись, перелетит через ее голову? Мгновение спустя она получила ответ на свой вопрос: кобыла перемахнула на другую сторону, не обратив внимания на препятствие. Мальчик подскочил в седле и стал опасно сползать влево, должно быть, потерял в момент прыжка стремя...

Теперь ее очередь. Не хотела заставлять прыгать незнакомую лошадь, так получай же... А, была не была! Мэри дала своему коню шенкеля, он птицей перелетел через расселину, но секундное колебание обошлось ей в потерю скорости, которую теперь снова надо было набирать. Следующая расселина быстро приближалась. По прикидкам бельтайнки, она была шире предыдущей. Хуже того, слева почти параллельно ей начиналось ограждение круга для скачек с препятствиями. Хотя это еще как посмотреть, что тут лучше, а что хуже. Если зажать кобылу между корпусом мерина и оградой... опасно для ног мальчишки... а что делать?! И девушка решила, что настал момент действовать. Легко сказать! Гнедой нагонял кобылу, но медленно, медленно, а расселина была все ближе...

Отчаянно надеясь, что она не ошиблась, что под ней действительно гунтер Рафферти, Мэри выкрикнула на кельтике затейливое ругательство, которому научил ее Джереми. По его словам, эта короткая фраза должна была заставить любую лошадь, вышедшую из их конюшен, прибавить ходу, даже если это кажется невозможным. И конь услышал ее. Он рванул вперед так, что в самую последнюю секунду успел-таки влететь между кобылой и расселиной, оттесняя лошадь от смертельной пустоты. Мэри даже поначалу проскочила дальше, чем рассчитывала, поэтому слегка придержала повод, выравнивая скорости. Покосилась на паренька. Плохо дело. Кажется, серая начала уставать, но до того, как она остановится, мальчишка десять раз успеет свалиться. Торопливо связав поводья узлом, чтобы не попали под копыта, она подала коня влево, почти вплотную к мчащейся кобыле и, свесившись с седла и уцепившись правой рукой за гриву, протянула левую, принаравливаясь, как бы половчее схватить всадника.

– Слушай меня! – рявкнула она. – Верь мне! Ноги из стремян! – и, увидев, что он послушался: – Бросай поводья!

В следующий миг она обхватила паренька под мышки, выдергивая из седла, притягивая к себе и резко откидываясь вправо, чтобы скомпенсировать его вес. Грудь пронзила дикая боль, мышцы спины взвыли, в глазах потемнело. Но кобыла была уже далеко, а вцепившийся в редингот Мэри мальчишка, кажется, начал приходить в себя. Мерин замедлил бег, повинаясь натянутому поводу и увеличившейся нагрузке, и, наконец, пошел шагом. Медленнее. Еще медленнее. Остановился, прерывисто дыша и тяжело поводя боками. С морды на траву падали хлопья пены.

– Ты как? – прохрипела Мэри. – Стоять можешь?

Мальчик пробормотал что-то не слишком внятное, но явно утвердительное, и она отпустила его и сползла с седла вслед за ним, шипя и охая сквозь зубы. На некотором расстоянии от них, чтобы не напугать и без того нервничающую лошадь, осадил своего каурого князь. Спрыгивали с седел мужчины, с которыми ехал мальчик, становилось тесно и шумно. Кто-то уже подхватил ее коня под уздцы и увел прочь от толпы.

– Что у тебя случилось? – встряхнула Мэри за плечо своего невольного спутника. – Почему?..

– Не знаю, – было видно, что он изо всех сил старается взять себя в руки. – Я не знаю, сударыня, я всегда беру эту лошадь и никогда раньше... Она такая спокойная...

– Спокойная? Ну-ну... А кто ты такой? – бросила она, удерживая его взгляд своим и делая свободной рукой недвусмысленный жест. Верно понявшие ее люди не вмешивались в разговор, хотя князю Цинцадзе – она видела краем глаза – сдержанность давалась с большим трудом.

– Меня зовут Кирилл Сумской, – представился паренек.

– Сумской... Так, поставим вопрос иначе: кто твой отец?

– Мой отец – граф Федор Сумской, он наместник на Орлане.

– И как наместничество? Спокойное? – продолжала Мэри, пытаясь поймать за хвост мелькнувшую в голове мысль.

– Да я бы не сказал, – как-то очень по-взрослому усмехнулся мальчик. – Нас сестрами на Кремль отправили...

– Угу. Ты молодец, Кирилл, – Мэри ободряюще улыбнулась. – Не каждый в такой ситуации услышит приказ и выполнит его. Граф Сумской может гордиться своим сыном. Молодец, – повторила она и повернулась к напряженно глядящему на нее Цинцадзе:

– Ираклий Давидович, немедленно проверьте весь персонал конюшни, просто так породистые лошади не бесятся. Кто кормил, кто седлал, кто что видел... ну, вам виднее. А здесь срочно требуются ветеринар, врач и взвод охраны.

– Мне не нужен врач! – вскинулся Кирилл, выворачиваясь из-под ее руки.

– Мне нужен! – отрезала Мэри. – Я здорово потянула спину, стаскивая тебя с седла. Ясно, герой?

– Маша, как ты себя чувствуешь? – князь был не на шутку встревожен.

– Прекрасно я себя чувствую! – огрызнулась она. – Вы отдали приказ о проверке? Время уходит!

– Мисс Гамильтон, – вступил в разговор Авдеев, – здесь не Бельтайн и...

– Вот именно, здесь не Бельтайн! – вспыхнула Мэри. – Будь здесь Бельтайн, соответствующие приказы отдала бы лично я, и они, черт возьми, уже были бы выполнены, а тут приходится обращаться к тем, кто имеет такое право, и надеяться, что они сначала сделают, а спорить будут потом!

– Приказ о проверке отдан, сударыня, – подошел поближе молодой мужчина чуть старше Мэри. Перед ним расступались. – Охрана уже здесь, врач и ветеринар тоже вот-вот придут. У вас все в порядке? Вы очень бледная.

– Все нормально... – «ваше высочество», негромко подсказал из-за ее спины Цинцадзе. – Все нормально, ваше высочество, просто я, должно быть, слишком резко дернула Кирилла и потревожила шрамы...

Ираклий Давидович потрясенно выдохнул:

– Шрамы?! Ах я, старый... Мария, сядь немедленно, слышишь?!

Мэри криво усмехнулась, но послушалась – делать вид, что ей не больно, сил уже не было. Спину ломило, дышала она с трудом, вспышка в адрес Авдеева, видимо, исчерпала ресурсы организма. Присев, она огляделась. Похоже, дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Над краем расселины снизилась машина, из нее чуть ли не на лету выпрыгнул человек в форме медицинской службы и поспешил к ним. За лошадиными крупами мелькали охранники, большой кар с синим крестом медленно двинулся в сторону, куда ускакала кобыла.

– Так, что тут у нас? – деловито осведомился подбежавший медик.

– Кириллу Сумскому необходимо противошоковое, – начала было сидящая на земле Мэри, но Цинцадзе ее перебил:

– Думаю, майору Гамильтон помощь нужнее: некоторое время назад она была ранена и...

– Какого рода рана? – капитан медслужбы уже доставал из чемоданчика сканер и укладывал девушку на траву.

– Пулевая, в грудь навывлет, – ответила Мэри, понимая, что отвертеться не удастся.

– Давно?

– С месяц.

– Что-о?! Месяц назад вам продырявили грудь, – медик водил сканером вдоль ее тела, – и вы носитесь галопом и принимаете нагрузку на простреленные мышцы? Черт знает, что такое! Откуда вы родом, сударыня?

– Планета Бельтайн в системе Тариссы, – усмехнулась, чтобы не застонать, Мэри, послушно переворачиваясь на левый бок. – А зачем вам это знать?

– Затем, майор, что теперь всякий раз, встретив законченного психа, я буду интересоваться, не с Бельтайна ли он! Так, более или менее мне все ясно. Ваша светлость, вы прибыли на Чертов Луг в лимузине?

– Да, – кивнул Цинцадзе. – Он остался возле конюшен.

– Не могли бы вы вызвать его сюда? Госпоже Гамильтон нужна помощь, но для этого требуется снять с нее редингот и сорочку и уложить поудобнее. И потеплее, холодная земля – не лучший вариант для растянутых мышц спины.

Великий князь Константин подал почти неуловимый знак и несколько мужчин тут же сбросили рединготы и черкески. Через минуту Мэри переместили на импровизированное ложе. Сразу стало гораздо удобнее. Константин уселся на землю так, чтобы она могла видеть его, не напрягая шею.

– Майор, я могу задать вам несколько вопросов, пока лимузин князя еще не прибыл?

– Конечно, ваше высочество, – улыбнулась она. Краски постепенно возвращались на ее лицо, мимика стала менее напряженной.

– Как вы сообразили, что творится неладное? Вы метнулись к Кириллу чуть ли не

раньше, чем кобыла понесла.

– Я... не знаю. Мне показалось, что... В Корпусе это называют «нюхом на жареное», хороший пилот должен чувствовать опасность до того, как она реализуется. Видеть невидимое, слышать неслышимое... Нас учат этому, не всех, конечно, только тех, кто имеет способности. Они же потом становятся командным составом и держат сцепку. Моя родина довольно странный мир, ваше высочество. Мир, разделенный на военных и гражданских генетическим отбором. Между линейными и нелинейными хватает границ, и одна из них проходит по восприятию окружающей действительности. Кельты – народ суеверный и чувствительный к тонким материям, но Линии признают только технику. И при этом в Корпусе старательно развивают интуицию у тех, кто, несмотря на предельно техногенное воспитание, сохранил способность чувствовать. Никогда не понимала, где здесь логика... – Мэри попробовала пожать плечами и поморщилась. – Кстати, о логике. Думаю, в данном случае не было покушения именно на убийство. Слишком ненадежный способ.

– А что же, по-вашему, это было? – Константин был явно заинтересован разговором и ходом рассуждений своей лежащей собеседницы.

– Думаю, мальчика хотели напугать. И даже, может быть, не его самого, а его отца. Дескать, и на Кремле до твоего наследника дотянемся... наверное, как-то так.

– Вы рассуждаете, как хороший полицейский, – улыбнулся Константин.

– А я и есть полицейский. В том числе. Хороший или плохой – не мне судить, но в полиции мне послужить довелось.

Лимузин Цинцадзе уже приземлился, но подошедший врач не рисковал прерывать разговор.

– Хороший, – великий князь утвердительно кивнул. – И офицер хороший. Я не сразу узнал вас в штатском, но выжимки репортажей с Бельтайна я видел. Ладно, не буду мешать доктору делать его работу. Вы позволите мне вас навестить?

Мэри кивнула, приподнялась на локтях, с двух сторон к ней бросились мужчины, помогли, поддержали, и она скрылась в лимузине. Запрыгнувший следом врач захлопнул дверцу.

– Да-а... – протянул Константин, – дела.

Подошедший Кирилл – мальчик выглядел уже гораздо лучше – обратился к князю Цинцадзе:

– Ваша светлость!

– Слушаю вас, юноша, – обернулся тот.

– Мы с сестрами хотели бы нанести визит майору Гамильтон, поблагодарить... Конечно, не сегодня, – торопливо уточнил паренек, увидев, как нахмурился князь, – как-нибудь на днях. Где она живет?

– Мисс Гамильтон живет в доме своего деда, адмирала флота графа Николая Сазонова. Думаю, у вас не возникнет проблем ни с адресом, ни с визитом. Только предупредите заранее. Насколько я успел узнать мисс Гамильтон, отдохнуть после сегодняшних событий она будет раз в пять меньше, чем следовало бы.

– Благодарю вас, ваша светлость, – поклонился мальчик и отошел к одной из девушек в пышной юбке. Девушка всхлипывала, но при этом с напряженным вниманием следила глазами за великим князем. Цинцадзе мельком подумал, что интерес, проявленный его высочеством по отношению к Мэри Гамильтон, Ирине Сумской определенно не понравился.

– В доме деда? – негромко проговорил Константин. – По какой линии?

– По линии старшего сына, – пояснил Цинцадзе.

– А почему в таком случае она Гамильтон?

– Родители не успели пожениться. Это длинная история, Константин Георгиевич. Длинная история любви двух достойных людей, войны, разрушившей их счастье, и маленькой девочки. Девочки, которая родилась после смерти отца и не помнит мать, протаранившую вражеский корабль, когда дочке было полгода. Какие, однако, интересные вензеля порой сплетает судьба: ведь именно на Орлане погиб полковник Александр

Сазонов... А сегодня его дочь сохранила наследника тамошнему наместнику.

– Понятно, – Константин на секунду задумался. – Вы сказали – в доме деда. Означает ли это...

– Означает, – кивнул Цинцадзе. – Сегодня в три часа пополудни я представлю на рассмотрение его величества прошение графа Сазонова об официальном признании его внуки. Семья приняла ее и граф намерен закрепить это внесением девушки в Книгу Родов.

– Хорошо. Вы сказали, в три пополудни? Я буду там и добавлю свои пять копеек. Людей, могущих принести пользу Империи, следует привлекать и удерживать всеми возможными способами, а майор Гамильтон, несомненно, будет полезна Империи.

Выбравшийся из лимузина врач привлек к себе внимание деликатным покашливанием:

– Я сделал несколько инъекций, ваша светлость, и мышцы спины удалось расслабить. Также я ввел обезболивающее. Но я бы рекомендовал майору Гамильтон визит к хорошему массажисту, а еще лучше – полный курс массажа. Если, конечно, удастся ее убедить придерживаться моих рекомендаций.

– Убедим, – кивнул Цинцадзе, а Константин добавил:

– Массажиста я пришлю.

Из лимузина Мэри вывели под руки. Она пыталась протестовать, но тщетно: судя по всему, ее сопровождающие получили совершенно недвусмысленный приказ и не собирались его нарушать. Заметивший, должно быть, посадку машины Степан уже бежал по дорожке, проявляя прыть, которая казалась невозможной для человека его возраста.

– Мария Александровна! Да как же это... Да что ж такое... А вы-то, вы-то куда смотрели! – напустился он на Олега и Валентина, его напарника. Парни молчали, даже не пытаясь оправдываться.

Мэри попробовала урезонить дворецкого, но тут на крыльце показалась бабушка. Как ни странно, она не стала ни заламывать руки, ни причитать. Только тяжело вздохнула, покачала головой, осведомилась, смотрел ли внуку доктор, и велела немедленно вести ее наверх. Робкая попытка девушки возразить под предлогом того, что она проголодалась, была пресечена в зародыше:

– В постели пообедаешь. Что? Массажист? Тогда после массажа. Маша, не спорь. – И Мэри почла за лучшее послушаться.

Массажист явился через полчаса. Невысокий щуплый мужичок неопределенного возраста бодро командовал двумя громилами лет по двадцать пять, один из которых нес складной массажный стол, а другой – необъятных размеров чемодан. Стол разложили прямо в ее комнате, после чего мужичок, говоривший глубоким оперным басом, вежливо, но непреклонно выставил Ольгу Дмитриевну за дверь. Вслед за ней вышли и подручные личного массажиста его высочества.

– Раздевайтесь, сударыня. Совсем. Не надо меня стесняться, я такой же врач, как любой из докторов, с которыми вам доводилось общаться. Погодите, не ложитесь. Так, понятно. Когда это произошло? Вот это да! Прекрасная скорость регенерации, с чем я вас совершенно искренне и поздравляю. Но все-таки таскать мальчишек из седла на полном скаку вам не стоило, да-с. Пожалуйте на стол. Сначала на спину. Не беспокойтесь, больно не будет.

Руки врача оказались неожиданно сильными и почти горячими. Больно действительно не было, от его ладоней по телу разливалось мягкое тепло. Все, что было в этом теле напряженного, как будто таяло, растекалось от умелых манипуляций, как мороженое в теплой комнате. Приятный аромат используемых массажистом притираний кружил голову. Хотя Мэри, если бы ее спросили, затруднилась бы сказать, пахнет парфюмерией или все-таки фармацевтикой. Она не заметила, как заснула.

Проснувшись, Мэри обнаружила, что по-прежнему лежит на массажном столе, по бокам которого предусмотрительно подняты невысокие бортики. Сам стол был опущен на высоту обычной кровати, и никаких проблем с тем, чтобы встать, не возникло. Точнее, не возникло бы, если бы от окна не донеслось тихое аханье. Она обернулась, подхватывая

сползшее одеяло, которым ее заботливо укрыли по окончании процедуры, но было уже поздно. На чем свет стоит ругающая себя за расслабленность и невнимательность Мэри увидела встающую с кресла бабушку.

– Машенька... – как можно говорить так твердо таким дрожащим голосом, осталось для бельтайн-ки загадкой. Да, дорогуша, учиться тебе еще и учиться. – Машенька, подойди ко мне.

Внучка повиновалась, на ходу поддергивая одеяло и надеясь, что Ольга Дмитриевна посмотрит на спину и на том успокоится. Но обмануть внучку, дочь, жену, мать и бабушку офицеров ей, конечно, не удалось.

– Ну-ка, покажи, – непререкаемо потребовала графиня. – Ясно... а я-то все голову ломала, что случилось на банальной верховой прогулке с совершенно здоровой девицей и зачем Трофим Иванович меня из комнаты выставил. Николай Петрович знает? Ну конечно, знает. И как долго вы меня собирались за нос водить?

– Бабушка, ты только не волнуйся! – заторопилась Мэри. – Все уже зажило, а со временем и рубцов не останется. Правда-правда, у меня организм такой, на мне все, как на собаке...

– Молчи уж, горе мое! – в сердцах бросила пожилая дама. – Как на собаке... Конспираторы! Машенька, ты не переживай за меня. Такая уж у меня должность – беспокоиться. Может быть, потому у меня дети и внуки такие хладнокровные, что я за всех вас беспокоюсь, как думаешь?

Мэри неуверенно улыбнулась. Кажется, пронесло. А что, если?..

– Бабушка, – начала она. – А ты хотела бы познакомиться с Софией? С другой моей бабушкой, маминой мамой?

– Конечно, – с достоинством кивнула Ольга Дмитриевна. – Ты можешь это устроить?

– Могу. Только оденусь сперва, ей ведь тоже эту мою... гм... красоту не показывали, – с этими словами она натянула домашние штаны и куртку и под села к терминалу. Личный вызов... только бы бабушка была не в корабле... ага.

– Здравствуй, Мэри! – радостно улыбнулась внучке София Гамильтон. – Как ты? Это твой новый дом?

– Да. Это мой новый дом. А это, – перейдя на уник, Мэри слегка посторонилась перед экраном, чтобы дать место графине, – моя бабушка Ольга, мама отца. Я думаю, вам найдется, о чем поговорить.

София медленно кивнула, не сводя глаз с несостоявшейся сватки.

– Я рада, – тихо сказала она.

Мэри выскользнула за дверь.

Кабинет был огромен и светел, с необъятным столом, доброй дюжиной кресел и занимавшим почти целую стену экраном. Несколько со вкусом подобранных морских пейзажей играли красками, даря отдых глазам. Высокие, под потолок, шкафы были сплошь заставлены антикварными книгами. Разумеется, уже несколько столетий человечество пользовалось для чтения компьютерными терминалами, но периодически сменяющиеся хозяева кабинета могли себе позволить маленькие (или большие) прихоти. Одной из них и было чтение древних книг. Правда, как на всякую прихоть, времени на нее, как правило, не хватало, и это было грустно. Но неизбежно, потому что этот конкретный кабинет в императорском дворце принадлежал непосредственно его величеству. Который и сидел сейчас во главе стола, кивая чему-то, что говорил ему сын и наследник. Ираклий Давидович, прекрасно помнивший дни, когда наследником – новорожденным! – был ныне царствующий Георгий IV Михайлович, приостановился в дверях, с удовольствием наблюдая за отцом и сыном. Были, и еще сравнительно недавно, времена, когда сходство характеров и фамильная вспыльчивость обоих доставляла немало хлопот и им самим, и окружающим. К счастью, это осталось в прошлом. Когда двенадцать лет назад Георгий вступил на престол, сменив на нем достигшего шестидесятилетнего возраста родителя, Константин, должно быть, почувствовал

ответственность, свалившуюся на его плечи первого наследника. Кстати, у него были изрядные шансы остаться единственным, как в свое время у отца. При всем совершенстве медицинских технологий, позволяющих иметь ребенка того пола, который требуется, в императорской семье и вообще в Империи традиционно следовали естественным путем. «Кого Бог пошлет!» – говорили здесь, поэтому появлению мальчика радовались, но совершенно не огорчались, если рождалась девочка. Правила престолонаследования передавали трон достойнейшему, и в свое время Государственный Совет признал таковым деда Георгия, мужа одной из великих княжон. Императорская семья была многочисленна и имела связи не только с наиболее знатными родами Империи, но и с представителями других государств. В частности, рано овдовевший Георгий Михайлович около десяти лет назад женился на уроженке Санта-Марии, родившей ему уже трех крепких мальчишек, которых старший сводный брат Константин обожал. Мать он помнил смутно, а к мачехе, бывшей моложе его, относился с добродушной учтивостью. Ираклию Давидовичу было доподлинно известно, что вторым браком императора были довольны далеко не все и кое-кто даже попытался высказать эту точку зрения Константину... Что ж, результаты медицинского освидетельствования неосторожного говоруна изрядно повеселили князя Цинцадзе. У его высочества были свои недостатки, и как повернется дело, когда Георгий Михайлович решит удалиться на покой, еще бабушка надвое сказала, но в целом глава службы безопасности считал, что таким сыном, как Константин, вполне можно гордиться.

– А вот и Ираклий Давидович! – его величество развернулся лицом ко входу в кабинет и сдержанно улыбнулся. – Проходите, князь. Чем порадуете – спрашивать не буду, радостного у нас сегодня мало. Присаживайтесь, присаживайтесь, в ногах правды нет. Мда... Покушение на Кирилла Сумского... вы уж простите за прямоту, но это дело – изрядный щелчок по носу вашей службе. А не оказалось бы там этой бельтайнки с ее пресловутым «нюхом на жареное»? Кстати, она действительно что-то почуяла еще до того, как лошадь мальчика взбесилась?

– Действительно, государь. Она вдруг забеспокоилась, начала оглядываться и даже, я бы сказал, именно принюхиваться. Упомянула об опасности. А потом рванула так... Я сперва подумал, что и с ее конем что-то случилось.

– Это точно, – вступил в разговор Константин. – Скакала майор Гамильтон, как сам дьявол. Великолепное было зрелище, жаль, в подробностях рассмотреть не получилось.

– У меня есть записи со сканеров слежения. Желаете посмотреть?

– Позже, князь, – качнул головой император. – Сейчас меня интересует, что успели выяснить по делу о покушении.

– К несчастью, немного. Человек, готовивший к прогулке лошадь Кирилла Сумского, устроился на работу около месяца назад. Его предшественник утонул во время рыбалки на Осетре. Никаких подозрений его смерть не вызвала, тело кремировали, теперь уже не подкопаешься. Новый конюх представил великолепные рекомендации и, кстати, действительно виртуозно обращался с лошадьми, это подтверждают все его коллеги. Проверки на самом высоком уровне его документы не выдержали, однако фальшивка была сделана превосходно и, насколько можно судить в данный момент, не в Империи. Сам он после того, как оседлал кобылу для младшего Сумского, сослался на недомогание и был отпущен домой, где его и нашли мертвым. Копаем, ищем связи... Самая вероятная версия – сепаратисты Орлана, но должен быть кто-то еще, судя по не нашей выделке документов.

– Понятно, – нахмурился император. – А что с лошадью?

– Пластырь. Пластырь под седлом, намазанный какой-то хитрой дрянью, которая всасывается при разогреве и довольно быстро разлагается на без-обидные составляющие. При достижении определенной концентрации заставляет живое существо – не обязательно лошадь – взбеситься. Кстати, в сам пластырь она почему-то не впиталась вообще. Эксперты подготовили краткую справку... Самое скверное, что если бы кобылу не поймали и не проверили на месте, а отпустили или просто пристрелили бы и промедлили с анализом хотя бы час, никаких следов бы не осталось. А ведь именно таким был наиболее вероятный

вариант развития событий, если бы мальчик упал. Пока бы еще до лошади руки дошли...

– Породистые лошади просто так не бесятся... – пробормотал Константин. – Это я цитирую.

– Я заметил, ваше высочество, – скривился Цинцадзе. – И источник цитирования узнал. Вы молодец, быстро сообразили, быстрее меня. А ведь вы мисс Гамильтон встретили только сегодня. Кстати, мне любопытно, почему вы, не задумываясь, выполнили ее просьбу?

– Ну, допустим, на просьбу это походило мало, – наследник престола слегка пожал плечами. – Скорее это был приказ. Приказ человека, который знает, почему его отдает. Не блажь, не истерика, а закономерное следствие заданных вопросов и выслушанных ответов. Да и определенную информацию об этой молодой даме я получил отнюдь не сегодня. Она мне вообще понравилась, эта ваша майор Гамильтон.

– Ну не то чтобы моя... Хотя и моя тоже. Ваше величество! – обратился Ираклий Давидович к императору. – Угодно ли будет вам рассмотреть прошение графа Николая Сазонова?

– Прощение? – приподнял брови хозяин кабинета.

– Говорите, князь, – подбодрил Цинцадзе его высочество. – Я подумал, что этот вопрос вы пожелаете осветить лично.

Глава службы безопасности благодарно кивнул.

– Государь, – начал он. – На днях в семействе адмирала Сазонова некоторым образом случилось прибавление. Его старший сын, полковник Александр Сазонов, как вам, должно быть, известно, погиб на Орлане. Незадолго до смерти он сообщил родителям о своем намерении жениться, но вот о беременности невесты ничего не сказал, поскольку и сам не знал. И она не знала, подтверждение было получено ею одновременно с известием о гибели жениха. Поэтому Мария Александровна Сазонова – или, если угодно, Мэри Александра Гамильтон – родилась на Бельтайне, родине матери. Совсем ребенком осталась круглой сиротой. Воспитывалась бабушкой с материнской стороны, капитаном ВКС в отставке. Потом к воспитанию подключились вооруженные силы Бельтайна, монастырь Святой Екатерины Тариссийской и тамошняя планетарная полиция, в которой Мэри Гамильтон служила с момента окончания Звездного Корпуса и до поступления в Академию Свободных планет на Картане. По окончании с отличием Военного факультета была служба в ВКС, блестящая служба, следует отметить. До самого последнего времени майор ничего не знала об отце и его семье. И они тоже не знали. Все выяснилось совершенно случайно: я пожелал лично пообщаться с заинтересовавшим меня бельтайнским офицером. Как всегда, не стал предварительно смотреть изображения и чуть самым постыдным образом не упал в обморок, увидев перед собой почти точную копию покойного крестника.

– Даже так... – задумчиво протянул император. – Знаете, князь, не будь мы с вами знакомы столько лет, я бы решил, что вы мне пересказываете сюжет телосериала, которые так лихо производят на родине ее величества.

Цинцадзе развел руками. Император усмехнулся.

– Угу. А чем же, позвольте спросить, вас заинтересовал именно этот офицер?

– Извольте ознакомиться, ваше величество, – Ираклий Давидович вставил принесенный с собой кристалл в настольный терминал. – Вкладка «Заслуги перед Империей».

Георгий Михайлович развернул виртуальный дисплей. Константин пристроился за спинкой отцовского кресла и тоже начал читать. Несколько минут в кабинете царила тишина. Цинцадзе пытался убедить себя в том, что не волнуется. Совершенно не волнуется. Не будет он пока ничего говорить, пусть уж лучше дела Марии говорят за нее, а вот если этого вдруг не хватит... да что за вздор, как их может не хватить? Между тем император закончил чтение вкладки, покосился на сына – тот утвердительно кивнул – и перешел к основной части досье. Некоторые страницы он пролистывал быстро, другие читал медленно и внимательно, время от времени возвращаясь к голоснимку майора Гамильтон при всех наградах. Насколько мог видеть со своего места Цинцадзе, особенно его величество заинтересовал раздел, посвященный обстоятельствам, при которых Мэри стала

обладательницей титула «Госпожи, сохраняющей преемственность». Что ж, ничего удивительного: отношения двух империй были равными, но прохладными, связи девочки на высшем уровне Бэйцзина могут очень и очень пригодиться. Иногда Константин протягивал руку, привлекая внимание отца к тому или иному моменту, тот сдержанно кивал. Наконец Георгий Михайлович свернул экран и задумчиво скрестил руки на груди.

– Любопытно. Более чем. Желаете продемонстрировать что-нибудь еще?

– Если вашему величеству будет угодно... взгляните сюда, – Цинцадзе вывел изображение на большой экран и запустил тот самый голоролик, который ему переслал Савельев. – Вот так майор летает. А это уже на «Александре». Обратите внимание на осанку и походку. Через пару минут мисс Гамильтон упадет замертво и понадобится все мастерство Станислава Тищенко, чтобы, как он сам выразился, оттащить ее от райских врат. А разве по ней скажешь? Порода, никуда от нее не денешься, что бы там ни говорили разного рода демократы. Так, это в рубке, расчет курса для преследования эскадры Саммерса. По поводу этого курса все Четвертое крыло Экспедиционного флота никак не может решить, молиться или материться, но и то и другое делает с большим чувством, – в этом месте слушатели дружно усмехнулись, и князь потихоньку перевел дух. – Копии разошлись по всем кораблям, и теперь изучаются самым пристальным образом. Один экземпляр передали на Штурманский факультет Академии, там тоже... не знают... – Константин не выдержал и захохотал. – Ну, тут понятно, представление каперангу Дубинину перед спуском на Бельтайн. Это – встреча на космодроме, награждение майора Гамильтон знаком ап Бельтайн, награды выше на этой планете не существует. Что-то вроде ненаследуемого дворянства, в данный момент в Галактике ап Бельтайн только один. Точнее, одна.

– А кто эти люди и что они кричат? – поинтересовался внимательно глядящий на экран император.

– Они скандируют ее имя. Это отцы и матери детей, которых мисс Гамильтон эвакуировала с планеты. Так, тут кадры возвращения из экспедиции на дно океана, в руках у нашей героини пресловутый объект «Доуэль». Единственный живой экземпляр, имеющийся в нашем распоряжении – ее же стараниями. Доклад о находках шефу планетарной полиции. Колоритнейший персонаж, надо вам сказать, зовут – не поверите! – Генри Морган. И при этом последовательный служитель закона, поднялся от простого патрульного до командующего. Ну, здесь она просто спит. Эту подборку ведь по моей просьбе делали, чтобы семье показать. А вот этого я Николаю Петровичу пока не демонстрировал. Не рискнул.

Цинцадзе что-то переключил, и на экране возникло казино. Совсем молоденькая девушка в предельно легкомысленном платье подходит к карточному столу, за которым сидят двое мужчин, ласково ерошит волосы одного из них, что-то говорит. Потом неувлочно быстро смещается за спину второго, в руках у нее маленький пистолет, дуло которого упирается в затылок застывшего от неожиданности франтоватого картежника. Первый игрок тоже отбросил карты, его пистолет существенно крупнее, щеголь смотрит на него как замороженный и медленно опускает руки на стол.

– Арест на Бельтайне Эрика ван Хоффа. Мэри Гамильтон, вычислившей его и настоящей на своем праве участвовать в задержании, шестнадцать лет. Вот ей-ей, не знаю – то ли показать эту красоту деду-адмиралу, то ли побереечь его нервы.

– Лучше поберегите, – решительно сказал Георгий Михайлович. – Сколько, шестнадцать? Черт побери... А кто этот второй господин с пистолетом?

– Келли О'Брайен, ее напарник и друг. Погиб при орбитальной бомбардировке Бельтайна.

– Понятно. Жаль. У таких людей, как майор Гамильтон, друзей – настоящих друзей – бывает, как правило, не слишком много. М-да... Так что же граф Сазонов?

– Граф просит ваше величество об официальном признании его внуки, – Цинцадзе вынул из папки лист с прошением и положил его перед императором.

– Это следует понимать так, что семья отца девушку уже признала?

– Да, государь. В сущности, внесение ее в Книгу Родов – закономерный следующий

шаг.

– Верно. Даже если оставить в стороне тот не-оспоримый факт, что эта весьма примечательная личность, – хозяин кабинета постучал указательным пальцем по терминалу, – может очень пригодиться Империи.

– Именно об этом я и думал, когда собирался пригласить майора Гамильтон на Кремль, еще ничего не зная о ее действительном происхождении, – подтвердил Ираклий Давидович.

– И вы, как всегда, оказались на высоте. Однако существуют некоторые нюансы... – увидев, как напрягся князь, Георгий Михайлович рассмеялся: – Нет-нет, прошение графа мы, конечно, удовлетворим. Но если говорить о закономерных следующих шагах... Официально признанная дочь полковника Сазонова дворянка, разумеется.

– Так далеко я не заглядывал, ваше величество, – почтительно проговорил Цинцадзе, – но вы правы.

– Далее. Как быть с титулом? Если мне не изменяет память, Александр Сазонов родился до того, как его отец стал графом, и свой титул получил за заслуги перед Отечеством так же, как и отец. Но Мария Сазонова, как ни крути, дочь графа и внука графа. Третье поколение. Намерена ли она подать прошение о принятии российского подданства?

– Не знаю. Она прибыла на Кремль только третьего дня, мы не успели обсудить с ней этот вопрос.

– Обязательно обсудите. Хотя, как по мне, у этой молодой особы прав на графский титул поболее, чем у доброй дюжины ошивающихся при дворе природных графинь, вместе взятых. Я подумаю над этим. В любом случае, передайте графу Николаю мои поздравления с прибавлением в семействе и скажите, что я рассчитываю на представление мне Марии Александровны Сазоновой на ближайшем большом приеме в будущую среду. Перо, Константин, – великий князь быстро подал требуемое, и внизу листа появилась резолюция: «Удовлетворить. Георгий». – Не смею более вас задерживать, князь. По делу о покушении на Кирилла Сумского жду вашего доклада завтра в это же время.

Дождавшись ухода Цинцадзе, император откинулся на спинку кресла – до этого он сидел очень прямо – и, слегка склонив голову набок, с любопытством посмотрел на старшего сына.

– И что ты обо всем этом думаешь?

– О покушении или о внуке графа Сазонова? – Константин принес от стены стул с узкой спинкой и уселся на него верхом.

– Сперва о покушении.

– А одно от другого неотделимо. Я согласен с точкой зрения майора Гамильтон: целью была не смерть как таковая, а смертельный страх. У мальчика были шансы, хоть и небольшие, продержаться в седле до того, как кобыла вымотается. Это тебе не мой чалый, которого хоть весь день гоняй. Так что убийство вполне могло и не состояться. А вот напуган он так, что смотреть больно. И я даже не хочу представлять себе, как напуган его отец. Тут надо крепко подумать: с одной стороны, граф Федор ни в чем не виноват, с другой же – трясущийся за семью человек не сможет эффективно действовать на Орлане.

Георгий Михайлович поднялся с места, прошелся по кабинету и остановился у окна с низким подоконником. На другой стороне лужайки в густой тени сидела в плетеном кресле его молодая жена с Глебом на руках. На солнце носились друг за другом, за мячом и за тремя собаками Иван и Михаил. Желание немедленно приставить к жене и младшим сыновьям дополнительную охрану было таким острым, что император до хруста стиснул зубы. Вольно ж Константину рассуждать, пока своих нету... Но с другой стороны, мальчик прав. Совершенно прав – с государственной точки зрения. Да, задача. Кого бы отправить на Орлан? И куда перевести Федора Сумского (якобы с повышением) так, чтобы и не обидно, и безопасно? В который раз Георгий Михайлович подумал, что герои детских сказок явно не блещут умом. Ведь все, все рвутся царствовать... хоть бы один задумался, какая это адова работа...

– А что ты думаешь о девушке? – вернув на лицо невозмутимое выражение, император отвернулся от окна.

– Она мне нравится. Не как женщина – совершенно не мой тип – но в целом... Ты обратил внимание на связи? Личные связи, которые везде и всегда крепче любых официальных договоров? Опять же некоторый опыт... как бы это сформулировать поточнее... был в Средние века на Земле некий господин, которого именовали Делателем королей.

– Я понял твою мысль, – кивнул Константину отец. – Ситуация с восхождением на престол императора Небесной сложилась более или менее случайно. Но одного принципа Совета Бельтайна она практически собственноручно отправила на виселицу, а другого – так же собственноручно – привела к присяге. Что будем делать с титулом? – сменил тему император.

– У меня пока не сложилось определенного мнения, отец. С одной стороны, успей родители Марии обвенчаться – и она была бы графиней по праву рождения. С другой – в глазах людей непосвященных признание за ней права на отцовский титул будет чересчур большой милостью, и она наживет немало врагов. С третьей же, враги – это даже и неплохо, тем крепче она будет привязана к друзьям. Кроме того, я легко и с удовольствием введу *графиню* Сазонову в Малый Совет. При условии принятия ею подданства Империи, разумеется. Помимо очевидной пользы для дела это разом успокоит несколько наиболее негибких старых пней, которых задевает его непрезентабельный состав.

– Да ты, я вижу, все уже продумал, – усмехнулся Георгий Михайлович. – И когда только успел? Только учти, у вновь обретенного дедушки (и князя Цинцадзе) вполне могут быть свои, не совпадающие с твоими, планы относительно будущего Марии Александровны.

– А вот тут, – Константин встал со стула и лихо подбоченился, – кто успел, тот и съел. Как говорили у нас на курсе, «ин гроссен фамилиен нихт клювен клац-клац»!

Глава 12

Хороший корабль – это именно то, что нужно для хорошей жизни. Разумеется, есть множество самых разнообразных мнений на этот счет. Кому-то нужны деньги, кому-то – женщины, кому-то земля, или дом, или пекарня. Но тому, кто из тридцати трех лет жизни провел на тверди в общей сложности хорошо если десять, для хорошей жизни нужен хороший корабль. Во всяком случае, Рори О’Нил рассуждал так, и Элис Донахью была полностью с ним согласна. Правда, Элис не исполнилось еще и тридцати, это двигателю с командиром были ровесниками, но это означало лишь, что и время, проведенное ею на тверди, до десяти лет существенно не дотягивало. Да и кому она нужна, эта самая твердь? То ли дело Пространство и корабли!

Нет, все-таки командир умница. Именно ее заслугой был «Дестини», на котором они впятером летали целых восемь лет. Хороший кораблик, идеально заточенный именно под их экипаж, он был одним из лучших – а Рори, к примеру, считал, что лучшим – корветом бельтайнских ВКС. Но даже «Дестини», отличавшийся от стандартного корвета, как натуральный шелк от искусственного, не шел ни в какое сравнение с «Джокером». И Элис была готова плакать от счастья, когда, повинаясь ее руке, яхта ушла в свой первый после присвоения имени прыжок.

* * *

В доме было тихо. Мэри, устроившаяся за столом в дедовом кабинете, запросила в Император-ской публичной библиотеке курс истории Империи, и теперь с удовольствием углубилась в описания событий и персоналий. У нее были некоторые основания полагать, что разговор двух бабушек изрядно затянется. Заглянул Степан, разложил на столе накрахмаленную салфетку и поставил на нее тарелку пирожков, кувшин морса и стакан.

Пирожки были вкусные, и девушка не заметила, как тарелка опустела. Чтение захватило ее, хотя поначалу она и путалась в непривычных именах. Наибольшее впечатление на нее произвела та последовательность, с которой императоры собирали вокруг себя неординарных людей. Далеко не всегда эти люди бывали ангелами, многое зависело от личности правителя, но посредственности удалялись от царствующей особы, а таланты признавались и осыпались милостями, и с происхождением это не было связано никак. К примеру, дед – нетерпеливая Мэри довольно быстро перешла от общей истории к семейной – был сыном скромного банковского служащего с Новоросса. Военных в роду не было и в помине, но список учебных заведений с шести лет и до семнадцати включал пять пунктов, начиная с ординарной гимназии и постепенно смещаясь в сторону флота до Его Императорского Величества высшего летного училища на Белокамне. Дворянство дед получил вместе с первыми погонами в двадцать. В тридцать восемь в чине капитана первого ранга женился на Ольге Дроздовой, потомственной дворянке, чьи предки служили в армии и во флоте уже добрых сто пятьдесят лет. Графом стал в сорок четыре, будучи уже отцом Александра и Татьяны. Тут его старший сын обошел: графский титул отцу Мэри был пожалован в сорок один. А в сорок два он погиб на Орлане, так и не успев узнать, что помимо его самого и его невесты есть еще маленький третий.

Мэри отключила блок и уставилась в стену ничего не видящими глазами. Теперь становилось понятно, почему граф и графиня Сазоновы не возражали против женитьбы сына на безродной девице со Свободных планет. Не голубой кровью измерялись здесь достоинства и недостатки. Раз сын выбрал – значит, достойна. А титулы и звания, как показывала история семьи, дело наживное.

В дверь постучали, на пороге возник Степан, провозгласивший:

– Его светлость князь Цинцадзе! – и в кабинет вошел Ираклий Давидович, чем-то озабоченный, но, похоже, довольный.

– А что это ты сидишь тут одна, да еще и в потемках? И где Ольга?

– Она наверху, в моей комнате, – ответила Мэри на второй вопрос, пропуская мимо ушей первый, как несущественный. – Я ее с бабушкой Софией познакомила, вот и...

– Вот как? Это ты молодец, это правильно. Ну что, посидишь со стариком, пока дед не вернулся?

– Посижу, – улыбнулась Мэри. – Правда, пирожки я уже все съела, но можно принести еще. Хотите?

Князь добродушно усмехнулся, протянул было руку, чтобы потрепать ее по волосам, но раздумал. Это было очень заметно – что раздумал. И ясно, почему. Вспомнил, должно быть, как эта приветливая девица в домашнем гнала сегодня гнедого, заставляя его обезуметь под стать лошади младшего Сумского. И понял, что разного рода покровительственные жесты будут не слишком уместны.

– Я не голоден, дорогая. По дороге перекусил. Скажи лучше, как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно я себя чувствую, – Мэри слегка нахохлилась. – Заснула в процессе массажа, а потом встала, не заметив, что бабушка в комнате. А одеяло возьми, да и сползи. Что тут началось! Насилу переключила внимание на другую бабушку.

Ираклий Давидович сокрушенно покачал головой, изображая шутливую покорность судьбе, но сказать ничего не успел: в кабинет стремительно вошел адмирал Сазонов.

– Так, – начал он с порога. – Ну-ка быстро, вы двое, говорите мне, что случилось на прогулке. Ираклий, я тебя умоляю – без околичностей. Времени нет, сейчас Ольга подойдет.

– Если быстро – твоя внучка творила чудеса, на полном скаку сняла с понесшей лошади сына графа Сумского, сильно потянула при этом спину, а в результате попала в нескрываемый фавор к его высочеству. Доволен? – князь Цинцадзе умел при желании быть предельно язвительным, а желания в данный момент у него, похоже, было хоть отбавляй. Николай Петрович шумно выдохнул, метнул через всю комнату фуражку, закачавшуюся на носовой надстройке огромной модели линкора, и уселся в кресло у стола, с которого несколько минут назад поднялась Мэри.

– И какой же гриф у всего этого безобразия? – не менее язвительно осведомился он.

– А ты сам как думаешь? – ухмыльнулся его друг. – Со всех, кто там присутствовал, взяли, в зависимости от титула и звания, честное слово либо подписку о неразглашении. Маша, тебя это тоже касается. Растрясло тебя на прогулке, поняла? Моя вина, не доглядел, черт старый.

– Поняла, – покладисто кивнула Мэри с самым невинным видом. – Растрясло. Бывает. Рана совсем недавняя, сама должна была сообразить, чертовка молодая.

Мужчины дружно расхохотались, она присо-единилась к ним. Эту-то картину и застала появившаяся в дверях Ольга Дмитриевна.

– Веселитесь? – на удивление мягко поинтересовалась она. – А я вот, Николай, со сватьей пообщалась. В гости пригласила. Обещала прилететь, как только орбитальную станцию подлатают и сообщение наладится.

– Сообщение? – удивленно переспросила Мэри. – Какое еще сообщение? Если София согласна, мы ее сюда быстренько переправим.

– Правильно говоришь, – кивнул Ираклий Давидович. – Я вполне могу корабль послать, челнок к нему пристыкуется и вся недолга.

– Да зачем такие сложности, – отмахнулась девушка. – По моим прикидкам, «Джокер» должен быть еще в системе Тариссы. А ну-ка...

Она подошла к столу, слегка потеснив деда, и быстро набрала код. Некоторое время спустя на экране возникла весьма понравившаяся графу маленькая женщина в летном комбинезоне.

– Привет, Элис, – перешла на кельтик Мэри, – как дела?

– Здравствуйте, капитан! – весело ответила та. – В соответствии с вашим приказом проводим ходовые испытания яхты, пока все штатно.

– И где вы их проводите? – перешла к делу владелица корабля.

– Внутри системы, но собираемся попрыгать.

– Вот и отлично. Оставайтесь там, по моему сигналу заберете из монастыря сестру Софию Гамильтон и доставите ее на Кремль. Ясно?

– Так точно, капитан, мэм! – весело воскликнула Элис Донахью.

– Ну, вот все и уладилось, – сказала Мэри, отключив связь. – Скажу бабушке Софии, чтобы собиралась и через пару дней мои красавцы примут ее на борт.

– Через пару дней... – задумчиво поджал губы князь Цинцадзе. – Очень хорошо. Стало быть, она прибудет еще до следующей среды.

– А что будет в следующую среду? – негромко спросил как-то вдруг напрягшийся Николай Петрович.

– Как, разве я не сказал? – Ираклий Давидович театрально всплеснул руками. – Совсем старый стал, никуда не гожусь. В следующую среду Мария Александровна Сазонова будет официально представлена его величеству!

Вечер плавно перешел в ночь. Согласилась лететь на Кремль на внучкиной яхте София. Уехал – то ли домой, то ли в офис службы безопасности – князь Цинцадзе. Разволновавшуюся Ольгу Дмитриевну удалось наконец убедить принять успокоительное и лечь спать. Граф, которому наутро надо было, как всегда, вставать ни свет ни заря и ехать на службу, последовал за супругой. Мэри тоже поднялась к себе, но ложиться не стала. Она выспалась днем и теперь не знала, чем заняться. О, а кстати! Это здесь уже поздно, а в Нью-Дублине разгар рабочего дня! Ну-ка, ну-ка, найдется у Дядюшки время ответить на вызов?

Время у Дядюшки нашлось. Правда, выглядел полковник Морган... «краше в гроб кладут», так, кажется, выражаются на Кремле? Хороший язык – русский. Образный. Мэри смотрела на бывшего командира с искренним сочувствием. Правда, длинной эмоциональной тираде на тему «Как нам тебя здесь не хватает, девочка, кто бы знал!» она поверила не слишком, но то, что Генри достали все, кто смог дотянуться, сомнений не вызывало. А уж как достали бедного Шона! Новоиспеченный принципал Совета Бельтайна сидел в кабинете

шефа планетарной полиции в состоянии, опасно близком к полной прострации. Он даже не нашел в себе сил улыбнуться Мэри, только устало кивнул в ответ на приветствие. Встрепанный, помятый, облаченный в дорогой, но при этом плохо сидящий штатский костюм, майор О'Брайен выглядел так, как будто очень хочет разозлиться и не может. Заряда не хватает. Ой, как плохо...

– Ты изменился, Шон, – осторожно начала Мэри.

– Ты тоже, – пробурчал он. На лице появилось, наконец, некое подобие улыбки, и полковник, поймавший смену настроения бывшего заместителя, тут же сунул ему под руку коробку сигар. Взгляд, брошенный им при этом на Мэри, недвусмысленно умолял продолжать сеанс психотерапии: по всему выходило, что сам Морган уже отчаялся привести друга в порядок.

– И как тебе твоя новая жизнь? – зря она это спросила, потому что Шон немедленно перестал улыбаться и набычился. Впрочем, с точки зрения Мэри, сейчас любая эмоция была лучше их полного отсутствия.

– Очень похоже на похороны, только без покойника, – Шон яростно запыхтел сигарой. – Спасибо тебе, милая, удружила!

– А кто тебе сказал, что я, предлагая тебя в принципалы, хотела удружить тебе? – она возмутилась вовсе не так сильно, как изображала, но со старым приятелем действительно надо было что-то делать, причем немедленно. – Речь шла – и продолжает идти – о благе Бельтайна. И ты можешь злиться на меня, сколько влезет, но я считала – и продолжаю считать, – что лучшего принципала сейчас не найти.

Дверь за ее спиной приоткрылась, и Мэри с запозданием подумала, что в отцовском доме совсем перестала следить за окружающим пространством. Но было уже поздно. Степан, невозмутимый, как памятник самому себе, проскользнул в комнату, поставил на стол поднос с чашкой кофе, графином коньяку, бокалом и пепельницей, извлек из кармана куртки несколько сигар и открыл окно. Потом с достоинством поклонился оторопевшим мужчинам на экране и исчез.

– Это... это кто?! – выдавил Шон, на которого сия маленькая сценка произвела самое освежающее впечатление.

– Степан, – ухмыльнулась Мэри. – Бывший ординарец деда. Был первым наставником отца, сейчас служит в доме дворецким. Ты вот переживал, как трудно быть принципалом. Думаешь, графской дочерью легче? Ты бы видел, в чем они тут верхом ездят! Нет, лучше не ты, лучше старый Мозес! А это идея, надо будет ему записку послать, пусть старик посмеется на досуге.

– И кто же ты теперь? – заинтересовался Шон. – Все еще Мэри Гамильтон или уже Мария Сазонова?

– Официально пока Мэри Гамильтон. До представления императору. А потом... – она пожала плечами.

Ее собеседники быстро переглянулись. Шон напрягся, от недавней апатии не осталось и следа. На лице Моргана читалась бешеная работа мысли. Полковник всегда соображал исключительно быстро, но сейчас, судя по всему, бросил в бой все резервы своих тренированных многолетней службой в полиции извилин.

– Вот что, девочка, погоди, не торопись, – начал он. – Тебе предстоит представление императору? Я правильно понял?

– Правильно, – кивнула бывшая подчиненная, доливая в кофе коньяк и с удовольствием прихлебывая. – На следующей неделе. Как раз София доберется успеет.

– Мисс София летит к тебе? Это хорошо, Мэри, это просто великолепно... А мы-то головы ломали...

Мэри холодно прищурилась.

– А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее. И по возможности без эмоций, Генри, мне уже не четырнадцать лет.

– Лучше бы тебе было четырнадцать, – вздохнул Морган. – Все было бы куда проще.

Теперь тебя ни на жалость не возьмешь, ни на слабост... Разве что на заботу о благе Бельтайна, если ты еще не забыла, откуда ты родом.

– Милый Дядюшка, – за мягкостью тона Мэри безошибочно угадывалась сдерживаемая ярость, – вы совершенно уверены, что сказали что-то умное? И что я поленюсь вернуться на предмет организации близкого знакомства вашей физиономии и моих кулаков?

Видя, что дело быстро и уверенно движется к скандалу с возможным последующим мордобоем, Шон почел за лучшее вмешаться. Как простой коп он не отказался бы посмотреть на то, как сцепятся эти двое. У бывшего начальника больше опыта, девчонка моложе и наверняка быстрее... редкое было бы зрелище! Но как принципал...

– Мэри, успокойся. Генри, ты бы и в самом деле думал, что говоришь. И кому. Мы все устали, но это же не повод!

– Извини, девочка, – Морган сник, искал, на чем бы выместить дурное настроение, не нашел и грохнул кулаком по столу. – Извини.

– Все в порядке, – Мэри не на шутку встревожилась. – Да что там у вас происходит?

– Много чего, – негромко и как-то через силу заговорил Шон. – Пришлось отозвать с контрактов чуть ли не четверть корветов – «Гринленд»-то небоеспособен. Неустойку выплатили такую, что закачаешься... Стоило русским уйти, как зоны перехода начали аккуратно прощупывать. В Сигму глубоко пока не суются, там еще при тебе развернули дополнительную минную сеть, а вот от Тэты уже дважды пришлось отгонять визитеров. И ведь прошло всего несколько дней. В таком режиме мы никогда не восстановим экономику, потому что экономика – это прежде всего транспорт. Мэри, Бельтайну нужен союзник. Не временный, на момент ведения боевых действий, а постоянный. Иначе нас сожрут.

Чтобы сообразить, к чему клонит принципал, много времени не потребовалось.

– Ты думаешь предложить сотрудничество Империи? – медленно произнесла она. – А что, имеет под собой... Только, Шон, я ведь не дипломат. Близко не.

– Но просто передать наши предложения императору или кому-то из тех, кто имеет к нему доступ, ты сможешь?

– Постараюсь, – кивнула Мэри. – Принимайтесь за работу, мужики. Через полтора суток кристалл должен быть в руках у Софии. Много воды не лейте, на эмоции не давите, только основное: мы предлагаем Империи... что? Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи? Тогда – каркас соглашения. Привлеките Лорену, если она хорошо себя чувствует. Отдельно набросайте экономических подробностей, чтобы можно было поторговаться по деталям. Со своей стороны я тут тоже покумекаю. И сообразите-ка мне что-нибудь вроде верительных грамот.

Оставшиеся до прилета Софии дни Мэри судорожно пыталась распланировать свои действия. Мысли путались. Одно было совершенно очевидно – ей необходимо переговорить с Ираклием Давидовичем. Потому что майор Гамильтон девица, конечно, дерзкая, но соваться с просьбами к его величеству без предупреждения... это уже даже не дерзость. Это наглость, иногда необходимая в бою, но совершенно неприемлемая в разговоре с одним из самых могущественных людей в Галактике. Значит, побоку пока курс основ дипломатии, скачанный непосредственно после разговора с Шоном и Дядюшкой; надо попытаться встретиться с князем Цинцадзе, именно встретиться, по связи такие вопросы не решаются.

Хорошенько поразмыслив, Мэри решила, что, во-первых, отправлять вызов напрямую его светлости не стоит. При всем его неприкрыто хорошем отношении к ней он может быть недоволен, что его отвлекают от дел в момент пусть и, возможно, не слишком серьезного, но все-таки кризиса. Во-вторых, подключать к этому делу деда ей тоже не хотелось. Николай Петрович, как она успела заметить, был склонен видеть в ней, прежде всего, внучку и ее ипостась взрослой женщины и боевого офицера не то чтобы игнорировал, просто оставлял за скобками. А вот Василий Зарецкий... Да, пожалуй. Полковник Зарецкий тоже наверняка очень занят. Но если отправить стандартное сообщение с просьбой связаться и пометкой «низкая срочность», то можно рассчитывать на то, что тетушкин муж сможет уделить ей

какое-то время.

К удивлению Мэри, вызов от Василия пришел почти сразу. На визуальную связь он переходить не стал, но по голосу слышно было, что он улыбается.

– Здравствуй, Мария, – еще в первый день знакомства они перешли на «ты», и это было сейчас как нельзя кстати. – Прости, долго говорить не смогу, я в пути. Чем я могу быть тебе полезен?

Быстрый переход к делу ей понравился.

– Не мог бы ты передать Ираклию Давидовичу мою просьбу о личной встрече? Я знаю, как много дел у князя, поэтому не пыталась связаться непосредственно с ним, решила действовать через тебя.

– В общем, правильно решила, – голос Зарецкого посерьезнел. – А какого рода проблема у тебя возникла? Князь действительно очень занят сейчас. Может быть, и я справлюсь?

– Извини, Василий, – забыв, что собеседник ее не видит, Мэри отрицательно покачала головой, – это не та проблема. И как бы это поточнее... не вполне моя проблема. Мне действительно нужно около получаса личного общения с человеком, вхожим в самые высокие круги. А поскольку из таковых я знакома только с Ираклием Давидовичем, то...

– Я понял тебя. Твою просьбу я его светлости передам, но не особенно рассчитывай на скорый ответ. А кстати, сколько терпит твоя проблема?

– До большого приема у его величества, – вздохнула она.

– Твой вопрос и прием как-то связаны между собой? – Василий молниеносно ухватил суть.

– Напрямую. От моего разговора с князем зависит очень многое. И дело отнюдь не только во мне. Не хочу показаться высокопарной, но речь идет о судьбах очень многих людей.

– Я понял, – повторил Зарецкий.

Мэри открыла заднюю дверь и вышла на крыльцо. С удовольствием вдохнула вечерний воздух, наполненный ароматом прогретых за день солнцем роз. Огляделась. Здесь она еще не была, только видела из окна качели, турник и несколько разнокалиберных лесенок. Присутствовала еще горка. Если назначение турника и лесенок она уловила сразу – тренировочное, какое же еще, – а качели ей доводилось видеть на вилле донна Эстебана, то зачем нужна горка, ей объяснила бабушка. До этого такая конструкция не встречалась девушке ни разу. В учебном центре и Корпусе чисто развлекательных снарядов не было, а время от времени посещаемые на разных планетах парки развлечений не предлагали своим клиентам столь незамысловатых сооружений. Оглядевшись – не смотрит ли кто? – она забралась на горку и скатилась по ней. Ну надо же! Как просто и как весело! А ну-ка, еще раз!

Когда она в третий раз поставила ногу на ступеньку ведущей на горку лестницы, от калитки донеслось деликатное покашливание, весьма похожее на сдерживаемый смех. Там, почти сливаясь цветом костюма с голубоватыми сумерками, стоял князь Цинцадзе. Выражение его лица Мэри разглядеть не могла, но на ум приходила снисходительная усмешка и, пожалуй, доброжелательное удивление в глазах. Чуть в отдалении маячил неизменный лимузин и две смутно различимые в наступающей темноте фигуры.

– И ничего смешного, – пробурчала она, подходя поближе и открывая калитку. – Я такого никогда не делала, вот и решила... попробовать.

– Никогда не каталась с горки? – князь, казалось, не поверил своим ушам. – У вас что же, на Бельтайне горок нету?

– Может быть, и есть, Ираклий Давидович, – усмехнулась Мэри. – Но мне не доводилось играть с нелинейными детьми, а у линейных есть только тренировки. И игрушки у нас были тоже строго функциональные – конструкторы, модели... в куклы мы не играли.

– Все с тобой ясно, – вздохнул ее собеседник. – Ты уж меня извини, но бельтайнские

методы воспитания и обучения представляются мне довольно странными. Хотя и эффективными. Ну что, здесь поговорим или в машину пройдем? – перешел к делу князь.

– На ваше усмотрение, Ираклий Давидович. Я бы осталась здесь – вечер уж больно хорош.

Вечер действительно был на загляденье. Днем немилосердно палило солнце, и витые прутья ограды до сих пор хранили тепло, но подувший недавно прохладный ветер с севера освежил воздух и потихоньку сшивал в небе рваные полотнища облаков. К утру, наверное, дождь пойдет. Или даже раньше. Но пока дождя не было, и можно было просто стоять, слушая доносящуюся откуда-то слева музыку и любуясь ажурными силуэтами розовых кустов на фоне стены дома.

– Ну, здесь – так здесь. И что же у тебя случилось?

– Пока не случилось, – скрестив руки на груди, Мэри привалилась плечом к столбику ограды. Кажущаяся беспечность позы могла бы обмануть многих, но Цинцадзе видел, что девушка собрана, спокойна и очень серьезна. – Но, похоже, скоро случится. Если все пойдет так, как я рассчитываю, София привезет мне помимо пары коробок сигар верительные грамоты. Черт бы их побрал, я боевой офицер, куда мне в послы? – она закусила губу, отпустила. Губа сразу и заметно при-пухла.

– Так, – внушительно уронил Ираклий Давидович в наступившую тишину. – А теперь по пунктам: во-первых, кого именно должен побрать черт?

– Полковника Моргана и Шона О’Брайена, нового принципала Совета Бельтайна. Узнав о том, что меня ожидает представление императору, они захотели, чтобы я попыталась передать его величеству предложения Совета.

– Какого рода предложения? – Цинцадзе заметно подобрался. Неторопливая вальяжность исчезла из голоса, как по мановению волшебной палочки.

– Бельтайн хочет заключить с Империей союз. Торговый, возможно военный. Подробности мне вышлют с Софией. Строго говоря, нам есть что предложить, но и нужно нам многое. После налета Саммерса...

– ...твоя родина оказалась в крайне незавидном положении, – закончил князь.

– Именно.

– И как ты себе это представляешь?

– Союз? – невесело усмехнулась Мэри. – Пока никак. Я не видела еще, что приготовили эти умники в качестве предложений Бельтайна Империи. Но если там не полный бред, я должна хотя бы попытаться переговорить с его величеством. Я многим обязана Бельтайну.

Музыка смолкла, теперь в соседнем саду слышался женский смех и негромкие голоса, но слов было не разобрать. Отдыхают люди, смеются... счастливые...

– Подсчитала бы лучше, скольким Бельтайн обязан тебе, – проворчал Цинцадзе.

– Полагаю, Ираклий Давидович, – ядовито процедила Мэри, – что и Империя многим обязана вам, но действуя на ее благо, вы не занимаетесь подсчетами.

Теперь на лице князя было написано уважение.

– Туше, – кивнул он, примирительно поднимая ладони. – Умыла старого черта. И что тебе требуется от меня?

– Консультация. Это в принципе возможно – обратиться к его величеству с просьбой о встрече? Я имею в виду, *для меня* возможно?

– Возможно, – Цинцадзе смотрел ей прямо в глаза. – Вполне возможно. Ты заинтересовала его величество, в немалой степени с подачи его высочества, которого ты заинтересовала еще до своего появления на Кремле. Выжимки репортажей с Бельтайна, ха! Но суть не в этом. Маша, давай договоримся так: ты покажешь мне материалы, которые пришлют твои друзья, и мы вместе решим, стоит ли говорить об этом с императором.

«Я решу» – говорила вся его интонация, но Мэри и не подумала возражать. Хозяином положения был сейчас Ираклий Давидович, и она прекрасно это понимала. Более того, отдавала себе отчет в том, что из майора Гамильтон дипломат – как из корвета линкор. Может быть, и похоже, если особенно не приглядываться, но масштабы разные.

Несопоставимые масштабы.

Мэри рассмеялась, стоя в верхней части пологого пандуса и с удовольствием поглядывая вокруг. Она любила суету и структурированный хаос космопортов. Переливались разноцветными огнями зазывные вывески кафе и рестораников. Звучали объявления, сигналили крохотные кары носильщиков, призванная быть релаксирующей музыка едва-едва пробивалась через всеобщий гвалт. Куда-то спешили служащие в голубой униформе. Кто-то терял детей, тут же находя их и награждая подзатыльниками. Быстро и слаженно прошагала рота кадетов в сопровождении двух усатых старшин. Капризная девица лет семнадцати пронзительно вопрошала маменьку, не забыла ли та положить розовое платье. Розовых платьев у девицы явно было больше одного, и выяснение, о каком именно идет речь, изрядно затягивалось.

– Что ты, Машенька? – услышавшая смех внучки Ольга Дмитриевна коснулась локтя Мэри, снова затянутого в повседневную бельтайнскую форму. Берет девушка, поддавшись на уговоры, все же оставила дома, но по поводу формы была непреклонна.

– Мне здесь нравится, – пояснила она. – Космопорт всегда означает что-то новое, такая зона перехода, только не в Пространстве, а на тверди.

– Ты права, конечно, только новое – оно ведь разное бывает. Отца твоего мы в последний раз встречали тоже здесь, только на соседнем терминале... – голос графини предательски дрогнул, и Мэри поспешила поддержать ее под руку. Накануне она вместе с дедом и бабушкой была на кладбище. Долго стояла возле серого неправильной формы куска гранита, не замечая, как течет по пальцам воск тонкой и длинной желтой свечи. Ольгу Дмитриевну граф вскоре отвел в машину, а Мэри задержалась, водя ладонью по неровной зернистой поверхности, и не зная, что сказать отцу. Сказать хоть что-то хотелось до болезненного спазма в горле, но слова не шли.

Она встряхнулась, прогоняя воспоминания и вызванную ими тоску. Как бы то ни было, сегодня день определенно радостный: прилетает, точнее – уже прилетела София. Осталось совсем немного. По совету Николая Петровича Мэри не мудрствуя лукаво арендовала стартовый квадрат в той части космопорта, которая предназначалась для частных кораблей. Так что «Джокер» благополучно сошел с орбиты, приземлился и теперь до встречи двух ее бабушек оставались считанные минуты. Ух ты... вот это да!

Зрелище действительно было еще то, и она торопливо указала Ольге Дмитриевне, куда именно следует смотреть. Впереди – грудь колесом – выступал, раздвигая толпу, конопатый детина в летном комбинезоне и берете без кокарды. Вслед за ним широко шагала сухопарая монахиня в белом апостольнике с черным крестом и серой сутане, которая не скрывала ни военной выправки, ни потрепанных пилотских ботинок. Рядом с монахиней легко скользила девушка не более пяти футов ростом, одетая так же, как расчищающий им дорогу громила. Замыкала процессию пара несомненных близнецов, каждый из которых нес на плече по баулу. Они чуть было не прошли мимо, когда с трудом сдерживающая хихиканье Мэри окликнула на кельтике возглавлявшего шествие здоровяка:

– Премьер-лейтенант О’Нил!

Все повернулись к ней одновременно: сияющий Рори, сдержанно улыбающаяся Элис, чуть напряженная София, донельзя довольные собой и миром братья Рафферти... Команда тут же перестроилась, образовав живой щит, отделяющий Софию от круговерти терминала прилета. Мэри шагнула вперед, обняла бельтайнскую бабушку и обернулась к забывшей дышать Ольге Дмитриевне.

– Бабушка Ольга! Это моя бабушка София! – она отошла в сторону, предоставляя женщинам возможность познакомиться без посредников.

Неприметный человек, внимательно наблюдавший за происходящим, уныло вел запись. Ничего интересного предъявить нанимателю он не мог. Хотя еще не вечер: несколько фраз на кельтике, которыми объект обменялся с людьми, сопровождающими монахиню, были весьма многообещающими.

Подозрительно шмыгающая носом Агафья Матвеевна выставила на стол еще что-то, вкусное даже на вид, и удалилась в кухню. Степан был на этот вечер приставлен к госте, удивленной и смущенной оказываемым ей вниманием. София переоделась, что в ее понимании означало избавиться от сутаны и апостольника, и теперь сидела за столом в легком комбинезоне и в мягких туфлях, сменивших ботинки, без которых Мэри бабушку себе не представляла. Полчаса назад София извлекла откуда-то из недр одного из баулов запечатанный конверт плотной бумаги без надписей на нем и футляр с двумя кристаллами, которые внучка приняла у нее из рук не без внутренней дрожи. Верительные грамоты и предложения Совета Бельтайна Российской империи.

От мысли немедленно сесть и начать изучать присланные материалы Мэри отказалась. У нее были другие планы на вечер, а экономические и политические выкладки подождут. Сегодня воскресенье. Время еще есть. И хорошо, что она спланировала все заранее, в том числе и то, что следует сделать с «подарком» с Бельтайна до тех пор, пока у нее дойдут до него руки. Накануне у нее выкристаллизовалась мысль, которая, будучи смутным ощущением, не давала ей покоя. Она наконец поняла, кого напоминает ей отец. При полном отсутствии внешнего сходства было в полковнике Сазонове что-то от Келли О'Брайена. Что-то совершенно неуловимое, но безошибочно узнаваемое: в глазах, в усмешке, в манере строить фразы и перескакивать от одной темы к другой. А значит... Вне всяких сомнений, батюшка был хорошим сыном, но вот послушным – это вряд ли. Стало быть, надо хорошенько осмотреться в его комнате. Вчера, незадолго до полуночи, она учинила в принадлежавшей теперь ей спальне самый тщательный обыск, и не была разочарована результатом. Кто ищет – тот найдет: одна из лакированных планок прилегающей к стене стороны массивного изголовья старой кровати беззвучно упала в ее подставленную ладонь. Внутри было пусто, и оставалось только гадать, что и когда прятал там Саша Сазонов. Но места в скрывавшейся за планкой полости было вполне достаточно для того, чтобы убрать с глаз долой и конверт, и футляр с кристаллами. Да, возможно, эти поиски тайника и припрятывание никому, кроме нее, не интересных – пока! – вещей и отдают паранойей. Но береженого, как известно, и Бог бережет, а она покамест не была готова безоговорочно доверять новообращенному дому. Точнее, готова. Ну почти. Но не в данном случае: ставки уж больно высоки.

Когда она спустилась в столовую, оказалось, что бабушки уже сидят за поздним обедом или ранним ужином. Укоризненные взгляды, брошенные ими на внучку, были до того одинаковыми, что той немедленно захотелось захихикать, но она с самым серьезным видом извинилась за опоздание и под села к столу. До прихода Мэри разговор, похоже, не клеился, но ее появление как будто развязало пожилым дамам языки: явилась самая актуальная тема для беседы. Говорила больше София, Ольга Дмитриевна слушала, время от времени всплескивая руками и поднося к глазам скомканный платочек. Но постепенно речь перешла от внучки к детям, и тут уже графиня взяла разговор в свои руки.

– Александр любил Алтею, сватья. Я знаю, у Марии были сомнения на этот счет, возможно, и у вас тоже. Но он действительно ее любил и действительно хотел жениться на ней. Не его вина, что все сложилось так, как сложилось, но знайте: в моих глазах и в глазах Николая несколько слов, произнесенных или не произнесенных священником, ничего не меняют.

– Я уже поняла это, – слабо улыбнулась София. – Мэри объяснила мне, что svat'ya – это русское обращение друг к другу женщин, дети которых вступили в брак.

– Именно, – кивнула Ольга Дмитриевна, подавая знак Степану, который тут же налил в бокал госте поданного к осетрине белого вина. – Господь благословил наших детей достойной дочерью, и это единственное, что имеет значение.

– Алтея тоже считала свою беременность благословением, поэтому и назвала дочку Мэри в знак благодарности Пресвятой Деве, – негромко ответила бельтайнка.

– Думаю, она понравилась бы мне, – голос графини слегка дрожал. – И думаю, Саша

вам тоже понравился бы. Как жаль... Но не будем об этом, а то Николай застанет нас в слезах и будет ворчать.

– Буду, – донеслось от дверей. – Всенепременно буду, – с этими словами в столовую вошел Николай Петрович. Поцеловал жену в щеку, кивнул Мэри и полностью сконцентрировал внимание на поднявшейся Софии. – Сударыня, – он решительно пресек попытку рукопожатия, низко поклонившись и прикоснувшись губами к руке бельтайнской гостьи. – Как прикажете обращаться к вам? Капитан или сестра?

– Просто София, – рассмеялась та. – Я давно в отставке, а что до сестры, то я всего лишь послушница.

– Вы не давали полного обета? – заинтересовалась Ольга Дмитриевна.

– Я и не могла его дать. У меня были мужчины, были дети – какая из меня невеста Христова?

– Странно... У нас правила немного другие... впрочем, неважно. Вы сказали – дети?

София погрузилась в размышления.

– Моя старшая дочь, Дороти Грейс, умерла во время операции по вживлению тарисситового импланта. Это ведь довольно опасно, двое из пяти детей не выживают, Мэри тоже чуть не умерла...

Супруги Сазоновы переглянулись, и Мэри показалось, что она понимает, о чем они думают: и они, и София потеряли детей. Но у них осталось еще шестеро сыновей и дочерей и множество внуков, кроме того, они были друг у друга, а у Софии – одна только Маша. Однако София явно не собиралась позволять разговору оставаться печальным.

– Svat... я правильно сказала?

– Правильно, сватья, – польщенно улыбнулся Николай Петрович.

– Мэри сказала мне, что вы курите. На Бельтайне растет неплохой табак. Сама она предпочитает «Восход Тариссы», но есть еще «Закат», более подходящий мужчинам. Надеюсь, вам понравится... – она повернулась было к небольшому столику у стены, но Степан опередил ее, подхватив и поставив между ней и графом три массивных коробки, сделанных из муренового дерева. – Я не знала, что еще привезти вам в подарок, у Бельтайна не так уж много того, чего не было бы в Империи. А вы, Ольга, наденьте все-таки цепочку. Тариссит, даже не будучи имплантированным, благоприятствует мозговому кровообращению. Насколько я знаю Мэри, вам это не повредит.

Под дружный смех за столом Мэри встала и попятилась к двери, подмигивая Степану.

– Далеко собралась? – ну конечно, как она могла подумать, что ее действия ускользнут от внимания Софии.

– С ребятами хочу посидеть, пусть расскажут мне о том, что представляет собой «Джокер».

– Ну ступай. Только, Мэри...

– Да?

– Много не пей! – в один голос произнесли все трое и снова расхохотались.

В ожидании такси, вызванного вездесущим Степаном, Мэри переоделась. Ей казалось неправильным сидеть со своим экипажем в кабачке при космопорте, будучи облаченной в форму. Ребята в отставке, как и она, но они-то, похоже, форму уже не носят совсем. Так что Мэри надела полотняные брюки и легкий джемпер из мягкой светло-зеленой пряжи. Сунула ноги в тонкие кожаные туфли. Окинула себя взглядом в большом зеркале. Что ж, неплохо. Ага, еще бы это было плохо, за такие-то деньги! Прогулка за покупками в обществе Екатерины многому ее научила. В частности, Мэри поняла, какой же вульгарной дешевкой выглядела пресловутая мисс Аманда Робинсон в своих аляповатых нарядах. О макияже и говорить не приходится, позор да и только. Может быть, неплохо для «Золотого Клевера» или же заведений Пространства Лордан, но здесь... Учиться. Опять учиться. Учиться не только быть, но и выглядеть достойной имени, которое совсем скоро она будет носить официально. Положение обязывает.

Космопорт был окружен кварталами, состоящими, казалось, только из магазинов, гостиниц и разнокалиберных ресторанов, от простеньких забегаловок до роскошных заведений. Команда ждала ее в «Лунном свете» и сделанный ими выбор Мэри понравился. Не слишком дорого, но и не слишком дешево. Во всяком случае, есть определенная надежда, что здесь Рори ни с кем не подерется. Хотя кто его знает... В последнее время ее двигателист как с цепи сорвался. Впрочем, они устали. Все они. И, наверное, отставка и штатская жизнь – при наличии хорошего корабля – это то, что им нужно. Всем им. И ей в том числе. Хорошо иметь дом и семью, кто бы спорил, но, наверное, надо привыкать к этому с детства. В противном случае после первого радостного изумления приходит такое чувство... Странное. Преувеличенные заботы домашних; плохо завуалированные матримониальные планы бабушки Ольги; проскальзывающие даже у своей в доску Екатерины наставления о том, как должна одеваться, выглядеть и вести себя девушка из такой знаменитой семьи... Все равно что пойти купаться в гравикомпенсаторной броне: утонуть невозможно, но удовольствия никакого.

В «Лунном свете» было в меру шумно и в меру весело. Именно в меру, и Мэри еще раз оценила предусмотрительность... Элис, наверное. Для Рори здесь скучновато, а братьям Рафферти вообще все равно, где быть, лишь бы рядом. Близнецы в Линиях рождались редко, но именно в Линии Рафферти, как и в семье, были делом обычным. Эта парочка была вместе всегда, с самого рождения. Вместе учились, вместе летали. Частенько один начинал фразу, а другой ее заканчивал. Две половинки целого, и спроси ее кто-нибудь – она затруднилась бы с ответом, хорошо это или плохо. Для службы хорошо, а для жизни? Сейчас они совершенно одинаково улыбались ей от столика – сдержанно и немного лукаво. Рори откровенно скалился, его рука лежала на плече Элис. Второй пилот не возражала против этого, и Мэри удовлетворенно усмехнулась про себя. Вот и хорошо, вот и славно. Может быть, Рори уgomонится наконец. А что? И не такие чудеса случаются.

Жестом помешав команде вскочить с места при ее приближении, она уселась на диван и с удовольствием отхлебнула пива из приготовленной для нее кружки. Откупоренный бочонок стоял тут же на приставном столике.

– Слушай, командир, – провозгласил вместо приветствия Рори, – омары у них тут просто объ-едение! Как они их варят, это что-то! Только мелковаты...

– Это не омары, Рори, это называется *gaki*. Но ты прав, действительно вкусно, – улыбнулась она. И как-то так получилось, что о достоинствах (невероятных) и недостатках (отсутствующих) яхты они в этот вечер почти не говорили. Шутили, смеялись, вспоминали, перебивая друг друга, эпизоды совместной службы... Просидели до глубокой ночи, договорились, что пока что «Джокер» останется на Кремле, обнялись на прощанье.

И ни один из них не обратил внимания на неприметного человека, весьма довольного имеющимся уловом. Теперь-то ему было, что продемонстрировать. Нанимателю понравится.

Глава 13

Ноги и ресницы у женщины должны быть длинные, грудь и скулы – высокие, волосы и муж – богатые. Желательно также, чтобы муж был самую малость недотепой. И вот тогда можно устроить свою жизнь так, как считаешь нужным ты сама, а не помешанный на долге и чести папенька. Что они, спрашивается, ему принесли, эти самые честь с долгом? Деньги? Семья жила в достатке, но и только. Славу? Кому они нужны, эти ордена, если не уметь пользоваться теми возможностями, которые – лишь чуть-чуть усилий! – вытекают из обладания ими. Титул? Да таких жалованных графов в Империи пруд пруди!

Ей еще повезло, она родилась уже после того, как отец стал его сиятельством. И вдвойне повезло, ведь ни в лице, ни в фигуре не было решительно ничего от Сазоновых. Потому и замуж вышла удачнее всех. Муж – граф в пятом поколении, преуспевающий адвокат. Даже и до брака был человеком небедным, а уж она-то постаралась приумножить

имеющееся и заодно завести полезные знакомства и связи. Этот увалень, похоже, даже не догадывался, чему он обязан головокружительным взлетом карьеры и новым окружением. Да. Она молодец. А посмотреть на сестер... смех один! Татьянин Евгений даже не дворянин. Уж если тебе так было надо выходить замуж за лекаришку, так хоть выбрала бы военного. А Василий? В пятьдесят девять лет быть только полковником, да еще и служить по ведомству князя Цинцадзе! Позорище... Братец Сашенька при всех своих закидонах был полковником в сорок один и голубым мундиром себя не марал! А ведь последняя его выходка, того и гляди, выйдет боком всем, хоть как-то причастным, не дай бог и ее зацепит...

* * *

Утро выдалось отвратительное. Причем ничто, буквально ничто не предвещало неприятностей. Екатерина проснулась в великолепном расположении духа. По обыкновению, осталась в постели до тех пор, пока Василий не отбудет на службу. Посадила Тимошу и Анечку завтракать, привычно вздохнула о том, что старшие кто где... И вот тут-то черти принесли Лидию.

Визит сестрицы и сам-то по себе был из ряда вон выходящим случаем – они друг друга не жаловали с детства. Но Лидия, обыкновенно желчная и высокомерная, просто светилась изнутри и говорила настолько медовым голосом, что Екатерине сразу стало ясно: в рукаве у графини Денисовой припрятана какая-то пакость. Настроение немедленно испортилось, чему немало способствовали пространные рассуждения Лидии о том, как неправильно устроена жизнь младшей сестры. Причем паршивка не стеснялась говорить всю эту чушь при детях, а ведь все-таки родня, из-за стола не выгонишь. Хорошо хоть сообразительная Анечка ловко поторопила обычно медлительного Тимошу и оба выкатились из столовой буквально через несколько минут.

Екатерина с облегчением перевела дух, стерла с лица не нужную больше любезную улыбку и сухо поинтересовалась:

– Ну, выкладывай, с чем пожаловала. И побыстрее, у меня много дел.

– Небось опять майора будешь опекать? – приторно улыбнулась Лидия. Называть Мэри племянницей она совершенно не собиралась.

– А если и так? Тебе-то что? – плоскость, в которую неожиданно перетек разговор, не нравилась Екатерине абсолютно.

– Да мне-то ничего, только ей твои уроки впрок не идут. Видно, материнская кровь перевешивает. Из такой грязи в князи не выбиться, уж больно грязь глубока. Еще и тебя за собой утащит. Смотри, конечно, дорогая, тебе жить, но ты бы хоть о детях подумала!

– Лидия, – процедила Екатерина сквозь зубы, – что ты несешь? Допустим, Маша тебе не нравится, но она наша племянница. Как ты – моя сестра, хоть и не нравишься мне.

– Племянница?! – взвизгнула Лидия. – Ах, племянница! Ну так полюбуйся на свою племянницу, только меня к этой особе не припутывай, – она швырнула на стол футляр с кристаллом. – Посмотри-посмотри, авось хоть теперь что-то поймешь.

Пристально глядя в глаза сестры (против обыкновения та не стушевалась; да что же там?), Екатерина брезгливо, двумя пальцами взяла со скатерти кристалл и отправилась в кабинет мужа. Ничего такого, что нельзя показать посторонним, там нет, а приглашать вскочившую на ноги Лидию к себе... вот уж дудки. Да и до кабинета от столовой ближе. Немного помедлив, младшая из сестер собралась с духом и вставила кристалл в считывающее гнездо. За плечом торжествующе сопела незваная гостья. Итак...

За столиком в каком-то заведении веселится компания. Вот Маша. Между прочим, прекрасно выглядит. Вот какой-то изрядных размеров обормот в берете без кокарды. Вот разбитная девица, чей бритый череп украшен странного вида татуировками. Вот два близнеца – красавцы, кстати. Звука нет, одно только изображение, но умение капитан-лейтенанта Зарецкой читать по губам пасует: говорят не по-русски. Да и, пожалуй, не на унике. Все пятеро хохочут, оживленно жестикулируют, хлопают друг друга по плечам,

чокаются огромными пивными кружками. Здоровяк говорит явную, судя по выражению лица, скабрёзность. В ответ Маша с самым грозным видом подносит к его носу кулак, но не выдерживает и начинает смеяться, а точнее – ржать. Близнецы хватают каждый по раку, начинают трясти ими в воздухе, бритоголовая малышка сползает под стол... Изображение прыгает, с освещением вообще творится непонятно что, но впечатление пьяного разгула – полнейшее.

Не выдержав, Екатерина выключила запись. Мысли неслись вскачь. Маша... как она могла? Рядом, не давая сосредоточиться и разобраться в увиденном, Лидия бубнила что-то о чести семьи, и отставной каплей не стала сопротивляться захлестнувшей ее ярости.

– Вот что, дорогая! – развернулась она на каблуках, предельно ласково беря сестру за верхнюю пуговку нарядной блузки. – Ради твоей же собственной безопасности надеюсь, что это, – она мотнула головой за плечо на погасший экран; хрустнули позвонки, – единственный экземпляр. Потому что если, нет... если эта гадость где-нибудь всплывет или, не дай бог, попадется на глаза родителям... я выпорю тебя своим ремнем. Офицерским. С пряжкой. Причем там, где найду. Ты меня поняла? Пошла вон!

Лидию как ветром сдуло, а Екатерина, на бегу отдавая распоряжения приглядеть, до прихода гувернантки, Анечке – за братом, а кухарке – за обоими, вихрем взлетела по лестнице. Надо срочно поговорить с Машей, прямо сейчас, и лично, только лично. Должно быть объяснение, должно!

Мэри проснулась рано, позавтракала с дедом и поднялась к себе. Из открытого окна тянуло свежестью, в саду по соседству кто-то невидимый стриг лужайку, и бодрое, хотя и не слишком мелодичное пение перекрывало тихое жужжание косилки. Интересная штука получается. Верно говорят, что за все надо платить. Несмотря на все усилия селекционеров вывести сорт травы, одновременно приятный для хождения босиком и не вырастающий дальше определенной высоты, не удавалось. А походить босиком в пригородах Новограда любили, она уже успела убедиться в этом, наблюдая за соседями. Хотя, возможно, дело было в том, что рядом с дедом жили такие же, как он, флотские. Искусственно выведенная низкая упругая трава была очень красивой, но далеко не такой приятной, а главное, не такой живой на ощупь, как та, которую приходилось подстригать. Мэри прекрасно понимала этих людей. Да, конечно, броневые плиты палуб хороши и привычны, как и пластиковые и керамические коридоры космических станций. Чистые, аккуратные, даже элегантные порой. Но жизни в них нет, и там, среди звезд, иногда накатывает тоска по такой вот живой травке.

Она вынула из кроватной спинки то, что положила туда накануне, сунула футляр с кристаллами в карман куртки и решительно вскрыла конверт. Найти такой же не проблема, но она должна точно знать, что именно будет вручать императору. Ага. Ну что ж, совсем неплохо. Если бы еще какой-то умник не додумался перечислить все ее награды, звания и регалии... Хотя черт его знает, может быть, так и должны выглядеть верительные грамоты, она-то не специалист. Ладно, это мы покажем Ираклию Давидовичу, он человек опытный, а пока – обратно в конверт.

Мэри вставила в считыватель один из кристаллов. Так, понятно, это и есть официальные предложения Бельтайна Империи. Шон держится молодцом, говорит размеренно и спокойно. За его спиной – Генри Морган, мать Агнесса, полковник Фортескью и Лорена. Правильно, костяк обновленного Совета, те, на кого принципал О'Брайен может безоговорочно положиться. Кто-то очень постарался написать Шону прекрасную речь и как следует подогнать костюм. Мэри просто залюбовалась бывшим сослуживцем. Говорит с достоинством, коротко и по существу. Не лебезит, не фамильярничаёт, один властитель обращается к другому, все верно. Да, размеры подотчетных территорий и численность опекаемого населения несоизмеримы, но в статусе принципал и император почти равны. Под конец достопочтенный Шон О'Брайен рекомендует его величеству майора Гамильтон ап Бельтайн как полномочного представителя Совета Бельтайна и его народа. Отлично! Теперь посмотрим второй кристалл, там наверняка экономика. Ладно, прорвемся, что нам только не

читали в Корпусе и в Академии. Однако все, что Мэри успела сделать – это вставить в гнездо второй кристалл и убедиться, что там действительно экономические, политические и военные выкладки. Дверь ее комнаты распахнулась, и на пороге возникла наспех причесанная Екатерина.

Мэри небрежно смахнула кристалл с обращением Совета и конверт в ящик стола, погасила экран и приветливо улыбнулась:

– Здравствуй, Катя!

Та быстро захлопнула за собой дверь, прижалась к ней лопатками и посмотрела на Мэри так напряженно, что племянница всерьез испугалась за душевное равновесие тетушки.

– Маша, нам надо поговорить, немедленно! – выпалила Екатерина, проносясь мимо поднявшейся на ноги девушки к столу.

– Ну надо – так надо, – Мэри спокойно пожала плечами. – Да что случилось-то?

– Это я у тебя должна спросить, что случилось! – рывкнула госпожа Зарецкая, выдергивая кристалл из считывателя, отбрасывая его в сторону и вставляя на его место принесенный с собой. – Маша, это что?!

Пару минут бельтайнка просматривала запись подряд, потом включила ускоренное воспроизведение, снова начала смотреть... Где-то глубоко внутри поднимался гнев.

– Где ты это взяла? – холодно спросила она.

– Неважно! – взвилась Екатерина. – Ты хоть понимаешь, что ты натворила, это же...

– Где. Ты. Это. Взяла, – раздельно повторила Мэри, и капитан-лейтенант вдруг отчетливо поняла, что разговаривает со старшей по званию. И эта старшая зла так, что вот-вот взорвется.

– Лидия принесла! – неожиданно почувствовавшая себя виноватой тетка решила перейти в наступление. – Маша, послезавтра ты будешь представлена его величеству, и ты позволяешь себе надираться в портовых кабаках с какими-то подозрительными личностями?! Это...

– Это моя команда, Катя. Тебе ясно? Моя команда. Мой экипаж. Мои люди. И посмей только еще раз назвать их подозрительными личностями!

На Мэри было страшно смотреть. Глаза сузились, кулаки сжались, голос напомнил Екатерине шипение попавшейся ей как-то в детстве змеи. Она поискала, куда бы присесть, и села на стол. Все было ясно, совершенно ясно, и Катенька вдруг почувствовала себя дурой.

– Извини, – пробормотала она. – Я не знала...

Вспышка миновала. Племянница отвернулась к окну, ссутулилась и заговорила глухо и отчужденно:

– Это мои люди, Катя. Рори О’Нила я помню столько же, сколько себя. Он громче всех кричал «полукровка!» и первый перестал меня так называть. Правда, пришлось выбить ему два зуба, но это такие мелочи... Он был в самом первом моем экипаже, мы вместе продирались через Хэйнань, и двигатели корабля выполняли мои команды еще до того, как я их отдавала. После этого рейда мой второй пилот подала в отставку... слишком сильные впечатления... я ведь тебе рассказывала про тот полет... она сейчас миссис принципал, первая леди Бельтайна... и на ее место пришла Элис Донахью. А девять лет назад ко мне попали братья Рафферти. Катя, ты ведь сама офицер, ну как же ты не понимаешь... мы вместе летали, вместе дрались, вместе горели. У нас были общие победы и общие поражения. Они могли еще служить и служить, но вышли в отставку в один день со мной, чтобы не летать с другим командиром. И после этого я не могу с ними выпить? Да в уме ли ты?!

Екатерина подошла к Мэри, обняла, прижала к себе. Она была чуть ниже племянницы, но сейчас казалась себе большой и сильной.

– Прости меня, детка, – прошептала она, чувствуя, как рубашка становится мокрой там, где девушка уткнулась в ее плечо. – Прости меня. Я правда не знала. И не имела права так к тебе врываться и в чем-то обвинять. Прости. А Лидию я точно приблю. Это ж надо быть такой...

Мэри высвободилась из объятий тетушки, плюхнулась на кровать и похлопала по покрывалу рядом с собой.

– С Лидией разберусь я. Чуть позже, когда с делами закончу. Я тебя только об одном прошу: если она еще раз к тебе явится, посылай сразу к черту или ко мне. Без разницы. И кстати, «Лунный свет» никакой не портовый кабак, а вполне приличное заведение. И мы там очень мирно посидели, Рори даже не подрался ни с кем...

Екатерина не выдержала и расхохоталась:

– Это у тебя основной критерий?

– А то! Знала бы ты, сколько раз мне приходилось его оттаскивать от таких же задир! Да меня на Марико знали все сержанты, не поверишь! Думала – сопьюсь к чертовой бабушке, ведь после каждой драки надо было контакты налаживать. Зачем нам военная полиция?!

Теперь смеялись обе.

– Вот что, – решительно сказала Мэри, поднимаясь. – Поехали, я тебя с ними познакомлю, заодно и «Джокер» покажу.

День, в отличие от утра, прошел просто замечательно.

Уже поздним вечером Екатерина решила поделиться своими переживаниями с мужем. Василий вскользь просмотрел злополучную запись, хмыкнул и раздраженно повертел головой.

– Кем бы ни был тот, кто это снимал, ему явно было приказано искать компромат. И он его нашел, а точнее – создал. Самый лучший вид лжи: правда, но не вся. Ты ведь даже не обратила внимания на обстановку, верно? В общей сложности эта кутерьма занимает около трех часов, и заметь: в кадр за все это время ни разу не попал недовольный охранник. Официант, пребывающий в прекрасном расположении духа, попал, а охранник – нет. О чем это нам говорит?

– О том, что охране эти посиделки не были интересны, – тоном примерной ученицы ответила Катенька.

– Правильно, милая. Да, они веселились, но не до такой степени, чтобы кому-то мешать. Это первое. Второе. Бог с ним, с названием заведения, но просто даже по мебели, приборам и подаваемым блюдам видно, что это не забегаловка для шпаны. Портовый кабак?! Чушь собачья! И последнее. Выражение лица Мэри. Она счастлива, это очень заметно. Неужели ты так плохо думаешь... даже не о ней, о тех, кто присвоил ей звание майора? Боевой офицер может пить с кем угодно, но получать удовольствие от процесса он будет только с равными. В этом самом «Лунном свете» девочка сидела со своими. А кто для нее свой? Ты же внимательно изучала ее биографию. Кто – свой? Свой до такой степени, что и кулак можно сунуть под нос, и хохотать по этому поводу? Какая-нибудь шваль? Не смешно, Катюша, ты же видела Машу, разговаривала с ней.

– Да что уж там говорить, – покаянно вздохнула Катенька, прижимаясь к мужу. – Дура я.

– Ты не дура, – улыбнулся полковник Зарецкий. – Ты прелесть. Тебе нравится эта девочка, и ты взорвалась, увидев что-то, что выходит за рамки твоих представлений о ней. Это нормально. Плохо другое. Как твой муж, я в полной мере приветствую твой темперамент. Но сегодня ты могла наломать таких дров, что всем миром не разгребли бы. Катя, пойми. Когда, ты сказала, в команду капитана Гамильтон вошли братья Рафферти? Девять лет назад? Так вот, насколько я представляю себе отношения в бельтайнских экипажах, на протяжении девяти лет эти четыре человека были семьей Маши. Они – девять лет. Мы – неделю. Ей трудно. Ей очень трудно. Она разрывается между семьей по крови и семьей по духу. Не хочу ничего плохого сказать о твоих родителях, но они видят в Маше внучку, и только. Дочь погибшего сына, по сути – маленькую девочку. Но она не ребенок. На ее долю выпало столько всего, что не каждый престарелый ветеран может похвастать таким жизненным путем. Можно сколько угодно рассуждать о том, что седина ей к лицу, однако

следует четко понимать, что просто так люди не седеют. Она прошла огонь, воду и медные трубы. Летала, дралась, горела – с ними. Не с нами. Разнимала драки двигателялиста, растила второго пилота под себя, зарабатывала право на именной корвет. Тридцать три года она была Мэри Александрой Гамильтон – и не просто выжила, а стала кое-где легендой. Шварце Мария Хеммильтон, кто бы мог подумать, что эти флегматики могут быть поэтами... Она не дочь знаменитого полковника Сазонова, она не дочь знаменитой Алтеи Гамильтон, она знаменитая Мэри Александра Гамильтон ап Бельтайн. А Марией Сазоновой она стала только на днях. Ты знаешь о том, что ее экипаж, чтобы не дать Джастину Монро ее сожрать, был готов объявить о неповиновении Совету Бельтайна? Поднять мятеж? Ты не бледней, милая, это правда. Они бы сделали это, если бы не было другого способа спасти ее, и в случае неудачи встали бы перед расстрельной командой рядом с ней. И она это знает. И если Мария Александровна Сазонова не сможет выпить со своим экипажем – со своей семьей! – на Кремле, Мэри Александра Гамильтон выпьет с ними где-нибудь еще. На Бастионе Мариико, на Перекрестке Харта, в Пространстве Лордан, у черта на рогах – но Кремля в списке не будет. А что касается твоей сестры...

– Маша сказала, что разберется с ней сама...

– Да-а? – приподнял бровь Василий и лицемерно вздохнул: – Остается только посочувств– вовать графу Денисову – так ведь и овдоветь недолго!

Вторник прошел суматошно. Накануне Мэри вернулась домой только ближе к вечеру – познакомила Екатерину с экипажем и яхтой. Тетушка пришла в полный восторг как от корабля, так и от команды. Люди, которых Мэри представила ей, вы-глядели совсем не так, как на злополучной записи. Да, Рори О’Нил был ярко выраженным скандалистом, и как офицер она посочувствовала племяннице. Держать такого в руках (а еще лучше в ежовых рукавицах) – задача нетривиальная. Но как специалист он не вызывал ничего, кроме уважения. Малышка Элис оказалась толковым заместителем, Катенька и сама в бытность свою капитан-лейтенантом от такого не отказалась бы. Синхронность близнецов поначалу утомляла, но их компетентность не вызывала сомнений. Хорошая коман– да. Девочка проделала прекрасную работу, о чем Екатерина ей и сообщила. Увы, племянница слишком торопилась вернуться к работе и большую часть восхищения родственницы пропустила мимо ушей.

Финансовые отчеты, военные выгоды, политическая составляющая... Как же все это сложно, а времени мало, совсем нет времени. Ладно, следует надеяться, что большой прием и аудиенция у императора (буде таковая состоится) произойдут не в один день. Хорошо хоть Ираклий Давидович приехал. Вдвоем они заперлись в кабинете адмирала Сазонова, категорически велев не беспокоить. Дед к такому повороту событий отнесся стоически, София и вовсе не обратила внимания, и Ольга Дмитриевна, оставшаяся в явном меньшинстве, тяжело вздохнула, но промолчала. И теперь они сидели, внимательно изучая присланные Мэри материалы, без конца курили и так и эдак прикидывали, что стоит говорить на аудиенции, а что нет. В конце концов князь решительно отключил терминал, заявив, что когда назначат аудиенцию, не ясно, а вот прием будет завтра и надо как следует к нему подготовиться.

Прежде всего – что надеть? Ираклий Давидович категорически отмел штатский вариант, чему Мэри была несказанно рада.

– Только парадная форма, – провозгласил он, когда речь зашла об одежде. – Ольга, ты же умная женщина, должна понимать. Вы принимаете в семью... кого? Сашину дочку? Хорошо, но мало. Найдется немало болтунов вроде... хм... неважно... Найдется немало болтунов, рты которых следует заткнуть сразу и навсегда. Поэтому – только майор Гамильтон ап Бельтайн. Парадная форма, все ордена – Николай, тебя это тоже касается. Пусть Степан покажет все, на что способен. Чтобы сверкало, хрустело и подавляло. Маша, полное хладнокровие. Полнейшее. Ты ничего не выключиваешь, ты занимаешь место и положение, которые принадлежат тебе по праву. Его величество согласен с этой точкой зрения. Далее. Предварительную подготовку я провел, в общем и целом Георгий

Михайлович в курсе того, о чем и почему ты будешь просить. Никаких сомнений, никаких колебаний. У тебя только одна попытка и ты должна ее реализовать. Ради своей родины. Ради общего будущего. Ради общего блага. Поняла? Молодец. Марш в постель, круги под глазами не лучший способ понравиться двору.

Мэри изо всех сил старалась не нервничать, но обстановка заставляла поддрагивать левую руку, на сгибе локтя которой лежал берет с отполированной Степаном кокардой. В огромном зале яблоку было негде упасть. В толпе тенями скользили облаченные в ливреи молодые люди с подносами. Широкий проход посередине, от дверей до возвышения, на котором стоял император со свитой, оставался свободным. Время от времени распорядитель вы-кликал имена тех, кто сегодня обращался с про-сьбой к его величеству, на какой-то момент окружающие замирали в ожидании высочайшего решения, а потом снова волной накатывал гул голосов.

Хуже нет – ждать и догонять. Еще немного, и сжавшаяся внутри пружина не выдержит напряжения и сорвется. Да когда же...

– Адмирал флота в отставке граф Николай Петрович Сазонов! Майор в отставке военно-космических сил Бельтайна Мэри Александра Гамильтон ап Бельтайн! – провозгласил распорядитель.

Вдох. Выдох. Пошли. В ногу с дедом, печатая шаг, в парадном темпе два шага в секунду. Только не оступиться, только не поскользнуться... Что за чушь лезет в голову, как можно поскользнуться в пилотских ботинках? Вперед, только вперед, в полной тишине. Справа мелькает знакомое лицо... К черту знакомые лица. Потом, все потом. Смотри на императора, осталось двадцать шагов... десять... пять...

– Я слушаю вас, граф! – глубокий сильный голос, голос человека, привыкшего повелевать. Константин стоит по правую руку от императора, он очень похож на отца... отставить посторонние мысли!

– Государь! Я имею честь представить вашему величеству свою внучку, дочь моего покойного старшего сына Александра. Рекомендую: Мери Александра Гамильтон ап Бельтайн.

Доброжелательная улыбка, легкий кивок:

– Я рад приветствовать в моей столице и при моем дворе достойную дочь достойного отца и достойную внучку достойного деда Марию Александровну Сазонову.

Шорох в зале... не обращать внимания. Как учили: два шага вперед, опуститься на одно колено, склонить голову...

– Встаньте, графиня.

Шум, возбужденные голоса... произошедшего хватит сплетникам надолго... не отвлекаться.

– Есть ли у вас просьбы ко мне и к Империи?

Вперед, девочка, вот оно!

– Я прошу ваше величество об аудиенции.

– Вы получите ее, графиня. Обсудите этот вопрос с моим секретарем, – жест в сторону благо-образного дяденьки лет девяноста, слишком благообразного для безукоризненной выправки. Поклониться. Отойти. Выдохнуть. Ты молодец, ты справилась, остальное – детали, по крайней мере – до аудиенции. Благообразный дяденька серьезен, но в глубине глаз проскальзывают смешливые искорки.

– Поздравляю вас, графиня. Разрешите представиться: барон фон Фальц-Фейн. Давайте уточним детали вашей встречи с его величеством. Вас интересует обед во дворце или же речь пойдет о делах?

– Речь пойдет о делах, барон.

– В таком случае, что вы скажете об одина-дцати часах послезавтра, в пятницу?

– Мне подойдет любое время, которое подойдет его величеству, – слегка поклонилась Мэри. Как просто...

– Итак, решено... эээ... одну минуту, графиня... – секретарь, глядя в сторону, поправил клипсу коммуникатора, выслушал что-то неслышимое для собеседницы, едва заметно кивнул и снова повернулся к ней:

– Вы не будете возражать против присутствия при вашем разговоре с его величеством великого князя Константина?

– Его императорское высочество окажет мне честь своим присутствием.

– Прекрасно. Стало быть, послезавтра в одиннадцать.

Мэри отошла к деду. Только сейчас, когда расслабившиеся пальцы закололи крохотные иголки, она поняла, как крепко сжимала кромку берета. Теперь можно оглядеться и вспомнить, чье лицо мелькнуло в толпе, когда она шла по проходу... Стоп, уже можно не вспоминать.

– Я счастлив снова видеть вас, донья Мария! – провозгласил протолкавшийся к ним Хуан Вальдес.

Сеньор Вальдес любил поворачать по поводу своей работы, но на самом деле она ему нравилась. Восемь лет назад он прибыл на Кремль в качестве помощника военного атташе и так наладил работу своего сектора, что два года спустя занял место шефа. Никаких интриг, сеньоры! Ну, или почти никаких. Дело надо делать, а не надеяться, что все как-нибудь устроится само. Разумеется, никаких военных действий между Империей и Рах Мехи-сапа нет и быть не может, но *qui desiderat pacem, praeparet bellum*, кто хочет мира – пусть готовится к войне.

Красавец и дамский угодник, светский человек и блестящий танцор, Хуан Вальдес посещал решительно все мероприятия, бывать на которых ему позволяли его статус и личное обаяние. И уж конечно большие императорские приемы занимали в списке одну из первых строчек. На таких приемах частенько бывают те, кому что-то нужно. По характеру просьбы, с которой человек обращается к императору, можно судить о его потребностях и затруднениях. А дальше – дело техники. У хорошего дипломата никогда не бывает слишком много друзей или тех, кто чем-то ему обязан. Не говоря уж о том, что сплетни – любые – это кладезь информации, которой тоже не бывает слишком много. Что только не доводилось ему слышать, запоминать и часами анализировать. И хотя жемчужины в кучах навоза находились не часто, сеньор Вальдес продолжал кропотливо искать их.

Надо сказать, что ему давненько не попадалось ничего существенного, но сегодня он был с лихвой вознагражден за вынужденную скуку последних недель. К началу приема он самым нелепым образом опоздал. Ах, эти русские женщины! Ну совершенно невозможно собраться вовремя! Графиня... но тссс, истинный кабальеро никогда не хвастается своими победами и пуще глаза оберегает честь дамы. Так или иначе, к приходу Вальдеса прием был уже в самом разгаре. Все, что он успел, это перекинуться парой слов со знакомыми и отметить, что неподалеку от входа в зал стоит адмирал флота Сазонов. Удивлению его не было предела: старый граф мероприятия такого рода не жаловал и с просьбами к императору на памяти Хуана не обращался никогда. Надо было ловить удачу за хвост, но когда распорядитель огласил имена очередных просителей, сеньор Вальдес поперхнулся. Не может быть... А вот может. Как же она изменилась... Что-о?! Внучка адмирала?! Определенно Фортуна сегодня на стороне военного атташе!

– Я счастлив снова видеть вас, донья Мария! – произнес он, и сказанное было чистой правдой.

– Я тоже рада, дон Хуан! – улыбнулась Мэри, протягивая ему руку. Должно быть, со стороны это выглядело странно: не каждый день один усыпанный орденами офицер целует руку другого усыпанного орденами офицера. Но сеньор Вальдес не собирался ограничиваться рукопожатием.

– Донья Мария, я никак не ожидал увидеть вас на Кремле, – Вальдес поднял голову, но руки Мэри не выпустил. – Я удивлен нашей встречей, но отнюдь не обстоятельствами, при которых она произошла. Еще когда мы с вами учились на Картане... ах, золотое время!..

в вас не было решительно ничего плебейского. И оставалось только гадать, какой достойный человек обратил на себя благосклонное внимание вашей прославленной матушки... Могу ли я надеяться, что вы представите меня его высокопревосходительству?

– Простите, сеньор, я несколько растеряна, вы понимаете... Дедушка, это дон Хуан Вальдес, мы учились на одном факультете Академии Свободных планет, а впоследствии возобновили знакомство во время моей службы на Санта-Марии.

Вальдес отпустил наконец ее руку, щелкнул каблуками, обменялся рукопожатием с Николаем Петровичем и снова рассыпался в комплиментах, поздравлениях и воспоминаниях. Наконец Мэри не выдержала:

– Вы изменились, дон Хуан. Когда-то вы предпочитали танцевать, а не разговаривать...

– Я и сейчас предпочитаю танцевать, графиня, но здесь, увы, не потанцуешь, а кроме того, моя работа обязывает меня к совершенно неподобающему для кабальеро многословию. Однако я надеюсь, что вы окажете честь посольству Рах Мехисана и посетите нашу традиционную фиесту в эту пятницу. Обещаю вам, что там будет много музыки, много танцев – и никаких разговоров!

– Я ничего не могу обещать вам, сеньор, – улыбнулась Мэри. – Но если мои обязательства перед другими людьми позволят мне выкроить время для танцев, я непременно буду на фиесте в посольстве.

– О, я ни в коем случае не смею настаивать, донья Мария, я понимаю, у вас сейчас много дел... но, возможно, вы согласитесь пообедать со мной сегодня? Разумеется, если его высокопревосходительство не возражает?

Возразить или согласиться Николай Петрович не успел, как и сама Мэри – за ее спиной прозвучал насмешливый мужской голос:

– Боюсь, сегодня вам не повезло, сеньор Вальдес: графиня уже обещала пообедать со мной!

Мэри, которая ничего подобного Василию Зарецкому не обещала, повернулась, чтобы поставить его об этом в известность, и наткнулась на многозначительный взгляд и едва заметное подмигивание.

– Увы, дон Хуан, штатская жизнь самым прискорбным образом повлияла на мою память – я стала забывать данные обещания, – проворковала она. – Сегодня действительно ничего не получится, так что нам с вами остается надеяться на встречу в пятницу.

Изящно выстроенной фразой она пресекла уже готовые вырваться у Хуана предложения об обеде завтра и с милой улыбкой взяла свояка под руку.

– Мы должны еще оставаться здесь или можем отправляться? Признаюсь, я так волновалась с утра, что была не в состоянии позавтракать...

– Мы можем идти. Моя машина ждет. Сеньор!

Вальдесу ничего не оставалось, как только щелкнуть каблуками, склонить голову и проводить взглядом удаляющуюся троицу. Сегодня сорвалось. Ну да ничего, будет и на нашей улице праздник.

– Уффф! Отвязались... – вздохнул Николай Петрович, когда они шли по аллее к выходу из дворцового парка. – Теперь можно и домой. Ты молодец, Василий, ловко окоротил этого болтуна.

– Но я действительно рассчитываю пообедать сегодня с Марией, Николай Петрович, – возразил Зарецкий. – Есть некоторые моменты, которые я хотел бы обсудить с ней не в стенах. Вы извините нас?

– Опять дела, – поморщился граф. – Ладно, что уж с вами делать. Но чтобы к ужину были! И Катя пусть подъезжает!

– Непременно, – кивнул Василий, и несколько минут спустя они с Мэри уже сидели в плавно скользящей над городом машине. К удивлению девушки, в дороге ее спутник не произнес и дюжины слов. Чем уж ему не угодила его же собственная машина, она уточнять не стала. Люди князя Цинцадзе крайне редко делают что-либо просто так.

Ресторан назывался «Подкованный ботинок». Усмехнувшись удивлению Мэри, Василий пояснил, что когда-то, до изобретения искусственной гравитации, по палубам кораблей и коридорам космических станций можно было передвигаться только в ботинках с магнитными подковками. И принадлежали эти ботинки в первую голову военным. Так что «Подкованный ботинок» – заведение, где собираются флотские. Дамы, по крайней мере в обеденное время, здесь бывают крайне редко, и с точки зрения конфиденциальной беседы это одно из самых спокойных мест в Новограде. Отдельный кабинет Василий заказал заранее, закуски уже были на столе. Некоторое время они оставались исключительно сотрапезниками, оставив собеседников на потом и обмениваясь только ничего не значащими фразами. Однако когда подали горячее, полковник Зарецкий решил все-таки начать серьезный разговор.

– Маша, а что ты думаешь о сеньоре Вальдесе?

– Ты привез меня сюда, чтобы поговорить о доне Хуане? – Мэри не скрывала своего удивления.

– Нет, я хотел поговорить о тебе. О твоих перспективах и видах на будущее. Но мне интересен твой взгляд на этого типа.

– Мой взгляд... – она ненадолго задумалась. – Я училась с ним на Картане и танцевала на Санта-Марии, но и то, и другое было достаточно давно. Что тебя интересует?

– Меня интересует, что он за человек. Пойми меня правильно, специфика работы... По моим наблюдениям, у сеньора Вальдеса слишком длинные уши...

– ...которые торчат из самых неподобающих мест? – с невеселой усмешкой закончила Мэри. Зарецкий кивнул. – Это на него похоже. Хуан Вальдес любит и умеет производить впечатление такого вертопраха. Думаю, ваше наружное наблюдение уже утомилось составлять список его пассий, а если он пропускает один бал, то только потому, что танцует в этот момент на другом, не так ли?

– Так, – согласился полковник, любуясь сосредоточенным лицом своей визави.

– Это маска, Василий. Прекрасно выполненная маска, настолько приросшая к лицу, что окружающим кажется, будто она и есть лицо. Но это не так, – она помолчала, подбирая формулировки. – Дон Хуан умен и хитер. Ему доставляет удовольствие ловля рыбы в мутной воде, причем он, не задумываясь, замутит воду сам. На Картане он натравил на меня двух типов просто для того, чтобы посмотреть на реакцию. Так и познакомились. Вот тебе, кстати, еще один штрих к портрету: каштаны из огня для сеньора Вальдеса всегда таскают другие. Если я правильно его поняла, он служит в посольстве на Кремле уже восемь лет, так вот что я тебе скажу. Во времена нашего совместного студенчества у Хуана Пабло Антонио Вальдеса были все задатки для того, чтобы стать законченной сволочью. И ничто так не развивает упомянутые задатки, как дипломатическая служба.

– Вот так припечатала, – покачал головой ошеломленный Зарецкий. – А мне показалось, что ты рада его видеть, хотел вот даже тебя предостеречь...

– Рада видеть? Безусловно. Одно другого не исключает, Василий. Дон Хуан мне нравится. Я буду пить с ним кофе, танцевать танго, выслушивать комплименты – почему бы и нет? Но я знаю – и не забуду, – что поворачиваться к нему спиной нельзя. И мне очень, прямо-таки категорически не нравится его интерес к деду.

– Ага! – оживился Василий. – Ты это поняла?

– Я что же, давала тебе основания считать меня глупышкой? – прищурилась Мэри. – Интерес Вальдеса ко мне... эээ... промежуточный. В отличие от большинства своих соотечественников, дон Хуан совершенно не сентиментален, и этот поток ностальгии по старым добрым временам показался мне странным. Люди меняются, но не настолько.

Полковник Зарецкий несколько раз соединил ладони в символических аплодисментах.

– Браво, Мария, браво. Не завидую я, однако, столичным мамашам...

– Столичным мамашам? При чем тут столичные мамы? – искренне удивилась Мэри.

– Ну ты даешь! – развеселился Василий. – Чего надо Вальдесу она, видите ли, сразу смекнула, а такую простую вещь... Ладно, смотри. В Новограде разом, ниоткуда, появляется

молодая, богатая, находящаяся в явном фаворе у его величества, а самое главное – незамужняя графиня. Маша, да ты хоть представляешь себе, какой после сегодняшнего приема воцарится переполох на столичном брачном рынке? Каждая маменька, имеющая дочку на выданье, незамедлительно придет в ярость от появления на горизонте опасной соперницы. Каждая маменька, у которой есть не пристроенный великовозрастный сын, столь же незамедлительно придет в восторг...

– И разумеется, – подхватила Мэри, – не найдется никого, кто взял бы на себя труд объяснить этим достойным женщинам, что замуж я не собираюсь. И в равной степени не представляю опасности для первой категории мамаш и совершенно бесполезна для второй. Веселая у меня жизнь начнется, ты прав. А кстати... молодая, в фаворе, незамужняя – это мне понятно. Но о своих финансах я на городских перекрестках не кричала.

– А это и не требуется, – улыбнулся ей свояк. – Ты, похоже, действительно не понимаешь. Дело даже не в том, что есть у тебя самой, хотя, думаю, о яхте все, кому это интересно, узнают в ближайшее время. И совершенно неважно, сколько в случае замужества выделит тебе семья Сазоновых. Выделит-выделит, не морщись, так положено. Но сегодня император признал тебя дочерью полковника и графа, погибшего на службе Отечеству. Стало быть, тебе причитается пожизненная пенсия с момента твоего появления на свет, ведь ты родилась уже сиротой. Тридцать три года, да еще с процентами! У меня при одной мысли о выражении лица начальника пенсионного департамента в минфине настроение поднимается!

Мэри фыркнула. Финансистом, в отличие от Лорены, она не была, но представить себе гримасу наставницы при известии о необходимости произвести крупные незапланированные выплаты могла без особого труда.

– Ну вот что, – сказал Василий, подводя итог. – Разговор у нас с тобой получился, и я этому рад. А теперь – не выкурить ли нам по сигаре?

– Выкурить, – улыбнулась Мэри, вставая. – Только... Ты сказал, что дамы бывают здесь редко, но дамская-то комната, я надеюсь, имеется?

– Конечно! – кивнул Зарецкий. – Когда освежишься – милости прошу в курительную. Кстати, в этом заведении неплохой выбор сигар.

– Не сомневалась в этом, – с этими словами Мэри вышла из кабинета, а полковник направился напрямик в курительную комнату.

Переступив порог, Василий понял, сразу и отчетливо, что до прихода Мэри надо что-то предпринять. Потому что первым, кого он увидел, был Никита Корсаков, прекрасно известный ему по записям, связанным с майором Гамильтоном. Контр-адмирал стоял в углу, бледный и напряженный, и катал по скулам желваки сдерживаемой злости. Судя по его окружению, он обедал в обществе однокашников. Обычное дело, все флотские офицеры по прибытии в отпуск традиционно приглашали случившихся на планете однокурсников на обед. Но вот каким образом примазался к этой компании Семен Гармаш, было не вполне понятно. Должно быть, раньше пришел. Не то чтобы Василий хорошо знал этого хлыща. Гармаш служил в Адмиралтействе по снабженческой линии и однажды попал в поле зрения службы безопасности. Кстати, в ходе проверки выяснилось, что ушлый каплей невинен, аки новорожденный младенец. Гармаш не воровал, он просто ухитрялся всегда повернуть дело так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Это, надо сказать, в армии и во флоте приветствовалось всегда. Но еще во время расследования Зарецкому категорически не понравились ни манера снабженца разглагольствовать о людях и ситуациях, ни его привычка одеваться на грани пошловатой оперетты. Работу свою он делал идеально, у него имелись влиятельные покровители. Так что связываться с ним желающих не было – попробуй потом получить со складов что-то необходимое!.. И постепенно Гармаш уверился в полнейшей своей безнаказанности. А то, что он нес сейчас, вообще выходило за всяческие рамки.

– ...ни разу не видел. Это Никита Борисович у нас специалист по бельтайнкам! От смерти спасает, на руках носит, в адмиральские апартаменты зазывает на предмет личной

беседы... оно хоть того стоило? Или эти патентованные красотки...

Не выдержавший Никита шагнул вперед, явно намереваясь стереть с лица снабженца многозначительную улыбочку – и будь что будет! – но Зарецкий оказался быстрее.

– Послушайте, Гармаш! – негромко сказал он, прихватывая того за воротник кителя и слегка встряхивая. – Вы затронули тему, которую в приличном обществе обсуждать не принято. Вы можете говорить все что заблагорассудится о своих коллегах-офицерах. Если посмеете. Но благородных женщин оставьте в покое. Или однажды кто-нибудь сделает так, что ваш интерес к противоположному полу до конца ваших дней станет сугубо академическим.

Гармаш ловко вывернулся из хватки Василия, отскочил на шаг и глумливо ухмыльнулся:

– Искусственно выведенные в питомниках летуны – благородные женщины? Мы говорим об одних и тех же персонах?

– В данный момент мы говорим о моей племяннице. Ее сиятельство с минуты на минуту будет здесь, и никто не поручится за целостность вашей глотки, если она услышит...

– Если я услышу что? – донеслось от входа в курительную.

Этот холодный, высокомерный голос слышали все. Зарецкий коротко выдохнул и обернулся. В дверях стояла Мэри, похлопывающая по ладони левой руки белыми перчатками, зажатыми в правой. Сияли ордена на груди и звезды на погонах, петля аксельбанта чуть подрагивала в такт движениям руки. Тишина стала абсолютной, слышно было, как тикают массивные напольные часы в резном деревянном корпусе. Василий откашлялся:

– Господа! Графиня Мария Александровна Сазонова!

Щелчок десятка пар каблуков прозвучал почти одновременно, замешкался только Никита, да еще Гармаш опешил настолько, что даже не среагировал на официальное представление.

– Так чего же мне не следует слышать, полковник? – так же надменно спросила Мэри, приближаясь.

– Все в порядке, – заторопился Зарецкий, – этот господин уже уходит! – и, почти не разжимая губ, прошипел впавшему в ступор снабженцу: – Гармаш, убирайтесь, пока целы. Еще одно слово, и...

– Как я понимаю, слов уже было произнесено предостаточно, – со слухом у Мэри всегда все было в полном порядке. – Рискнете ли вы, сударь, повторить их мне в лицо? Или же станете первым трусом, встреченным мною на этой планете?

Глаза Гармаша забегали.

– Эээ... – сипло проблеял он, судорожно сглотнув, – я всего лишь хотел сказать, что можно только позавидовать близкому знакомству таких людей, как вы и контр-адмирал Корсаков и...

Молнией мелькнуло воспоминание: «Спрингфилд», Келли говорит какую-то глупость, а она отвечает...

– И кому же из нас вы завидуете больше? Ему или мне?

Франтоватый, не по-мужски холеный Гармаш пошел пятнами. Василий мужественно крепился, но не выдержал и захохотал. К нему присоединились остальные, и снабженец, споткнувшись на пороге, пулей вылетел из курительной мимо брезгливо посторонившейся Мэри.

– Вы его уничтожили, сударыня! – еле выдавил сквозь смех ровесник Корсакова, чей китель украшали погоны капитана первого ранга. – Ей-ей, гуманнее было просто пристрелить!

– А кто вам сказал, что я намеревалась быть гуманной? – в голосе Мэри все еще позвякивали льдинки. – Терпеть не могу пустобрехов. От них одни неприятности, что в Пространстве, что на тверди.

Она перевела дыхание, слегка расслабила плечи и улыбнулась:

– Здравствуйте, Никита Борисович. Говорила же я вам, что по скорости распространения сплетен флот уступает только монастырю и борделю и ваше благородство выйдет вам боком.

– А я ответил вам тогда, графиня, что путем умывания рук репутацию сохранить невозможно, – Корсаков натянуто улыбался. – Я могу вас поздравить?

– Можете, – кивнула Мэри. – Несколько часов назад его величество оказал мне честь, подтвердив мое право на имя и титул моего покойного отца, полковника Александра Сазонова.

Она почти физически ощутила охватившее Корсакова облегчение. Что же он предположил изначально? Не поймешь мужчин, и пытаться не стоит...

Глава 14

Донна Тереза никогда не возражала мужу при посторонних. Причем к посторонним относились даже члены семьи, даже любимая младшая дочь. Но однажды... Однажды вечером дон Луис Мендоса, посол Рах Мехисана в Российской империи, бушевал. Он кричал, что, несомненно, очень уважает сеньора Хорхе. Что сеньор Хорхе великий человек, да-да, великий. Но он, дон Луис, не позволит этому великому человеку пополнить список своих побед их Лусией. Вот тогда-то донна Тереза и возразила мужу, возразила впервые на памяти дочери, сказав, что это Лусия в данном случаеполнила список своих побед сеньором Хорхе. Возразила – и оказалась права.

Потом были почти два года редких встреч и частых сообщений, всегда приходящих с незнакомых адресов. И настал момент, когда Лусия поняла, что черен тот день, когда ей не улыбаются с экрана коммуникатора такие поначалу непривычные серые глаза. А потом сеньор Хорхе прилетел на Кортес, где она работала в компании, занимающейся терраформированием. Прилетел – и задал ей вопрос. И она ответила «да». И через восемьдесят два дня – она уже считала дни! – в домовый церкви Святого Андрея Первозванного Лусия Эухения Кармен Мендоса приняла православное крещение и имя Любовь.

А еще через неделю вопрос ей задал уже патриарх. И она ответила твердо и спокойно, и тяжелая витая венчальная свеча не дрожала в ее руке, потому что рядом был Хорхе. Отныне и до тех пор, пока смерть не разлучит их – *ее* Хорхе. Георгий.

* * *

Пятница настала так быстро, как будто четверга и вовсе не было. С вечера Мэри бил озноб, она не находила себе места и никак не могла заснуть. Почему-то вспомнилась дрожь, охватившая ее, тогда еще маленькую девочку, когда Рори О'Нил – вот ведь противный мальчишка! – рассказал ей страшную сказку о Черном Пилоте. Мэри, разумеется, не осталась в долгу и буквально на следующий день уже Рори трясся, слушая ее рассказ о Черном Двигателесте. Но воспоминание о влажных ладонях и колотящемся сердце осталось с ней на всю жизнь. И далеко за полночь она сидела на подоконнике, курила и в сотый, наверное, раз проговаривала про себя, что она должна ответить на тот или иной вопрос во время завтрашней – уже сегодняшней! – аудиенции. Обнаружил все, естественно, Степан. Надо отдать старику должное – ни к деду, ни к бабушкам он не пошел. Просто прикрыл дверь, а спустя несколько минут вернулся с кружкой чего-то горячего, очень крепкого и благоухающего специями и травами. Что бы это ни было, первый же большой глоток подействовал, она разом согрелась, в голове зашумело, а глаза начали слипаться. Старый служака дождался за дверью, когда она ляжет, пожелал доброй ночи и погасил свет.

Утром в доме царили суэта и суматоха, и Мэри была искренне благодарна Софии, которая взяла на себя нейтрализацию Ольги Дмитриевны и до самого отъезда внучки во дворец с успехом справлялась с поставленной задачей. Под строгим взглядом Николая

Петровича она заставила себя поест, переделась в выбранный примчавшейся Екатериной наряд и отбыла в присланном Ираклием Давидовичем лимузине. Уже на полете к дворцу она неожиданно для себя успокоилась. Карты сданы, других не будет, так что надо играть теми, что оказались на руках. Поэтому подошедший к самому лимузину секретарь императора увидел перед собой совершенно хладнокровную молодую женщину. Человек весьма опытный, барон видел, что хладнокровие это не напускное, и мысленно восхитился гостьей его величества.

– Прошу вас, графиня, – почтительно проговорил он. – Его величество примет вас в Белом павильоне.

Пересекающиеся аллеи парка уводили их все дальше от дворца. Ровно в одиннадцать часов Мэри оказалась у входа в небольшое строение, чьи почти отсутствующие из-за огромных окон стены действительно были белыми. Секретарь распахнул перед ней дверь, ободряюще улыбнулся и растворился среди пронизанной солнцем зелени. Она переступила порог. Двое мужчин при ее появлении поднялись с легких плетеных кресел и поклонились. Она ответила тем же. Накануне Ольга Дмитриевна заявила, что аудиенция – не прием, форма там неуместна, но если Мэри наденет платье, то ей придется спешно разучивать придворные реверансы, а на это нет времени. И теперь на бельтайнке был брючный костюм, в котором она могла свободно двигаться и не забивать себе голову пустяками.

Когда с приветствиями было покончено, Мэри протянула императору конверт с верительными грамотами. Георгий Михайлович со словами:

– Присаживайтесь, графиня, прошу вас! – сел, вскрыл его и приступил к чтению. Закончив, он передал бумаги сидящему рядом Константину, а Мэри выложила из маленькой сумки-папки футляр с кристаллами. На круглом столе светлого дерева был установлен портативный компьютерный блок. Император вставил в считыватель поданный ему кристалл и в Белом павильоне зазвучал уверенный голос Шона О’Брайена. Мэри немного расслабилась. Ее основная задача была выполнена.

– Итак, Мария Александровна, – улыбнулся император, когда запись закончилась, – теперь я вижу, что в вашем лице Империя имеет дело не только с заслуженным боевым офицером, отпрыском достойного рода и очаровательной женщиной, но и с дипломатом. У вас, разумеется, имеются помимо верительных грамот и предложений Совета Бельтайна, материалы, обосновывающие обоюдные выгоды наших государств от предлагаемого Советом союза.

Мэри коротко склонила голову и потянулась к футляру, но Георгий Михайлович остановил ее:

– Оставим подробности специалистам. Сейчас я хотел бы узнать ваше, именно ваше мнение по вопросу о вступлении Бельтайна в предполагаемый союз. Я спрашиваю не майора бельтайнских ВКС, не солдата Бельтайна, а его гражданина.

Мэри подобралась. Этого вопроса она не ожидала, как-то в голову не пришло. Ладно, придется импровизировать.

– Ваше величество должны учитывать, что в моем случае гражданин Бельтайна является и его солдатом, – начала она осторожно.

– Я это понимаю, графиня. И я искренне рад, что представителем Бельтайна на Кремле в данный момент являетесь именно вы. Потому что вам довелось послужить как в действующей армии, так и в полиции. Как на планете, так и вне ее. Вы повидали мир, вы имеете возможность сравнивать, ту самую возможность, которой зачастую лишены многие люди, куда более компетентные в гражданских и военных областях по отдельности.

– Я не рассматривала себя с такой точки зрения, – задумчиво сощурилась Мэри, – но, вероятно, ваше величество правы. Мое мнение... Мое мнение таково, что Бельтайну в данный момент необходим сильный союзник. Нет, необходим – не то слово. Желателен. Моя родина находится сейчас в крайне сложном положении, как военно– политическом, так и экономическом, и все же мы можем справиться сами. Можем, но цена непомерно высока. Эта цена – изменение всего уклада Бельтайна, всей его жизни. Той самой жизни, которую

искали и нашли наши предки, выславшие в поиск один-единственный корабль и назвавшие новый дом Бельтайном в честь праздника весны. Той самой жизни, которую до сих пор усилиями Линий удавалось сохранить в неприкосновенности. Когда мы еще детьми принимаем присягу, клянясь жизнью и смертью своей защитить Бельтайн, подразумеваются не только территории и население. Разумеется, можно перевести всю экономику планеты на военные рельсы, можно сделать так, что даже девочки мамы Глиндоуэр будут знать свои места по боевому расписанию, почему нет? – голос ее внезапно охрип, и поднявшийся на ноги Константин молча поставил перед ней запотевший стакан с минеральной водой. Она благодарно кивнула, отпила несколько глотков и продолжила:

– Можно сделать многое и мы выстоим. Да, выстоим. Но что станет с Бельтайном? С Бельтайном мирных ферм, между которыми в любую погоду шляются подвыпившие волинчики? С Бельтайном художников, бродящих по берегу Маклира? С Бельтайном поэтических турниров и состязаний танцоров, в щепки разбивающих муреновые доски полов? С Бельтайном праздников урожая, через три четверти года после которых наблюдается резкий всплеск рождаемости? В ящике живописца не место запасному магазину. Веселая девица не должна хранить под кроватью винтовку.

– Такое случается в Галактике, и довольно часто... – негромко вставил император, но Мэри покачала головой.

– Я знаю это, ваше величество. Но Бельтайн никогда так не жил. Плохо это или хорошо, но природа и климат не ополчались на нас, а что до людей, то за всю историю колонизации планеты налет Саммерса был первым, который можно с некоторой натяжкой назвать удавшимся. Это, возможно, прозвучит нелепо, но мир, поставляющий всей Галактике первоклассные боевые экипажи, не умеет защищаться от агрессора, не умеет драться за свою жизнь. База «Гринленд» перестала быть боевой единицей и учебным центром Звездного Корпуса, четверть корветов отозвана с текущих контрактов для защиты системы, неустойка... Простите, это детали. Суть такова, что если очень постараться, если ввести на Бельтайне систему общественных отношений по типу военного коммунизма, мы справимся без посторонней помощи. Справимся, да, но это будет уже не Бельтайн. Мы сохраним планету, но потеряем родину. Я не принадлежу к Линиям, но Линии воспитали меня. И для меня невыносима мысль, что все, ради чего линейные из поколения в поколение жертвуют своими детьми и калечат выживших... Мы ведь уроды, ваше величество, надо называть вещи своими именами... Что все это окажется напрасно и мы не сможем сделать так, чтобы старый Том Бейкер спокойно растил свой хмель, не строя на полях зенитную установку.

Она замолчала, переводя дух. Да уж, нечего сказать, выступила. Сама же говорила Генри оставить в стороне эмоции...

– Бельтайну повезло, что однажды на нем родилась Мэри Александра Гамильтон, – сказал Георгий Михайлович, поднимаясь на ноги и повелительным движением руки приказывая сыну и госте оставаться на своих местах. – Совет не мог выбрать лучшего посла.

Он помолчал, прохаживаясь по павильону.

– Хорошо, ваша точка зрения по поводу необходимости союза для Бельтайна мне ясна. Теперь я прошу вас вкратце охарактеризовать выгоды Империи.

Ну, уж с этим-то у Мэри проблем не было.

– Льготные поставки натурального тариссита. Как ни крути, единственное обнаруженное месторождение у нас, что одновременно является удачей Бельтайна и его же величайшей неприятностью. Дополнительная база для флота Империи – всегда хорошо иметь еще одну точку в Пространстве, куда корабль может прийти для заправки или ремонта... Да просто отдохнуть, – она лукаво усмехнулась. – Тут, правда, выгода обоюдная: все владельцы питейных и развлекательных заведений Нью-Дублина крайне огорчены отбытием русской эскадры. А их коллеги из других городов желчно им завидуют, – она посерьезнела. – И конечно, возможная комбинация нашей и имперской летных школ. Не

думаю, что вы будете заинтересованы в чисто бельтайнском обучении пилотов...

– Верно, – кивнул Георгий Михайлович, – ваша система подготовки экипажей, уж простите, отдает средневековым варварством. Хотя, надо признать, результаты впечатляют. Значит, вы полагаете, комбинация школ возможна?

– Я уверена в этом, ваше величество. У нас сильные ученые, у вас тоже. И если правильно сформулировать задачу и приложить для ее решения совместные усилия специалистов Империи и Бельтайна... Кстати, использованные Монро методы производства «объектов Доуэль» приводят меня в ужас, но сама идея неплоха. Вот вам еще одна грань сотрудничества высококолых.

Император переглянулся с сыном. Константин удовлетворенно улыбнулся:

– Я же говорил, что имею на Марию Александровну свои виды.

– Виды? – напряглась Мэри. Как много людей имеют на нее виды на этой планете, у нее и ракурсов-то столько нету...

– Помимо Государственного Совета существует Совет Малый, который играет вспомогательную роль в управлении государством, – пояснил великий князь. – В него входят сравнительно молодые люди, не занимающие пока высоких постов в Империи, но имеющие тем не менее свой взгляд на существующие проблемы. И зачастую предложенные нами решения этих проблем принимаются Государственным Советом. Я предлагаю вам место кандидата, и если вы примете мое предложение, то, я уверен, в самом скором времени вы станете полноправным членом Совета.

– Ваше высочество оказывает мне большую честь, но... Малый Совет и я... кто я такая, чтобы?..

– Вы графиня Мария Александровна Сазонова. И вы майор Мэри Александра Гамильтон ап Бельтайн. Аристократка, офицер, дипломат, полицейский. Соглашайтесь, графиня!

– Не давите на нашу гостью, Константин Георгиевич! – шутливо нахмурился император. – Дайте ей прийти в себя. Мария Александровна, я надеюсь, вы присоединитесь к нам за обедом? После него вы сможете обсудить с его нетерпеливым высочеством вопрос вашего вступления – или невступления – в Малый Совет.

Мэри учтиво поклонилась.

– Кстати, о художниках, бродящих по берегу Маклира, – сказал Константин, когда они втроем неторопливо шли по аллеям парка. – Ваш Тимоти Макклеин – изумительный мастер передачи настроения. Было бы и в самом деле непозволительной расточительностью заставить его носить в ящике для красок запасной магазин.

Мэри кивнула.

– Да, Макклеин истинный художник. Фанатик, сумасшедший – и при этом гений. Жаль, что его полотна разлетаются по частным коллекциям с той же скоростью, с которой он их пишет. Я бы не отказалась взглянуть на оригинал «Семьи».

– «Семья»? – вступил в беседу император. – Вы имеете в виду картину, на которой изображены женщина и ребенок на морском берегу?

– На этой картине изображены я и моя бабушка София, – усмехнулась Мэри. – Я смутно помню, как Макклеин делал наброски, но, увы, результат видела только в репродукциях.

Ее спутники многозначительно переглянулись.

– После обеда вам представится возможность увидеть оригинал, графиня, – слегка поклонился на ходу Константин. – Он висит на стене моего кабинета.

От неожиданности Мэри споткнулась, но улыбающийся великий князь поддержал ее под руку, с удовольствием вслушиваясь в короткую фразу, которую она пробормотала себе под нос. Смысла он не уловил, но интонация не допускала двоякого толкования, и Константин решил, что переводом интересоваться не будет. Не подобает смущать даму. Идущий чуть поодаль император только головой покачал. «Совершенно не мой тип!» Что бы

ты еще понимал в типах...

Малая столовая оказалась действительно не очень большой комнатой с расписным потолком. При их появлении из стоящего у стены кресла поднялась прелестная молодая женщина чуть старше Мэри, мексиканское происхождение которой было видно с первого взгляда. Георгий Михайлович начал было стандартную процедуру представления, но тут ситуация вышла за рамки сотни раз сыгранного сценария.

Императрица вдруг тихо ахнула и сделала шаг вперед, пристально вглядываясь в представляемую ей девушку. Мэри показалось, что потолок столовой темнеет, становясь бархатно-черным, расцвеченным сполохами фейерверка небом Санта-Марии. Исчезли высокие окна, превратившись в стены домов, налетевший ниоткуда ветер принес аромат кофе и водорослей...

– Сеньорита! Меня зовут Лусия Мендоса! – певуче произнесла на спанике ее императорское величество Любовь Андреевна, склоняясь перед гостьей в глубоком реверансе.

Наваждение схлынуло, и Мэри поклонилась в ответ:

– Всегда к услугам вашего величества!

– Да, – удовлетворенно кивнула молодая императрица. – Это правда. Всегда. Хорхе, – продолжая говорить на спанике, повернулась она к недоумевающему супругу, – я ведь рассказывала тебе о фиесте. О той фиесте, когда трое мерзавцев за-гнали меня в переулок? И о сеньорите, курившей там сигару и вставшей у них на пути?

Георгий Михайлович медленно кивнул. Константин переводил взгляд с Мэри на мачеху, с мачехи на потрясенного отца и снова на Мэри.

– Графиня, – негромко произнес он, – я советую вам в самое ближайшее время встрять в какую-нибудь важную для Империи передрыгу и с блеском из нее выпутаться.

– В передрыгу? – приподняла бровь Мэри. – Зачем?

– Затем, что даже имперская служба безопасности, похоже, не осведомлена обо *всех* ваших заслугах. И моему августейшему батюшке нужен предлог для того, чтобы представить вас к ордену. Именно предлог, причина у него уже есть.

Полотно оказалось неожиданно небольшим. Так, фута три на два. Обнаженная женщина, освещенная закатным солнцем, сидела на черном песке. Она как будто собиралась улыбнуться, но не успела сделать этого. Волны цвета темной крови накатывали на берег. У ног женщины настороженным зверьком замер ребенок. Казалось, еще секунда – и он вскочит на ноги и бросится в воду. Все на картине было теплым: море, солнечные лучи, кожа женщины... Все. Кроме ребенка. Ребенок был прохладный, неуловимо чуждый этому берегу, этим волнам, этому фантастическому закату. Он был не отсюда, этот нетерпеливый малыш, которого водяные брызги интересовали куда больше, чем лежащая на плече рука. Семья... Интересно, сам-то Макклеин понимал, насколько название картины противоречит тому, что на ней изображено? Или все семьи такие, а она просто не в курсе?

Мэри вздохнула и с трудом отвела взгляд от полотна. Константин наблюдал за ней от дверей, ведущих на балкон, наблюдал внимательно и с некоторым сочувствием.

– Благодарю вас, ваше высочество. Репродукции не передают и половины настроения, которое Тимоти Макклеин вложил в эту свою работу.

– Я рад, что сумел доставить вам удовольствие, Мария Александровна, – улыбка великого князя была серьезной и немного грустной. – Прежде чем мы начнем говорить о делах, я хотел бы попросить вас не обращаться ко мне по титулу в неофициальной обстановке. Вокруг меня хватает тех, для кого титул – главное, а зачастую и единственное, что привлекает их в человеке. А кроме того, быть все время его императорским высочеством довольно утомительно.

Мэри усмехнулась:

– Я вас понимаю, Константин Георгиевич. Я графиня всего третий день, и то...

– Вам не нравится быть графиней? – полюбопытствовал Константин, жестом предлагая

ей выйти на увитый зеленью балкон. – Почему?

Девушка приняла приглашение, уселась на резную деревянную скамью, закинула руку на спинку и задумчиво проговорила:

– Трудно сказать. Не то чтобы не нравится, но... Быть может, дело в том, что мне не пришлось это звание выгрызть у жизни зубами? Я много работала, чтобы стать кадетом Звездного Корпуса – и стала им. Много работала, чтобы стать капитаном ВКС. И чин майора – мой по праву. А графиня... Я ничего не сделала ради того, чтобы люди, которые еще три дня назад и не посмотрели бы в мою сторону, вдруг стали искать дружбы со мной. Дом деда завален цветами и поздравлениями, но что изменилось во мне? Только эти семь букв, добавившихся к фамилии?

– Умница и гордячка, – одобрительно усмехнулся ее собеседник. – Хорошее сочетание. Однако к делу. Пока вы обдумываете мое предложение, мне бы хотелось услышать ваши соображения вот по какому вопросу. Судя по тому, о чем мы с вами говорили на Чертовом Лугу, вы предполагаете, что покушение на Кирилла Сумского связано со службой его отца в качестве наместника на Орлане. Это так?

Мэри кивнула. Начинался серьезный разговор.

– Не буду просить вас озвучить ход ваших мыслей. В данный момент меня интересует, известны ли вам какие-либо подробности?

– Не известны. Пока наиболее любопытной представляется мне личность конюха, занимавшегося лошадей. Его нашли?

– Нашли труп.

– Угу... – пробормотала Мэри. Протянула руку к коробке сигар на столике, вопросительно глядя на Константина. Тот кивнул и поднес ей огонь. – Личность установлена?

– Установлена. Только совсем не та, которая была указана в документах.

– Естественно, – усмешка девушки была ироничной. – И какого уровня подделка?

– Высочайшего. Служба князя Цинцадзе предполагает, что документы были изготовлены за пределами Империи. Это открывает большой простор для воображения.

– Согласна, – она, прищурившись, выпустила дым. – Так откуда же родом наш предприимчивый приятель?

– С Куксы.

Константин увидел, как распахнулись, стекленея, глаза Мэри. Он даже отдаленно не представлял себе картин, встающих сейчас перед ее мысленным взором. Несколько секунд спустя она сморгнула, взгляд снова стал осмысленным.

– Поняла. Далековато забрался. Скажите-ка мне вот что: как долго этот достойный господин прожил на Кремле, прежде чем устроился на работу в небезызвестную конюшню?

– Около двух лет. Это имеет значение? – первому наследнику было действительно интересно, на основании чего его собеседница делает свои выводы.

– Огромное. Видите ли, качественные подделки много где изготавливают, да хоть бы и у нас. Но два года в Метрополии... и, вероятно, в столице? – дождавшись кивка Константина, Мэри слегка нахмурилась. – Тогда – Пространство Лордан. И, со значительно меньшей вероятностью, Пончартрейн. Но я бы сказала, что все-таки Лордан. Ближе к Куксе.

Константин подбросил на ладони кристалл, удивленно глядя на нее:

– Вы храните в памяти все звездные карты?

– Я – пилот, – просто ответила Мэри. – А Кукса расположена на самой границе Империи, неподалеку, кстати, от Бастиона Марики. Уж тамошние-то окрестности не знать – это кем надо быть?

– Вы ставите Пончартрейн на второе место исходя именно из соображений расстояния?

– Не только. Видите ли, Пончартрейн почти наверняка предполагает наличие посредника. Лишнее звено в цепочке. Кроме того, отсутствие привычки совать нос в дела клиента на Пончартрейне декларируют, а в Пространстве Лордан практикуют. Есть определенная разница, вы согласны?

Ответом ей была довольная улыбка.

– И вы еще сомневались по поводу того, подходит ли нам ваша кандидатура? Мария Александровна, голубушка, все, что вы сказали мне только что, изложили в своем докладе аналитики службы безопасности. Только у них раскладывание ситуации по полочкам заняло существенно больше времени.

Мэри пожала плечами:

– Они и рискуют большим в случае ошибки.

– Вы правы, майор, вы совершенно правы... – Константин, забывшись, обратился к бельтайнке по званию, но она не обратила на это внимания. – Так вы готовы дать ответ?

– Простите, Константин Георгиевич, но пока – не готова. Что бы там ни говорили о психической устойчивости бельтайнских пилотов, моя жизнь изменилась слишком быстро и слишком сильно. Мне надо понять, как я отношусь к уже случившимся изменениям, и только потом...

– ...принимать или не принимать следующие? – с улыбкой закончил он.

– Именно так.

– Ну что ж, Мария Александровна, решение за вами. Могу я поинтересоваться им в будущую пятницу, после бала?

– Какого бала? – недоуменно вскинула брови Мэри.

– А вы не в курсе? Через неделю состоится бал в вашу честь в Офицерском собрании.

– О господи... – потрясенно прошептала она, сжимая пальцами виски.

Здание посольства Рах Мехисана было освещено так ярко, что окна особняка были видны даже через зелень окружающего его парка. Деревья обвивали гирлянды разноцветных огоньков, нарядная толпа рассыпалась по мощенным камнем дорожкам. Мэри почувствовала, как хватка этого во всех отношениях примечательного дня начинает отпускать ее.

Когда она примчалась домой после аудиенции, было уже около пяти пополудни. В голове боролись, стараясь полностью ее занять и вытеснить конкурентку, две мысли. О предстоящем бале – и почему она узнает о нем от его высочества? И о фиесте – что ей надеть и стоит ли в таком встрепанном состоянии вообще куда-то отправляться? На первый вопрос ей ответила Ольга Дмитриевна, причем ответила совершенно невозмутимо. Да, будет бал. Так полагается. Не хотели отвлекать перед сегодняшней встречей с его величеством. Кстати, как прошло? Ну вот и отлично. Если ты собираешься ехать в посольство – сейчас же наверх, Трофим Иванович уже ждет.

Массажист все эти дни как по волшебству появлялся именно тогда, когда ей требовалось прийти в себя и расслабиться. Вот и сейчас он немедленно загнал ее на стол и принялся быстро, но без всякой спешки, творить свое волшебство. С ее мыслями он ничего поделать не мог, но тело быстро забывало о напряжении и нервной усталости. Стоило ему выйти за дверь, как в комнату ворвалась Екатерина.

– Ты уже решила, что наденешь? – выпалила она с порога, и вторая мысль окончательно расправилась с соперницей и захватила плацдарм.

– Нет, – ответила Мэри тетке, неохотно сползая со стола. – Как-то не до того было.

– Так я и думала! Вот, держи, – она протянула племяннице объемистый пакет.

Мэри с любопытством заглянула внутрь и ахнула. Осторожно вытащила темно-красное, почти черное платье. Корсаж до бедер и пышная асимметричная юбка, ничего лишнего. Пока она любовалась переливами тонкой блестящей ткани, Екатерина бесцеремонно вытряхнула на кровать чулки, туфли, роскошный черный кружевной шарф и длинные перчатки.

– Катя... Где ты это взяла? А если не подойдет? Я же не мерила?

Тетка подбоченилась:

– Дорогая моя, твои мерки записаны в каждом магазине, где мы побывали. Конечно, пришлось немножко потрудиться, чтобы их служащие согласились поделиться сведениями с

конкурентами. Но что только не делает с приказчиком угроза никогда больше не обратиться к услугам! Марш в душ. Косметика-то у тебя есть? Так я и думала. Ничего, я тут привезла кое-что. На сегодня хватит, а там будет видно.

Когда Мэри смогла наконец вырваться из цепких рук предприимчивой тетушки и подойти к зеркалу, она в очередной раз с досадой поняла, что ничегошеньки не смыслит в том, как быть дамой, принадлежащей к высшему обществу. Никаких явных следов косметики на лице не было. Просто матовая кожа как будто светилась изнутри. Просто глаза стали огромными и искрящимися. Просто нос сделался тоньше, губы – чувственнее, а линия подбородка смягчилась. Корсаж облегал ее как вторая кожа, а юбка искрилась при каждом движении. Собранный изящными драпировками шарф сгладил линию плеч и чересчур сильные в верхней части руки. Тяжеловатые кисти и знаменитая полицей-ская татуировка скрылись под перчатками вместе с невесомым тонким браслетом изящного коммуникатора. Туфли, несмотря на сравнительно низкий и устойчивый каблук, как-то так подчеркнули линии ног, что они казались бесконечными. Или все дело в чулках?

– Знаешь, – пробормотала Мэри, с недоверием глядя на себя в зеркало, – что-то подобное я проделывала, когда служила на Санта-Марии. Но такого эффекта мне добиться ни разу не удалось. Научишь?

Екатерина самодовольно усмехнулась:

– С Галочкой договорюсь. Знала бы ты, сколько она со мной возилась! А что касается твоей пресловутой службы... ты когда закончила там служить? Десять лет назад? Ну ты сравнила! Девчонка – это одно, а женщина – совсем другое. Ты бы и не смогла в том возрасте добиться так поразившего тебя эффекта. Совершенно разные весовые категории, если ты понимаешь, о чем я. М-да... чего-то, однако, не хватает...

– Может быть, цветок? – осторожно предложила Мэри, и тетка звонко хлопнула себя по лбу:

– Ну конечно же! Пошли!

Цветы стали доставлять в дом Сазоновых еще позавчера. Их было столько, что даже в кабинете посмеивающегося графа стояли сейчас три огромных букета. Но самой первой прибыла корзина темно-красных роз с визитной карточкой Хуана Вальдеса. Там же находился конверт, содержащий в себе приглашение на фиесту в посольство, но в данный момент тетушку интересовали именно розы. Она стояла перед корзиной, придирчиво перебирая кончиками пальцев ее содержимое. Мэри все розы казались одинаковыми, но, очевидно, с точки зрения Екатерины, они таковыми не были. Наконец госпожа Зарецкая, видимо, нашла то, что искала, выхватила из корзины один цветок, приложила его к корсажу племянницы и кивнула.

– Вот эта! Теперь надо сообразить, как...

В гостиную стремительно вошла Ольга Дмитриевна. Следующая за ней София остановилась в дверях, окинула внучку взглядом и длинно присвистнула.

– Не свисти, денег не будет, – машинально бросила графиня. – Машенька, ты чудесно выглядишь! А что вы собираетесь сделать с этой розой?

– Приколоть к платью, – отозвалась Екатерина, так и эдак прикидывая, куда бы пристроить полураспустившийся бутон. – Мам, у тебя не найдется подходящей брошки?

– Конечно, найдется. Подождите.

Пять минут спустя Ольга Дмитриевна вернулась с объемистой шкатулкой в руках и начала вы-двигать и задвигать многочисленные ящички. Наконец она удовлетворенно улыбнулась:

– Думаю, это подойдет.

На ее узкой ладони лежал ажурный ромб черного серебра. Несколько гранатов вспыхивали и гасли, попадая в свет от зажженной люстры. Отстранив дочь, старшая графиня Сазонова ловко обрезала стебель розы невесть как оказавшимися в ее руках ножницами и закрепила ее сквозь шарф на корсаже.

– Ну вот ты и готова, Машенька. Степан тебя отвезет и встретит. Ступай и хорошенько

повеселись. И не беспокойся о времени: уверяю тебя, в полночь машина не превратится в тыкву!

Машина чинно опустилась у ворот посольства. Степан, ради торжественного случая надевший мундир с колодками орденов, выбрался наружу, открыл дверцу и протянул Мэри руку. Она вложила в его ладонь кончики пальцев и улыбнулась, представляя, какое зрелище наблюдают сейчас четыре гвардейца у ворот. Сначала показалась одна ножка в изящной туфельке, потом другая. Всплеск юбки, брызги света на серебристых волосах... И вот уже сеньорита, опирающаяся на руку старого слуги, стоит перед воротами, оглядываясь по сторонам. Седеющий, но все еще ослепительно черноглазый сеньор с великолепной осанкой, облаченный в старомодный фрак, с достоинством приблизился к ним. Низко поклонился:

– Сеньорита? – и перевел взгляд на вышедшего вперед Степана. Тот вытащил из-за обшлага конверт с приглашением, прибывшим вместе с розами. Мексиканец взглянул на извлеченный из конверта листок и поклонился еще ниже:

– Графиня, вы оказали нам большую честь. Прошу вас.

Она пошла по широкой аллее, чувствуя, как от звуков музыки начинает разгораться кровь. Чем ближе она подходила к широкой лестнице, ведущей ко входу в посольство, тем больше людей попадалось ей на пути. Русских и мексиканцев было примерно поровну. Должно быть, устраиваемые по пятницам фиесты пользовались немалым успехом. Знакомых лиц не было, хотя, кажется, вот этого господина, издавек поклонившегося ей, она видела на большом императорском приеме. Впрочем, отсутствие знакомых не имеет большого значения, а кроме того, вряд ли продлится долго... Ну вот, так и есть! Навстречу ей стремительно шел Хуан Вальдес. Военный атташе был сейчас так хорош, что все ее благие намерения как-то незаметно отошли на второй план. Благоустройством прилегающих к аду территорий она займется позже, а пока можно просто улыбаться. Сегодня дон Хуан не надел смокинг, и его белая, распахнутая на груди сорочка словно светилась в сгустившихся сумерках. Тонкую талию танцора и бойца охватывал широкий исчерна-красный кушак. Волосы, стянутые на приеме в хвост, вороной гривой падали на широкие плечи, на ногах были высокие мягкие сапоги. С точки зрения Мэри, сеньору Вальдесу не хватало сейчас пары пистолетов за поясом, перевязи с абордажной саблей и черной повязки на глазу. Еще вполне уместны были бы попугай на плече и золотая серьга в ухе. Впрочем, и так сойдет.

– Графиня! Я счастлив! – воскликнул он, поднося ее руку к губам. Рядом возник официант. Вальдес ловко подхватил с подноса два запотевших бокала, полных листьев мяты и тертого льда, и Мэри с удовольствием втянула ноздрями дразнящий аромат мохито.

– Идемте, идемте! Послу уже сообщили о вашем приезде, и сеньор Гомес с нетерпением ожидает знакомства с вами. С его превосходительством связался сегодня его предшественник, дон Луис Мендоса... нет-нет, я не собираюсь спрашивать вас, что и когда вы сделали для дона Луиса...

– Правильно делаете, что не собираетесь, – ехидно вставила Мэри.

– Отчего же? Я заинтригован! – комично приподнял одну бровь ее спутник, и она с удовольствием засмеялась, вспоминая эту его привычку.

– Вас это не касается, дон Хуан. Я понимаю, как странно человеку вашей профессии слышать такое, и все же примите к сведению.

– Считайте, что уже принял, – посерьезнел Вальдес. – Однако мы пришли.

У подножия лестницы, вливающейся в небольшую площадь, стояли посол и его супруга, встречающие прибывающих гостей. После представления, вычурного и официального, в ходе которого посол рассыпался в комплиментах, Хуан за локоток увлек Мэри к краю площади. Там стояли легкие столики, окруженные россыпью стульев, а у крохотных жаровен колдовали над кофе солидные пожилые мужчины.

– Танцы начнутся через несколько минут, донья Мария. Увы, сейчас я вынужден вас покинуть – как военный атташе я должен помочь его превосходительству с приемом гостей. Но, я надеюсь, первое танго – за мной?

– Можете не сомневаться в этом, дон Хуан, – лукаво улыбнулась Мэри. – Из всех

присутствующих здесь кабальеро только в вашем умении танцевать я уверена абсолютно.

– Я постараюсь оправдать вашу веру в меня, графиня, – Вальдес был почти серьезен, но только почти, и это позволяло надеяться, что вечер не будет скучным. Впрочем, как может быть скучным вечер, в программе которого есть танго? И когда десять минут спустя Хуан, на полшага опередив какого-то своего соотечественника, протянул ей руку, она с радостью окунулась в водоворот музыки, огней и ощущений.

Как и предполагала Мэри, в искусстве танго с Хуаном Вальдесом не мог сравниться никто из присутствующих. Сеньор Гомес был, бесспорно, хорош. Но он настолько явно заботился о своей репутации, что его умение танцевать растворялось в этой заботе, как сахар в кипятке. Русские гости фиесты были техничны, но и только. Мексиканцы так и рвались наговорить ей комплиментов, и это отвлекало, не давало сосредоточиться на танце. Вальдес танцевал молча, и она была благодарна ему за это. За это – и за то, что его молчание было красноречивее всяких слов. Он восхищался ею, восхищался именно как женщиной, и не скрывал этого. Если бы скрывал, возможно, все бы обошлось. Но тут, должно быть, судьба решила, что недостаточно испытывала сегодня на прочность молодую графиню Сазонову.

– Какой ужас! – отчетливо и презрительно произнес на спанике у нее за спиной грудной женский голос. – Где только Хуан ее выкопал? Да она же шире в плечах, чем любой гвардеец!

– Как, милочка, вы разве не знаете? – второй голос звенел колокольчиком. – Это незаконнорожденная дочь русского графа и какой-то авантюрист-ки. Всю сознательную жизнь служила во флоте, откуда уж тут взяться изяществу и подобающим женским формам? Между прочим, император даровал ей отцовский титул... невероятно!

– Никогда не понимала этих русских... Поверьте, мои взгляды достаточно широки, и я согласна с тем, что можно признать младенца и достойным образом его воспитать. В конце концов, невинное дитя не должно отвечать за грехи родителей. Но вам не хуже моего известно, какие нравы царят в армии. Давать имя и титул какой-то потаскухе!

Голоса отдалились, затерялись в шуме фиесты, исчезли. Мэри выверенным движением поставила на столик тонкую фарфоровую чашечку. Значит, потаскуха? Ну-ну... Дон Хуан уже шел к ней, улыбаясь одними глазами, и Мэри внезапно почувствовала, как внутри что-то лопнуло. Мексиканец моментально уловил произошедшую в ней перемену, но прежде, чем он успел что-то понять, она шагнула вперед. Шагнула, и Вальдесу оставалось только изо всех сил создавать видимость того, что в танце ведет он. А Мэри... Мэри сейчас выплескивала на него свою горечь, разочарование, гнев, боль от потери чего-то, что никогда ей не принадлежало. Ей хотелось плакать, но она не могла себе этого позволить. Эти кипящие глубоко внутри слезы делали ее движения резкими, как щелчок кнута, и ранящими, как уже пришедшая сегодня на ум абордажная сабля.

Когда она пришла в себя, оказалось, что Вальдес ведет ее по скудно освещенной дорожке. Музыка и смех были совсем рядом, но все-таки не здесь, и это было прекрасно. Поворот, еще один, еще. Крохотная беседка, один-единственный фонарь...

– Донья Мария, что случилось? – дон Хуан был встревожен не на шутку.

Она повернулась к нему, медленно, будто во сне.

– Случилось? О, ничего не случилось, сеньор Вальдес, решительно ничего. Просто я, видимо, не подхожу для той жизни, которую вынуждена сейчас вести, вот и все. Простите, боюсь, что наш последний танец не доставил вам никакого удовольствия.

– Танцевать с вами – удовольствие в любом случае, сеньорита... – начал было Вальдес, но Мэри его перебила:

– Я устала, Хуан. Я хочу обратно в армию. Там все просто, там я знала, кто я и что я, а здесь... Надень это. Сделай то. А вот этого не делай ни в коем случае. Повернись. Поклонись. Семья. Прием. Аудиенция. Внучка. Графиня. Потаскуха, – послед-нее слово она произнесла на спанике. Вальдес резко втянул в себя воздух, порываясь что-то сказать, но Мэри еще не закончила:

– Я все время что-то должна, всем и каждому! Все от меня чего-то хотят! Впрочем нет,

не все, – она вдруг усмехнулась, холодно и зло. Всплеска эмоций как не бывало. – От меня – не все. Кое-кому какого-то черта надо от моего деда, и мы оба знаем, Хуан, кого я имею в виду. Да, я помню: много музыки, много танцев и никаких разговоров. Но поговорить нам все-таки придется, потому что иначе... Хуан, кобру раздражили не вы, но имен – но вы находитесь сейчас в ее обществе. Так я вас слушаю, – она оглянулась, опустила на скамью и скрестила руки на груди. Гранаты в броши зловеще переливались в тусклом свете фонаря.

– Боже мой, графиня, как вы могли подумать... – Вальдес был сама оскорбленная невинность, но Мэри не была намерена терпеть фарс.

– Прекратите, сеньор. Прекратите немедленно. У меня нет ни сил, ни настроения играть в игры. С человеком, признающим свой интерес, можно договориться или хотя бы поговорить. С паяцем разговаривать не о чем. У вас есть шанс – единственный, заметьте! – обсудить проблему и поискать совместные пути ее решения. Не упустите его.

– Не откажите мне в любезности, донья Мария, скажите – как и когда вы догадались? – сухо поинтересовался ее собеседник, прислонясь к резному столбу.

– На императорском приеме, – Мэри мило улыбалась. – Вы подошли ко мне, но все время пытались втянуть в разговор деда. Да и тему для беседы выбрали нехарактерную для того Хуана Вальдеса, которого я знавала.

Губы мексиканца сложились в усмешку, одновременно уважительную и ироничную. Прижатая к сердцу ладонь, склоненная голова:

– Великолепно, графиня. Вы всегда отличались острым умом, но я, откровенно говоря, не думал, что однажды сам порежусь о него. И вот – наказан за самоуверенность. Поделом мне. Впрочем, я так удивился, заметив графа на приеме... и еще больше удивился, увидев там вас. Хотя это и не оправдывает меня, как профессионала, но...

– К делу, сеньор, – поторопила Мэри разговарившегося Вальдеса.

– Хорошо, к делу. Я нуждаюсь в интеллекте вашего деда, его опыте и связях. Я совершил ошибку, которую нужно исправить, иначе последствия моих необдуманных поступков выйдут боком не только моей родине, но и Империи. Если бы речь шла только о моей судьбе... Увы, действовать напрямую как официальное лицо я не могу.

– Конкретнее, – уронила Мэри.

– Несколько лет назад я пристроил Энрике Маркеса – вы помните его? – служить в нашу миссию на Кортесе. Я полагал, что конкретная ответственная работа поможет ему перестать чувствовать себя... ээ...

– Шестеркой?

– Не люблю это слово, но – да. Кроме того, и деньги там платят недурные, а для Маркеса это немаловажно, он из семьи весьма небогатой. Так или иначе, я переоценил своего протеже. Или недооценил его. Он развил на Кортесе деятельность сколь бурную, столь и непонятную как для меня, так и для всей нашей дипломатической службы. Несколько фраз, оброненных им в конфиденциальных беседах, должны были меня насторожить, но... Я упустил момент. Маркеса надо было отзывать, отзывать срочно, в крайнем случае – ликвидировать, но когда я понял, что происходит, было уже поздно. Мария, я хотел бы ошибаться, но мне кажется, что на Кортесе зреет мятеж. Устранение Маркеса сейчас только приблизит катастрофу. А ваш дед...

– Служил в обеспечении русской миссии на Кортесе, – подхватила Мэри. – В данный момент – адмирал флота, пусть и в отставке. И звание свое получил не на ковре в Адмиралтействе. Заведует кафедрой тактики. А самое главное – лично и близко знаком с князем Цинцадзе.

Вальдес возвел очи горе и с глубоким вздохом покачал головой:

– М-да... Вы напоминаете мне того персонажа старого детектива, который предполагал наличие водопада по одной капле воды. Но вы совершенно правы в ваших выводах.

– Хорошо, я вас поняла. Скажите, а кто вам в данном случае нужнее? Адмирал Сазонов или князь Цинцадзе? В принципе, не исключено, что встречу с князем вам могу организовать и я.

– Я подумаю над вашим вопросом, донья Мария.

– Подумайте. И перестаньте дразнить русскую контрразведку необдуманными действиями вроде тех, что вы предприняли на императорском приеме. Мне Зарецкий полчаса мозги полоскал по вашему поводу.

– Постараюсь не дразнить. А кстати, позвольте полюбопытствовать: кто такой полковник Зарецкий, что вы обещаете ему пообедать с ним в такой день?

– Уж не хотите ли вы устроить мне сцену, сеньор? – насмешливо прищурилась Мэри, поднимаясь на ноги. – Это совершенно не ваше дело и... – договорить она не успела.

Вальдес целовал ее так, словно его жизнь зависела от того, удастся ли ему заставить ее ответить на поцелуй. Он был нежен и жесток, жаден и бескорыстен, он брал и отдавал, требовал и молил...

– Я давно хотел сделать это. Все то время, что мы учились вместе, все то время, что мы танцевали на Санта-Марии... Хотел, но понимал, что ни к чему хорошему это не приведет ни меня, ни вас, – хрипло произнес он, то ли отпуская Мэри, то ли отталкивая ее. – Я не стану говорить, будто не знаю, что на меня нашло, и тем более не буду извиняться.

– Ну тогда скажите хотя бы, стоило ли оно того? – дрожащими губами выговорила она, пытаясь пригладить волосы.

– Стоило, – твердо ответил Вальдес. – Если вы считаете себя оскорбленной, можете свернуть мне шею сами. Или пожаловаться деду. Или князю Цинцадзе. Все, что хотите.

– Я считаю... я считаю, Хуан, что вы только что получили право задать вопрос.

– А услышать ответ? – выпрямился мексиканец, вглядываясь в ее лицо.

– Василий Зарецкий мой свояк, муж тетки. Сазоновы – большая семья, – при виде выражения его лица Мэри тихонько рассмеялась. – Хуан, ревность вам не идет, Отелло – совершенно не ваше амплуа.

– Ромео, я подозреваю, тоже, – криво ухмыльнулся Вальдес. – Для этой роли я староват. Тогда кто?

– Быть может, Бенедикт?

– Но тогда вы – Беатриче. И раз уж вы так хорошо знаете действующих лиц, то и сама пьеса вам наверняка известна. Вы помните, чем закончились насмешки, которыми эти двое осыпали друг друга?

– У вас есть платок, Хуан? – Мэри поспешила сменить тему, уж больно скользкой та становилась. – Если мы вернемся в таком виде...

– У меня есть платок, но возвращаться нам совершенно необязательно. Я сейчас прикажу передать вашему слуге, чтобы он подал машину к боковому входу.

– Ну уж нет! – окрысилась Мэри. – По моей репутации – и по чести семьи – сегодня здесь, похоже, не потоптался только ленивый. Если я просто исчезну...

– Резонно, – вздохнул Вальдес, протягивая ей платок, извлеченный из-за кушака. – Кстати, а кто из моих соотечественников... – он покачал головой при виде ее попыток привести себя в порядок, отобрал полотняный квадрат и принялся сам стирать размазавшуюся помаду, – ...кто так распустил язык, что вы пришли в ярость пополам с истерикой? Насколько я помню, даже Маркесу в свое время не удалось по-настоящему качественно вас достать.

– Понятия не имею, – пожала плечами Мэри, в свою очередь вытирая его губы. – Я не сочла нужным оборачиваться. Вам не стоит пытаться выяснить это, – поспешно добавила она, видя, как сузились глаза Хуана. – Правду сказать, вам тоже досталось – за плохой вкус и неразборчивость в знакомствах. Если вы попробуете кого-то наказать из-за меня, ваша карьера...

– А вот об этом, с вашего позволения, судить мне, – непререкаемым тоном заявил Вальдес, мгновенно превращаясь в надменного сеньора. – Вашу руку, графиня! Раз уж мы возвращаемся к гостям, я намерен получить еще одно танго!

Десять дней спустя

В приемной было очень тихо. Деревья за двумя большими окнами гнулись от ветра, но в комнату не проникало ни звука. Двое рослых гвардейцев возле высоких двустворчатых дверей стояли абсолютно неподвижно, и, казалось, даже не дышали. Мэри нетерпеливо пошевелилась на стуле, и его скрип прозвучал в тишине как раскат грома. У одного из стражей еле заметно дрогнули ресницы, и бельтайнка досадливо поморщилась. Спокойно, дорогая. Спокойно. Вполне естественно, что пока ты не приняла подданство Империи, твое присутствие на всем заседании Малого Совета невозможно. Так что жди, пока вызовут.

Словно в ответ на ее мысли дверь распахнулась, и сдержанно улыбающийся Петр Савельев произнес:

– Прошу вас, графиня.

Мэри встала, скосила глаза на висящее в простенке между окнами зеркало и едва заметно кивнула. Все в порядке. Форменная белая рубашка с коротким рукавом накрахмалена до скрипа, стрелками брюк можно бриться. Да, Степан – это нечто, как бы его переманить? Ладно, это потом.

Они встали и поклонились при ее появлении – одиннадцать мужчин, сидящих за большим овальным столом. Пустых кресел хватало, и одно из них старпом с «Александра» отодвинул для нее. Когда Мэри уселась, Константин представил ей присутствующих, заметив, что в Совет входят на данный момент двадцать три человека. Таким образом, собравшиеся здесь двенадцать его членов являются кворумом. И этот кворум единогласно утвердил графиню Сазонову в качестве кандидата.

– Мне искренне жаль, графиня, что ваше бельтайнское гражданство помешало вам присутствовать при обсуждении большинства проблем, вынесенных сегодня на Совет, – сказал он в заключение. – Вы уже решили?

– Да, ваше высочество. В тот день, когда его величество примет чрезвычайного и полномочного посла Бельтайна, мои обязательства перед родной планетой будут исполнены. И тогда я подам прошение.

– Достойный подход. Теперь о деле. Расследование покушения на Кирилла Сумского застопорилось. В частности, потому, что в настоящее время не удастся найти источник и заказчика фальшивых документов, по которым на протяжении двух лет жил на Кремле исполнитель. Наша агентура в Пространстве Лордан не смогла пока выяснить, кто их изготовил. С некоторой долей вероятности можно утверждать лишь, что клан Лима не имеет к этому отношения, но и только. Я сказал что-то смешное?

Мэри с силой потеряла пальцами непокорные губы, так и норовящие раздвинуться в ехидной улыбке.

– Прошу прощения, ваше высочество. Мне просто любопытно, сколько времени понадобилось этой вашей агентуре, чтобы – с некоторой долей вероятности, боже мой! – исключить из списка подозреваемых клан Лима.

– А сколько времени для этого понадобилось бы вам, графиня? – заинтересованно посмотрел на нее Сергей Ремизов, молодой, но весьма успешный финансист.

– Пять секунд, – невозмутимо ответила Мэри. – Клан Лима – это первоклассные игорные и публичные дома, подделка документов не их профиль. Разве что как посредники... да нет, вряд ли. Петр, – повернулась она к Савельеву, – ваши люди... они местные или выходцы из Империи? И если последнее – как долго они работают на Лордане?

Не ожидавший такого поворота разговора Савельев задумался.

– Я не спрашиваю, какая разница, – осторожно начал все тот же Ремизов. – Если вы задали вопрос, значит, она есть. Но в чем эта самая разница состоит?

– Разница состоит в том, Сергей Максимович, что на Лордане мало знать, что спросить. Надо знать, у кого и как. Вам, Петр, следует скомандовать своим людям «Замри!», пока дело не запахло жареным.

– Но если они замрут...

Мэри усмехнулась:

– Не переживайте, господа. Если информация вообще есть на Лордане, вы ее получите.

Теперь все смотрели только на нее. Краем глаза Мэри видела, как напрягся Савельев, но сейчас ее интересовала только реакция Константина. И реакция не заставила себя ждать:

– Вы полагаете, что графиня Сазонова сможет добиться в Пространстве Лордан большего, чем опытные агенты?

– Графиня Сазонова? – картинно приподняла брови Мэри. – А кто говорит о ней? Ваше высочество, помилуйте, что порядочной девушке из хорошей семьи делать в этом вертепе?! Нет, – откинулась она на спинку кресла, привольно закидывая руки за голову. Сидящий напротив Ремизов, которому, судя по всему, открывался наилучший вид, сглотнул. – На Лордан отправится... – она встала, жестом предложив мужчинам оставаться на своих местах. Отвернулась на несколько секунд, склонила голову, потом снова развернулась к лицам собравшимся, – ...отправится мисс Аманда Робинсон!

Константин и Савельев, видевшие уже запись ареста Эрика ван Хоффа, были отчасти подготовлены к тому, что произошло, но вот остальные... Исчезла графиня. Исчез подтянутый офицер. Улыбка стоящей за спинкой кресла роковой женщины была порочной ровно настолько, чтобы сердце почти любого мужчины пропустило удар. Вот она мягко, по-кошачьи, двинулась вокруг стола, собирая лежащие перед членами Совета карты, с помощью которых определялась очередность выступлений. Ремизов подтолкнул к Мэри десятку пик, то же сделали все, сидящие на его стороне стола. И к тому моменту, когда она подошла к Константину, в ее руках было одиннадцать карт. Мэри подхватила лежащего перед ним валета бубен и требовательно протянула ладонь, в которую усмехающийся великий князь вложил оставшуюся колоду. Она стасовала. Сняла сверху туза треф, продемонстрировала его присутствующим. Еще раз стасовала. Туз треф. Еще раз. Раздала карты. За столом возник и тут же стих недоуменный гул: перед каждым из собравшихся лежала та самая карта, которую прекрасная незнакомка взяла пару минут назад.

– М-да... Пожалуй, графиня, приглашать вас на партию в преферанс я не буду. Чревато, – Ремизов пришел в себя первым. Остальные натянуто рассмеялись.

– Преферанс? – промурлыкала Мэри. – Что такое преферанс?

– Вероятно, на Бельтайне его называют вистом, графиня, – внес ясность Савельев.

– Вист? Бог с вами, Петр, вист – это скучно. Только покер! – верхние пять карт развернулись на столе червовым флеш-роялем.

Миг – и все закончилось.

– Я вылетаю послезавтра, – спокойно сказала графиня Сазонова, продолжая тасовать карты. – Следу уже больше двух лет, вряд ли он успеет основательно простыть за несколько лишних дней, а мне надо подготовиться. Пространство Лордан место довольно смешное, но требующее определенного подхода.

– Вашему деду это не понравится, графиня, – задумчиво произнес Константин.

– Не понравится? Что именно? Если вы не в курсе, я собираюсь посетить систему Гете. Там, в космопорте «Гамбург-главный», держит кабак человек, которому я обязана жизнью. Надо навестить старого Вилли Шнайдера, поинтересоваться новостями, рассказать о себе... Этого требуют приличия, в конце концов!

Мужчины переглянулись. Эта осанка... этот без-укоризненный светский тон... куда делась манящая хищница?

– Вы затеваете опасную игру... И я даже не могу вам запретить.

– Нет безопасности по сию сторону могилы. И запретить мне вы действительно не можете, я не ваша подданная. Пока. Как видите, нет худа без добра.

Великий князь с силой опустил ладони на стол:

– Быть посему. Вот только... какая карта – ваша, графиня?

Она с легким поклоном подала ему колоду. Константин, не глядя, вынул карту откуда-то из середины и протянул ей. Мэри взглянула, усмехнулась и вдруг бросила глянцевый прямоугольник на стол. Он прошелестел по гладкой поверхности и остановился точно в центре.

Джокер.